

ШАРЛОТТА ЛИНК

Der Fremde Gast
НЕЗНАКОМЕЦ

В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк

Annotation

Романы Шарлотты Линк регулярно занимают первые места в списке бестселлеров еженедельника «Шпигель», главного СМИ Германии и Евросоюза, а общее число проданных книг превысило 30 миллионов.

В обычное июльское утро Ребекка Брандт, владелица прекрасного дома на побережье Прованса, решила, что пришло время свести счеты с жизнью. Лишь неожиданное появление в ее доме туристов из Германии, супругов Мариуса и Инги, удержало женщину от рокового шага. Однако во время морской прогулки на яхте Мариус исчез. Инга в отчаянии, но верит, что с супругом всё в порядке и он найдется. На это же надеется и полиция Германии: Мариус подозревается в убийстве своих приемных родителей, ужаснувшись своей жестокостью даже выдавших виды стражей порядка...

- [Шарлотта Линк](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Воскресенье, 18 июля](#)
 - [Вторник, 20 июля](#)
 - [Среда, 21 июля](#)
 - [Четверг, 22 июля](#)
 - [Пятница, 23 июля](#)
 - [Понедельник, 26 июля](#)
 - [Вторник, 27 июля](#)
 - [Среда, 28 июля](#)
 - [Четверг, 29 июля](#)
 - [Пятница, 30 июля](#)
 - [Понедельник, 2 августа](#)
 - [Пятница, 6 августа](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

o [8](#)

Шарлотта Линк

Незнакомец

Charlotte Link

DER FREMDE GAST

Original title: DER FREMDE GAST by Charlotte Link

© 2005 by Wilhelm Goldmann Verlag, München

© 2012 by Blanvalet Verlag, München a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

© Ирма Франк, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Пролог

Анонимное письмо к Сабрине Бальдини

Наступил май... Как же прекрасно зеленеет и цветет твой сад, Сабрина! Я видел тебя вчера вечером, когда ты еще сидела на улице. Где же был твой муж? Он проводит мало времени с тобой дома, не так ли? А знает ли он, собственно, что ты вовсе не та верная супруга, которую он в тебе видит? Ты покаялась ему во всех своих грехах? Или все самое важное хранишь в себе? Мне было бы интересно узнать, сможешь ли ты состариться рядом с ним и при этом сохранить в тайне свои измены?

Но как бы там ни было, ты часто бываешь одна. Уже стемнело, а ты все еще оставалась на улице. Позже ты отправилась в дом, но дверь на террасу оставила открытой. Как опрометчиво с твоей стороны, Сабрина! Разве ты никогда не слышала, что это может быть опасно? Мир полон злых людей... полон мстительных людей. Месть — это зло, но порой она бывает вполне понятной, ты не находишь? Каждый получает то, что заслужил. Этот мир можно вытерпеть только в том случае, если веришь в сбалансированную справедливость. Но порой она заставляет ждать себя слишком долго, и тогда нужно ее подстегнуть...

Ты ведь понимаешь, Сабрина, что заслужила смерть, не правда ли? Это тебе должно было быть ясно с тех самых давно прошедших дней, когда ты так ужасно спасовала. Это называют неоказанием помощи — то, что ты совершила. Или лучше сказать — не совершила... Что было тому причиной, Сабрина? Лень? Равнодушие? Ты ни с кем не хотела связываться? Чтобы не обжечь пальцы? Чтобы не стукнуться об угол? Ах, всегда одни и те же истории! Ты всегда с таким усердием выступала в защиту других... Но только до тех пор, пока это не грозило тебе неприятностями. Много слов, а за ними ничего. Это ведь так удобно — отвернуться в сторону! А если вмешаться, то ничего, кроме неприятностей, не получишь...

Но платить надо обязательно. Когда-нибудь. Всегда. Ты наверняка надеялась: "Да минует меня чаша сия", не правда ли, Сабрина? Прошло так много лет... Уже и воспоминания поблекли, а возможно, ты давно вытеснила те дни из своей памяти и постепенно привыкла думать, что тебе еще раз повезло. Что не пришлось заплатить...

Ты действительно так думала? Я считал тебя более умной. И более опытной.

А теперь срок подошел. Когда-то он должен был наступить, и я полагаю, что дальше уже не стоит ждать. Что касается меня, мне все ясно. Приговор тебе вынесен, и очень скоро я приведу его в исполнение. В отношении тебя и Ребекки. Она несет такую же вину, как и ты, и было бы несправедливо, если б тебе одной пришлось подставлять свою голову.

Для каждой из вас я найду достаточно времени. Это будет непросто, но произойдет без большой шумихи. Вы будете терпеть мучения. У вас будет тяжелая смерть. Она будет тянуться достаточно долго, чтобы у вас была возможность как следует поразмыслить о себе и о вашей жизни.

Ты уже с нетерпением ждешь встречи со мной, Сабрина? Тебе так не терпится, что вечерами ты уже не можешь подолгу сидеть в своем красивом саду? Что ты теперь будешь внимательно следить за тем, чтобы дверь на террасу была всегда закрыта? Что ты станешь осторожно оглядываться налево и направо всякий раз, когда покидаешь свой дом? Что ты будешь вздрагивать, когда позвонят в дверь? Что по ночам, лежа в постели, ты не сможешь сомкнуть глаз, когда твоего мужа в очередной раз не окажется дома, а ты со страхом будешь вслушиваться в темноту и спрашивать себя снова и снова, действительно ли ты закрыла все двери. Или будешь всегда оставлять свет включенным, потому что ты уже не переносишь всю эту черноту вокруг себя? Но ты ведь знаешь, что и это не защитит тебя, не так ли? Я приду именно тогда, когда наметил это себе. Ты не сможешь защититься.

А вообще, ты и сама об этом знаешь.

Я скоро снова дам о себе знать, Сабрина. Как приятно понимать, что все это время ты будешь день и ночь думать обо мне... И что твой вид будет становиться все более жалким и серым... Мне доставляет удовольствие наблюдать за этим.

Я с тобой.

Воскресенье, 18 июля

Ей снилось, что в дверь ее дома звонит маленький мальчик. Она шуганула его, как делала со всеми непрошеными гостями, желавшими что-то от нее получить. Эти попрошайнические налеты всегда были ей как бельмо на глазу: она чувствовала себя обремененной и принужденной, когда внезапно кто-то появлялся на ее участке и протягивал руку. В большинстве случаев речь шла, конечно, о пожертвованиях на добрые дела, но кто же может знать, насколько честны эти люди? И даже если они трясли своими удостоверениями, которые подтверждали их уполномоченность на сборы от имени благотворительных обществ, быстро определить, фальшивка ли это, хорошо или плохо сделанная, все равно невозможно. Особенно когда тебе шестьдесят семь лет и у тебя проблемы с глазами.

Стоило ей закрыть перед мальчиком дверь, как кто-то вновь позвонил в звонок.

Она резко приподнялась в постели, сбитая с толку, потому что второй приснившийся ей сон вернул ее в явь. Картина, увиденная во сне, все еще стояла у нее перед глазами: остренькое, бледное, почти прозрачное лицо мальчика с огромными глазами. Он просил не денег, он просил поесть.

— Я так сильно хочу есть, — сказал он тихо и в то же время почти обвинительно.

Она захлопнула дверь с возмущением и страхом из-за того, что ей пришлось столкнуться с такой стороной жизни, которую ей не хотелось бы видеть. Она отвернулась и попыталась забыть эту картину, но в этот момент в дверь снова позвонили, и она подумала: "Это опять он?"

Почему она сейчас проснулась? Был ли второй звонок на самом деле? Подобные звуки частенько "просачиваются в сны", и обычно это даже приятно. Это мог быть просто-напросто будильник, но у нее дома его не было. В конце концов, они уже больше не работали, а просыпались рано утром сами.

Было очень темно, но через щели жалюзи внутрь проникало немного света от уличных фонарей. Она могла видеть рядом с собой спящего мужа. Тот, как всегда, лежал совершенно неподвижно, а его дыхание было таким равномерным и тихим, что нужно было с очень большим напряжением прислушаться, дабы убедиться, что он вообще еще дышит. Она уже читала о том, как пожилые пары вечером вместе засыпали, а утром один из них

просыпался, а второй уже мертв. И она тогда подумала: если Фред помрет таким образом, то пройдет довольно много времени, пока она поймет, что произошло.

Ее сердце стучало резко и быстро. Бросив взгляд на электронные часы, на которых цифры светились светло-зеленым цветом, она отметила, что сейчас около двух часов ночи. Неподходящее время, чтобы просыпаться. В этот час люди так беззащитны... Во всяком случае, она чувствовала себя именно так. У нее все чаще возникало чувство, что если с ней когда-нибудь случится что-то ужасное — например, если она умрет, — то это обязательно произойдет ночью в промежутке от двух до четырех часов.

"Тяжелый сон, — сказала она себе, — и не более того. Ты можешь спокойно спать дальше".

Она опустила голову обратно на подушку, и в этот момент снова раздался звонок. И тут она поняла, что это был не сон.

Кто-то звонил ей в дверь в два часа ночи.

Она снова села и прислушалась к своему собственному лихорадочному дыханию в угнетающей тишине, последовавшей за этим резким звонком.

"Это совершенно безопасно, — подумала она, — я и не обязана открывать".

Ничего хорошего это означать не могло. Даже торговцы вразнос не звонят в это время. Тот, кто внезапно будит людей среди ночи, либо имеет злые помыслы, либо попал в тяжелую ситуацию. И пожалуй, последнее было более вероятным. Взломщик, грабитель или убийца ведь не станет звонить?

Она включила свет и наклонилась над своим спящим мужем. Тот вообще ничего не мог слышать, потому что заткнул уши "Оропаксом"^[1]. Фред был столь чувствителен к звукам, что даже шорох ветра в деревьях перед спальней уже тревожил его. Или скрип половицы, или завядший листок от комнатных растений, что оторвался и скользнул на пол... От всего этого Фред просыпался, и это являлось для него самой большой неприятностью. То, что он вынужден был проснуться, когда уже решил спать, приводило его в неимоверную ярость, и это портило ему настроение на несколько дней. Поэтому в один прекрасный день он начал применять "Оропакс". А его жена с облегчением вздохнула.

Из-за этого она теперь медлила, не решаясь будить мужа. Он мог так рассердиться на нее, что потом перестал бы разговаривать с ней почти на целую неделю. По крайней мере, так будет в том случае, если позже он посчитает, что вырывать его из сна не требовалось. Но если выяснится, что

лучше было бы все же разбудить его, а она этого не сделала, ее ожидает тот же исход. Она была уже сорок три года замужем за этим мужчиной, и вся ее жизнь с ним состояла, по большей части, из таких моментов: разрываться между двумя возможностями, нервно взвешивая, какой путь окажется правильным, и всегда придерживаться наиглавнейшего правила — не провоцировать его ярость. Жизнь с ним была очень и очень непростой.

Звонок раздался в третий раз; теперь он был более длинным, требовательным и настойчивым. Это происшествие не могло обойтись без жертв с ее стороны, и она потрясла мужа за плечи.

— Фред! — прошептала женщина, хотя он не мог ее услышать. — Просыпайся! Пожалуйста, просыпайся! Кто-то у двери в дом!

Фред, ворча, неохотно повернулся на бок, а затем неожиданно и молниеносно полностью пробудился и, выпрямившись, сел в постели. И уставился на свою жену.

— Что, черт побери... — начал он.

— Кто-то у двери!

Фред мог видеть только движение ее губ. Он неохотно выдернул свои затычки из ушей.

— Что случилось? Как ты смеешь будить меня?

— Кто-то звонит в дверь. Уже в третий раз.

Муж все еще таращился на нее, словно она была ненормальной.

— Что это значит? Кто-то звонит в дверь? В это время?

— Я тоже обеспокоена. — Она надеялась, что звонок раздастся снова, потому что заметила, что Фред ей не верит, но пока все было тихо.

— Тебе приснилось. И из-за какого-то дурацкого сна ты считаешь, что должна разбудить меня? — Глаза мужчины зло сверкнули; его белые волосы на голове торчали во все стороны.

"Ворчливый старик в дурном настроении, — подумала она, — уже давно мне несимпатичный. Может быть, я проживу еще двадцать лет. Если он не помрет раньше меня, то получится, что я прожила с ним шестьдесят три года. Шестьдесят три!"

Эта мысль вдруг так огорчила ее, что ей захотелось плакать.

— Грета, если ты еще раз... — начал Фред в полной ярости, но в этот момент в дверь вновь позвонили, и на этот раз еще дольше и непрерывнее, чем прежде.

— Видишь! — воскликнула женщина почти с триумфом. — Кто-то у двери!

— Действительно, — озадаченно произнес ее муж. — Но сейчас... сейчас два часа ночи!

— Я знаю. Но взломщик...

— ...едва ли станет звонить в дверь. Хотя теоретически это был бы его единственный шанс попасть к нам в дом!

Это действительно было так. Четыре года назад, когда они купили этот дом и въехали в него, Фред приложил много стараний и времени, чтобы превратить его в крепость. Это был их приют в старости, как он его называл. Спокойный район на окраине Мюнхена — скорее зажиточный квартал. Раньше они тоже жили в Мюнхене, правда, совсем в другом конце, но тоже в так называемом приличном районе. Однако тогда они были моложе. С возрастом у Фреда появилась настоящая паранойя в отношении взломщиков, так что со временем на всех окнах первого этажа появились решетки, а на жалюзи во всем доме были замки с предохранителями. И конечно же, на крыше была установлена сигнализация.

— Может быть, нам просто проигнорировать звонки? — предложила Грета.

— Проигнорировать кого-то, кто преднамеренно будит нас? — Фред спустил ноги на пол. Для своего возраста он был еще довольно гибким и двигался более-менее легко. Правда, в последнее время очень сильно похудел; его пижама в черно-синюю полоску болталась на нем, как пустой мешок. — Я позвоню в полицию!

— Но ты не можешь этого сделать! Может быть, это кто-то из соседей, кому нужна помощь! Или это... — Женщина не договорила.

Ее супруг знал, кого она имела в виду.

— Почему он должен прийти к нам в случае чего? Он уже целую вечность не показывался, — возразил Фред.

— Тем не менее это может быть он. Нам следует... — По-хорошему говоря, Грета пребывала в совершенной нерешительности: эта задача была ей не по плечу. — Нам нужно что-то делать!

— Я же говорю! Вызвать полицию!

— А если окажется, что это действительно только... он?

"Почему у меня всегда такой страх, — подумала она, — даже просто имя его назвать в присутствии Фреда?"

Мужчине надоела вся эта суета.

— Я вначале просто гляну, — сказал он решительно и покинул комнату.

Его жена слышала шаги на лестнице, а затем до нее донесся голос — муж был уже внизу, в прихожей.

— Хэлло? Да кто там?

Позже, когда у нее уже не было возможности поговорить об этом с

Фредом и когда она поняла, что ей предстоит прожить не двадцать лет, а лишь часы или в лучшем случае дни, она спросила себя: какой же ответ получил ее муж с той стороны двери, что он так быстро и с готовностью распахнул ее? Она слышала, как были открыты различные предохранительные запоры, а потом до нее донесся глухой удар, который она не смогла объяснить себе, но который заставил ее насторожиться. На руках у нее торчком поднялись мелкие волосики. Сердце не переставало бешено колотиться.

— Фред? — испуганно позвала она.

Что-то внизу с грохотом упало на пол. А затем Грета услышала голос мужа:

— Вызови полицию! Немедленно вызови полицию! Быстрее! Поторопись!

Это был неверный совет. На втором этаже дома телефона не было. Она могла бы еще успеть добраться до своей комнаты, захлопнуть ее и запереть, а потом открыть окно, высунуться в ночь и кричать о помощи. Если б он приказал ей поступить так... Но муж велел вызвать полицию, поэтому она опрометью вскочила с постели и, дрожа всем телом, как осиновый листок, натянула халат и поспешила к лестнице. Послушная жена до последнего. Он сказал вызвать полицию. Телефон находился в зале. У Фреда, кроме того, был еще мобильник, но где он лежал, она не знала.

И только когда она уже находилась на лестнице, до нее дошло, что она совершила роковую ошибку.

Однако было уже поздно.

Вторник, 20 июля

В половине пятого утра Карен оставила попытки еще немного поспать и решила, что будет лучше встать и заняться чем-нибудь полезным, чем еще дольше крутиться в постели и в конечном итоге почувствовать себя совершенно разбитой.

"Но что значит "полезное", — подумала она, — что *в моей жизни* еще является полезным?"

Вольф, ее муж, еще спал — он совсем не замечал бессонницы своей жены. Впрочем, это было к лучшему, потому что он отреагировал бы на нее либо с насмешкой, либо с упреками, причем и то, и другое привело бы к тому, что Карен разрыдалась бы — в очередной раз. Наверняка он заявил бы ей, что она слишком рано отправилась вечером спать, а поэтому и утром неизбежно проснулась слишком рано, и теперь будет сводить всех с ума причитаниями о своей бессоннице...

Может быть, он и прав. В конце концов, то, что он говорил, звучало логично. И, к сожалению, все попытки донести до него иную точку зрения имели мало смысла. Для Вольфа существовало лишь одно мнение — его собственное, и на этом баста. Карен сама знала, что слишком рано ложилась спать вечером, но она была такой изможденной, такой обессиленной, что у нее просто закрывались глаза, что бы она ни делала. Женщина заползала в свою постель, как больная, у которой не оставалось никаких сил, и совершенно без перехода впадала в похожий на наркоз сон, из которого выныривала около половины четвертого утра, также без перехода, после чего продолжала бодрствовать, терзаемая тревожными мыслями о своем будущем и о будущем своей семьи...

Карен натянула джинсы и футболку, надела кроссовки и потихоньку выскользнула из спальни. Она читала в какой-то книге, что движения на свежем воздухе якобы очень хорошо помогают при депрессиях. И хотя точно не знала, страдает ли она депрессией, некоторые симптомы, описанные в книге, у нее, без сомнения, были.

Из детских комнат не доносилось ни звука. Очевидно, ей посчастливилось не разбудить никого из семьи.

Когда женщина спустилась по ступенькам, их собака — боксер по кличке Кенцо — уже стояла в прихожей и нетерпеливо махала своим коротким хвостом. Несмотря на то что он спал в зале — на данный момент его любимым спальным местом был диван, — от него, конечно, не

ускользнуло, что хозяйка встала и оделась. Кроме того, пес тут же совершенно правильно понял, для чего ей кроссовки: все говорило о ранней утренней прогулке. Кенцо с восторгом продемонстрировал несколько прыжков вверх, после чего подошел к входной двери и в нетерпеливом ожидании посмотрел на Карен.

— Да иду уже, — шепнула она ему, взяв ошейник и поводок. — Но веди себя тихо!

Разгар лета... Утро было уже достаточно светлым, но воздух еще оставался прохладным, хотя был приятным и освежающим. День выдастся солнечным и жарким. На траве блестела роса. Карен глубоко вдохнула чистый воздух.

"Как все мирно, — подумала она. — Как тихо... Все еще спит. Такое впечатление, что Кенцо и я — единственные живые существа на этом свете".

Она решила пойти в лес напротив и сделать там большой круг. Осталось пройти еще через пару улиц их района, и они окажутся среди деревьев. Близость к лесу — прежде всего, ради собаки — была одной из причин, почему они с Вольфом решили остановить свой выбор на этом доме на городской окраине Мюнхена.

* * *

С тех пор как они въехали в новый дом, Карен стала чувствовать себя хуже. Она уже и раньше страдала от всевозможных проблем и забот, хотя никогда не могла точно сказать, какого рода были эти трудности. Одна ее подруга предположила, что она несчастлива в браке, но Карен это опровергла. Очень энергично опровергла. Они с Вольфом знали друг друга в течение пятнадцати лет, из которых одиннадцать были женаты, и имели двух здоровых, симпатичных детей. Если не считать вполне нормальные ссоры, которые неизбежны между двумя взрослыми людьми, проживающими под одной крышей, у супругов все было в порядке. Может быть, у них не очень много времени друг для друга, потому что Вольф делал карьеру в банке, где работал с момента окончания учебы в вузе, и редко бывал дома. Карен же оставила свою работу ассистентом зубного врача, когда родился второй ребенок, и оба они посчитали это разумным решением.

— Я зарабатываю достаточно денег, — сказал Вольф, — а ты сможешь полностью заняться детьми, и тебе не придется постоянно быть загнанной.

Порой Карен подозревала, что ее муж не имел ни малейшего понятия, как сильно один только уход за двумя детьми мог выматывать сидящего с ними родителя. А ведь еще нужно содержать в порядке дом, ухаживать за садом, выгуливать Кенцо, делать всевозможные покупки, стирать белье и гладить рубашки Вольфа... И все это было жизнью, полной стресса, за который ей никто даже каплей признания не платил. Порой женщина подспудно предполагала, что именно такая жизнь, возможно, приближала ее к пику нервозности и меланхолии. С другой стороны, если верить письмам читательниц в женском журнале, едва ли у любой домохозяйки все было иначе. Почему Карен так цеплялась за это заезженное клише и соглашалась с коллективным причитанием представительниц женского пола, вместо того чтобы увидеть положительные стороны в своей жизни? Здоровых детей, добрую собаку, идущую в гору карьеру своего мужа, красивый дом...

Да, в этом красивом, новом доме они живут уже три месяца, и когда Карен пыталась выявить причину своего все ухудшающегося мрачного настроения, ей время от времени приходили мысли, что она, возможно, не смогла осилить переезд, новое окружение и новых соседей. Было совершенно очевидно, что симптомы ее недомогания стали намного отчетливее. Бессонница сделалась более мучительной, причем, как это ни парадоксально, усталость тоже усилилась. Каждый час растягивался до бесконечной пустоты, и Карен часто была не в состоянии заполнить тикающие минуты чем-то полезным, хотя дел у нее было достаточно. Порой она сидела, уставившись в окно, на цветущий сад, на диване с длиннющим списком для закупок в одной руке и с кошельком в другой, и не могла найти в себе силы подняться и отправиться в супермаркет.

Была ли она одинока? Была ли она настолько одинока в семье из четырех человек, что вся ее жизненная энергия медленно, но непрерывно утекала из ее души и просачивалась куда-то, где она уже не могла ее найти?

Неделю спустя после переезда в новый дом Карен собрала в себе все силы и навестила соседей, в надежде завести здесь, по возможности, несколько приятных контактов. Но эти визиты оказали на нее удручающее воздействие. Женщина, жившая с одной стороны, была слишком старой и озлобленной: она обошлась с Карен очень грубо и неприветливо, так, словно та лично была виновата в какой-то неудаче в ее жизни. С другой стороны проживала тоже уже довольно пожилая супружеская пара. Эти двое не понравились Карен — во всяком случае, она не могла себе даже представить, как начать с ними дружеские отношения. Он любил послушать себя самого и беспрестанно хвастался своими достижениями по

работе в те времена, когда он был самым востребованным адвокатом — если верить его словам — и мог похвастаться сенсационными успехами. А его жена почти ничего не говорила, однако постоянно пристально смотрела на Карен уголками глаз — так, что у той появилось неприятное чувство: как только она покинет их дом, хозяйка беспощадно пройдет по ней. Гостья сидела на безвкусном парчовом диване, чувствуя себя разбитой и утомленной депрессией (как и в большинстве случаев), пригубляя коньяк и пытаясь в нужном месте восторженно улыбаться или произносить изумленное "о!". И страстно желала вернуться за надежные стены своего дома.

— Мне они кажутся неприятными, — сказала она вечером своему мужу. — Он полон самоуверенности, а она рта не раскроет и переполнена агрессией. Я чувствовала себя совершенно некомфортно.

Вольф засмеялся, и его супруга посчитала, как это часто бывало, что в его смехе сквозит что-то высокомерное.

— Ты действительно очень поспешна в своих оценках, Карен. По-моему, ты была там около получаса? И уже можешь так точно охарактеризовать этих совершенно незнакомых людей? Я могу сказать лишь одно — снимаю перед тобой шляпу!

Конечно же, он подтрунивал над ней, но почему же ее это так сильно задевало? Ведь раньше так не было! Что сделало ее такой ранимой? Или же его насмешки стали более злыми? Или же верно было все вместе взятое и одно следовало из другого? Вольф стал более колючим, это сделало ее более чувствительной, а ее чувствительность, в свою очередь, провоцировала его на то, чтобы обходиться с ней более жестко. Возможно, любящему мужу не следовало вести себя так, но человеческая натура следует своим собственным законам...

А новые соседи, по крайней мере, вовсе не стоили того, чтобы из-за них еще и ссориться.

Новые соседи...

Кенцо обнаружил на асфальте интересный след и заметно ускорился. Карен пришлось уже почти бежать трусцой, чтобы поспевать за ним. Она пришла к выводу, что такой бег на длинную дистанцию ранним утром намного лучше, чем ворочаться в постели, но ей, к сожалению, все же не удавалось прогнать из головы неприятные мысли. Так, например, вовсе не хотелось думать о своих соседях, а теперь именно воспоминания о них вновь прокрались к ней в голову. Потому что из-за них у нее уже несколько дней были проблемы, а *иметь проблемы* для нее означало непрерывно искать решения, чувствовать себя все хуже, не находя их, действовать

своим нытьем на нервы окружающим. Во всяком случае, так описал это Вольф в своей продолжительной лекции, которую он на днях прочитал ей.

Проблема с соседями заключалась в том, что Карен в течение двух дней не могла застать их дома. А ей очень нужно было увидаться с ними, поскольку она хотела попросить их немного позаботиться о своем саде и прежде всего о своей почте — они с Вольфом и детьми собирались улететь на две недели в Турцию. Теперь уже оставалось всего полторы недели до начала школьных каникул, а спустя еще неделю они должны были отправиться в путь. Карен уже договорилась, что Кенцо побудет это время у ее матери, но она также считала важным своевременно уладить и все остальные вопросы. Вчера и позавчера она звонила соседям утром, в обед и вечером, но не обнаружила в их домах никаких признаков жизни. А что ей показалось особенно странным, так это то, что в воскресенье жалюзи на некоторых их окнах были то опущены, то подняты, хотя в целом все выглядело так, словно в доме никого не было.

— Я могла бы поклясться, что они дома, — сказала Карен мужу, — но в саду я их больше не видела, и никто мне не открывает!

Вольф слегка скривился, как бывало всегда, когда жена обременяла его проблемами, которые, как он считал, ей стоило бы решать самой.

— Так, значит, они, должно быть, уехали! Такое бывает...

— Но жалюзи...

— Вероятно, у них установлена автоматическая система безопасности. Она сама ими управляет. Дабы никто не заметил, что в доме никого нет.

— Но вчера ночью...

В ночь с воскресенья на понедельник Карен стала очевидцем странного наблюдения. Она опять, уже в который раз, не могла заснуть и отправилась в ванную, чтобы выпить стакан воды. При этом посмотрела в окно и увидела, что в некоторых комнатах соседнего дома горит свет. Женщина с облегчением подумала, что соседи, где бы они ни были, теперь, вероятно, вернулись домой, но на следующий день картина опять повторилась: никто не отреагировал на ее звонок.

— Ну так, значит, включение и выключение света тоже относятся к этой системе безопасности, — с раздражением сказал Вольф, когда она рассказала ему об этом. — Боже мой, Карен, не устраивай здесь цирк! До нашего отъезда еще больше двух недель; до этого времени они десять раз появятся! И кроме того, разве он еще в субботу не говорил с тобой по телефону?

Это было верно. Сосед тогда позвонил и пожаловался, что Карен неудачно припарковала свою машину перед гаражом и что якобы тот

частично заблокирован. Она тогда убрала машину и затем, плача, ушла в свою спальню; у нее было такое ощущение, что с ней обошлись недружелюбно и зло.

— Почему ты тогда сразу не спросила насчет каникул? — поинтересовался Вольф.

— Потому что он был таким неприветливым, и я...

— Потому что он был таким неприветливым! Ты вообще-то замечаешь, что со временем начинаешь придерживаться подобного мнения уже обо всех, с кем тебе приходится иметь дело? Все обращаются с тобой неприветливо! Никто тебя не любит! Почему ты, например, сейчас просто не спросишь эту старуху с другой стороны от нас, сможет ли та позаботиться о нашей почте? Я могу тебе сказать, почему: потому во время твоего ознакомительного визита она была *очень неприветлива* с тобой! — Вольф сделал акцент на своих последних словах. — Карен, ты ходишь с такой миной, словно ты вечно заплаканная жертвенная овечка, и может быть, как раз это провоцирует людей плохо с тобой обращаться!

Может ли быть, что он прав?

...Карен с Кенцо свернули на улицу, в конце которой можно было через небольшую лужайку пройти в лес. Пес остановился около одной садовой изгороди и заинтересованно принялся, и это предоставило его хозяйке возможность сделать короткую передышку. Несмотря на то что пробежка хорошо подействовала на нее, она опять вернулась к своим мучительным копаниям в мыслях, которые почти все приводили ее к обесценивающему мнению о себе. Могло ли быть такое, что ее положение "я — жертва" не является случайным? Вела ли она себя таким образом, что провоцировала других плохо обращаться с ней?

Раболепная, пугливая, зависимая от мнения других, не уверенная в себе...

"Вольф бы сейчас сказал: измени себя, — подумала женщина. — Имеет ли он понятие, как это тяжело — вытаскивать саму себя за волосы из болота?"

Нет, такой мужчина, как Вольф, даже близко не мог представить себе те заботы и нужды, в которых Карен барахталась практически постоянно. Он просто шел своим путем, непоколебимо и прямолинейно, не задавая себе вопросов. Ему незнакомо это состояние, когда человек постоянно недоволен собой. И это, к сожалению, действительно замкнутый круг: она критиковала сама себя, поэтому и люди вокруг нее делали то же самое, что, в свою очередь, подтверждало ее плохое мнение о себе. Куда же должен привести этот путь в конце концов?

"Уж наверняка не к сильной, независимой и уверенной в себе женщине, — обреченно подумала она. — Скорее к такой, которая становится все более запуганной и психически неустойчивой, которая всего и всех боится".

Кенцо мог уже разглядеть перед собой лесную дорожку и резко дергал за поводок. Карен отпустила его, и пес радостно помчался рысцой. Потом он все же остановился за несколько метров до небольшой тропинки через поле и поднял свою лапу у заднего колеса припаркованной машины.

"О, черт побери, — подумала Карен, — надеюсь, никто этого не заметил! Боже, неужели он не мог подождать эти десять метров?!"

Она виновато огляделась, радуясь, что в этот ранний час еще никто не проснулся. Кенцо, конечно же, выбрал самую представительную машину из всех, что здесь стояли: темно-синюю ухоженную "БМВ". И тут, к ужасу Карен, внезапно открылась водительская дверца, и из машины вышел мужчина. Очень солидно выглядевший мужчина, в костюме и галстуке. Он выглядел невероятно рассерженным.

— Что, черт побери, позволяет себе ваша собака? — набросился он на Карен.

Она тут же подозвала Кенцо к себе и снова взяла его за поводок, чтобы он к тому же не поприветствовал незнакомца радостным лаем и не испортил бы его костюм. Лучше б она отпустила его только на окраине леса! Но кто мог знать, что он внезапно перепутает машину со стволом дерева? И что кто-то еще и окажется в ней ни свет ни заря?

"Что там делал этот мужчина в такой час?" — с тоской подумала Карен. Но, в принципе, это было не важно. Во всяком случае, он был по-настоящему рассержен на нее, и она опять начала дрожать, потому что кто-то — она буквально могла слышать самодовольный голос Вольфа — "*неприветлив*" с ней.

— Мне... мне очень жаль, — запинаясь, промолвила Карен. Она знала, что попеременно то краснеет, то бледнеет — как школьница, а не как взрослая женщина тридцати пяти лет. — Он... он еще никогда этого не делал... и я не понимаю, как...

Мужчина угрожающе сверкнул на нее глазами.

— Ну, я тоже этого не понимаю! Если не знаешь, как правильно воспитывать свою собаку, то следует завести морскую свинку!

— Говорю же, он еще никогда...

— Еще никогда! Еще никогда! На это я ничего не могу себе купить. Какое мне дело, что ваша собака якобы *еще никогда* так не делала? *Мою* машину она, во всяком случае, отвратительнейшим образом испоганила!

Карен вспомнилось: однажды она где-то прочитала, что мужчины рассматривают свою машину как частицу себя самого, в какой-то степени как удлинение своего самого важного органа, и если посмотреть на это с такой стороны, то Кенцо просто написал на эрекцию незнакомца... Не удивительно, что у этого типа сдали нервы.

— Если он что-то повредил... у нас есть страховой полис на этот счет, и я с удовольствием возмещу... — Если б она хотя бы не мямлила так! Если б у нее не наворачивались снова слезы...

Мужчина рассерженно пнул ногой колесо, жестоко пострадавшее от собаки, пробурчал что-то непонятное — похожее на "дура!" — снова сел в машину и с грохотом захлопнул за собой дверцу. Карен пошла дальше по дороге, чувствуя на себе его буквально сверлящий насквозь злой взгляд. По этой дороге она могла наконец достичь тропинки, ведущей через поле, и метров через сто скрыться под надежной защитой леса. Ее глаза горели.

Нет никакой причины, чтобы реветь, успокаивала она себя, но знала, что через несколько мгновений будет, всхлипывая, выть как собака. Ее руки тряслись, а коленки подгибались. Что с ней стряслось? Почему она ревет из-за каждой ерунды? И почему именно с ней все время происходят подобные вещи? Сосед, который накричал на нее, потому что она неудачно припарковала свою машину... Посторонний мужчина, который обозвал ее *дурой*, потому что ее собака обгадила его машину... Или же все совсем иначе? Может быть, с другими людьми тоже происходят такие вещи, но они лучше подготовлены к этому?

"У других есть чувство собственного достоинства, — подумала Карен, когда первые слезы уже катились по ее щекам, — и поэтому их не потрясает до глубины души, когда с ними обращаются пренебрежительно. Это скатывается с них как с гуся вода".

Но она никогда не сможет справиться с этим. Никогда. И это безнадежно.

Женщина присела на корточки, съездившись, обхватила обеими руками Кенцо, уткнулась носом в его немного колючую темно-коричневую шерсть с родным запахом и заплакала. Она опять пролила целые ручьи слез и была благодарна Кенцо за его теплое упругое тело, прижавшись к которому, получила хоть немного утешения и поддержки.

А Вольф лишь закатит глаза, когда она потом будет сидеть за завтраком. А дети будут смущенно смотреть в сторону.

Как жена и мать, Карен, несомненно, находилась на пути к катастрофе.

Инга неуклюже шагала позади Мариуса по знойной деревенской дороге и уже не в первый раз с тех пор, что они были вместе — в том числе и в течение двух лет брака, — находила, что он обращается с ней просто бесцеремонно. И также не в первый раз напрашивалась мысль о том, что она все же останется с ним, потому что Инга какой-то жилкой своего благоразумного, оседлого существа любила хаотические безумства, типичные для него; безумства, благодаря которым она снова и снова попадала в ситуации, подобные нынешней. Просто-напросто Мариус был бесцеремонен не только с ней, но и с самим собой; эта бесцеремонность вытекала из его полнейшей неспособности планировать и обдумывать какие-то вещи, взвешивать риск и при необходимости отказываться от *великолепного плана*, потому что его недостатки преобладали над преимуществами.

"И в конечном итоге, — подумала она, колеблясь между злостью и разочарованием, — бредешь при почти сорокаградусной жаре по какой-то пыльной деревенской дороге, где нет тени, где-то на юге Франции и не знаешь, что лучше: жить или умереть! Чертовски типично для этого мужчины!"

Инга остановилась и вытерла пот со лба. На ней была футболка без рукавов, прилипшая к ее телу, как мокрая тряпка, и помятые шорты, которые она с удовольствием сорвала бы с себя, потому что ей было слишком жарко в них. Она с удовольствием маршировала бы дальше вообще в одном лишь купальнике, но, хотя и была близка к тому, что вот-вот издохнет, в этом пункте в ней все же еще преобладало чувство стыда. Впрочем, сейчас Инга вполне могла представить себе, что в самое ближайшее время будет стоять нагишом и ей будет наплевать на то, что подумают люди.

— Можно мне еще глоток воды? — спросила она. Прошло, может быть, всего минут десять, как она последний раз пила, но ее язык снова прилип к пересохшему небу, а в глазах рябило.

"Здесь, на этой дороге, наверное, не сорок, а все пятьдесят градусов", — подумала она.

Мариус обернулся. Он, как и Инга, тащил на спине снаряжение для кемпинга, но предложил взять на себя дополнительно еще и провиант. Причем от еды осталось не так уж и много, так что и в этом отношении они до крайности прогорели.

— У нас почти ничего не осталось попить, — сказал он. — Может быть, еще немного подождать до следующего глотка?

— Но мне нужно немного попить. Кажется, иначе я не смогу пройти дальше ни единого шага!

Мариус дал огромному рюкзаку соскользнуть на землю, открыл боковой карман и достал пластиковую бутылку с водой. Та была полна всего лишь на четверть. Тем не менее Инга жадно схватила ее и приложила к губам; сейчас она готова была отдать целое состояние, чтобы можно было выпить всю оставшуюся воду. Но по совести ей, конечно, нужно было оставить половину Мариусу. Ей стоило немалых физических усилий, чтобы заставить себя отдать ему бутылку с теплым содержимым.

— Возьми. Это тебе.

Ее муж выпил остаток воды и швырнул пустую бутылку на заросший участок земли по правую сторону. В обычное время Инга, как защитница окружающей среды, запротестовала бы, но в данный момент у нее не было на это сил.

— Так, — сказал Мариус, — ну, вот и всё. Теперь у нас больше нет воды.

— Но должен же быть где-то здесь какой-нибудь магазин. Ведь люди в этом дерьмовом захолустье тоже покупают продукты!

Инга огляделась вокруг. Безлюдная деревенская дорога. Дома справа и слева с закрытыми оконными ставнями. Мертвая тишина. Разумеется, в такую жару в обеденное время никто не показывался на улице. Только два сумасшедших туриста с палаткой для кемпинга могли додуматься до такого, чтобы медленно ползти вдоль дороги с риском получить солнечный удар.

— Наверняка здесь есть магазин, — согласился Мариус, — вероятно, где-то в глубине деревни. Но явно не здесь, у дороги.

— У меня нет сил, чтобы сейчас еще и обходить деревню. — Инга спустила свой рюкзак с плеч и села на него; ее ноги слегка дрожали. — Может быть, нам позвонить в какой-нибудь дом и попросить немного воды?

— Хм, — произнес ее муж и тоже огляделся вокруг, словно за это время здесь могло откуда-то появиться человеческое существо. Но кругом было по-прежнему тихо — не было даже ни малейшего дуновения ветра на

улице.

Инга была близка к тому, чтобы разразиться слезами. Ей не надо было останавливаться. Не надо было пить. А уж садиться — тем более. Потому что теперь ее охватило такое чувство, что она ни за что на свете не сможет больше встать и идти дальше.

— Ах, Мариус, почему... я хочу сказать, как мы вообще могли в июле отправиться на перекладных к Средиземному морю?! — простонала женщина.

В принципе, она и сама с легкостью ответила бы на свой вопрос: потому что у ее супруга в очередной раз появилась сногшибательная идея, и потому что — как и в большинстве случаев — в конце оказалось, что все не так просто, как он себе это представлял. Однако — что тоже было типично — это никоим образом не повлияло на него, чтобы он отказался от своего плана.

— Инга, потрясающие новости! — радостно выпалил он ей по телефону. Сама она на время своих семестровых каникул принимала участие в двухнедельной практике в Берлине в рамках учебы на историческом факультете, а Мариус в это время оставался один дома в Мюнхене. И они, разумеется, каждый вечер общались по телефону.

— Я могу достать машину! Один знакомый одолжит мне свою. Я подумал, что мы можем поехать на ней к Средиземному морю, когда ты вернешься, и прекрасно проведем время! — заявил Мариус.

— А кто одолжит тебе свою машину? Кто этот знакомый?

— Ты его не знаешь. Я помог ему сдать один экзамен, а теперь он хочет отблагодарить меня за это! Разве это не потрясающий шанс?

Инга прокляла свой скепсис, который каждый раз нападал на нее, когда муж загорался идеями, предложениями и планами. Почему она каждый раз должна была тут же строить из себя гувернантку, которая указывала на проблемы и охлаждала бьющийся ключом восторг Мариуса?

— Но ведь у нас там нет никакой квартиры. И мы наверняка теперь уже и не найдем никакую, — попыталась она возразить.

— Мы будем жить в кемпинге.

— Но у нас ведь нет...

— Все прочее мы тоже получим. Палатку, спальные мешки, плитку, посуду для кемпинга. Никаких проблем.

— Этот знакомый, видимо, в большом долгу перед тобой...

— А то! Сможешь ли ты получить когда-нибудь почти полностью написанную работу? Он может мне еще годами ноги целовать!

— Знаешь что, Мариус, боюсь, в июле на Средиземном море слишком

жарко и полно народу, и...

— Но мы ведь сможем передвигаться. Мы можем уединиться в совсем тихом местечке. Если нам где-то не понравится, сможем поехать дальше. Инга, пожалуйста, не веди себя, как твоя бабушка! Скажи просто "да" — и радуйся нашей поездке!

Что же ей еще оставалось? Она согласилась, порадовалась по крайней мере его радости и попыталась не допустить, чтобы беспокойство одержало в ней верх. Но триумфа она не почувствовала; ее лишь наполнило безропотное смирение, когда выяснилось, что знакомый Мариуса все же не захотел давать свою машину, а выдал лишь обещанное снаряжение для кемпинга, которым была заставлена маленькая прихожая их квартиры, когда Инга вернулась домой.

— Дело с машиной было для него слишком щекотливым, — объяснил ее муж, — из-за страховки и вообще...

Вот именно. Как раз что-то в этом роде она с самого начала и предчувствовала. Но, по крайней мере, они получили новую, с иголки, палатку, фантастические спальные мешки и потрясающие рюкзаки, да и посуда тоже отвечала самым высоким требованиям. Похоже было, что снаряжением для кемпинга еще никогда не пользовались — и, однозначно, оно было самого лучшего качества.

— У этого типа, однако, много бабок, — заметила Инга.

Мариус пожал плечами.

— Богатые родители. Кому-то либо везет, либо нет.

Это высказывание пришло Инге в голову теперь, в обеденное время на жаркой деревенской улице, когда ей казалось, что она сойдет с ума от жажды и не сможет больше терпеть боль от волдырей на ногах. Удачи, во всяком случае, у них обоих в этой поездке не было, даже если Мариус, что вполне вероятно, другого мнения об этом. Продвигались они быстро — этого не отнять. Отправились во второй половине дня накануне, потому что Мариусу нужно было еще работать в экспедиции, где он подкалымливал на время каникул. Одна молодая пара взяла их с собой до Лиона, но туда они приехали в три часа ночи. Им пришлось в кромешной темноте разбивать свою палатку на замусоренном кемпинге на окраине города, и Инга чувствовала такую усталость, что готова была разреветься. Они поспали от силы часа три, а затем измучились в ожидании попутки у въезда на автостраду. Кому захочется брать двух человек, которые везут с собой такое количество громоздкого багажа? В конце концов одна молодая француженка с ребенком на заднем сиденье сжалась над ними, но она не могла провезти их с собой по-настоящему далеко, потому что хотела

навестить свою мать и провести у нее пару дней. Она высадила их на какой-то развилке дорог и сказала, что до ближайшей деревни им понадобится полчаса ходу, но на самом деле им пришлось идти целый час. Теперь они находились совершенно в стороне от автострады, во всей округе здесь не имелось площадки для отдыха, и было ясно, что им необходимо купить свежую воду.

— Нам все же нужно было сойти на последней площадке, — сказала Инга.

— Да, но зато теперь мы продвинулись на двадцать километров дальше, — возразил ее муж.

— И что? Что нам это дало? Здесь, наверное, вообще никто не ездит дальше чем до ближайшей деревни. Это значит, что нам придется идти назад к автостраде, а это как минимум пять километров. При такой жаре...

Голос Инги дрогнул, и она предусмотрительно не стала продолжать. По лицу Мариуса можно было заметить, что он боялся, как бы она на самом деле не заплакала, потому что от ее слез он всегда чувствовал себя беспомощным и несчастным. Хотя она и не часто плакала, даже можно сказать, предельно редко. Однако в данный момент...

"Это измождение, — подумала Инга, — если я сейчас зареву, то прежде всего от измождения. Я не могу больше. Я просто больше не могу..."

Она развязала шнурки на своих кроссовках, и когда стала медленно стягивать их с ног, то застонала от боли. Потом так же осторожно принялась скатывать вниз носки. Показались набухшие, огненно-красные волдыри.

— Мне нужна аптека, — сказала Инга, хотя было совершенно ясно, что найти в этой деревне аптеку будет еще сложнее, чем продуктовый магазин, если таковой вообще имелся. Скорее всего, ничего подобного здесь не было. Первая слеза покатила у Инги из глаза по горячей раскрасневшейся щеке.

— Не надо! — Мариус тут же оказался около нее и пальцем поймал эту слезу. — Не плачь! Послушай, это было неразумно — снимать кроссовки. Ты наверняка не сможешь надеть их снова.

— Мне нужна мазь. И пластырь. Иначе все воспалится.

— Все выглядит действительно ужасно, — произнес Мариус почти благоговейно. — Но мы ведь не такое уж большое расстояние прошли пешком. Или...

Он отстранялся от всего плохого. Всегда и от всего.

— Женщина, которая подвезла нас, еще никогда не проходила пешком

это расстояние. В лучшем случае, она делала это в холодную погоду, когда быстрее идешь. Полчаса! Это уж действительно полнейший перегиб!

— Но все равно, я считаю, что твои ноги...

Инга посмотрела на супруга с раздражением — она знала, что совершила большую ошибку.

— Да, о'кей, это новые кроссовки. И я знаю, что никогда не следует надевать новую обувь, если надо пройти большое расстояние. Однако когда ты сообщил мне об этом сказочно прекрасном отпуске, мне еще не было ясно, что мы попадем в такую глушь и нам придется маршировать много километров. Ты почему-то совершенно забыл упомянуть об этом!

Мариус сидел на корточках перед женой, разглядывая ее ноги, а потом взглянул ей в лицо. Как всегда, ей с трудом удавалось сохранять агрессивность и рассерженность перед его нежным выражением лица и выглядевших почти по-детски голубых глаз.

— Не будем ссориться, — умолял он, — это только отнимет у нас силы!

Инга провела рукой по его взмокшим от пота светлым волосам, образывавшим у него на лбу своеобразный вихорок, который никогда не позволит ему выглядеть по-настоящему серьезным.

— Хорошо. Но...

Она не стала продолжать. Не было смысла объяснять мужу, что виной всему было его легкомыслие, что именно оно привело их в такую ситуацию, и что ему следует попытаться обрести зрелость поведения взрослого человека. Он, конечно, изменится очень мало, как и все другие люди не меняются в своей основе, — во всяком случае, не по просьбе и не по советам. Какое-нибудь потрясающее событие, взбудораживающее переживание смогли бы повлиять на Мариуса, чтобы он стал другим, но добиться этого было не во власти его жены.

— Послушай, — сказал Мариус, — ты останешься сидеть здесь и отдохнешь. Весь багаж я оставлю с тобой и отправлюсь искать аптеку. И какой-нибудь супермаркет. Я принесу тебе очень холодный лимонад и хорошую, прохладную мазь для твоих ног. Как тебе это нравится?

Это предложение прозвучало чрезвычайно заманчиво, но Инга знала, что радость или облегчение она почувствует только после того, как Мариус будет стоять перед ней с обещанными вещами. А пока что слишком велика опасность, что он либо собьется с пути и вернется лишь через несколько часов, либо забудет по дороге, за чем пошел. Такой вариант Инга считала вполне возможным — например, что он вдруг объявится с компакт-диском в руках, с музыкой какой-то там группы, которую он давно уже искал и

вдруг обнаружил в одном магазине для парфюмерно-галантерейных и аптекарских товаров. И при этом от возбуждения забудет, с каким намерением вообще пришел туда.

Но поскольку у нее не было выбора, она кивнула.

— Хорошо. Это очень мило с твоей стороны. А ты уверен, что осилишь это?

— Я чувствую себя хорошо. Во всяком случае, мои ноги еще невредимы. В общем, — Мариус легко подпрыгнул, — жди меня здесь, хорошо?

Его жена устало улыбнулась и проследила глазами, как он прошел какой-то отрезок деревенской улицы обратно, а затем свернул налево на боковую улицу. Супруг был однозначно в лучшей форме, чем она. Правда, в отличие от нее, он много занимался спортом, а она всегда упорно, не отвлекаясь, полностью была сконцентрирована на учебе.

"Мне следует хотя бы посетить курс гимнастики при народном вечернем университете", — подумала Инга.

Немного дальше по улице она обнаружила каменную стену, от которой падала небольшая тень, и решила перебраться туда, потому что в противном случае ее неизбежно ждал в самое ближайшее время солнечный удар. Потребовались невероятные усилия, чтобы подняться, собрать вещи и пройти двадцать шагов — причем ей пришлось просеменить их как можно быстрее, поскольку горячий асфальт невыносимо обжигал ее босые ноги. Ей понадобилось трижды проделать этот путь туда и обратно, пока она не перетащила весь багаж к каменной стене; после этого Инга плюхнулась на свой свернутый в рулон спальник, пыхтя, как локомотив. Ее немного подташнивало. Возможно, ей уже слишком напекло голову, так что физическая усталость была связана не только с ее неспортивной формой.

Тень подействовала на путешественницу благотворно. Ей приятно было сидеть, и если б она сейчас еще и получила немного воды, то смогла бы почувствовать себя уже почти комфортно.

Инга закрыла глаза и сидела так, пытаясь, правда, ни в коем случае не заснуть. Ведь вокруг нее были разложены все их пожитки. Эта мысль приободрила женщину.

Все пожитки... А Мариус вообще-то подумал взять с собой деньги?

Инга тихо простонала — почему сразу было не подумать об этом? Она потянулась к рюкзаку мужа и открыла наружное отделение. Кошелек не было, и женщина облегченно вздохнула. Свой мобильник Мариус, видимо, тоже взял с собой, так что он был для нее доступен. Может быть, Инга всегда слишком поспешно вешала на него ярлык глупца, может быть, она

уже давно несправедливо судила о нем? Ведь он все-таки с отличными оценками учился в вузе и даже писал рефераты для других студентов. Да, частично он был весьма безалаберным, но все-таки не насквозь. Время от времени необходимо было иметь это в виду — во благо их брака.

Она вновь закрыла глаза.

* * *

Инга, по-видимому, заснула, потому что не слышала, как подъехала машина. Она испуганно подскочила, когда кто-то наклонился над ней. Вполне может быть, что прикоснулся рукой, но с уверенностью она этого сказать не могла.

— Да, слушаю? — спросила Инга в полном замешательстве, словно подняла трубку телефона и ожидала услышать абонента на другом конце линии.

Вместо этого она увидела перед собой лицо незнакомого мужчины. На вид ему было лет сорок пять или, может быть, чуть больше, и он казался приятным и обеспокоенным.

Да, прежде всего, обеспокоенным. Это было, пожалуй, то самое правильное определение, которое первым пришло Инге в голову.

— Ах, вы немка! — сказал незнакомец. Он говорил совершенно без акцента, так что сам, видимо, тоже был немцем, как предположила Инга. Теперь она заметила и машину, которая была запаркована позади него. Мюнхенский номер.

— Я заснула, — сказала она. — Который сейчас час?

Мужчина взглянул на свои наручные часы.

— Четверть второго.

Когда Мариус ушел, было двадцать минут первого. Она проспала почти час.

Инга приподнялась и посмотрела направо и налево через пышущую зноем пустую улицу.

— Я жду здесь своего мужа. Он пытается найти что-нибудь попить. — Когда она говорила это, то почувствовала, какими сухими и потрескавшимися стали ее губы. Потребность в глотке воды становилась непреодолимым желанием.

— Боже мой, так это же не проблема! Подождите! — Мужчина встал, пошел назад к машине, вернулся с сумкой-холодильником, открыл ее и достал баночку колы, покрытую мелкими ледяными каплями воды.

— Возьмите. Когда я еду в машине на дальние расстояния, как сумасшедший пью колу, поэтому у меня, к сожалению, ничего другого нет, но...

Инга взяла у него из рук баночку, открыла ее трясущимися пальцами, приложила к губам и стала пить. Она глотала, как умирающая от жажды, чувствуя, как жизненные силы медленно возвращаются к ней, как в ней снова зарождается энергия.

— Спасибо, — сказала она, опустошив баночку. — Вы меня спасли.

— Я ехал по этой дороге, увидел вас, лежащую здесь, и подумал, всё ли с вами в порядке. Поэтому и остановился. — Взгляд незнакомца скользнул вниз по босым ногам Инги и испуганно остановился на ее ступне. — Боже мой! Ваши ноги выглядят ужасно!

— Мы довольно долго шли пешком. А я по глупости надела новые кроссовки. — Она пожала плечами. — Идею путешествия на попутных машинах мы представляли себе несколько проще.

Мужчина огляделся вокруг.

— Мне кажется, я уже давно — единственный водитель машины в этих местах. Эта деревня не совсем удачно расположена, чтобы иметь шанс поймать попутку. Во всяком случае... я не знаю, куда вам нужно, но...

— К Средиземному морю.

— Тогда вы немного сбились с пути.

— Я знаю. Мы и хотим вернуться обратно к автостраде, но при этой жаре нам, видимо, придется подождать до вечера.

Незнакомец задумчиво взглянул на Ингу. Казалось, что он что-то взвешивает в уме и пытается принять решение.

— Я еду к Средиземному морю. Кап-Сисье. Кот-де-Прованс.

— О... Тогда вы тоже немного удалились от дороги, или...

Собеседник Инги откинул волосы со лба. Они были темными, едва тронутыми сединой.

— По радио сообщили об аварии. И большой пробке на дороге. Так вот, я как раз пытаюсь объехать ее, — объяснил он.

Инга посмотрела на него. Она знала, что вызывала к себе доверие, но прекрасно понимала людей, которые принципиально не брали попутчиков. Инга сама была из таких. Как-то раз одна ее подруга в сильный мороз зимой из жалости подобрала одну парочку — те уже почти примерзли к дороге. А позже этот тип приставил ей нож к горлу и принудил ее свернуть на проселок. Там они заставили ее выйти, а сами смылись на ее машине вместе с ее сумкой, в которой находились деньги, чеки и все документы. Подруга, видимо, еще посчитала за счастье, что с ней не произошло ничего

более ужасного.

Мужчина вздохнул.

— Я, собственно, никогда не беру с собой незнакомых людей, — сказал он, словно прочитал мысли Инги, — но у меня такое ощущение, что я не могу оставить вас здесь сидеть. Так что, если хотите...

— Проблема в том...

Незнакомец кивнул.

— Ваш муж. Его нам, конечно, тоже придется подобрать.

— Я просто не могу его здесь оставить.

— Конечно же нет. Вы имеете представление, куда он пошел?

— В том направлении. — Инга указала рукой в сторону дороги. — А потом на первом повороте налево. Больше я не знаю. Он надеется найти где-нибудь продуктовый магазин. Я могу попытаться позвонить ему на мобильник.

— Подождите. Эта деревня небольшая. Мы наверняка сразу же его найдем. — Мужчина снова закрыл свою сумку-холодильник и выпрямился. — Пойдемте. Мы упакуем ваш багаж и тронемся.

— Теперь я причинила вам еще и хлопоты, — виновато сказала Инга. Она поднялась на ноги и подавила в себе тихий вскрик от боли, когда поставила ноги на асфальт. — О боже, как горячо, прямо как диск электроплиты!

— Садитесь быстрее в машину. Я сам займусь багажом. Не можете же вы ходить здесь босиком!

Женщина с облегчением опустилась на сиденье рядом с водительским. В машине, наверное, все время был включен кондиционер, потому что в ней царил приятная прохлада. Мужчина появился перед Ингой и всучил ей в руки аптечку первой помощи.

— Возьмите. И перебинтуйте свои ноги. Туда сейчас не должна попасть грязь.

Пока Инга нарезала бинты, ее спаситель убрал все снаряжение для кемпинга в багажник и частично на заднее сиденье. Потом он сел на место водителя и завел мотор. На его лбу блестели капельки пота.

— Боже мой, — произнес он, — пять минут на улице — и уже как разваренный... Кстати, — он взглянул на свою пассажирку, — меня зовут Максимилиан. Максимилиан Кемпер.

— Инга Хагенау.

— О'кей, Инга... я ведь могу называть вас так? Тогда поищем теперь вашего мужа. И если все пойдет гладко, то сегодня вечером вы уже будете на Средиземном море.

"Это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой", — подумала женщина, и, откинувшись на спинку прохладного, гладкого и мягкого сиденья, решила, что она поступает слишком легкомысленно. По крайней мере, это выглядело бы так в глазах ее матери и ряда доброжелательных подружек. Она сомневалась, вызывает ли к себе достаточно доверия, чтобы ее взяли с собой в попутчики, но ни на минуту не задумалась о том, внушает ли *он* доверие. Чувство серьезности, надежности, да и вообще что бы ни было...

Инга стала искоса разглядывать водителя сквозь полуопущенные ресницы. Он смотрел прямо на дорогу. Во всяком случае, не на ее голые ноги. Это взволновало бы ее. Еще недавно ее шорты казались ей до невозможности лишними; теперь же ее беспокоило, что они слишком коротки. Она с удовольствием взяла бы что-нибудь, чтобы накинуть на свои голые ляжки, но не могла добраться до багажа, да и выглядело бы это подурачки, если б она при этой жаре вдруг накинула на ноги свитер.

Инга еще раз скосила глаза в сторону своего нового знакомого. Его взгляд все еще был устремлен на дорогу.

Женщина глубоко вздохнула. Она три раза перекрестится, когда Мариус будет сидеть в машине.

В это июльское, самое обычное утро среды Ребекка Брандт решила, что пришло время положить конец своей жизни, которую она больше не ощущала достойной продолжения.

Не то чтобы мысль о самоубийстве пришла к ней неожиданно. Ребекка порой прокручивала ее в своей голове, и она была для нее как соломинка, за которую женщина цеплялась в самые мрачные моменты, когда ей казалось, что безысходность и скорбь бесконечны, и она не видела перед собой никакого видимого пути. В такие минуты Ребекка думала: "Если я не смогу больше выдерживать, то уйду. Это право принадлежит мне: принять решение о том, что я не желаю больше терпеть".

Она все предусмотрела. Морфий. Ее муж был врачом, и через друзей-коллег нетрудно было добыть эти таблетки. Ребекка накопила их достаточно много. Сильной передозировки будет достаточно, чтобы она заснула и никогда больше не проснулась. Упаковки лежали в шкафчике в ванной комнате, в самом конце, чуть заслоненные пачкой аспирина, бутылочкой спрея от насморка и различными снотворными. Иногда в

последние месяцы Ребекка по несколько минут стояла перед открытым шкафчиком, уставившись на эти упаковки. Порой это придавало ей немного сил.

Но сегодня она знала, что это не сработает. Один только взгляд на таблетки уже не приободрит ее. Ее силы иссякли, борьбу с депрессией уже не выиграть. Мысль о том, чтобы окончательно сдаться, приобретала все более теплый, соблазнительный блеск.

"Всю свою жизнь, — подумала Ребекка в это утро, — мы учим, что никогда не нужно сдаваться. Поэтому нам так трудно это дается. Поэтому в нас поднимается такое сильное сопротивление. И чувство вины. Прежде всего именно они".

Ребекка внимательно прислушалась к себе. В это утро она не смогла найти в себе чувство вины. Если оно вообще еще было в ней, то ей, во всяком случае, не удавалось войти с ним в контакт, и это было как раз то обстоятельство, которым она должна была обязательно воспользоваться. Чувство вины — самое сильное препятствие при планировании и осуществлении самоубийства. А если оно притупилось, это означает, что судьба дала ей шанс.

В этот день все было, собственно, как всегда. Ребекка рано проснулась, надела свой спортивный костюм и отправилась в сад. Отправилась в утро, которое было очень светлым, и его чистый воздух еще приятно пощипывал кожу, а на губах ощущалась морская соль. Позже будет жарко, очень жарко и очень солнечно.

Сад был большой любовью Феликса. В этот сад он влюбился, когда они оба решили — это было теперь уже восемь лет назад — купить в Провансе дом, где-нибудь вблизи моря, маленький домик с большим участком земли вокруг. Они, собственно, не были полностью уверены, на самом ли деле хотели этого. Вначале Ребекке казалось, что им просто было интересно поехать по окрестностям, помечтать, полюбоваться видами... Они тогда были очень загружены работой, а их жизнь дома, в Мюнхене, была хоть и счастливой, но уж чересчур перегружена стрессами. И часто достаточно было только одной мысли об убежище вдали от этой жизни, в каком-нибудь месте, где можно было отключиться, забыться, расслабиться, — и эта мысль помогала им легче переносить суету будничной жизни. Но как-то раз одна фотография в витрине маклерского бюро привела их в Лё-Брюске, вблизи Кап-Сисье, — местечко, расположенное посреди безоблачного средиземноморского ландшафта со скалами из черного камня, которые всегда привлекали своей несколько мрачной грациозностью и объезд которых на корабле всегда считался среди

мореплавателей опасным и непредсказуемым. И вдруг оказалось, что эта прекрасная мысль, эта их желанная мечта может реально осуществиться в ближайшее время.

— Я даже не знаю, нравится ли мне это место, — сказала Ребекка, когда они поднимались на машине по серпантинной, крутой и узкой дороге. Эта местность была покрыта густым лесом, и создавалось такое впечатление, словно из солнечного дня перемещаешься в мир теней.

— Давай сначала просто посмотрим, — сказал Феликс.

Они проезжали мимо запущенных лугов и старых, ветхих домов, которые, съезжившись, притаились в совершенно заросших садах. Цыганский табор с ярко окрашенными машинами на окраине дороги... Фруктовые деревья, на удивление ухоженные и посаженные, как на плантациях... А потом снова лес. Здесь больше не было асфальта — лишь дорога через поле, усеянная выбоинами, в которых еще стояли лужи от ливневого дождя, прошедшего несколько дней назад.

— Да это же на краю света! — охнула Ребекка и услышала в своем голосе содрогание от ужаса.

Один из последних домов больше всего походил на фотографию с витрины. Во всяком случае, земельный участок был огорожен сильно обветшавшим белым дощатым забором, и именно этот забор запомнился Феликсу — по крайней мере, так он считал. Сам дом просвечивал белизной сквозь стену зарослей. Ребекка непроизвольно зябко поежилась, когда вышла из машины, и ее первой мыслью было: "Никогда. Никогда я даже недели здесь не выдержала бы".

А Феликс уже открыл ворота в сад, которые при этом чуть не выпали из своих заржавевших петель, и прошел на участок.

— Не надо, — сказала Ребекка. — Ты ведь даже не знаешь, дома ли эти люди.

— Мне кажется, здесь вообще уже никто не живет, — ответил Феликс. — Все выглядит таким заброшенным... Посмотри, какая высокая трава! Здесь уже целую вечность не косили траву и не подрезали кустарник и деревья.

Ветки хлестали их по лицам и путались в волосах, когда они, спотыкаясь, пробирались по едва заметной тропинке к дому. Ребекка вынуждена была признать, что здесь и в самом деле вряд ли кто-то жил. Дом выглядел таким же неухоженным, как и сад: от стен отваливалась штукатурка, в окнах на втором этаже уже частично не было стекол. Входная дверь в дом косо висела в дверной раме, как и ворота в сад.

— В него много пришлось бы вложить, — пробормотал Феликс.

Ребекка с ужасом взглянула на него.

— Ты что, на самом деле думаешь, что мы...

— Нет-нет, — сказал он, и они пошли вокруг дома.

И вдруг все изменилось. И свет, и небо, и весь день. Перед ними далеко вперед расстился сад — огромная, казалось бы, бесконечная лужайка, которая в конце переходила в утес, а за утесом сверкало море, голубое и бесконечное. Оно отражало лучи солнца, светящего с безоблачного неба, и одним махом разогнало гнетущее впечатление мрачности, охватившее их незадолго до этого.

Оба они стояли, потрясенные этим зрелищем и ощущениями, которые оно вызвало.

— Это... — начал Феликс, очарованный видом, и Ребекка завершила его фразу:

— Невероятно. Это невероятно красиво.

Они прошли через весь сад до самого утеса. Склон горы здесь круто и обрывисто падал в море, а внизу бурлил морской прибой, с силой швырявший на камни белую пену волн. Песок маленькой бухты между водой и утесом светло поблескивал.

— Здесь можно было бы купаться, — заметил Феликс.

— Туда не спустишься, — возразила Ребекка.

— Да нет, туда можно спуститься! Проложить тропинку...

— Но все равно морской прибой здесь слишком сильный.

— Не всегда. Не каждый день.

Они взглянули назад, на дом. На эту сторону когда-то выходила небольшая веранда под крышей. Там стояли дряхлый шезлонг и немного подсохшая бугенвиллея^[2], плетущаяся вверх по столбу и покрывавшая весь навес.

— Сидеть там и смотреть на море...

— Вечером при закате солнца...

— Слушать морской прибой...

— Смотреть на небо...

— И слушать крик чаек...

Они взяли за руки и медленно пошли через сад к дому. К своему дому.

Двумя неделями позже они купили его.

В это утро Ребекка сделала один маленький круг по саду и выкурила при этом одну сигарету, а затем отправилась на кухню и приготовила себе чай. Она пила его очень горячим, подслащенным медом, из керамического бокала, на котором были нарисованы две толстые черные кошки с хвостами, переплетенными в форме сердца. Цвет бокала был желтым. У Ребекки имелся такой же бокал, только красный, а желтый принадлежал Феликсу, и она пользовалась только им. Друзья подарили им эти бокалы к десятилетию их свадьбы, и они взяли их с собой в дом на Кап. Эта пара бокалов очень подходила к остальному интерьеру дома.

Феликс во время отпуска всегда любил плотно позавтракать, поэтому Ребекка в семь утра накрыла стол в гостиной — со свежесдобитым маслом, маслом и различными сортами мармелада. Она поставила тарелки на его и на свое место, села за стол, уставившись на хлеб, масло и мармелад, и поняла, что опять не сможет ничего съесть. По утрам это было хуже всего. День растягивался перед ней во всю свою длину, обещая бесконечные, пустые, одинокие часы, чередовавшиеся друг за другом. Вечер же был так далек... А там и момент, когда она могла принять свое снотворное, отправиться в постель и на несколько часов провалиться в забытие.

И в этот момент, в этот ежедневно повторяющийся момент безутешного одиночества и тошнотворного страха перед днем, Ребекка подумала: "Я больше не хочу. Я больше не хочу жить. Лучше уже не будет, а я не могу больше переносить эти утренние часы".

Она подумала об этом с полным спокойствием, чувствуя в тот момент, как ее страх отходит на второй план, а ощущение одиночества утрачивает остроту — теперь оно стало предсказуемым.

Ребекка снова убрала со стола и похозяйничала на кухне, а потом прошла в спальню и накрыла кровать покрывалом. Спальня находилась на втором этаже дома, и из окна оттуда открывался великолепный вид на море. Белые гардины раздувались на утреннем ветру. На комодке стояла фотография в серебряной рамке, на которой были изображены они с Феликсом в день их свадьбы — оба сияющие, влюбленные и вне себя от счастья. Вокруг них все было занесено снегом: они поженились в январе, а в ночь перед свадьбой выпал свежий снег. Многие приглашенные гости, живущие в других городах, не явились, потому что не рискнули поехать в такую непогоду. Так что, в конечном итоге, торжество получилось довольно интимным, и они оба в высшей степени наслаждались им.

Ребекка повесила несколько футболок, наброшенных на стул, в шкаф. Именно потому, что Феликс так сильно любил этот дом, ей хотелось

оставить его после себя убранным и ухоженным. Сейчас она нальет много горячей воды и уберется в доме, чтобы все блестело и приятно пахло: окна, полы, все полки и шкафы, керамическая плитка и смеситель в ванной. Чтобы все сияло и блестело, когда она навсегда распрощается с домом.

Ребекка вкалывала все дообеденное время, не обращая внимания на то, что пот ручьями тек по ее телу. Было уже больше половины второго, когда она вылила последнее ведро с грязной водой и с легким стоном распрямила ноющую спину.

Белые половицы блестели на солнце, и в Ребекке разлилось давно не испытываемое, почти забытое чувство внутреннего покоя, почти что своего рода удовольствие. У нее появилась наконец цель, и вокруг нее все было в порядке.

Она прошла в ванную, взяла из шкафчика таблетки, отнесла их вниз и положила упаковку на кухонный стол. Теперь она еще раз пройдет по всему дому и саду, посмотрит, всё ли там хорошо, а потом проглотит эти штуки и, быть может, еще пару снотворных таблеток вместе с ними и два или три стакана виски — и затем все останется позади.

И как раз когда она обнаружила в гостиной полную пепельницу, которую ей обязательно нужно было опорожнить, зазвонил телефон.

Ребекка испуганно вздрогнула от этого неожиданного звука в тишине и в первое мгновение даже не смогла определить, откуда доносился этот звук. Она стояла как вкопанная, а потом до нее дошло, что это телефон и что ей нужно решить, брать ли трубку.

После своего полного отстранения от всех и всего из своей прошлой жизни, после своего радикального разрыва со всеми людьми, которые когда-то были частью ее жизни, она действительно так редко принимала звонки, что почти забыла о существовании черного аппарата в гостиной. Последний раз он звонил четыре недели назад, да и то ошиблись номером.

"Может быть, на этот раз тоже кто-то не туда попал, — подумала женщина, — так что можно не реагировать".

Телефон замолк. Ребекка глубоко вздохнула и взяла пепельницу. Телефон зазвонил вновь.

Должно быть, что-то важное. Хотя она не могла себе представить, чтобы что-то еще могло иметь значение. Все связи она обрубилась. Люди забыли ее. Счета от управления финансов она всегда пунктуально оплачивала, так же, как и счета за энерго- и водоснабжение.

Или нет? Связан ли этот звонок с подобным вопросом? Что-нибудь, что она забыла выполнить?

Женщина нерешительно взяла трубку и представилась тихим голосом:

— Ребекка Брандт.

Но в следующий момент от всей души пожелала, чтобы эти слова не были произнесены.

Он испортил весь ее план. У нее, конечно же, оставалось еще много времени. Раньше чем через два с половиной часа он не приехал бы и тогда мог бы с удовольствием обнаружить ее труп. В конце концов, ей должно было быть все равно, кто и когда ее обнаружит, хотя с эстетической точки зрения, конечно, лучше бы это произошло именно так, через такое короткое время. Иначе ей придется пролежать здесь остаток жаркого лета и гнить — и неизвестно, когда вообще кто-нибудь споткнется об нее.

Ребекка стояла около кухонного стола, уставившись на таблетки, и спрашивала себя, что же изменилось. Почему она больше не в состоянии сделать то, что еще несколько минут назад наполняло ее внутренним спокойствием и хладнокровием, которого она уже давно не испытывала? Звонок телефона. Голос, который она уже давно не слышала, но который все еще был для нее родным. Радостный смех.

Черт побери! Она сжала правую руку в кулак и со всей силы ударила по столу. Острая боль пронзила ее суставы, но ей казалось, что она не относится к ней, что все это происходит в другом месте, далеко от нее. Этот тип потревожил ее одиночество — вот в чем дело. Своим звонком он разорвал кокон, в котором она замкнулась, нарушил ее пребывание наедине с собой, потребовавшее абсолютного отмежевания от всего мира, чтобы она смогла достичь того пункта, к которому пришла сегодня утром, немного погодя после подъема: позволить себе прервать свою жизнь.

Этот процесс был таким длительным, таким трудным и таким болезненным, что ей хотелось плакать от злости и разочарования. Что тоже, в свою очередь, было совершенно новым, давно забытым чувством: слезы, что жгли глаза и в любой момент могли выплеснуться наружу. Последние слезы Ребекка пролила после смерти Феликса. А потом не плакала ни разу. Ее траур был чем-то таким, от чего слезы застывали льдинками.

Теперь можно было все начинать сначала. Мир протянул к ней руку, прикоснулся к ней, высвободил ее слезы. Можно было также сказать, что кто-то схватил ее в охапку и оттащил от края утеса, с которого она только что хотела броситься. И это означало, что ей придется отложить свои намерения, поскольку надо будет заново начать этот длинный, крутой путь

наверх к вершине утеса, и при этом напрячь все свои силы, чтобы пройти его шаг за шагом. Но когда-нибудь она вновь будет стоять там, наверху. Только на этот раз выдернет телефонный штекер из розетки.

Ребекка взяла упаковки с таблетками, отнесла их наверх в ванную, положила в самый дальний угол шкафчика и запомнила их вид, утешающий и многообещающий. Они под рукой. Она может взять их в любой момент. Ей нужно лишь всегда твердо помнить об этом.

В зеркале над умывальником Ребекка увидела свое бледное, как у привидения, лицо. Как только можно быть таким бледным в разгар лета на юге Франции? Как будто она как минимум целый год не получала ни единого луча солнца. Но в принципе так оно и было. Когда она вообще покидала дом? Всегда рано утром, чтобы пройти свой круг по саду, но в это время солнце еще только собиралось взойти. Иногда вечерами Ребекка выходила на террасу, но редко. Феликс очень любил проводить на террасе длинные вечера, сидеть там по полночи. Они пили красное вино и считали падающие звезды. Разве она могла вынести без него теплый воздух, теплый ветерок и свет луны?

Женщина еще раз провела щеткой по волосам. После того, как она узнала, что у нее будут гости — к сожалению, — появилась необходимость съездить в деревню, чтобы закупиться продуктами. Ее морозильная камера была наполнена едой, но Ребекка не собиралась ничего готовить. Эмоциональное напряжение в это утро было слишком сильным; ясно, что у нее не будет сил, чтобы вечером еще и стоять у плиты. Она знала одну маленькую лавку, где можно было купить готовые салаты, а кроме того, там продавался особенно хороший сыр. К салатам она сделает горячий багет в духовке. Этого должно хватить. В конце концов, она не просила навещать ее.

* * *

Лавка, в которую собиралась сходить Ребекка, находилась тут же, в порту Лё-Брюске. На набережной толкались целые полчища туристов — отвратительные, блестящие от масла для загара, полуголые мужчины с толстыми животами, женщины в едва видимых бикини, оставлявшие на виду их целлюлит, ревущие дети, недовольные подростки с красивыми телами, но зато с придурковатыми лицами. Из многочисленных лавочек вдоль улицы воняло топленным жиром. Предлагали печеные яблоки и колбаски, цыпят гриль, пиццу с бороздками жира, киши^[3], пахнущие копченым

салом и, видимо, напичканные хозяином лавки всевозможными остатками, которые он не смог продать на прошлой неделе — во всяком случае, при виде куска этого пирога складывалось именно такое впечатление. Ребекка спрашивала себя, как люди могли это есть, да еще и при такой жаре. А еще она спрашивала себя, почему им не становилось плохо от одного только запаха, и как можно было вообще выдержать эту сутолоку и близость голых тел, от которых несло потом...

И почему она видела *только* отвратительных людей?

Ребекка, конечно, знала, что здесь прохаживались не только мужчины с толстыми животами, а также что Лё-Брюске был местом встреч не только женщин в бикини, не имеющих для этого подходящей фигуры. Наверняка здесь гуляли и веселые подростки, и прелестные маленькие детишки. Но было, наверное, характерно то, что все отвратительное и вульгарное доминировало над красивым и утонченным, затмевая его до невидимости. Кроме того, это явно было связано и с душевным состоянием Ребекки. Она намеревалась распрощаться с миром и жизнью, и это было частью процесса — фокусировать свое внимание на отталкивающей стороне земного существования, исключая при этом хорошую сторону.

Хотя в данный день и на данном месте это не стоило особого труда.

Когда Ребекка добралась до магазинчика, в котором хотела закупиться, ее несчетное количество раз обругали, толкнули и отпихнули в сторону; она получила коричневое пятно от масла для загара на рукав своей белой футболки и в последнюю секунду смогла увернуться от подростка, летевшего на бешеной скорости на своем скейтборде, невзирая на сутолоку. Ей было жарко, и она почувствовала, что у нее начинает болеть голова. Несмотря на то что Ребекка была нервной и изможденной — а может быть, и именно поэтому, — когда она распахнула дверь в маленькую лавку, ей пришла в голову неожиданная мысль: как же странно, что она сейчас стоит здесь и ощущает свое тело таким тяжелым, таким болезненным и сильно потеющим, когда, собственно, к этому времени она уже должна была быть мертвой, если бы течение дня не приняло такой неожиданный поворот.

Ее вдруг стало знобить. Она содрогнулась, и причиной этому был не только прохладный воздух в лавке, где работал кондиционер.

К счастью, за прилавком стоял не владелец магазинчика, а юная девушка, которая, видимо, подрабатывала здесь летом и Ребекку не знала. Раньше Брандты часто закупались здесь, но после смерти Феликса его жена больше не бывала в этой лавке, и ей не хотелось бы отвечать на вопросы и давать пояснения. Тем более принимать соболезнования. Хотя все эти

люди, конечно, имели добрые намерения по отношению к ней, но Ребекке все комментарии по поводу смерти Феликса с первого момента казались лживыми. Потому что они даже отдаленно не могли сравниться с той болью, которую испытывала она, и все их сочувствие и понимание не соответствовали тому, что означала для нее утрата мужа. Его кончина была ее кончиной, но разве кто-нибудь это понимал? А самым издевательским ей всегда казалось изречение "Жизнь продолжается". Феликс сказал бы на это: "Чушь". Жизнь вовсе не продолжается. Можно еще дышать, есть, пить и чувствовать, как бьется собственное сердце, но все равно быть мертвым. Однако Ребекка всегда считала излишним пытаться объяснить это кому-нибудь.

Она купила несколько сортов сыра, салаты и оливки и уже покинула лавку, когда до нее вдруг дошло, что она непроизвольно купила все то, что покупала раньше, когда Феликс еще был жив. Она выбрала то, что он особенно любил. Так же, как до сих пор она готовила его излюбленные блюда, хотя сама не очень-то любила их есть, да и вообще не испытывала чувства голода, так что в конечном итоге выбрасывала все приготовленное. Это походило на закон, которому она будет следовать всегда. Она не могла поступать так, словно он мертв. *Делать вид, что он мертв!*

Ребекка чуть не рассмеялась, хотя смеяться ей сейчас хотелось меньше всего. Какая сумасшедшая формулировка! Она не могла делать вид, что он умер. Феликс был мертв, черт побери! Она стояла у его могилы, лопатой сбрасывала землю на его гроб и словно через пелену или через стену воспринимала стоящих вокруг людей с траурными, озадаченными лицами. Некоторые из них плакали, произносились речи о невозполнимой утрате и о том, что Феликса слишком рано вырвали из их круга...

— Вы не должны видеть в его смерти произвольное, несправедливое решение судьбы, — говорил Ребекке пастор, и его голос тоже звучал издали, — ему было предназначено умереть в этот час и таким образом, и когда-нибудь придет ответ на ваш отчаянный вопрос "Почему?".

"Плевать я хотела", — подумала она тогда и отвернулась.

Теперь, тесно прижав к себе бумажный пакет с покупками, Ребекка решительно проталкивалась через толпу, чтобы как можно быстрее уйти отсюда и попасть в спокойную атмосферу своего дома. Когда кто-то взял ее за рукав, она попыталась, не глядя, вырваться, но затем знакомый голос произнес: "Мадам!", и она подняла глаза и взглянула на сильно загоревшее лицо Альберта, начальника порта.

Альберт с Феликсом были в некотором роде друзьями. Они различались в плане образования и воспитания, но их объединяло другое

— страстная любовь к парусникам и всему, что было связано с водой и кораблями. Они могли часами сидеть и говорить о былых походах на яхте и пить при этом пастис^[4], который Ребекка не любила. Она редко принимала участие в этих встречах, так как сама ничего не понимала в хождении под парусом, поэтому со своей стороны ничего не могла добавить в эти беседы, и у нее было такое ощущение, что она своим присутствием будет смущать этих двух мужчин, мешая им рассказывать друг другу дикие небывлицы. Так что когда они встречались, она отстранялась. Пусть Феликс получит свое удовольствие.

— Мадам, как приятно снова видеть вас! — сияя, сказал Альберт. Он говорил на провансальском диалекте, и Ребекка, как всегда, с трудом понимала его французский. — Как у вас дела, мадам? Я даже не знал, что вы этим летом здесь!

Женщина не собиралась объяснять ему, что она уже три четверти года только здесь и проживает, что ее дом в Германии продан и что она не собирается туда возвращаться. Ей не хотелось, чтобы этот человек начал навещать ее и перенес на нее свою дружбу с Феликсом.

— Мне нужно присматривать за хозяйством, чтобы все было в порядке, — уклончиво ответила она, — а то весь участок одичает, да и в доме... нужно кое-что сделать.

— Если вам нужна помощь...

— Спасибо, я справляюсь. — Ребекка заметила, как недружелюбно это прозвучало, и добавила: — Это очень любезно, Альберт. Я обращаюсь к вам, если появится проблема.

Друг ее мужа вздохнул.

— Я так любил его, месье Брандта... Хороший был малый. А в парусном спорте действительно много понимал. Был по-настоящему замечательным человеком.

— Да, — натянуто проговорила Ребекка, и между ними пролегло неловкое молчание, в то время как вокруг них продолжала бушевать пляжная жизнь — по-прежнему громко и оживленно.

— А что же будет с "Либель"? — спросил через некоторое время Альберт. — Я, конечно же, и дальше буду ухаживать за ней, только немного жаль, что никто больше на ней не плавает. Такая красивая яхта! Да и вы платите приличную сумму за ее стоянку, и...

— Вы на что-то намекаете? — спросила Ребекка.

Ее собеседник протестующе поднял обе руки.

— Боже упаси! Я просто имею в виду... Меня волнует судно. Месье так сильно любил его... Я иногда думаю... — Он не стал говорить дальше.

— Да?

— Иногда я думаю, что ему не понравилось бы, что "Либель" теперь лишь слегка покачивается в порту. Такое судно, как это, должно скользить по волнам под полными парусами, чувствовать ветер, пену волн, соль... А так, как оно стоит сейчас... оно вконец захиреет.

Феликс тоже всегда говорил о "Либель" как о живом существе, поэтому нынешние слова Альберта не были чужды Ребекке. Она улыбнулась, немного беспомощно.

— Я не могу ходить под парусами. И никогда не имела права управлять яхтой.

— Но ведь вы можете сделать это сейчас.

Вот уж действительно анекдот... Весь этот день — просто абсурд. А теперь ей еще и предложили получить капитанскую лицензию...

Ведь она, по сути, должна была быть сейчас мертвой!

Словно жизнь неожиданно решила пустить в ход всю тяжелую артиллерию и заставить Ребекку отказаться от ее плана. Жизнь выставляла себя очень важной, интересной и многообещающей. Но в ее случае это не сработает. Взятку от жизни она не возьмет.

— Я подумаю, — уклончиво ответила Ребекка.

— Я мог бы помочь вам также, если вы надумаете продать "Либель", — предложил Альберт. — Я бы постарался, чтобы яхта получила достойного хозяина — того, кто знал бы ей истинную цену.

— Мне нужно подумать обо всем этом, Альберт. Я дам вам знать. Это очень любезно с вашей стороны, что вы принимаете такое участие во всем этом. Большое спасибо.

Продолжая свой путь, Ребекка размышляла, действительно ли она когда-нибудь обратится к нему. В первый момент это была просто вежливая фраза, чтобы отделаться от него, — по возможности, дружелюбно. Но пока Ребекка искала в кармане своих джинсов ключи от машины, она спросила себя, возможно ли такое, что она напрасно посчитала события этого дня — звонок по телефону, последовавший за этим ее поход в порт, встречу с Альбертом — за случайное, абсурдное стечение обстоятельств, которые испортили ей побег из этого мира. В конечном итоге, вполне возможно, что за всем этим крылась частица судьбы. Она хотела уйти, не позаботившись о любимице Феликса... "Сразу же после тебя, — говорил он ей иногда. — "Либель" стоит на втором месте, сразу же после тебя!"

Ей все же надо будет принять предложение Альберта. Найти хорошее место для яхты. И только потом уже испариться.

Женщина застонала, когда села в раскаленную машину. Она опустила

все стекла, поставила пакет с покупками на сиденье рядом с собой и взглянула на море. Несмотря на полнейшее безветрие, Ребекка смогла различить на море парусные яхты. Она видела перед собой Феликса, то особенное выражение, которое появлялось на его лице, когда он возвращался из плавания на яхте. Такое раскованное, счастливое... Он выглядел так, словно был в полной гармонии с собой, словно с него на несколько часов слетело все, что напрягало его или усложняло ему жизнь.

Ребекка завела мотор.

Очевидно, ей придется сделать еще одно дело.

4

Как только Карен отворила калитку в сад, Кенцо помчался к забору и стал лаять на дом соседей. Это был странный день. В воздухе пахло грозой, и уже с самого утра было очень жарко, но солнце не светило, небо было свинцовым, и дул сухой, шквалистый ветер.

— Сегодня еще будет приличная гроза, — предположил за завтраком Вольф, прежде чем с последним куском во рту ринуться из дома, чтобы попасть на какую-то консультацию, к которой он готовился уже два дня, потратив на это сверхурочные часы и приезжая домой почти в полночь. Он избегал встреч со своей женой. Карен не знала, почему муж это делал, и, конечно, он сразу же блокировал любую ее попытку спросить его об этом.

Причинял ли он ей этим боль? Карен не могла ответить. Поскольку ее жизнь проходила под куполом одиночества и тревоги, она уже едва могла фильтровать отдельные обиды. Поведение Вольфа тонуло в ее всеобъемлющем жизненном кризисе, становилось его частью и сливалось воедино со всей ее печалью, в которой она изо дня в день пребывала.

* * *

Кенцо не прекращал лаять, и Карен, которая только что села на диван в гостиной, подперев голову руками, поскольку опять чувствовала, что ей не справиться со всеми задачами предстоящего дня, с трудом заставила себя подняться. Предстоящий день... Было уже половина третьего, а что она, собственно, сделала за это время? По существу, ничего. Сварила обед для детей — из замороженных продуктов, потому что не успела закупиться. Дети потом отправились с друзьями плавать, и Карен, как всегда, удивилась

энергии других людей.

Кенцо лаял. Он уже в течение трех дней лаял на соседский дом, как только ему удавалось попасть в сад.

Почему же Кенцо, этот кроткий, спокойный пес, вдруг превратился в обычную брехливую собаку? Его хозяйка вышла на веранду.

— Кенцо! Кенцо, иди сейчас же в дом!

Пес повернул к ней голову, вильнул своим коротким, обрубленным хвостом, а потом снова повернулся, подпрыгнул вверх у забора и завыл.

— Кенцо, хватит. Замолчи и иди ко мне! — рявкнула Карен.

Боксер даже внимания на нее не обратил. "Да и почему именно его должны волновать мои желания?" — подумала хозяйка. Вольфа и детей это тоже не волнует...

С прилегающего участка с другой стороны послышался рассерженный голос старой женщины:

— Каждый день один и тот же театр! Я больше не намерена это слушать! Вы не можете приучить свою собаку молчать?

Карен уже хотела проигнорировать бранящуюся старуху, скрыться в доме и с грохотом захлопнуть за собой дверь, но тут же вспомнила, как важно было для нее с самого начала жить в согласии с соседями. Ей стоило больших усилий, чтобы подойти к забору и улыбнуться в злое лицо стоявшей напротив пожилой дамы.

— Добрый день. Мне очень жаль, что моя собака вас потревожила, но...

— Летом я ложусь на террасе, чтобы вздремнуть после обеда, — проворчала старуха, — и это совсем не похоже на идиллию, если рядом постоянно лает собака.

— Я просто не знаю, что с ним происходит. Обычно он почти никогда не лает. Что-то беспокоит его в соседнем доме в последние дни. Мне кажется, он сердится...

Было ясно, что старую соседку едва ли интересовало, почему собака лаяла, — для нее было важно, чтобы этот лай прекратился.

— У них тоже была собака до позапрошлого года, — сказала она и при этом бросила на Карен такой ядовитый взгляд, словно обвиняла ее лично в этом обстоятельстве. — У этих, в том доме. Она была такой послушной, скажу я вам! Ее лая никогда не было слышно.

— Ну... — начала было Карен, но старуха продолжила:

— Они мне это так объяснили: собака должна быть в полном подчинении. Она должна знать, что занимает последнее место в семье, понимаете? У нее самый низкий чин, или как бы вы это ни назвали. У них

она должна была в последнюю очередь проходить через дверь, и в последнюю очередь получать еду. Если кто-то из них поздно возвращался домой, собака вынуждена была ждать полночи. Так они ее сломили.

Карен тяжело вздохнула.

— Да это же извращение! — вырвалось у нее.

Старуха пожала плечами.

— Во всяком случае, они всегда очень гордились тем, что их собака не делала то, чего они не желали. Абсолютно ничего. Такого недисциплинированного тьякня, как у вашего пса, они не допустили бы.

Что-то всколыхнулось в Карен, совсем глубоко под мощными слоями ее печали и разочарования. Возможно, это была злость — маленький, извивающийся язычок злого пламени, которому не хватало кислорода, чтобы разгореться в большой пожар, в полыхающий огонь, но который — к большому удивлению Карен — еще не совсем погас. Она уже целую вечность не соприкасалась со своей злостью и только сейчас вдруг осознала это — перед лицом костлявой, недовольной старушечки и в мыслях о бедной, давно умершей собаке, для семьи которой единственно важным было снова и снова указывать ей на ее подчиненное и бесправное положение.

— Я, во всяком случае, не собираюсь препятствовать желаниям моей собаки, — холодно заявила Карен.

К ее удивлению, твердость, с которой она произнесла это, вдруг что-то изменили в поведении старухи: она вдруг заняла примирительную позицию.

— Да, они и вправду странные люди, — промолвила она, — какие-то самовластные... Во всяком случае, он. Она... ну, в общем, кажется мне всегда немного унылой. И высокомерной. У них немного друзей — во всяком случае, к ним никогда не приходят гости. И у них нет ни детей, ни внуков, я как-то их спрашивала. По-видимому, совсем одни на белом свете. Но меня это не касается. Я никогда почти не имела с ними дел. И никогда не хотела иметь что-то с ними.

— Вы не знаете, может быть, они уехали куда-то? — спросила Карен. — Оконные ставни у них постоянно закрыты.

— Меня не волнует, чем занимаются другие. И это всегда мне помогало. Я всегда совала нос только в свои дела. Никогда не вмешивайся в чужую жизнь, тогда не получишь неприятностей — таков всегда был мой девиз. Я имею в виду, что собственная жизнь достаточно проблематична, вы так не считаете? Так зачем же мне привязывать к ноге еще и чужие проблемы?

— Но порой не все так просто.

— Но у меня так, — заверила старуха, а Карен подумала, что она, возможно, даже и права, как бы ужасно это ни было. Эта старая женщина казалась ей совершенно безжалостной, совершенно равнодушной — прежде всего ко всему, что происходило вокруг нее. "Можно было околоть у ее ног, и ее бы это не заинтересовало", — подумала Карен, и мороз пробежал у нее по коже.

Одновременно налетел сильный, горячий, порывистый ветер. Небо теперь было желтоватого цвета серы, издали слышались тихие раскаты грома.

— В ночь с воскресенья на понедельник, — сказала Карен, — у них горел свет и жалюзи на одном из окон были подняты. А на следующее утро там опять все было тихо. Это ведь странно, не так ли? Я пару раз позвонила им, но никакой реакции не последовало.

— А что вам так непременно нужно от них?

Карен вкратце объяснила проблему с запланированной поездкой и почтой, которая будет скапливаться в почтовом ящике в их отсутствие.

Старуха, казалось, пыталась пересилить себя и в конце концов сказала:

— Это и я смогу для вас сделать. Принесите мне заранее ключи от почтового ящика, и я позабочусь об этом.

— Ах, вы окажете мне большую услугу! — воскликнула Карен с искренней благодарностью. — Это действительно очень мило с вашей стороны.

Ее соседка что-то проворчала и повернулась, чтобы уйти. Карен предположила, что разговор окончен. Она еще раз окликнула Кенцо, который на этот раз последовал ее приказу. Боязливо, виляя хвостом, пес посмотрел на небо. Было ясно, что он проделал это скорее из-за собирающейся грозы, которая заставила его вернуться домой, чем из-за почитания своей хозяйки.

— Оставайся здесь, — приказала ему Карен, — я сейчас вернусь.

Ей пришла в голову идея.

"Я просто-напросто посмотрю", — подумала она.

Несмотря на то что уже упали первые капли дождя, женщина быстро побежала из своего дома к таинственным соседям. Ей даже не пришлось подходить близко к садовой калитке, чтобы увидеть то, что она собиралась проверить: почтовый ящик, из которого торчал угол конверта, и трубка для газет с двумя скомканными газетами. Еще одна лежала рядом и теперь размокнет под дождем.

Соседей Карен не было дома. И они, видимо, никому не поручили

позаботиться об их почтовом ящике и не подумали о том, чтобы отменить доставку газет. Между тем, это совершенно не вязалось с их образом. Как бы мало Карен ни знала эту пару, но она была готова с уверенностью заявить, что они никогда не уехали бы, оставив после себя неустроенность. Пусть эти люди были неприятными и властными, и совершенно очевидно, в них также глубоко сидел комплекс преклонения перед авторитетом, но они были аккуратными, умело вели свою жизнь и ни в коей мере не были безалаберными.

Карен уставилась на дом, стоящий в полной тишине, с опущенными жалюзи. Дождь усилился, и она зябко передернула плечами, не зная, связан ли ее озноб с дождем или нет.

Как выразилась старуха несколько минут назад? "Зачем же мне привязывать к ноге еще и чужие проблемы?"

Карен медленно повернулась, чтобы уйти.

5

Он ужаснулся, увидев Ребекку в таком состоянии. Он видел ее в последний раз на похоронах Феликса, когда она была шокирована, полна отчаяния и в совершенном замешательстве; но при всем том Ребекка еще была той женщиной, которую он знал. А теперь, спустя девять месяцев, ему казалось, что перед ним стоит совершенно изменившийся человек.

Она сильно похудела, но этого следовало ожидать, и он принимал это во внимание. А поскольку Ребекка, невзирая на потерю веса как минимум на двенадцать килограмм, очевидно, не покупала себе новую одежду, брюки и футболка висели на ней мешком и еще больше усиливали плачевное впечатление худобы. Она была бледной, как привидение, почти прозрачной, а ее лицо невероятно изменилось: щеки Ребекки стали настолько впалыми, что кости над ними казались выше и шире, чем раньше. Она выглядела жестче, чем прежде, и намного старше своих сорока трех лет.

Но что его по-настоящему напугало, так это притупленное — он чуть не подумал, мертвое — выражение ее глаз. Это были мутные глаза, без малейшего блеска, без единой искорки, без каких-либо эмоций. Он даже не мог сказать, что это были *печальные* глаза. Просто глаза, не выражающие вообще никаких чувств. Пустые. "Как будто она умерла вместе с Феликсом", — подумал он в полном замешательстве.

Они сидели на задней террасе, и перед ними простиралась

фантастическая картина скал, моря и светящего голубизной летнего неба. Ребекка поставила на стол салаты, сыр, багеты и легкое белое вино. Сама она только пригубила вино, а к еде вообще не прикасалась.

После продолжительного молчания, которое для Максимилиана сопровождалось неприятным чувством, что Ребекка только и ждала, когда же гость наконец уйдет, он неожиданно произнес:

— Это неправда, что я сказал сегодня в обед по телефону. Что я в любом случае буду в этих краях. Я, в принципе, приехал только ради тебя.

— Я так и думала. — Даже голос Ребекки был не таким, как раньше. В нем не хватало тепла, и его мягкая мелодичность тоже совершенно исчезла. В принципе, голос был так же лишен всяких эмоций, как и ее глаза. — Почему бы еще ты мог оказаться в этих краях?

— Вот именно, — согласился ее гость, — раньше я приезжал ради вас. А теперь — ради тебя.

Женщина посмотрела на него.

— Тебе незачем беспокоиться из-за меня, Максимилиан. У меня все есть, что мне нужно. Феликс оставил мне достаточно денег, чтобы...

Мужчина перебил ее:

— Извини, Ребекка, но ведь речь сейчас не о том, есть ли у тебя все, что нужно. Или достаточно ли у тебя денег... Конечно же, я волнуюсь за тебя! Ты внезапно бросила Германию и скрылась здесь, на юге Франции, где ты ни одного человека не знаешь, где у тебя нет работы, и живешь совершенно одна в этой глуши. Ты ни разу не позвонила! И я просто не выдержал. Мне нужно было выяснить, жива ли ты вообще!

Ребекка слегка улыбнулась. Ну, на самом деле просто растянула губы, что при очень большом желании можно было бы интерпретировать как улыбку.

— Откуда ты вообще узнал, что я здесь?

— Догадался. В принципе, это могло быть только здесь: место, которое Феликс любил больше всего. Я предполагал, что ты уединишься в этом доме.

— Вот именно, — сказала Ребекка, — ты ведь и сам видишь. Место, которое Феликс любил больше всего. Поэтому мне здесь хорошо.

Максимилиан почувствовал, что почти пришел в ярость, и ему пришлось приложить усилия, чтобы собеседница не заметила этого.

— Не сердись на меня, Ребекка, но на женщину, которой хорошо живется, ты совершенно не похожа! У тебя лицо бледное, как мел, ты худа, как жердь, и ты двигаешься как в трансе. Видела бы ты себя!.. Да это и неудивительно. Ты живешь здесь в обществе мертвого, а это...

Гость заметил, как хозяйка дома резко вздрогнула.

— Извини, — сказал он, теперь уже мягко, — но у меня сложилось именно такое впечатление. Здесь так много воспоминаний о Феликсе, но ведь его самого уже нет...

— Да что ты говоришь? — цинично спросила женщина и прикурила себе сигарету. Ее пальцы слегка дрожали.

— Ты вовсе не должна его забывать, — сказал Максимилиан. — Это в любом случае никому из нас никогда не удастся. Но мы, несмотря на это, должны жить.

— Кто сказал, что мы должны?

Мужчина вздохнул.

— Тебе необходимы люди вокруг тебя. Друзья. Знакомые. Работа, которая наполняла бы тебя. Тем самым ты вовсе не предашь его. И не утратишь воспоминания. И этот дом останется тебе. Ты ведь сможешь в любое время...

— Максимилиан, — сказала Ребекка, и на этот раз в ее голосе, который до этого был таким глухим, прозвучало что-то категоричное, — я не просила тебя вмешиваться в мою жизнь. Ты хотел навестить меня, и я согласилась. Но я не желаю сейчас в чем-то оправдываться. Как я живу — это мое дело.

Ее собеседник тоже взял себе сигарету. Он, собственно, бросил курить, но в данный момент посчитал, что без сигареты не выдержит.

— Он был моим лучшим другом, — резко произнес Максимилиан, — а ты была его женой. Это мой долг перед Феликсом — не допустить, чтобы ты пропала, и поэтому ты так просто не отделаешься от меня, как отделалась от всего остального в своей жизни. Боже мой, — он встал, размахивая своей сигаретой, — лучше бы Феликс не обеспечил тебя в финансовом плане! Тогда тебе пришлось бы работать! Тогда ты не смогла бы расслабляться здесь, уставившись на стены...

Брандт тоже поднялась. Ее лицо вновь стало похожим на маску. Несмотря на то что она ничего не сказала, гость понял ее движение: она хотела, чтобы он ушел. Для нее эта короткая встреча окончилась.

— Ребекка! — беспомощно взмолился Максимилиан.

Она не ответила. В повисшей между ними тишине они услышали, как тихо скрипнула садовая калитка.

Хозяйка дома наморщила лоб.

"К ней не приходит ни один человек, — подумал Максимилиан. — Скрип калитки вызвал такое выражение у нее на лице, с каким другие реагируют на землетрясение".

— Это ко мне, — сказал он, — наверное, мои попутчики.

Ребекку, казалось, это не интересовало. Тем не менее она открыла рот, и впервые за все время, что Максимилиан был у нее в гостях, ее взгляд стал по крайней мере сконцентрированным.

— Ты не думал о том, чтобы купить у меня "Либель"? — спросила она.

Ингу очень беспокоили ее ноги. У нее начались пульсирующие боли, расходящиеся до самой щиколотки. Пока Мариус устанавливал палатку, она размотала бинты и испугалась, увидев кровавые кратерообразные раны, которые, вместо того чтобы начать заживать, выглядели еще хуже.

— Кажется, мне нужно обратиться к врачу, — сказала женщина.

Ее муж как раз боролся со штангами и тентом. Максимилиан Кемпер высадил их перед пустующим, совершенно заросшим участком, граничащим с усадьбой его знакомой, которую он хотел навестить. Высокая трава и переплетенные между собой усики вьющихся роз образовали почти непроходимый хаос, но супруги все-таки как-то пробрались к тенистому месту под высокими деревьями и обнаружили там покрытую мхом лужайку, которая была пригодна для установления палатки. Мариус прошел дальше и с восторгом сообщил, что чуть дальше начинаются скалы, опускающиеся в море.

— Ты должна это увидеть, ты должна это увидеть! — звал он ее, но Инга только отмахнулась:

— Не сейчас, Мариус. Я почти не могу ходить. Я даже с палаткой тебе не могу помочь. У меня страшно болят ноги.

— Нет проблем. Я сам все сделаю! Оставайся сидеть и отдохни!

Теперь, когда она упомянула, что ей, видимо, придется обратиться к врачу, ее супруг оторвался от своей работы.

— В самом деле? — спросил он. — Все так серьезно?

— Похоже, да.

Он подошел ближе и посмотрел ее ноги.

— Боже мой! Действительно ужасно... Это, наверное, безумно больно!

— Да уж, удовольствием не назовешь... Мне нужна какая-нибудь мазь против воспаления.

Мариус немного поразмыслил.

— Знаешь что, я сейчас схожу в этот дом. Может быть, у знакомой Максимилиана найдется что-нибудь, что тебе поможет. Или тот отвезет

тебя к врачу.

— Мне немного неловко, — сказала Инга, хотя и знала, что у нее нет другого выхода, кроме как еще раз обратиться к этому любезному мужчине, который привез их обоих сюда.

Она посмотрела вслед мужу, который проворно прошел между высокой травой и исчез. В той маленькой деревушке на севере Прованса они с Кемпером быстро нашли Мариуса, после того как покрутились по нескольким улочкам. Он сидел в тени оливкового дерева и преспокойно дремал. Инга тяжело вздохнула.

— Таким образом он, конечно, не сможет найти супермаркет, — сказала она, а Максимилиан засмеялся.

— Супермаркета здесь наверняка тоже нет.

Мариус испуганно вскочил, когда возле него остановилась машина, и посмотрел на Ингу с большим недоверием.

— Эй! Что случилось? Откуда...

— Садись, — холодно произнесла его жена. — Пока ты здесь мирно дремлешь, я организовала попутную машину к морю.

Видно было, что ее супругу стало неловко.

— У меня закружилась голова. Наверное, от жары. Я, собственно, хотел только ненадолго присесть, но... видимо, задремал...

Он протер глаза, и Инга пожалела о своих язвительных мыслях. Она сама была не в состоянии сделать даже один-единственный шаг, но Мариус, по крайней мере, должен был быть в порядке.

Женщина представила мужа и Максимилиана друг другу, и Кемпер еще раз повторил, что он едет в Кап-Сисье.

— Я хочу навестить там свою старую приятельницу. Если вы хотите присоединиться...

Мариус, конечно, тут же снова оказался в выигрышном положении, словно он уже предсказывал, что кто-то появится и отвезет их прямо к Средиземному морю. Ему тоже дали напиток, и он, с триумфом глядя на Ингу, вскинул руку с поднятым большим пальцем. Она посмотрела на свои ноги, терзавшие ее болью, и подумала, как же быстро у ее мужа все налаживалось, как поспешно он отстранял от себя только что перенесенные трудности. Но это, возможно, было связано еще и с тем, что проблемы никогда так сильно не давили на него и не задевали его, как это было у Инги. Она была в панике, не он. Она с самого начала видела лишь проблемы в запланированной поездке. Она считала, что никто не появится, чтобы вытащить их из затруднительного положения. Она чуть не упала без сил, не он. Мариус никогда не сдавался. Потому что он был более

отважным, более убежденным и самоуверенным? Хм... подобные качества Инга не стала бы приписывать ему.

Об этом она думала и сейчас, сидя на лужайке в приятной тени под деревом и глядя ему вслед. Нет, скорее всего, было так: она считала, будто на самом деле мужа не трогали никакие события, никакие ситуации. Несмотря на его радостную беззаботность, которую с первого взгляда все всегда расценивали как обычную жизнерадостность, он всегда казался ей немного отстраненным от мира сего, замкнутым в своего рода коконе, который не пропускал к нему все неприятное, трудное, проблемное. Но, возможно, и все прекрасное тоже. Несмотря на постоянно сменяющееся лицо Мариуса, у Инги порой складывалось впечатление, что на самом деле наполняло его не счастье. То, что придавало ему такой солнечный вид, было всего лишь отсутствием несчастья.

Это не было искренним.

Инга решительно подавила в себе эти мысли. Это всегда было ее слабостью — анализировать людей и ситуации. Ее последние отношения с парнем на этом и сломались, и ей не хотелось повторять ту же ошибку. Вполне логично, что между ней и Мариусом должны были возникнуть проблемы. Мужчина, воспринимающий жизнь такой, как она есть, и мало задумывающийся о завтрашнем дне, — и женщина, ломающая себе голову в беспокойстве о будущем; естественно, таким образом сталкиваются два мира.

"А может быть, это и хорошо для нас, — сонно подумала она и упала назад в траву, разглядывая невероятно голубое небо над собой. — Может быть, он сделает меня немного шустрее, а я позабочусь о том, чтобы он, насквозь доверчивый, не вляпался когда-нибудь в глупую историю..."

Инга закрыла глаза.

Когда она вновь открыла их, то не знала, сколько прошло времени и спала ли она. Теперь Инга смотрела в улыбающееся лицо Мариуса. Рядом с ним стоял Максимилиан, который озабоченно ее разглядывал. И еще она увидела женщину. Очень красивую, с длинными темными волосами, бледным лицом и бесконечно печальными глазами. Эта женщина держала в руках тубик с мазью и перевязочный материал и покачивала головой.

— Здесь я ничем не могу помочь. Раны воспалились. Будет лучше, если ее посмотрит врач.

— О'кей, — сказал Максимилиан и протянул Инге руку. — Вы сможете дойти до машины?

Она кивнула.

— Тогда я сейчас отвезу вас к врачу, — сказал Кемпер.

Четверг, 22 июля

1

Телефон зазвонил посреди ночи. Карен спала беспокойно и неглубоко, поэтому тут же проснулась, привстала и начала вслушиваться в темноту. Ее сердце бешено стучало. Стрелки на электронных часах около кровати показывали половину третьего. Звонок в такое время не предвещал ничего хорошего.

Телефон снова зазвонил, и его звук был намного сильнее, чем днем.

— Вольф, — прошептала Карен, — телефон...

Ее муж пробормотал что-то невнятное, обернул свою подушку вокруг головы и перекатился на живот. Было ясно, что он не встанет, так что женщина спустила ноги с кровати на пол и протопала к аппарату, стоявшему в прихожей.

— Да? Алло?

Сначала Карен вообще ничего не могла расслышать. Потом на другом конце линии послышался какой-то звук, похожий на дыхание. Сдавленное, напряженное дыхание.

— Алло? — спросила женщина еще раз. — Кто это?

Она снова не получила ответа, но дыхание стало немного громче. Все было так странно, что в голову Карен тут же пришли истории, которые она слышала и читала: о мужчинах, которые в самое невероятное время звонили женщинам, наслаждались их смятением или страхом и получали от этого сексуальное наслаждение. Правда, такие мужчины чаще всего говорили непристойные вещи или угрожали, а этот тип вообще ничего не говорил. К тому же — и она даже не могла сказать почему — у нее сложилось такое впечатление, что это странное дыхание было похоже вовсе не на тяжкие вздохи сексуального маньяка, а на то, как человек тяжело дышит от страха и от напряжения. Как будто кто-то задыхался и был не в состоянии говорить.

— Пожалуйста, скажите же что-нибудь, — проговорила она.

Незнакомый абонент, видимо, пытался что-то произнести, но получился лишь сдавленный звук. Дыхание стало еще тише и звучало теперь как хрип.

— Скажите мне свое имя, — просила Карен, — иначе я положу трубку.

В ответ снова послышалось одно лишь дыхание, слабое и неравномерное.

— Послушайте, кто бы вы ни были, я ничем не могу вам помочь, — сказала Карен. — Вы должны сказать мне свое имя, или адрес, или номер телефона. Иначе я действительно ничего не смогу сделать для вас.

Она подождала, не имея понятия, сколько времени прошло — одна-две минуты или больше. Лишь почувствовала, что, невзирая на теплую ночь, холод пробирается вверх по ее ногам, и ей приходилось зябко переминаясь с ноги на ногу. И еще почувствовала, что к ней потянулось что-то угрожающее, что в ее жизнь только что проникло то, что никак не было связано с ее прежним существованием.

— Я сейчас положу трубку, — поспешно сказала Карен, что и сделала, после чего уставилась на телефонный аппарат, словно ожидала от него каких-то объяснений или других реакций, даже если это будут просто новые звонки. Но ничего не происходило. Ночь вновь была тихой и спокойной, словно и не было этого странного звонка и дыхания в трубке.

Карен быстро юркнула обратно в постель. Она знала, что теперь ей вообще не заснуть.

— Вольф, — прошептала она.

— Ну что? — пробурчал ее муж.

— Так странно... Кто-то был на проводе, но ничего не сказал. Только дышал...

— Какой-нибудь шутник. Есть такие люди.

— Не знаю... он... или она... так странно дышал...

Вольф зевнул.

— Ну значит, это был какой-то извращенец. Он возбуждался от твоего голоса.

— Это было не такого рода дыхание. Это было... — Если б Карен только могла описать это словами! — Как будто кто-то был в настоящей беде. Нуждался в помощи. Кто-то, кому не хватало воздуха. Он пытался что-то сказать...

Вольф снова зевнул.

— Карен, у тебя безудержная фантазия. Ты воображаешь себе самые невероятные вещи. Но знаешь, что было бы очень мило? Если б ты проделывала это не среди ночи. Есть люди, которым днем нужно тяжело работать, и им необходим сон.

— Но не я же заказывала этот звонок! — воскликнула женщина, и тут ей в голову пришла новая мысль, и она приподнялась. — А вдруг это была моя мать?

— Твоя мать не станет звонить тебе в это время.

— Если б ей понадобилась помощь, то позвонила бы.

Карен часто беспокоилась о своей матери. Та жила совершенно одна в большой квартире, которую оставил ей покойный муж, и упорно сопротивлялась попыткам своей дочери уговорить ее переехать в меньшую квартиру, поближе к своей семье. Карен с удовольствием взяла бы ее к себе, но как только она затевала разговор на эту тему, Вольф тут же вспыхливо начинал протестовать: "О боже, нет! Только не это! Твоя мать — милая женщина, Карен, но жить под одной крышей с тещей — вот уж это мне действительно не нужно! Лучше сразу выбей у себя это из головы!"

— Я позвоню маме, — решила Карен и снова встала с постели. — Иначе не успокоюсь.

Вольф застонал.

— Нет, правда, Карен, порой ты просто невыносима! Оставь бедную женщину, пусть спит... Боже, как только можно быть такой истеричной? Ты представляешь себе, скольким людям звонят по ночам какие-то шутники? Но те не устраивают такой переполох!

Однако его жена уже была в прихожей, у телефона, и набирала номер своей матери. Прошло довольно много времени, пока пожилая женщина ответила. Ее голос был зашпанным, и она чрезвычайно удивилась, когда поняла, что звонит ее дочь.

— Боже мой, Карен! Что-то случилось? Что-то с детьми? Или с Вольфом?

Как выяснилось, она никак не была связана с таинственным звонком и очень удивилась тому, что ее дочь предполагала, будто она могла ночью просить о помощи.

— Ну, так я сразу вызвала бы "неотложку", — сказала мать и тут же с упреком добавила: — Должна сказать, что ты меня сейчас здорово напугала. У меня аж сердце заколотилось... Больше не делай этого, Карен. Что с тобой? Мне кажется, ты немного перенапряжена в последнее время.

Этот упрек задел Карен — в конце концов, и Вольф утверждал то же самое. Она почувствовала, что вновь готова расплакаться.

— С чего ты взяла? — спросила она, но ее голос показался даже ей самой пискливым и неуверенным, как у школьницы.

— Ну, ты же недавно рассказывала мне, что не можешь найти никого, кто присмотрит за вашей почтой, когда вы будете в отпуске, и показалась мне при этом такой расстроенной... Словно это проблема мирового масштаба! — фыркнула ее мать.

У нее могла быть и договоренность с Вольфом. *"Нам действительно*

нужно поговорить с Карен! Она становится все более и более странной. Расстраивается по поводу вещей, из-за которых вообще не стоит расстраиваться. С ней нелегко. А ведь когда-то она была совершенно разумным человеком!"

— Этот вопрос уже разрешился, — сказала Карен, и ей показалось, что это прозвучало уже совершенно невыносимо, словно она оправдывалась. — Я имею в виду, с почтой. Я уже нашла кое-кого.

— Ну вот, видишь! Не надо только сразу разводить панику... Сейчас я сделаю себе чай с ромашкой. Боже, такой звонок среди ночи действительно может кого угодно напугать!

"Да уж, и еще больше, если на другом конце провода кто-то так дышит, — подумала Карен. — Но то, что я расстроилась и испугалась, все находят странным. И называют меня эксцентричной и истеричной. Зато мама сделает себе успокоительный чай и будет считать, что она в полном порядке".

Карен натянула на себя одеяло до самого подбородка. Она почувствовала необходимость зарыться глубоко в норку, обрести там чувство тепла и защищенности, побыть одной. Просто одной. Лучше всего было бы, если б она вообще была одна на белом свете...

— Ну и, — донесся до нее голос Вольфа, — была твоя мать тем человеком, что навел на тебя ужас своим дыханием?

— Нет, — коротко ответила Карен.

— Надо же, — произнес ее муж. — Зато теперь она разбужена и, вероятно, весьма расстроена, и ей придется опять пить ромашковый чай, чтобы успокоиться... Вот это ты действительно хорошо сделала, Карен. Bravo!

"Почему же он всегда, *всегда* попадает в точку?" — безутешно спросила себя Карен и уставилась в темноту с широко раскрытыми глазами. По дыханию Вольфа она поняла, что тот быстро опять заснул.

"Если б у меня были силы, — вдруг подумала она, — если б у меня были силы, то я бы покинула его".

Эта мысль, со всеми ее последствиями, настолько напугала Карен, что весь остаток ночи она размышляла над ней и даже временами забывала о странном звонке.

корпусами, и этот звук можно было различить, даже несмотря на крики и смех большого количества народа вокруг, громкие крики чаек и лай собак, которые носились туда-сюда, играя друг с другом, посреди толкотни на портовом бульваре. На мачтах глухо постукивали канаты. С моря веял ветерок, не принося ни малейшей прохлады; казалось, будто он несет с собой горячий песок Африки. На небе не было ни единой тучки.

— Судно хорошо выглядит, — с похвалой произнес Максимилиан. — Вы действительно очень добросовестно следили за его состоянием, Альберт!

Начальник порта был заметно рад этой похвале: он смущенно двигал туда-сюда свою рыбацкую кепку на голове, и его загоревшее лицо сияло от радости.

— Мне это доставляет удовольствие. Такое красивое судно... Я с удовольствием за ним ухаживаю.

— Это "Виндо"! — радостно воскликнул Мариус. Он с видом знатока стоял рядом с этими двумя мужчинами и рассматривал "Либель". — На ней, видимо, здорово плавать под парусами!

Максимилиан удивленно взглянул на него.

— Вы что, разбираетесь в этом?

— Конечно. У меня есть капитанская лицензия, и я уже побывал во многих местах. И на Северном море. Мой старик всегда брал меня с собой, он просто с ума сходил по этому виду спорта.

— Хм, — произнес Кемпер.

Он взял с собой в машину Мариуса и Ингу, когда поехал в Лё-Брюске, чтобы Инга еще раз посетила врача, а ее муж смог закупить продукты, пока сам он взглянет на "Либель". Максимилиан знал это судно, так как часто ходил на нем с Феликсом под парусом. Его удивил вопрос Ребекки, хочет ли он взять судно себе — Максимилиан не думал, что она будет в состоянии отдать сокровище своего покойного мужа.

— Я поговорю с Ребеккой, — сказал он. — Может быть, она разрешит, чтобы вы с Ингой разок поплавали на ней. Тогда сможете искупаться в открытом море прямо с яхты. Ведь на официальных пляжах в это время года можно с ума сойти.

— Это было бы действительно здорово, — сказал Мариус, и лицо его засияло от счастья. — У нас мало денег, и мы не смогли бы взять напрокат яхту... В общем, я думаю, что и Инга посчитает эту идею великолепной!

Они попрощались с Альбертом и отправились обратно к автомобилю. Там их ждала Инга, уже завершившая визит к врачу. К ее облегчению, раны быстро и хорошо заживали, и она уже скоро должна была без проблем

начать ходить.

Когда мужчины сели в машину и Максимилиан завел мотор, Инга неожиданно спросила:

— А что, собственно, с ней?

Кемпер непонимающе посмотрел на нее.

— С кем?

— С Ребеккой. Я имею в виду госпожу Брандт. Она невероятно печальная. Никогда не смеется и выглядит страшно несчастной...

— Девять месяцев назад она потеряла своего мужа. Автокатастрофа; он столкнулся лоб в лоб с выехавшей на встречную полосу машиной. Это был страшный шок. Боюсь, что она до сих пор не оправилась от него.

— Она постоянно здесь живет?

— Раньше это был лишь дачный дом, но теперь Ребекка здесь совсем уединилась, и это, конечно, весьма нехорошо для нее. В принципе, она здесь никого и не знает, кроме начальника порта, да и с ним ее связывает лишь поверхностное знакомство. Она очень одинока.

Они оставили городок позади себя. Узкая дорога вела через лес. Здесь было сумрачно и, несмотря на солнечные дни в разгаре лета, поразительно мрачно.

— Там, наверху, где она живет, чертовски уединенно, — произнес Мариус. — Великолепное место, но я считаю, что оно нетипично для этой области.

— Подождите, вы еще увидите темные скалы Капа. Вот это действительно неповторимо, — сказал Максимилиан. — Они придают Капу поистине угрожающий вид. Кстати, для парусников это рискованный уголок. В море перед Капом есть непредсказуемые течения, и море в том месте может быть по-настоящему диким.

— А на что живет Ребекка? — продолжил расспросы Мариус.

Кемпер быстро скосил глаза на его бесхитрое, открытое лицо.

— Феликс, муж Ребекки, хорошо обеспечил ее. Он был очень известным и состоятельным врачом. Ей не нужно работать, и она может полностью предаться своей скорби. — Последние слова Максимилиан произнес с большой горечью.

Молодой человек взглянул на него.

— Она была с ним очень счастлива, не так ли?

Кемпер грустно усмехнулся.

— Счастлива? По отношению к Феликсу и Ребекке это звучит почти банально. Они были сказочной парой. Кто бы мог подумать, что жизнь разлучит их так рано... Когда Феликс погиб, ему было сорок четыре года,

Ребекке — сорок два. Это так... это так несправедливо...

Все трое молчали, пока машина ехала по винтовой, крутой, узкой и ухабистой дороге вверх. Между деревьями и скалами то и дело мелькали небольшие участки моря, сияющего голубизной и сверкающего на солнце. По окраинам лужаек стояли корявые древние оливковые деревья с причудливо изогнутыми стволами и ветвями; их листья светились на солнце, как светлое серебро.

— Здесь тоже не всегда лето, — неожиданно сказал Максимилиан, — здесь тоже бывают длинные, темные зимние ночи, туманные осенние утренние часы и дни, в которые с утра до вечера льет дождь, а облака сливаются с морем в единную серую массу... Каково же это быть там наверху совсем одной? Как она это выдерживает?

Он говорил больше сам с собой, но Инга все же обратилась к нему:

— Вы очень переживаете за нее, не правда ли?

— Да. Он — я имею в виду, Феликс — был моим лучшим другом. Я испытываю ответственность за его вдову, но не знаю, что могу сделать.

— У них не было детей?

— Нет. Как-то не получилось. Но Ребекка развернула невероятно активную деятельность, направленную на помощь детям. Вначале она училась на медицинском, но потом сменила направление и стала дипломированным психологом. Пятнадцать лет назад создала общество, которое занималось проблемными семьями — детьми, с которыми жестоко обращались, и родителями, применявшими насилие, тоже. Были установлены телефоны для оказания психологической помощи, проводились консультации, курсы групповой терапии и всякие прочие меры. Ребекка просто-напросто раскрылась в этом деле. Это общество — оно называлось "Детский крик" — имело очень хорошую репутацию и тесно сотрудничало с различными инстанциями по работе с детьми и юношеством. Эта женщина, — Кемпер стукнул ладонью по рулю; его жест выразил не столько агрессивность, сколько беспомощность, — эта женщина, которая прозябает там в одиночестве, как безжизненная тень, была еще год назад активным человеком, с утра до вечера окруженная людьми, постоянно выступавшая в защиту других, полная идеями и энергией! При этом жизнерадостная и оптимистичная. Она была очень позитивным человеком, благотворно влиявшим на других. Просто в голове не укладывается, что она теперь...

Он не договорил фразу, спрашивая себя, действительно ли все это непостижимо. Тому, кто знал Ребекку и ее мужа и встречал их в жизни, было ясно, что смерть Феликса должна была вырвать у его жены и сердце,

и душу. Тем не менее — Максимилиан был убежден в этом — где-то в ней еще жила та, прежняя Ребекка, глубоко погребенная под толстыми слоями отчаяния, меланхолии и непреодоленной скорби. Проблема заключалась в том, что она никому не давала возможности проникнуть к прежней Ребекке и вновь пробудить ее к жизни. Она так радикально оборвала свою прежнюю жизнь, что, кроме него, Максимилиана, вряд ли кто-то осмелится перешагнуть границы, которые она четко проложила.

Остаток пути никто больше не разговаривал. Максимилиан обдумывал свои дальнейшие шаги. Вечером, сразу после прибытия, он снял номер в расположенном неподалеку отеле "Санари" — спросить Ребекку, можно ли ему занять гостевую комнату, Кемпер не осмелился, а она сама это не предложила. С тех пор он дважды видел ее, и каждый раз она казалась... не сказать, чтобы радостной. Свои визиты к ней Максимилиан вообще мог теперь оправдывать лишь своим интересом к яхте, но и под этим предлогом нельзя было продолжать общение с ней вечно. К тому же он, в принципе, уже давно принял решение насчет "Либель". Яхта слишком сильно напоминала ему Феликса. Может быть, когда-нибудь он купит себе парусник, но совсем другой...

Максимилиан высадил Мариуса и Ингу у незастроенного участка и какое-то мгновение смотрел им вслед. На обоих были шорты, из-под которых торчали уже слегка загоревшие ноги. Инга еще немного прихрамывала. Ее муж небрежно помахивал белым полиэтиленовым пакетом с покупками.

"Каким беззаботным можно быть в этом возрасте! — подумал Максимилиан. — Солнце, море, палатка, и ты наедине с любимым человеком — этого вполне достаточно, чтобы быть счастливым".

Он проехал еще несколько метров до садовой калитки Ребекки и вышел из машины, внутренне вооружившись против скорби и неприятия, которые его ожидали. Калитка скрипнула, когда он ее отворил.

"Она слышит скрип и наверняка уже раздраженно вздыхает", — удрученно подумал Кемпер.

Он застал хозяйку на веранде с задней стороны дома. Она развешивала белье на сушилке — пару футболок, нижнее белье и носки — и даже не взглянула на Максимилиана.

— Я тут постирала для молодых людей, — произнесла она, словно должна была отчитаться за свою деятельность. — Молодая женщина... как там ее, Инга? — пришла ко мне сегодня утром и спросила, есть ли внизу, в поселке, прачечная. Тогда я предложила... — Ребекка не договорила фразу.

— Я надеюсь, что не заварил тебе здесь кашу, — неловко произнес ее

гость, — тем, что привез этих двоих.

Она передернула плечами.

— Навечно они тут не останутся.

— Конечно нет. — Максимилиан наблюдал за ее занятием. У нее все еще были проворные движения женщины, которая быстро справляется со всеми делами, потому что времени у нее в обрез.

"Ах, Ребекка!" — печально подумал ее друг.

— Я еще утром собирался к тебе, — сказал он, — но потом решил сперва быстро свозить этих молодых людей в поселок. Инга еще раз сходила к врачу, а Мариус хотел закупиться. Воспользовавшись случаем, я и для тебя кое-что купил. — Кемпер приподнял пакет с покупками, который он поставил рядом с собой на каменную плитку. — Фрукты, сыр и очень хорошее красное вино. Я подумал... может быть, мы сегодня вечером вместе поужинаем?

Ребекка ничего не ответила.

— Я и в порту был, — продолжил Кемпер, — еще раз посмотрел "Либель". И с Альбертом поговорил. Он содержал ее в полном порядке.

— И ты хочешь ее взять?

— Я не уверен. Она сильно напоминает мне о Феликсе.

— Тебе нужно сказать только "да" или "нет". Если ты ее не хочешь, с этим тоже нет проблем.

— Все не так просто...

— За тебя я эту проблему не могу решить.

— По крайней мере, ты понимаешь, что проблема существует.

Женщина опять ничего не ответила, а ее собеседник, вдруг разозлившись на свою беспомощность, накинулся на нее:

— Черт побери, Ребекка, ты не единственная, кто горюет! Ты потеряла своего мужа. Я потерял своего лучшего друга. Родители Феликса потеряли сына. Это ведь... мы все должны как-то существовать дальше! Здесь уже ничто не поможет. *Его* жизнь окончилась. Не наша. И с этим мы ничего не можем поделать.

Женщина повесила последнее полотенце и подняла пустую корзину для белья. Впервые за все время она посмотрела на Максимилиана, и тот снова ужаснулся этой пустоте в ее взгляде.

— Ребекка, — тихо произнес он.

Ее губы скривились с выражением рассерженности и отрешенности.

— Позволь мне справиться с этим на свой лад, — произнесла она, — а ты справляйся по-своему.

— Но ты ведь вовсе не справляешься с этим, — резко произнес

Кемпер.

Но уже в следующее мгновение он понял, что его слова и выпады не понимают ее. Все это бессмысленно! Как он, собственно, и представлял себе до этого. Смерть Феликса сделала эту женщину недоступной для него и для любого другого человека, и все, чего он, возможно, добьется своим приездом в Лё-Брюске, — это то, что их дружба (во всяком случае, жалкие остатки их дружбы) тоже сломается.

— Так мы сегодня вечером поужинаем вместе? — спросил Кемпер.

Ребекка помедлила, но в конце концов все же кивнула. Ей хотелось быть вежливой, но она не проявила ни малейших признаков радости.

Максимилиан повернулся, чтобы уйти, но тут ему пришло на ум еще кое-что.

— Этот молодой парень, — произнес он, — по-видимому, опытный яхтсмен. Он был восхищен "Либель". И хотел бы разок прокатиться вместе со своей женой. Как тебе идея насчет того, чтобы позволить им это?

Кемпер, сам не зная почему, считал, что Ребекка, скорее всего, откажет. Но, к его удивлению, она только передернула плечами.

— Почему бы и нет?

Каждый раз, когда она в обеденное время подходила к почтовому ящику, ее по-прежнему охватывал страх, что *он* вновь мог дать о себе знать. Точнее говоря, ей вообще не было известно, *он* ли это, но Клара с самого начала не колеблясь исключила вероятность, что эти отвратительные письма могла писать женщина. И дело не в том, что они были переполнены описаниями жестокого насилия, — в них содержались коварные угрозы, которые вызывали ужасный страх. Кроме того, в них неоднократно прозвучал термин "*смертная казнь*". Возможно, она просто считала, что женщина не способна на такую садистскую игру со страхом, хотя порой говорила себе, что, возможно, цепляется за давно устаревшее распределение ролей, которого и без того никогда не существовало.

"Собственно, не важно, — подумала Клара, когда шла по садовой дорожке и проклинала свое усиленное сердцебиение, которое неминуемо появлялось у нее в такие моменты, — не важно, кто устроил эти подлости. Письма отвратительны и ужасны, но в последние две недели они не приходили, и мне теперь незачем расстраиваться по этому поводу".

Тем не менее рука ее дрожала, когда она открыла ключом почтовый

ящик. В нем лежали один журнал и несколько писем, и раньше она обрадовалась бы им и начала бы размышлять, кто же ей написал. Теперь же Клара стала настолько нервной, что не могла испытывать ничего, кроме страха и пришибленности. Она даже предпочла бы, чтобы почтовый ящик вообще был пустым.

"Это действительно абсурд", — подумала женщина.

Просмотрев почту, она убедилась, что от него письма не было. Его стиль Клара к тому времени уже знала, так что сразу вычислила бы его письмо. Конверт с хорошо знакомой наклейкой, на которой было бы напечатано ее имя: *"Госпоже Кларе Вейлер"*. А затем — ее адрес.

Сегодня письма от него не было. Пришел счет за телефон. Письмо от ее сестры, находящейся в отпуске на Майорке. Приглашение к участию в конкурсе и открытка с Мальдивов.

"Кто же у нас сейчас на Мальдивах?" — спросила себя Клара, отметив, что ее сердце вернулось в нормальный ритм, а ослабевшие ноги вновь приобрели стабильность.

Она пошла обратно к дому, пробежав глазами открытку.

Агнета. Она помнила Агнету. Много лет назад они работали вместе. Милая, белокурая, очень естественно себя ведущая шведка, Агнета вышла замуж за очень состоятельного мужчину — он был членом правления крупной цепи универмагов, если Клара не ошибалась, — так что путешествия в дальние страны, видимо, не были для нее редкостью. Она, конечно же, жила в шикарном районе Мюнхена Грюнвальд и, видимо, постоянно летала по всему свету.

"Здесь великолепно, — писала Агнета, — бесконечное солнце, темно-синее море, темно-синее небо, светлый, теплый песок... Я сейчас учусь дайвингу! При этом у меня такое ощущение, словно я могу от всего скрыться. Я была на грани нервного срыва, пережила в последнее время неприятные события. Расскажу тебе, когда вернусь, — хотела бы знать, что ты думаешь по этому поводу. А до тех пор — всего доброго. Агнета".

Сердцебиение опять усилилось. Клара остановилась.

Что она имела в виду?

Они не виделись уже примерно три года. Кроме того, никогда и не были близкими подругами. Просто коллегами, которые нашли общий язык и симпатизировали друг другу, не более того. Помимо служебных вопросов, никогда ничего не обсуждали и редко говорили о личном. Клара была на свадьбе Агнеты с тем богатым типом и в порядке ответного жеста пригласила ее полгода спустя на свою свадьбу с Бертом. Да, и еще она посылала Агнете в прошлом году сообщение о рождении Мари, поэтому

бывшая коллега и знала ее адрес. Но еще никогда она не присылала Кларе открытки с видом места своего отдыха, не говоря уже о том, чтобы делиться с ней проблемами, по поводу которых хотела бы услышать ее мнение.

Все это не увязывалось одно с другим. У Агнеты был свой круг друзей, у Клары — свой. Тогда почему?..

Если только...

Вейлер вновь посмотрела на открытку, которая слегка дрожала в ее руках. Агнета писала не просто о какой-то проблеме, а о *"неприятных событиях в последнее время"*. И о том, что у нее *"совсем расшатались нервы"*.

Все было точно так же, как Клара сказала бы о себе самой. Неприятные события у нее были, да еще какие! Право, у женщины, которая подходит к почтовому ящику с подкосившимися ногами и открывает его трясущимися руками, которая вечерами не может заснуть, а ночью подскакивает от малейшего шороха, явно *"совсем расшатаны нервы"*.

Не иначе, Агнета получила такие же письма, и она обратилась к своей бывшей коллеге, потому что эти письма были как-то связаны с их былой совместной работой. Потому что для нее не было никакого смысла обращаться по этому поводу к своей подруге или приятельнице. Это должен был быть кто-то из тех времен, когда обе они работали в учреждении, помогающем детям и подросткам...

Клара вернулась в дом и тщательно закрыла за собой входную дверь. Стоял жаркий день, и в обычное время все двери были бы открыты настежь, чтобы впустить в комнаты тепло и аромат разгара лета. Но с тех пор, как Вейлер начала получать эти письма, она едва решалась оставить приоткрытым хотя бы одно-единственное окно. Страх глубоко проник в ее жизнь, заполнил ее всю и вовсе не желал покидать ее. Все изменилось. И именно сейчас. Именно. С тех пор, как в сентябре прошлого года родилась Мари, Клара день и ночь только и думала о том, как же все прекрасно и счастливо сложилось в ее жизни, какой совершенной она стала. Не то чтобы раньше Клара постоянно носила траур; она и профессию свою любила. Во всяком случае, поначалу. Позже... эта работа стала действовать ей на нервы, и Вейлер словно чувствовала, что, в принципе, она была слишком эмоциональной для того, чтобы на протяжении долгого времени сталкиваться с жестким, часто слишком жестоким миром тех, кто жил на теневой стороне общества, не имея жизненных благ, и компенсировал свое разочарование в своем существовании злостью и насилием. Много лет все шло благополучно, но затем Клара распрощалась со своей работой и была

рада этому. Она любила Берта и уверилась, что навсегда останется с ним. Он не был богатым, и они, вероятно, никогда не полетят на Мальдивы, как Агнета, но у них были, как говорится, свои средства к существованию; к тому же Берт унаследовал от своих родителей маленький домик на окраине Мюнхена, расположенный уже практически в сельской местности. Мари вырастет на природе, сможет играть в саду, а также среди лужаек и лесных зарослей, которые начинались сразу же за садовой изгородью. Так же, как и ее сестрички и братишки. Клара хотела еще больше детей, но ей шел уже сорок первый год, и кто знает, улыбнется ли ей счастье еще раз? Но, по крайней мере, у нее есть Мари. В своей роли матери она расцвела. И ничего, совершенно ничего не хотела бы менять в своей жизни.

Единственное, чего ей хотелось, — это чтобы тот человек перестал ей писать. Правда, она предчувствовала, что страх не покинет ее даже в том случае, если письма перестанут приходить. Если она и успокоится, то ненадолго. Ведь этот тип все равно находится где-то там, на улице... И она уже не сможет делать вид, что его никогда не было...

Вейлер поставила открытку с видом Мальдивов перед доской для ключей в прихожей. Теплая, солнечная картинка... Агнете хорошо, она так далеко! Но она, конечно же, должна вернуться — и тоже не сможет надолго укрыться от своего страха.

Клара решила вечером еще раз поговорить обо всем этом с Бертом. Естественно, он знал об этих письмах, но назвал их чьей-то глупой выходкой.

— Кто-то позволил себе пошутить, рассылая подобную чушь, — сказал он, — но тебе не следует воспринимать это всерьез, дорогая. Лающие собаки не кусаются.

"Изменит ли он свое мнение, если узнает, что и Агнета?.."

Клара уже могла представить себе, что он скажет: *"Мы ведь еще ничего не знаем! Твоя фантазия опять тебя одолела. Пусть Агнета сначала вернется, тогда мы узнаем больше..."*

Женщина вздохнула. Внутренний голос подсказывал ей, что она вовсе не жертва своей фантазии, что совершенно точно и правильно все поняла. Но ей станет легче, когда она услышит спокойный голос Берта и позволит ему — хотя бы на короткое время — внушить себе, что все это безобидно и неважно.

А сейчас она приглядит за Мари. И займется домашними делами. Потом надо сделать покупки и приготовить что-нибудь вкусненькое для себя и Берта на вечер.

Кем бы ни был тот автор писем, она не допустит, чтобы он разрушил

ее маленький счастливый мир.

Пятница, 23 июля

1

Ноги у Инги все еще болели, но с тех пор, как она стала применять мазь, которую ей прописал врач, и менять повязки, все и в самом деле улучшилось. Она могла надевать только открытые сандалии — точнее, весь день носила только сланцы, — но при столь жаркой погоде это в любом случае более целесообразно. Ей было еще трудновато ходить, она хромала, и больше всего беспокоило ее при этом то обстоятельство, что ей приходилось сидеть в этой райской местности — а она не могла заняться ничем, что доставило бы ей удовольствие. Ей нельзя было плавать, она не могла пойти гулять или отправиться на пробежку по лесу в ранние утренние часы. Инга сидела, намертво прикованная к одному месту, и это наполняло ее всевозрастающим нетерпением и раздражением. Поэтому она с восторгом отреагировала на сообщение Мариуса о том, что Ребекка позволила им взять ее парусную яхту, чтобы прокатиться на ней.

В принципе, их отпуск складывался намного лучше, чем опасалась Инга. Вместо того чтобы сидеть в переполненном кемпинге, они нашли сказочное место вдали от толпы людей и при этом наслаждались видом скал и моря, более красивым, чем на открытках. Инга была уверена, что могла бы пробраться через скалы вниз, в бухту, и купаться там, если бы ей не мешали пораненные ноги. Почти несбыточная мечта — в июле найти на Средиземном море такое местечко.

"Еще два-три дня, — оптимистично подумала она, — и все заживет. Я буду носиться здесь, как маленький олененок. Меня ждет огромное удовольствие!"

Она стояла на деревянном причальном мостике посреди мерцающих солнечных лучей и наблюдала за Мариусом и Максимилианом, которые готовили к старту "Либель".

Кемпер привез их обоих в порт, а теперь даже еще и помогал им с яхтой.

В прошлую ночь бесновался мистраль, этот дикий, овеванный легендами шторм, который с грохотом проносится вниз по долине Лё-Рон и с бушующей силой бросается в море. Инга волновалась за палатку, которую ветер снова и снова грозился вырвать из креплений, но они с Мариусом

находились под прикрытием деревьев и сохранили свою крышу над головой. А теперь, утром, стояла полнейшая тишина; небо было высоким, голубым и неподвижным, а воздух сделался немного более прохладным и будоражающе ясным. Казалось, что весь мир очистился.

"Как трогательно заботится о нас Максимилиан!" — подумала Инга. Но тут же, следуя некоему инстинкту, предположила, что, через свою заботу о молодой незнакомой парочке, он также пытался стать ближе к Ребекке. Мариус и Инга давали ему возможность ежедневно приезжать наверх, в ее уединенное местечко, при этом заглянув в дверь к своей давней подруге. Иначе ему это никак не удалось бы — Инга явственно чувствовала это, — поскольку Ребекка полностью уединилась в своем доме. Возможно, уже ни один человек не сможет войти с ней в контакт...

Волосы все время падали Инге на лицо; в конце концов она достала из кармана брюк резинку для волос и завязала сзади хвостик. Мариус как раз занимался навигатором, который он за день до этого прикрепил к тонкому проводу, натянутому между носовой частью лодки и мачтой.

— Вы действительно знаете толк в этом деле, — одобрительно произнес Максимилиан. — Вы просто играючи справляетесь со всем. Хотя судно для вас совсем чужое.

— Я же уже говорил вам, что с детства все свои каникулы проводил на парусниках, — ответил Мариус, не отвлекаясь от своей работы.

Кемпер сложил большой парус на мачте и крепко обвязал его.

— Так, — сказал он, — а теперь нам нужно посмотреть, как там наш двигатель. Судно уже долго стояло на месте. Я надеюсь, что аккумулятор не сел... — Он взглянул на Ингу. — А вы? Вы такой же профессионал в данной области?

Та, смеясь, покачала головой.

— Я много плавала с Мариусом на парусниках, поэтому немного разбираюсь. Но меня вовсе нельзя назвать профессионалом.

— Она на самом деле хорошо с этим управляет, — возразил ее муж, — и гораздо лучше, чем утверждает сейчас.

— Если это так, то только благодаря тому, что ты хороший учитель, — ответила Инга с теплотой в голосе, и они с Мариусом обменялись взглядом, полным близости и нежности.

— Вы хотите отправиться на паруснике сегодня? — спросил по-французски кто-то позади Инги, и она с удивлением обернулась. Сильно загоревший мужчина, который незаметно подошел к ним, был ей незнаком, но Максимилиан тут же вмешался.

— Здравствуй, Альберт. Инга, это начальник порта. Альберт, Инга —

жена Мариуса, с которым вы вчера познакомились. Эти двое хотят сегодня испытать судно.

Альберт сморщил лицо и внимательно посмотрел на небо.

— Мистраль еще вернется, — отметил он.

— Еще раз сегодня? — спросила Инга. — Но все кажется таким спокойным...

— Он вернется, — твердо произнес Альберт, — где-то сегодня после обеда.

— Какие-то проблемы? — спросил Максимилиан. Он как раз попытался завести мотор, но безуспешно.

Начальник порта показал в сторону гор. Инга ничего не смогла там увидеть — только то, что небо было просто неземной голубизны и светилось, но мужчинам, казалось, раскрылись таинственные признаки, потому что Кемпер кивнул.

— Это мистраль. Он еще не ушел от нас.

Мариус закончил свою работу с оборудованием и коротко провел рукой по спине жены.

— Но это может быть еще не скоро, — проговорил он.

Альберт покачал головой.

— Я же сказал, ориентировочно сегодня после обеда.

— Но не раньше? — боязливо спросила Инга.

— Вряд ли, мадам.

— Альберт довольно точно делает прогнозы, — сказал Максимилиан, — ибо всю свою жизнь провел здесь. Мне еще никогда не доводилось слышать, чтобы он ошибся. Мы с Феликсом всегда ориентировались на его слова.

— Сейчас десять часов утра, — заметил Мариус. — Я предлагаю, чтобы мы с Ингой вернулись сюда в четыре часа дня. Таким образом, у нас будет достаточно времени, и в то же время мы избежим опасности.

— Но только в четыре — это самое позднее! — настойчиво добавил Альберт.

— Уж Инга позаботится об этом, — сказал Мариус, и его жена тут же кивнула. — Можете быть в этом уверены.

Максимилиан скрылся в каюте и вновь появился с двумя спасательными жилетами.

— Так. Пожалуйста, наденьте. На "Либель" это обязательно.

Он протянул руку, чтобы помочь Инге перебраться на судно. Она почувствовала себя не очень устойчиво в сланцах, но без труда встала на качающийся дощатый пол. Затем надела свой спасательный жилет и

почувствовала, как в ней растет предвкушение радости.

— Какой чудесный день, — сказала Инга, — и как это мило со стороны Ребекки, что она дала нам яхту! Максимилиан, вы должны еще раз передать ей нашу благодарность.

— Сделаю. — Кемпер посмотрел на Мариуса. — Я сейчас попробую завести мотор при помощи рукояти. Аккумулятор почти полностью сел, но если мотор заработает, то он зарядится. Вам нужно помнить об этом.

— Ясно. А где рукоять?

В конце концов они нашли ее, и прошло еще несколько минут, пока они убирали лестницу, ведущую в каюту, чтобы добраться до мотора, находящегося позади нее. Инга затаила дыхание. Внезапно раздался долгожданный стук мотора, и сквозь чистый воздух пробился запах дизельного топлива.

Максимилиан перепрыгнул обратно на подмости.

— Я заберу вас отсюда в четыре часа, — сказал он.

"Как здесь красиво!" — подумала Инга. Она отвязывала швартовы в носовой части по указанию Мариуса, а сам он расположился на корме у руля.

"Либель" медленно покидала стоянку. Одна чайка, все это время просидевшая на конце мачты, с возмущенным криком взлетела в воздух.

— Мы действительно отплываем! — крикнула Инга.

Она увидела, как Максимилиан поднял на прощанье руку. У Альберта, стоявшего рядом с ним, все еще было скептическое выражение лица, и Инга толком не могла понять, чем это объяснялось. Было ли это связано с погодой? Или "Либель" стала со временем его детищем, его сокровищем, которое он ревностно оберегал? Возможно, начальник порта не был согласен с тем, что Ребекка доверила свое судно этим двум чужакам, но он, конечно, не мог воспрепятствовать этому — вот что могло быть причиной выражения недовольства на его лице.

Неважно. Ингу это не должно волновать. Сегодня прекрасный день, и она проведет его на яхте наедине с Мариусом, с мужчиной, которого любит.

Инга заморгала, когда между ней и солнцем появилась тень. Это был Мариус, который на мгновение оставил штурвал, чтобы надеть свою бейсбольную кепку.

— Ты должна наконец признать, что это была не такая уж плохая идея — отправиться на юг, — произнес он.

Его жена засмеялась. Мариус был похож на маленького мальчика, который ждал особой похвалы.

— Это была грандиозная идея, — сказала Инга, — и я рада, что не

переубедила тебя своими пророчествами конца света. Доволен?

Мужчина ухмыльнулся.

— Лишь это я и хотел услышать, — объявил он и одним прыжком вернулся к штурвалу.

Они уже покинули порт. Перед ними простиралось голубое бесконечное море, и сейчас они на полных парусах будут скользить по нему.

2

Садовая калитка на участке Ребекки, как всегда, скрипнула, когда Максимилиан otvorил ее, и он, как и всякий раз, когда проходил через нее, подумал о нервном выражении на ее лице и о ее вздохах, и эта мысль непроизвольно парализовала шаги мужчины и заставила его двигаться нерешительно.

На этот раз он застал хозяйку дома на кухне. Дверь на веранду была открытой, так что он вошел без стука. Ребекка как раз терла тряпкой, как сумасшедшая, сверкающий чистотой рабочий стол, чтобы тот стал еще чище. Это было так нетипично! Все ее домашние дела раньше велись скорее небрежно, потому что у Ребекки не было ни времени, чтобы заняться этим самой, ни желания, чтобы контролировать свою довольно ленивую уборщицу. Когда Кемпер навещал их с Феликсом, его всегда умилял небольшой хаос, который вызывал у него чувство домашнего уюта. Он, бывало, сидел у них вечерами в большой неубранной кухне с бокалом вина за столом и наблюдал, как жена его друга готовит спагетти и торопливо смешивает их с готовым покупным соусом.

А теперь эта совершенно изменившаяся женщина, что была перед ним, все больше пугала его.

— Хелло, Ребекка, — произнес гость.

Конечно же, она слышала скрип калитки и, возможно, еще до этого звук мотора его машины, поэтому не испугалась, а продолжила равнодушно стирать со стола несуществующую грязь.

— Молодежь отправилась в море на яхте, — сообщил Кемпер. — Мариус — настоящий профи, это можно было заметить еще при наладке им снастей. Так что можешь не волноваться.

— Я и не волнуюсь, — ответила Ребекка.

— Я обещал забрать их в порту в четыре часа. Альберт говорит, что у нас ожидается мистраль, поэтому они должны вернуться пораньше.

— Это, конечно, разумно.

— Да... — Максимилиан нерешительно посмотрел на женщину и вдруг совершенно неожиданно, охваченный навалившейся сильной злобой, рывком схватил ее за запястье, вынудив прекратить ее идиотское занятие. — Черт побери, Ребекка, я не могу этого видеть! Я просто не могу этого больше видеть! Как ты заперлась в этом доме и растрачиваешь свою жизнь на ерунду, и выбрасываешь свое время на то, что чистишь абсолютно чистую кухню, наверное, уже в сотый раз за последние два дня! Это уже похоже на болезнь! Это не ты! Это самая скверная и ужасная растрата жизни, и энергии, и способностей, которые мне когда-либо приходилось видеть!

Женщина попыталась освободиться из его рук.

— Сейчас же отпусти меня, Максимилиан! Сейчас же!

— Нет. Потому что ты опять начнешь обрабатывать эту доску, пока не дотрешь ее до дыр! Завтра я поеду обратно в Германию и больше никогда не появлюсь в твоей жизни, но прежде хочу сказать тебе, что не испытываю к тебе больше никакого сочувствия. Нет у меня сочувствия к сентиментальности и трусости, с помощью которых ты отметаешь все, что у тебя осталось, кроме смерти Феликса. Можно понять твою скорбь, твою боль, слезы, жалобы... что бы там ни было. Но невозможно понять то, что ты явно собираешься оставшиеся пятьдесят лет своей жизни провести в этой проклятой глуши в полном одиночестве и с утра до вечера чистить и без того стерильный дом, а при скрипе калитки буквально застывать на месте, потому что тебя пугает, что к тебе может проникнуть человеческое существо, даже если это просто почтальон!

Ребекке наконец удалось высвободить свою руку из его цепкого захвата, и она со всей силы швырнула на пол тряпку, которую все еще держала в руках. Впервые за все время с момента своего приезда Максимилиан увидел в ее глазах жизнь. Они сверкали от злости.

— Кто, черт побери, сказал тебе, что я собираюсь прожить еще пятьдесят лет?! — закричала она.

Кемпер отступил на шаг назад. Вдруг в одно мгновение на кухне наступила тишина; слышалось лишь тихое жужжание холодильника.

— Ах, вот оно что, — произнес через некоторое время Максимилиан, — вот как... Странно. Когда я еще сидел в Мюнхене и собирался отправиться к тебе, у меня мелькнула мысль, которая не давала мне покоя. У меня появилось дурное предчувствие — неужто Ребекка что-нибудь с собой сделает? Я сказал себе, что это глупости. Ведь я знал тебя. Сильная женщина с большой силой воли. Она не из тех, кто сдастся; она

такая, что, стиснув зубы, движется вперед... И все-таки я не мог отделаться от некоего чувства, и под конец оно стало таким сильным, что я в конце концов понял, что должен поехать. И совершенно очевидно, что мой инстинкт меня не подвел.

Ребекка снова взяла себя в руки, наклонилась, подняла тряпку и положила ее сзади себя на умывальник. Когда она вновь обратилась к своему гостю, то выглядела уже не злой, а циничной.

— Не рассказывай мне сказки, Максимилиан. Мы ведь оба знаем, зачем ты приехал.

Мужчина перевел дыхание.

— Ребекка...

— С тех пор, как развелся — нет, по-моему, даже раньше, — ты приударял за мной. Но фатальным стало то, что я вышла замуж за твоего лучшего друга, и ты знал, что я останусь для тебя абсолютным табу. Однако теперь Феликс мертв, и спустя достаточное, по твоим предположениям, время, ты решил...

— Ребекка! — резко произнес Кемпер. — Не говори больше ничего! Пощади нас обоих. Это неправда — то, что ты говоришь. Я приехал, потому что боялся за тебя, и ни по какой другой причине.

— Ты хотел использовать смерть своего друга, чтобы взять себе то, чего уже давно желал, — невозмутимо продолжала женщина, — и я должна сказать, что большую подлость мне редко приходилось встречать.

У Максимилиана закружилась голова. Он смотрел в лицо Ребекки, полное ненависти и презрения, и думал: "О, нет! Нет, как она может такое говорить, как она может..."

"С тех пор, как развелся, ты приударял за мной..."

Она выразилась таким пошлым, циничным образом... но в чем-то Ребекка была права. Кемпер преклонялся перед ней и восхищался ею с первого момента их знакомства — и, возможно, ему с трудом удавалось скрыть это после своего развода, когда он начал проводить вечера у Ребекки с Феликсом.

Когда улеглось чувство растерянности, охватившее Максимилиана в первое мгновение, в нем вспыхнула злоба на несправедливость и резкость Ребекки, с которой она выплеснула ему в лицо это ложное обвинение.

— Ты несчастна и огорчена, — произнес он, — и поэтому обижаешь людей, желающих тебе добра. Я всегда восхищался тобой. Возможно, это мое восхищение было несколько больше, чем было мне дозволено по отношению к замужней женщине, вполне возможно; но в моих мыслях никогда не было таких чувств, которые я не мог бы в любое время открыто

показать перед Феликсом. Я всегда восхищался тем, чего ты достигла в жизни. Твой муж имел так много денег, что ты с легкостью могла бы позволить себе быть просто безмозглой супругой, у которой день проходит за игрой в гольф или теннис, в шоппинге или посещениях благотворительных торжеств, которую можно встретить либо у парикмахера, либо у косметолога, либо же на какой-нибудь дурацкой примерке элегантного платья для вечеринки. Как это делала моя жена, с которой я, в конечном итоге, не смог жить вместе. Но ты была совсем другой. Я был восхищен тем, как интенсивно ты работала, как рассказывала о сотне тысяч проблем, с которыми тебе ежедневно приходилось сталкиваться, которые порой так волновали тебя, что по ночам ты не могла спать, но за которые снова и снова неустрашимо и энергично бралась. Я как сейчас вижу, как мы с Феликсом вечером сидим у вас перед камином со стаканами виски в руках, и ты возвращаешься домой, уже довольно поздно, после какой-то консультации с проблемными родителями, или после семинара о предотвращении насилия, или что бы там ни было... Ты была уставшей, но удовлетворенной и казалась такой юной и заряженной энергией, совершенно непохожей на тех женщин, с которыми я обычно общался... Ты, в своих джинсах и свитерах, с длинными волосами, которые всегда выглядели непокорными и никогда не имели вид прически... и потом еще эти дешевые украшения из стекляшек, к которым ты питала непонятное пристрастие... Все это вместе взятое...

Кемпер пытался подобрать слова, глядя при этом в лицо Брандт, которое вновь выражало холод и недостижимую дистанцию, и почувствовал, что его речь так и не достигла цели.

— Ах, Ребекка, — произнес он, — я не желаю понимать, почему мы не должны больше просто *видеться*. Я всего этого *не понимаю*. Куда подевалась эта непоколебимая, сильная женщина, которой ты когда-то была?

— Это не должно тебя интересовать, — холодно ответила хозяйка дома.

Максимилиан с удовольствием потряс бы ее за плечи.

— Ты пропадешь здесь, Ребекка. Ты умрешь либо физически — если когда-нибудь сама позаботишься об этом, — либо внутренне. Тогда ты превратишься лишь в оболочку, которая дышит и в которой бьется сердце, но где ничто больше не живет. И если ты хочешь знать мое мнение, то по второму пути умирания ты уже чертовски далеко продвинулась.

— Это мое дело.

— Значит, ты решила продолжать в том же духе? Закопаться здесь,

проводить уборку дома, думать о Феликсе и перечеркнуть свое будущее, со всем тем, что оно тебе еще уготовило?

Женщина посмотрела на своего гостя с усмешкой.

— Что оно еще могло мне уготовить? Тебя?

В Кемпере снова вспыхнул гнев, словно кто-то подлил масла в затухающий огонь, и он подумал: "Я не обязан это терпеть. Я не обязан стоять здесь и позволять ей оскорблять меня. Да пошла она к черту!"

Вслух же он, как можно более спокойно, проговорил:

— Я сейчас уйду. Я сделал все, что мог. И никогда больше не приду, это я обещаю тебе. Ты взрослая женщина и сама должна знать, чего желаешь.

"Черт подери, — подумал он, — я разговариваю как обиженный старик, чьи добрые советы игнорируются неблагодарной молодежью! Я ведь хотел сказать совсем другое. Совершенно другое..."

— До свиданья, Ребекка, — добавил Кемпер, зная при этом, что воздержится от обязательного поцелуя в щеку при прощании. — Но, несмотря ни на что, сообщи мне, пожалуйста, если тебе понадобится помощь. Ведь вполне может быть, что... — Он сделал беспомощное движение рукой.

Женщина стояла неподвижно, как столб.

Когда Максимилиан вышел на солнце, ему стало ясно, что он должен уехать. Как можно скорее. Чем дольше он оставался рядом с Ребеккой, тем больше была опасность вновь поддаться слабости, чтобы позаботиться о ней и быть обиженным ею. Теперь он сразу же поедет в свой отель.

Но тут ему пришла в голову другая мысль, и он снова заглянул в кухню. Ребекка все еще стояла неподвижно, на том же самом месте, где была, когда он ее покинул.

— Эта молодая пара, — сказал Кемпер, — прибудет в порт в четыре часа. Может быть, ты заберешь их? Иначе им придется самим позаботиться о том, как добраться сюда. Я сейчас сдам номер в отеле и уже сегодня отправлюсь домой в Мюнхен. Во всяком случае, на меня никто из вас пусть больше не рассчитывает.

Ребекка не проявила никаких признаков, что вообще слышала его.

Где-то в обеденное время Карен решила поехать в город, чтобы купить себе что-то из одежды. Было очень тепло, но на небе скапливалось все

больше облаков, так что ей не придется бегать под палящим солнцем из одного магазина в другой. Было четверть третьего, и в это время она обычно начинала готовить обед для детей, но сегодня они участвовали в каком-то спортивном мероприятии в своей школе, которое продлится до вечера. Так что для Карен появилось неожиданное свободное время, а поскольку она в этот день чувствовала себя лучше обычного, ей в голову пришла эта сумасбродная идея. Она уже целую вечность ничего для себя не покупала, да и считала это излишним. Для ее жизни, протекавшей исключительно в четырех стенах, ей не нужны были шикарные тряпки, тем более для работы в доме и в саду, и для прогулок с Кенцо. В женских журналах, правда, всегда рекомендовали приобретение нового гардероба, если хочется почувствовать себя лучше, или же капитальное обновление имиджа у парикмахера, косметолога и так далее, но Карен никогда не придавала этому значения. Однако сегодня утром она впервые за долгое время вновь внимательно осмотрела себя в высоком зеркале в спальне, при этом ей бросилось в глаза, что она сильно похудела. У нее отчетливо выпирали ребра, на бедрах остро вырисовывались кости, живот был впалым, а ляжки — довольно дряблыми. Женщина встала на весы и вскрикнула от удивления: она весила на восемь килограммов меньше, чем в январе или феврале, когда в последний раз взвешивалась.

Карен совершенно не заметила сильной потери веса, но теперь вспомнила, что часто в те дни, когда ей было плохо, когда печаль и подавленность крепко держали ее в руках, она ничего не могла есть. А в последнее время ее к тому же еще и часто рвало от беспокойства и напряжения и оттого, что она всегда очень сильно все переживала. В основном, свой брак.

И поэтому Карен вдруг подумала: "А ведь я могла бы что-то сделать для моего брака, вместо того чтобы постоянно переживать из-за него. У меня действительно красивая фигура, но в этих мешках, которые я постоянно вешаю на себя, ее совершенно не видно. Вольф не видит ее. Когда он сегодня вечером вернется домой, то сможет увидеть меня в совершенно новом свете".

Эта мысль окрылила Карен, и теперь она проделывала свою домашнюю работу с гораздо более сильным воодушевлением и энергией, чем раньше, так что к обеду действительно управилась со всеми делами. Прежде чем отправиться по магазинам, она еще разок выпустила Кенцо в сад. И, как обычно, тот тут же рванул к изгороди и стал лаять на соседский дом, но затем повернулся, поднял свою лапу у куста роз и протопал обратно в дом.

— Молодчина! — сказала Карен. — А теперь ты послушно останешься один, хорошо? А я скоро вернусь.

Пес внимательно посмотрел на нее своими добрыми глазами. Она вышла и, конечно же, не смогла пройти мимо снова облаянного Кенцо соседнего дома, не взглянув на него. Жалюзи были, как и раньше, опущены. Никаких признаков жизни.

"Я же решила больше не думать об этом!"

Однако Карен тут же нарушила данное себе обещание. Идя к своему гаражу, она бросила взгляд на почтовый ящик соседей. Всю почту, которая торчала из-под откидной медной крышки ящика, она забрала и временно сложила дома в самый верхний кухонный ящик. Вольфу Карен ничего об этом не сказала, потому что не хотела снова давать ему повод для хорошо сформулированных, циничных комментариев; тем не менее она считала, что подобная взаимопомощь нормальна между соседями, даже если у них нет договоренности об этом.

Вот и сейчас из почтового ящика выглядывали два письма, газета и каталог мод, и Карен не мешкая взяла их. Затем еще раз позвонила, хотя точно знала, что дверь этого немого, затемненного дома не откроют.

"Вольф действительно прав, я свожу себя с ума из-за этого", — подумала она.

В городе все поначалу проходило отлично. Карен сразу же нашла место для парковки, а когда вошла в бутик, где раньше частенько покупала вещи — в то время, когда все было иначе, когда они еще жили в старом доме, а Вольф порой говорил ей, что любит ее, — продавщица тут же узнала покупательницу и радостно поприветствовала ее.

— Какой же стройной вы стали! Вы обязательно должны раскрыть мне секрет вашей диеты!

"Постоянное воздержание от любви, — подумала Карен, — действительно способно совершать чудеса!"

Но этого она, конечно, не сказала, а промямлила что-то о стрессе, связанном с переездом, и продавщица понимающе кивнула.

— Переезд — это ужасно. Однако если взамен получаешь фигуру юной девушки... Совершенно ясно, что вам необходим новый гардероб, это сразу видно. Всё на два номера меньше, чем на вас сейчас надето!

В течение последующего часа Карен купила намного больше, чем намеревалась, окрыленная комплиментами продавщицы и легкомысленно настроенная под воздействием предложенного ей бокала шампанского, которое оказало быстрое и сильное действие в этот жаркий день. К тому же она опять ничего не ела с самого утра.

Карен купила себе две пары очень узких джинсов и несколько, тоже чрезвычайно облегающего покроя, футболок, одну короткую и одну длинную юбку, и еще — это уж действительно под действием шампанского — бикини. Она еще никогда не носила бикини, даже когда была совсем юной, а теперь, после рождения двух детей, ей даже в самых отважных мечтах не приходила такая мысль.

— Но кому же, если не вам! — с энтузиазмом заявила продавщица, а затем добавила самые решающие слова: — Порадуйте же своего мужа хоть разок!

Загруженная двумя большими пакетами, Карен покинула магазин. У нее немного кружилась голова, и в глубине ее души зарождался вопрос, что же скажет Вольф при виде грядущих выписок из своего банковского счета; но алкоголь не дал ей по-настоящему побеспокоиться по этому поводу. Женщина остановилась на мгновение и задумалась. А ведь она могла бы, собственно, побаловать себя по полной программе, собрать все свое мужество и пойти в ресторан... Карен не очень-то любила делать это в одиночку, но сейчас по какой-то причине это вдруг показалось ей приемлемым. Она уже давно не ела ничего такого, что было приготовлено не ею самой, и, возможно, ей доставит удовольствие, когда ее угостят чем-то вкусным. Возможно, это даже поможет ей проглотить на пару кусочков больше обычного...

Она отнесла пакеты в машину, уложила их в багажнике и отправилась в маленький итальянский ресторанчик, который находился недалеко от банка, где работал Вольф. Совсем давно, когда у них еще не было детей, они с мужем иногда встречались там в обеденное время. Они ели пасту, а на десерт брали порцию тирамису на двоих и кормили друг друга с ложечки. А в ожидании нового блюда держали друг друга за руки и рассказывали о проведенном до обеда времени. Карен тогда еще работала, и в их жизни порой было столько событий, что они говорили одновременно, а затем, смеясь, смотрели друг на друга. Потом договаривались, кому рассказывать первым, и при этом уже снова начинали целоваться, и...

Женщина вздохнула. С появлением первого ребенка их совместные обеды безвозвратно закончились, потому что Карен не могла отлучиться из дома. Пару раз она пыталась взять малыша с собой, но тот очень утомлял их с мужем, постоянно ревел... В конце концов Вольф сказал, что подобные обеденные перерывы полностью расшатывают его нервную систему и будет лучше, если они временно прекратят эти ритуалы.

Временно... Потом появился второй ребенок, тоже ревун ("И все-таки

ты делаешь с детьми нечто совершенно неправильное!" — говорил Вольф по крайней мере раз пять в неделю), и в какой-то момент стало ясно без слов, что обеды у итальянца отменились и никогда больше не состоятся.

Карен лишь не могла понять, почему все вылилось в такой холод. Другие влюбленные пары тоже становились родителями, и у них неизбежно оставалось меньше времени друг для друга; другие мужчины тоже двигали карьеру и постоянно пребывали в стрессе и напряжении; но тем не менее им и их женам удавалось сохранить любовь друг к другу...

Или нет?

"Все ли проходят этот путь? — спросила себя Карен, идя по все еще знакомым улицам. — Может быть, все то, что происходит у нас, вполне нормально? Может быть, это я такая неправильная, раз не справляюсь с этим? Сразу же становлюсь депрессивной и постепенно, но наверняка впадаю в своего рода болезненную зависимость? В таком случае Вольф оказался бы прав. Тогда во всем виновата моя предрасположенность к истерикам и моя склонность к драматизации, и..."

Она заметила, как ее хорошее настроение улетучилось, а на смену ему пришла меланхолия. Та самая меланхолия, которая все больше была связана с Вольфом, а может быть, только с теми вещами, которые он так часто ей выговаривал. Обидными вещами. Во всяком случае, Карен воспринимала их обидными... Может быть, они вовсе и не были такими?

Колесо в голове Карен было запущено. Процесс ее копания в мыслях пришел в движение, и она знала, что на протяжении многих часов не сможет избавиться от подобных мыслей. Их карусель стала набирать темп так медленно и незаметно, что Карен не заметила этого своевременно. В самом начале еще был шанс соскочить с карусели, пока та крутилась совсем медленно; правда, Карен редко улавливала тот момент, когда это было возможно. А сегодня она его и вовсе упустила.

Карен стояла напротив ресторана, от которого ее отделяла лишь одна улица, и знала, что не сможет войти туда. Она так и так не сможет проглотить ни кусочка. К тому же у нее уже не хватит мужества вновь увидеть знакомое помещение, где перед глазами будут всплывать картины тех времен, которые никогда больше не вернутся. В конце концов, найдется еще и официант из тех же времен, который узнает ее и спросит, почему она так долго не приходила, и Карен была совсем не уверена, что тогда у нее не выступят слезы. А это, конечно, ни в коем случае не должно было произойти.

Она как раз собиралась повернуться на каблуках, когда увидела Вольфа, идущего с другого конца улицы. Это, бесспорно, был он — сразу

узнавались его немного заносчивая манера держать голову, и его светло-серый костюм, который свидетельствовал о том, что Вольф — серьезный сотрудник банка. Под лучами солнца блестели отдельные седые пряди в его темно-коричневых волосах, что придавало ему интересный и привлекательный вид. Карен тут же почувствовала себя невзрачной и незначительной, маленькой и ничтожной и уж совершенно не соответствующей тому, чтобы появляться рядом с таким мужчиной. Причиной тому была не только импозантная внешность Вольфа. Это прежде всего была его хладнокровность в движениях, его самоуверенность, которую он словно выставлял перед собой, как отражающий все атаки щит. Это был весь его облик в целом, то, как он шел по улице, — свободно, естественно, словно так и надо, без забот и страхов, не сравнивая себя с другими и не спрашивая себя, были ли эти другие лучше, красивее, умнее, образованнее или интереснее его. Проще говоря, он просто-напросто не делал, не думал и не чувствовал всего того, что обычно делала, думала и чувствовала Карен. Их разделяли миры. Успешного бизнесмена и неприметную серую мышь.

А последняя и с новыми шмотками оставалась неприметной серой мышью — это Карен поняла в тот же самый момент. Ничто не изменилось. Она лишь потратила много денег и заработала себе новые неприятности.

Рядом с Вольфом шла молодая женщина, которая как раз громко рассмеялась, откинула назад свои длинные волосы и чувственным движением руки сдвинула на лоб солнечные очки.

Действие шампанского улетучилось одним махом. Карен наблюдала за этой сценой трезво и почти без эмоций. "Как под наркозом?" — спросила она себя.

На женщине был светло-коричневый брючный костюм, а под ним — белая кофточка; она была одета вовсе не возбуждающе, скорее почти консервативно для ее еще очень юного возраста, так что напрашивалась мысль, что она тоже работала в банке. Наверное, в том же банке, что и Вольф. Коллега. Вольф отправился обедать с коллегой в обеденный перерыв. Причем к итальянцу, у которого он раньше встречался со своей женой. Это было вполне нормально. Ничто в этом не должно было тревожить Карен. Что же, Вольф теперь должен был обедать один-одинешенек? Что же, ему теперь избегать единственный хороший ресторан рядом с банком лишь потому, что он в бесконечно далекие времена держался там за ручки и целовался со своей женой?

Вольф и его спутница дошли до входа в ресторан, и он открыл перед ней дверь, а затем последовал за нею внутрь. Там, насколько Карен смогла

понять, разглядывая через окно расплывчатые силуэты, их поспешно и дружелюбно поприветствовал официант.

"Их здесь уже знают, у них уже есть здесь *свой* столик, как и у нас тогда, — подумала она. — Здесь уже знают, что они пьют, а если в конце они закажут десерт, то им принесут сразу две ложки, чтобы они могли вместе..."

Карен глубоко вздохнула и не позволила этой мысли завладеть ею. Вольф и его коллега не станут есть из одной тарелочки. Они не были похожи на влюбленную парочку. Они походили на хороших друзей, очень хороших друзей, которые вместе проводят свое строго регламентированное свободное время. К тому же Вольфу приятно показаться на людях с этой женщиной. Наверняка более приятно, чем со своей законной супругой...

Оцепенение начало отпускать ее. Карен стало почти плохо от мысли, что она могла бы раньше освободиться от шопинга, да еще выпила бы больше шампанского и действительно нашла бы в себе мужество отправиться в одиночку в ресторан. Тогда бы она сейчас сидела там, а Вольф, наверное, остолбенел бы при виде ее, и тогда ему пришлось бы представить друг другу ее и свою спутницу, и они сидели бы за одним столом и...

Все эти картины, которые Карен теперь видела перед собой, казались ей такими неприятными, что она не могла больше стоять здесь. Женщина повернулась и помчалась, как затравленная, через все улицы обратно к своей машине. Добравшись до нее, тяжело переводя дыхание, достала трясущимися руками ключи, открыла машину, влезла в нее и плюхнулась на сиденье. Бросив короткий взгляд в заднее зеркало, увидела, что опять ужасно выглядит: лицо ее было бледным, хотя щеки покраснелись от жары и волнения, волосы растрепались, а помада на губах поблекла. Великолепно. Неудивительно, что Вольф больше никуда не ходит с ней. Что он не придает никакого значения ее присутствию. Он ведь тоже знал, что дети сегодня на спортивном празднике, и мог бы спросить ее, не желает ли она поехать в город поужинать. Но ее муж, конечно, не был таким дураком. Он получил гораздо лучшее предложение. А Вольф всегда был таким человеком, всегда считал, что ему полагается все самое лучшее.

"Я не думаю, что он с ней спит, — сказала себе Карен, — так что же меня так убивает? То, что он вытесняет меня из своей жизни? И давно уже вытеснил? Что вообще уже не считается со мной, что я теперь лишь женщина, которая содержит в порядке его дом и воспитывает его детей? Это больно. Это страшно больно".

Карен была рада, что благополучно добралась домой. Ей несколько раз

сигналили, когда она, глубоко задумавшись, не поехала на зеленый свет светофора, а один раз не пропустила находящийся на главной дороге спортивный кабриолет, и тип, сидевший за рулем этой машины (рядом с ним ехала симпатичная блондинка), дико ругался ей вслед.

"Неважно, — подумала Карен, — все неважно". Хотя на самом деле ей вовсе не было все безразлично.

Когда она вышла из гаража, то заметила мужчину у садовой калитки соседей, который как раз нажимал на звонок — наверное, не в первый раз, потому что, недоумевая, озирался вокруг. Увидев Карен, он тут же направился к ней.

— Извините, вы, случайно, не знаете, может быть, семья Леновски в отъезде? — спросил незнакомец. — У меня на сегодня с ними договоренность...

Карен уставилась на него, пытаясь выйти из своих размышлений и сконцентрироваться на реальной действительности.

— Договоренность? — Ее голос звучал надтреснуто, она откашлялась. — Договоренность? — повторила женщина, подумав, что незнакомец, видимо, счел ее довольно глупой.

— Я — садовник. И должен отныне регулярно заботиться о садовом участке супругов Леновски. Мы договорились о моем сегодняшнем приходе две недели тому назад, и меня предупредили, что я должен явиться точно в срок.

— А Леновски собирались быть дома, когда вы будете работать? — уточнила Карен. — Потому что вы ведь можете и в их отсутствие пройти в сад и...

— Ни в коем случае, — с уверенностью проговорил мужчина, — у господина Леновски совершенно четкие представления, как все благоустроить. Хотя мы всё уже обговорили, он подчеркнул, что обязательно желает присутствовать при этом, на случай возможных изменений в его желаниях.

— Понимаю, — сказала Карен. Постепенно она смогла снова говорить нормально. — Знаете, мне это тоже кажется странным. Жалюзи опущены, никто не открывает; в то же время почтовый ящик переполнен... Я регулярно забираю почту, которая выглядывает сверху, а то все это уже лежало бы здесь, на садовой дорожке. Но, знаете, меня никто об этом не просил, и никому другому это тоже не было поручено, так что все это кажется мне странным.

— И в самом деле, — согласился садовник.

— Мы живем здесь недавно, — продолжала Карен; ей было приятно с

кем-нибудь поговорить. — Поэтому я близко не знаю соседей, но они показались мне... в общем, это не те люди, которые уедут просто так, оставив на произвол судьбы свой дом и сад. Они показались мне такими людьми, которые всё в своей жизни очень тщательно планируют.

— Такими же они показались и мне. По-моему, это совершенно не похоже на них, чтобы никого не попросить проследить за их почтой. И также не похоже, чтобы они пренебрегли договоренностью со мной. Они бы просто отменили этот визит, если бы что-то непредвиденное помешало. О них можно думать что угодно, но они уж точно в высшей степени благонадежны.

— Хм, — произнесла Карен, и они с садовником уставились на дом. Тот выглядел таким враждебным со своими опущенными жалюзи, таким тихим и вымершим... Лишь несколько пчелок летали, жужжа, по саду, да несколько бабочек порхали на легком ветерке.

— Мой пес постоянно лает на этот дом, — добавила Карен. — Уже всю неделю. Раньше он никогда этого не делал.

— Может быть, нам следует пройти в сад, как вы считаете? В конце концов, может быть, одно из окон не затемнено, и мы сможем заглянуть туда...

Карен заметила, как ее обдало холодом и по спине пробежали мурашки.

— А что вы ожидаете увидеть? — подавленно спросила она.

Ее собеседник пожал плечами.

— Понятия не имею. Но они оба уже немолоды... Может быть, заболели или неудачно упали...

— Оба?

— Я пройду в сад, — заявил садовник и оттолкнул калитку. Карен последовала за ним.

Трава здесь была довольно высокой — это было удивительно, если учесть, что Фред Леновски подрезал ее часто и очень коротко. Грозные дожди два дня назад наполнили водой каменные поилки для птиц, но затяжная засуха все же давала о себе знать. Герань в терракотовых горшках, окаймлявшая садовые дорожки, свесила свои головки. Большой куст маргариток около входной двери в дом начал увядать, а белые цветочки по краям уже приобрели коричневатый цвет. Из щелей между каменными плитами ступенек, ведущих в дом, пророс львиный зев — он был еще невысоким, но его явно давно не вычищали. Нельзя было сказать, что сад запущен, — многие сады выглядели примерно так же. Однако, если судить по педантичности его хозяев, он уже активно утрачивал свое чрезвычайно

ухоженное состояние.

Входная дверь состояла из деревянной рамы, посреди которой были выложены квадраты из толстого зеленого стекла, складывавшиеся в необычные геометрические фигуры. Однако через них нельзя было разглядеть, что творится внутри. Слева от двери проходила выложенная плитами дорожка вокруг дома. На всех окнах вдоль нее жалюзи были опущены.

— Конечно, может быть и так, — произнесла Карен, — что Леновски действительно в отъезде и на самом деле поручили кому-то присмотреть за домом и садом. А этот человек, может быть, болен, или забывчив, или же ему просто что-то помешало...

— Возможно, — сказал садовник, но слова Карен его явно не убедили. — Может быть, стоит поспрашивать у соседей?

Они обошли дом и оказались на террасе. Здесь расположились круглый белый садовый стол и четыре садовых стула, на сиденьях которых лежали, тщательно привязанные, бело-голубые подушечки. Скатерть в цветочек ветер снес в угол около верандной двери — там она, скомкавшись, обвивала каменную ножку пустой подставки для солнечного зонта.

— Они ведь не поедут в отпуск, оставив подушки на улице! — воскликнул садовник. — Я считаю, что здесь что-то совершенно не в порядке!

Окно и дверь на террасу были затемнены, и по всей ее ширине на уровне второго этажа простирался балкон. Спутник Карен прошел до конца газона, чтобы глянуть наверх.

— Видно мне немного, но кажется, что одно окно там без жалюзи. Можно было бы залезть на балкон...

— Но это ведь непозволительно — то, что мы здесь делаем, — смущенно произнесла Карен. — Ведь это все-таки чужой участок...

Садовник презрительно фыркнул.

— Это нас сейчас не особенно должно волновать. Я имею в виду, что здесь в высшей степени что-то неладно. В принципе, следовало бы... — Он не договорил фразу.

— Что? — спросила Карен. Она все еще не до конца переместилась в реальность; перед ее внутренним взором по-прежнему стоял Вольф, идущий по улице рядом с молодой длинноволосой женщиной.

— В принципе, надо бы сообщить в полицию, — заявил садовник.

Карен ужаснулась при этой мысли, потому что представила себе, какотреагировал бы на такое предложение Вольф.

— Я не знаю... а если потом все окажется в порядке и мы попадем в

смешное положение?

Ее собеседник хмыкнул. Вероятно, он посчитал ее типичной мещанкой из пригорода, которая, по возможности, держится подальше от всего, что каким-либо образом может создать ей трудности.

— Ну, хорошо, подождем еще два-три дня, — продолжил он, — но затем нам все равно придется что-то предпринять. Дом у вас перед глазами; вы позвоните мне, если что-то произойдет?

— Конечно, — ответила Карен, а про себя взмолилась, чтобы что-нибудь побыстрее произошло. Чтобы Леновски вернулись из отпуска загоревшие и живехонькие, и чтобы все обернулось недоразумением между ними и тем человеком, который должен был присмотреть за их домом. Тут ей припомнился свет среди ночи. В глубине души она не верила в невинный исход.

Садовник дал ей одну из своих визитных карточек, а на другой записал имя и телефонный номер Карен.

— Никогда не знаешь, — сказал он, — может быть, мне придет в голову еще что-нибудь, что я захочу сообщить вам.

Его звали Пит Беккер, и на его визитке были изображены цветы и деревья.

— Ну, и если вам тоже когда-нибудь понадобится хороший садовник... — произнес он и засмеялся.

Неожиданно Карен подумала, как хорошо было бы в ее положении начать любовную связь с садовником. По утрам, когда дети в школе... Беккер очень хорошо выглядел, был высоким, широкоплечим, мог похвастаться темно-коричневым загаром. Но было также ясно, что как женщина она ему совершенно не интересна. В его глазах Карен была типичной мамочкой из зажиточного района на окраине города. Потенциальная клиентка, не более того.

Они покинули чужой участок и безмолвный, темный дом. Пит сел в свой микроавтобус, который тоже был разрисован цветами и деревьями, еще раз поднял руку на прощанье и уехал. Карен еще долго смотрела ему вслед, а потом, тяжело ступая, прошла на свой участок и отомкнула дверь в дом. На нее тут же прыгнул Кенцо, чуть не сбив ее с ног от восторга.

— Хоть ты радуешься, когда видишь меня, — сказала она.

Боксер ласково посмотрел на нее своими большими черными глазами, а затем рванул мимо нее в сад, помчался к забору и стал лаять на соседский дом — и лаял в течение нескольких минут, пока Карен не позвала его обратно, поскольку боялась, что кто-нибудь опять станет жаловаться.

"Либель" покачивалась в волнующемся после мистралья море, окруженная темно-бирюзовой водой. Над ней было голубое небо, в котором парили несколько облаков, а перед ней круто падали в воду скалы, наверху переходившие в горы, покрытые лесом.

Почти превосходный день.

"Почти превосходный отпуск", — сонно подумала Инга.

Она лежала, вытянувшись на углубленном сиденье в кормовой части, одетая лишь в крошечное бикини, и наслаждалась теплом солнца, лучи которого падали ей на живот. Ей пришлось положить соломенную шляпу себе на лицо, потому что она очень быстро обгорала, к тому же ее слепило своими прямыми лучами полуденное солнце. Инга предположила, что заснула на какое-то время, и задумалась, от чего она проснулась. Море бушевало, но волны были пока еще большими и длинными, судно равномерно поднималось и опускалось. Однако теперь покачивание стало более беспокойным; возможно, этот изменившийся ритм и разбудил Ингу. Она отложила в сторону шляпу и приподнялась. Поднялся легкий ветерок, а облака на небе скрутились в форму сильно загнутой запятой. Альберт был прав: мистраль возвращался.

Молодая женщина огляделась, но Мариуса нигде на судне обнаружить не смогла. Наконец она увидела его среди волн: он плавал там своим особенным, только ему присущим, несколько агрессивным, изящным стилем, на всякий случай привязанный к судну тросом. Мариус как раз повернул голову и посмотрел в сторону яхты. Может быть, и он заметил, что ветер стал усиливаться.

Инга помахала мужу, и тот махнул ей в ответ, а затем сильными движениями поплыл кролем к паруснику.

"Невероятно, — подумала его жена, — мы здесь совершенно одни. Будем надеяться, что можно будет часто пользоваться яхтой в предстоящие две недели".

Мариус достиг "Либель" и стал подниматься вверх по лесенке для спуска в воду. Инга снова, уже не в первый раз, отметила, какой он симпатичный. За два года брака они достигли в своих отношениях того момента, когда на своего партнера смотришь не восхищенными глазами, а совершенно нормально, как на что-то само собой разумеющееся; но в ту минуту она все равно подумала: "Как хорошо он выглядит! Такой молодой. И сильный...".

Разгоряченная солнцем, Инга представила себе, как здорово было бы заняться с ним любовью прямо сейчас, в этот момент, на яхте. Вопрос был только в том, предоставит ли мистраль им время на это. Вероятно, нет. И будет лучше, если она сейчас промолчит.

Инга наблюдала, как Мариус уверенными и опытными движениями поднял большой парус. Он двигался по яхте так, словно годами постоянно только и этим занимался, и Инга как раз собиралась высказать ему свое восхищение, как он, словно между прочим, сказал:

— Нам следует свалить на этой лодке. Как ты считаешь?

Женщина засмеялась. Ее муж порой говорил странные вещи. Ему нравилось вести серьезные разговоры о совершенно нереальных вещах, и Инга частенько поддерживала с ним эту игру, получая при этом удовольствие.

— Да, нам обязательно надо это сделать, — сказала она, вконец разморившись на солнце. — Тогда мы наконец сможем объехать весь свет. Это доставило бы мне гораздо больше удовольствия, чем ходить в университет.

Мариус протер себе полотенцем волосы.

— На этом судне невозможно совершить кругосветное путешествие. Но если мы его продадим, это даст нам приличную сумму денег, и на эти средства мы смогли бы создать себе новую жизнь.

— Но — тогда на юге. Я хотела бы, чтобы всегда было так тепло, как сегодня. Меня больше не прельщает холодная, дождливая зима на севере. Не могли бы мы начать нашу новую жизнь в Калифорнии или где-нибудь в этом роде?

Мариус закончил заниматься парусами, надел шорты и футболку и быстро накинул спасательный жилет.

— Тебе тоже следует одеться и надеть жилет, — сказал он. — Ветер довольно быстро набирает силу.

Инга подскочила и схватила свою одежду. На них теперь несся поток холодного воздуха, от которого ее передернуло.

— Нам нужно как можно быстрее вернуться в порт. Мне не очень-то хочется болтаться здесь на волнах, как на скорлупке, — забеспокоилась она.

— Глупости, — грубо произнес Мариус, — только не обратно в порт. Кто знает, даст ли нам старуха еще раз лодку... Это наш шанс, и мы его не упустим.

Инга медленно расправила футболку на животе. "Как свежо вдруг стало!" — подумала она и взглянула на мужа. Сейчас не время для игр, он

ведь должен это понимать. Ветер усиливался с каждой минутой. Они уже слишком долго тянули с возвращением.

— Мариус, теперь я действительно начинаю нервничать. Я не такой мореплаватель, как ты. Я хочу чувствовать под ногами твердую почву, когда мистраль разойдется по-настоящему, можешь ты это понять?

— Я и не при таких условиях ходил под парусом, — возразил Мариус, — и уж наверняка не позволю какому-то смехотворному мистралю взять над собой верх.

— Мы обещали, что вернемся в четыре часа и Максимилиан заберет нас. Я не хотела бы заставлять его ждать.

— Этот милый Максимилиан может ждать, пока не почернеет. Он любому меня уже раздражает. Или ты думаешь, я не заметил, что он на тебя глаз положил? Он зарится на тебя, это и слепой увидит!

Инга опять засмеялась, но на этот раз ее смех даже ей самой показался неестественным.

— Мариус, теперь ты точно сочиняешь. Его интересуется Ребекка, а к нам он просто доброжелателен. Не накручивай себя сейчас!

— Было ясно, что ты это скажешь. Тебе, конечно, приятно, как он к тебе подмазывается. Ты когда-нибудь задумывалась, что мне все это не так забавно, как тебе?

В голосе мужа прозвучали нотки, которых его жена раньше не слышала. Она нерешительно посмотрела на него.

— Это сейчас игра или нет? Если это игра, то я хотела бы ее закончить. Я боюсь моря. Я хочу вернуться в порт.

— А я сказал, что сейчас мы слиняем и обернем лодку в деньги!

— Ты что, рехнулся? Ты ведь это не всерьез?

Инге был незнаком не только нынешний тон Мариуса, но и такой его взгляд.

— Если я что-то говорю, то всегда говорю серьезно. Это ты должна когда-нибудь понять.

— Но это же... это же безумие! Мы ведь не можем сделать что-то, что... что просто-напросто преступно! И зачем? Нам ведь на самом деле не так уж и плохо. Ты хочешь украсть яхту и остаток своей жизни скрываться от полиции?

"Это безумие, — подумала Инга, — это совершенно нелепая, сумасшедшая ситуация. Почему он не остановит эту игру?"

— Это причинит той дряни приличные страдания, — сказал Мариус, — если яхта навеки исчезнет.

— Та дрянь? Ты имеешь в виду Ребекку?

— А кого же еще? Это ведь ей, кажется, принадлежит эта штука.

Инга теперь уже полностью оделась и натянула свой спасательный жилет. Она все еще не могла как следует понять, что происходит, и надеялась, что Мариус вот-вот повернет к ней свое смеющееся лицо и все будет в порядке. Это незнакомое выражение в его глазах — она еще никогда его не видела, поэтому испугалась.

Сам Мариус в это время занялся запуском двигателя в кормовой части яхты. Тот никак не желал работать, и хотя Мариус долго пробыл в прохладной воде, у него молниеносно потек ручьями пот по лицу и рукам. Он был взволнован и агрессивен. Он стал другим.

— Ты хочешь плыть с включенным мотором? — спросила Инга. — Дополнительно к парусам?

— Ты же все время твердишь, что нам надо поспешить из-за мистраля. С мотором мы пойдем быстрее.

— Да, верно.

"Может быть, он все-таки решил вернуться", — с надеждой подумала Инга.

В конце концов двигатель завелся. Мариус выпрямился, тяжело дыша, и нетерпеливо убрал с глаз мокрую прядь волос.

— Наконец-то, — произнес он. — Проклятая штука! — Скользнул за штурвал и добавил: — Садись, мы трогаемся.

Он еще никогда не говорил с ней таким грубым тоном.

Запуганная, Инга присела, съежившись, на сиденье, на котором она еще четверть часа назад мирно дремала, когда день казался ей чудесным, словно в раю. Сейчас будет ясно, возьмет ли Мариус курс на Лё-Брюске или покинет большую бухту мимо Кап-Сисье. Что она будет делать, если он уйдет из бухты, Инга не знала. Что вообще делают в таких случаях, когда кошмарный сон превращается в действительность?

Мариус выглядел очень сконцентрированным и таким замкнутым, что достучаться до него казалось невозможным.

"Я не уверена, что после всего этого мы сможем остаться вместе", — подумала Инга и тут же испугалась такой мысли.

Как она и ожидала, Мариус взял курс на юго-восток. С левой стороны грозно возвышались в небо черные скалы Кап-Сисье. С высоты некоторых водяных гребней можно было различить вдали остров Поркероль. На море поднялось очень сильное волнение; волны стали отвесными и черными, ветер гонял клочья белой пены. Большой парус бился совершенно неуправляемо, снова и снова поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— Втяни голову! — крикнул Мариус. — А то еще получишь по ней

мачтой.

Его жена пригнулась.

— Мариус, это ведь безумие — то, что ты собираешься сделать! Берег очень опасен, а мистраль становится все сильнее! Я боюсь. Пожалуйста, давай вернемся обратно в порт!

— Не хочу. У меня просто нет желания еще раз встречаться с этой старухой. Вот увидишь, мы получим очень много бабок за эту яхту и тогда тоже заживем прекрасно!

— А если мы перевернемся? Или нас швырнет о скалу?

— Ты забываешь, что имеешь дело с профи!

Мариус смеялся, и этот смех звучал по-настоящему жутко.

"Больной, — подумала Инга, — его смех совершенно больной".

— Пожалуйста, Мариус! — Теперь женщина почти плакала. Она не знала, чего больше боялась: огромных волн и шторма или собственного мужа, который вдруг стал казаться ей зловещим незнакомцем. — Пожалуйста, Мариус, скажи мне, что происходит? Ты совершенно изменился. Почему ты хочешь отобрать яхту у Ребекки? Что она тебе сделала?

— Тебе этого не понять... Втяни голову, черт побери!

Инга в последний момент уклонилась от мачты с большим парусом, которая пронеслась на волосок от ее головы. Судно дико плясало, и женщина видела, что Мариус уже едва мог управлять им.

— Становится все хуже! — крикнула Инга.

— Течения! — крикнул он в ответ. — Здесь вблизи побережья проходят различные течения, частично поперек волнам, которые поднимаются от ветра. Поэтому нас и бросает туда-сюда.

— Пожалуйста, поверни назад! Пожалуйста!

Мариус не ответил. Инга поднялась и, шатаясь, прошла к нему. Судно качалось настолько сильно, что она постоянно теряла равновесие и наконец действительно упала, чуть не приземлившись на колени у Мариуса. Она пролетела мимо сиденья у штурвала, и что-то больно царапнуло ее по оголенной ляжке. Возможно, это была деревянная щепка, но женщина была слишком взволнована, чтобы заметить, что по ноге у нее стекает кровь.

— Мариус, я не буду в этом участвовать! — заявила она. Тем временем завывания ветра стали такими громкими, что ей, даже стоя рядом с мужем, приходилось громко кричать. — Я не знаю, что произошло, но сейчас речь не только о тебе. Я хочу обратно в порт, а что ты станешь делать потом — это твое дело!

Инга схватилась за штурвал и попыталась изменить направление яхты,

но быстро поняла, что у нее нет ни малейшего шанса. Мариус был намного сильнее ее и к тому же находился в лучшей позиции — он сидел у штурвала, а не полулежал под сиденьем. Кроме того, к ветру и волнам прибавилось течение, преодолеть которое стоило ему приличных усилий. Инге показалось, что она совершенно ничего не может сделать. У них с Мариусом произошла короткая, отчаянная схватка, а потом ее силы иссякли, и она, всхлипывая, отпустила штурвал.

— Тебе лучше не вмешиваться! — крикнул ее муж. — А то ты действительно добьешься того, что мы перевернемся!

— Что ты имеешь против Ребекки?

— Я ее ненавижу.

— Но почему? Ты ее знаешь? Что-то произошло?..

"Может быть, когда он заговорит, — в отчаянии подумала женщина, — может быть, я смогу чего-нибудь добиться, если узнаю, в чем дело!"

— Нет. Но я все равно ее ненавижу.

— Но для ненависти ведь должна быть причина!

— Я кое-что собой представляю, — неожиданно заявил Мариус. Он произнес это нормальным тоном, и ветер сорвал с его губ слова и разметал их в клочки, но Инга с большим усилием все же смогла понять, что он имел в виду. Во всяком случае, на слух. В том, что касалось смысла этих слов, она оставалась в полном неведении.

— Ты кое-что собой представляешь? Конечно, ты представляешь из себя кого-то! — крикнула она в ответ.

— Ах, правда? — Муж враждебно посмотрел на нее.

"Что же выражают его глаза? — гадала Инга. — Это чужое выражение... в нем есть что-то шокирующее. Что-то болезненное? Сумасшедшее?"

"Кто этот мужчина? Кто этот мужчина, за которого я вышла замуж?"

— Хорошо, что ты так считаешь, — продолжал Мариус. — К сожалению, не все это понимают. Собственно, никто. Да и ты говоришь это лишь для того, чтобы успокоить меня.

— Мариус, Ребекка когда-то причинила тебе боль? Это ведь так, она когда-то уже имела дело с тобой?

— Глупости. Откуда я могу ее знать? Я имею в виду... — Он прервался, борясь с управлением, которое штормовое море пыталось выбить у него из рук. Наконец он, тяжело дыша, вывел судно на верный курс. — Мне не нужно быть с ней знакомым, чтобы знать ее, понимаешь?

— Нет.

— Я знаю, кто она и что собой представляет, и этого достаточно. Но я также знаю, кто я. Я не из последних. И когда-нибудь я стану первым!

Инга поняла, что говорить с мужем дальше бессмысленно. Что-то произошло с ним — она не знала, что, но сейчас было не время выяснять это. Женщина шаталась, с трудом оставаясь на ногах; волны поднимались над морем, гонимые все усиливающимся ветром и смертоносными прибрежными течениями, а Мариус не прилагал ни малейших усилий, чтобы повернуть обратно. Куда бы ни собирался, он точно не вернет "Либель" обратно в порт. Инга отползла от него на четвереньках. Большая мачта продолжала мотаться из стороны в сторону, и Инга знала, как это опасно. Один такой удар по голове мог убить.

— Ты куда?! — заревел Мариус.

Она не ответила. "Либель" неслась под парусами на опасной скорости, и Инге пришла в голову мысль, что у нее осталась еще одна, единственная возможность хотя бы замедлить темп судна: надо выключить двигатель внизу. Без его помощи Мариус не сможет до конца осуществить свои намерения. Другого шанса Инга не видела, и ей оставалось только надеяться, что муж не догадается о ее намерениях, а подумает, что она просто хочет укрыться в каюте от ветра. Выключатель находился внизу, сразу возле лестницы. Если она доберется туда, у Мариуса едва ли будет возможность помешать ей отключить его.

— Куда ты собираешься? — снова крикнул он, но Инга и в этот раз не ответила.

Она почти добралась до лестницы и вдруг почувствовала, как ее схватили сзади за руку и рванули назад. Это было сделано с такой силой, что ее плечо пронзила резкая боль. Из глаз у нее брызнули слезы, и пару мгновений она в шоке и ужасе хватала ртом воздух. Над ней угрожающе, с искаженным лицом, стоял Мариус; в глазах его плескались сумасшествие, ненависть и злость.

— Ах ты, чертова дура! — тихо произнес он; Инга скорее почувствовала, чем услышала эти слова. — Ты хотела вырубить движок, так?

Яхта, оказавшись без рулевого, теперь прыгала вверх и вниз по волнам, как безвольный игровой мячик. Вода хлынула через борт. Мариус был с головы до ног мокрым; поражало, что он вообще еще мог держаться на ногах при такой качке. Дважды за последнюю минуту он уклонился от удара мачты — видимо, нутром почувствовал ее приближение, потому что взгляд его был устремлен лишь на Ингу, которая, скорчившись, сидела на верхней ступеньке, ведущей к каюте, застыв от боли. "Он выбил мне

плечо", — подумала она с ужасом.

— Я хочу обратно, — с трудом промолвила женщина. — Пожалуйста, Мариус, давай вернемся.

— Я не вернусь к этим людям! — крикнул ее муж. — Никогда, слышишь? *Никогда!*

Инге удалось переместить свой вес таким образом, что она смогла сдвинуться на одну ступеньку ниже. Нечего было даже и думать о быстром передвижении, для этого ее боль была слишком сильной; но, может быть, она сможет как-то незаметно...

Несмотря на то что Мариус производил впечатление человека, который был не в себе, его инстинкты функционировали, и он почувствовал, что собирается сделать Инга. Его рука рванулась вперед и со страшной силой ударила по ее покалеченному плечу.

— Это чтобы ты быстрее оказалась внизу!

Инга еще смогла услышать, как он выкрикнул эти слова, прежде чем боль практически лишила ее остальных чувств. А затем она потеряла равновесие и упала вниз. Ее голова сильно стукнулась о какой-то предмет, и уже в следующее мгновение бушующий шторм стал совсем тихим, а темные контуры Мариуса на светлом прямоугольном фоне выхода из каюты расплылись. Инга еще успела подумать, что ей обязательно нужно сохранять бдительность, что именно сейчас нельзя засыпать, но вокруг нее уже наступила ночь, и она не могла ни думать, ни чувствовать...

Ребекка пыталась не думать о тех словах, которые Максимилиан так яростно и со злостью — и при этом как-то печально — выпалил ей в лицо. Она пыталась *вообще не думать* о Максимилиане, но это ей не совсем удавалось. Она была вне себя от того, что ему так быстро и с такой легкостью удалось пробить ее кокон и затронуть то, что она так старательно пыталась держать подальше от себя, что постоянно, применяя всю силу своей воли, оттесняла на самый край своего сознания. Мысли о прошлом, о родном доме в Мюнхене, о своей работе, об активной деятельности, о коллегах и друзьях. О своей жизни с Феликсом и Максимилианом...

После своего развода Максимилиан Кемпер стал существенной частью этой жизни. Феликс порой говорил в шутку: "Мы усыновили Максимилиана". Он был будто еще одним членом семьи, которому всегда

рады, которому не нужно заранее предупреждать о своем приходе, прежде чем он ввалится в дом; который часто ужинал вместе с ними, смотрел телевизор и болтал. Иногда он выпивал лишнюю рюмку и затем ночевал в комнате для гостей, а по утрам, шлепая тапками, приходил на кухню и смотрел, как Ребекка, в ночной рубашке и босиком, с взлохмаченными волосами и бледным, без макияжа, лицом готовит кофе. Все трое были настолько близки друг другу, что границы и дистанции между ними все больше стирались, и они представляли друг перед другом без масок. У Ребекки никогда не появлялось ощущения, что она должна представлять перед Максимилианом только полностью одетой и накрашенной, так же как и для нее ничего не значило, встретит она его в одних трусах по дороге в ванную или застанет еще в постели, зайдя попрощаться. А если Феликс был в отъезде по служебным делам, то Максимилиан часто жил вдвоем с Ребеккой. Никто не находил в этом ничего странного, но где-то за полгода до своей смерти Феликс однажды сказал: "Мне кажется, он влюблен в тебя".

Это было холодным, апрельским вечером; Ребекка с Феликсом в виде исключения сидели одни в гостиной. На улице царил последний, сумеречный свет уходящего дня, сад был сплошным белым морем цветущей вишни, а между вишневыми деревьями плясали снежинки, летящие с неба, — очень в духе этого капризного времени года. Феликс еще раз развел в камине огонь и — Ребекка запомнила это — сказал:

— Наверняка я делаю это в последний раз до зимы.

Он проделал это в последний раз в своей жизни...

— Кто влюблен в меня? — спросила тогда Ребекка, и ее муж ответил:

— Максимилиан. Я вижу это по его взгляду, по тому, как он смотрит на тебя.

Она была совершенно ошеломлена, а когда опомнилась от своего первого удивления, ее охватило изумление от того, что Феликс констатировал этот факт так спокойно, без какого-либо проявления чувств.

— Я думаю, ты заблуждаешься, — сказала она.

Ее супруг улыбнулся.

— Я знаю его уже очень долго. С нашего первого класса в школе. Он мало что может скрыть от меня. А с тех пор, как развелся, его открытость стала еще больше.

Чтобы скрыть свое смущение, Ребекка поспешно отпила вина.

— Тебя это, кажется, не очень беспокоит, — сказала она потом.

Феликс немного поразмыслил.

— Нет. Как это ни странно, но действительно нет. Может быть, потому,

что мы действительно хорошие друзья. Я абсолютно точно знаю, что он никогда не позволит себе пойти на поводу у своих чувств. Для него это исключено. Он просто будет почитать и боготворить тебя, но как женщина ты останешься для него табу.

— Но мы ведь надеялись, что он встретит новую любовь... А это будет сложно, если его сердце уже занято.

Феликс пожал плечами.

— Мы не можем это изменить. Но Максимилиан по-прежнему остается реалистичным человеком, твердо стоящим на ногах. Он поймет, когда нужно будет освободиться от несбыточной мечты и снова дать шанс реальной жизни.

По крайней мере, с этого вечера Ребекка стала чувствовать себя скованно с Максимилианом. Теперь она, приглядевшись попристальнее, сама замечала, что он просто-таки прилипал взглядом к ее губам, когда она говорила; что он очень внимательно следил за каждым ее движением, что часто искал близости с ней. Но, помимо этого, он ни словом, ни жестом не выдавал себя. Его поведение внушало ей уважение, но в то же время вселяло в нее неуверенность. Последние шесть месяцев перед смертью Феликса уже не были такими, как до этого разговора у камина.

Теперь Ребекку глубоко возмутило, что он объявился тут, и она, при всем своем желании, не верила, что он приехал, заботясь о ней, без выгоды для себя. Как он мог так предать Феликса, спустя лишь три четверти года после его смерти?! Максимилиан плакал у могилы своего друга — и все же он, по-видимому, не так уж долго раздумывал, что из любой ситуации нужно извлекать лучшее. И именно этого она не хотела ему позволить. Никто, никто, никто не должен получить выгоду от смерти ее мужа.

Но если быть честной с самой собой, то она знала, что в любом случае отреагировала на появление Максимилиана недоброжелательно и агрессивно. Любой из ее прошлой жизни, нежданно приехав сюда, нанес бы урон ее самозащите, и никому она этого не простила бы. Три дня назад Ребекка была готова последовать за Феликсом. И вот сейчас она стояла тут — и что-то изменилось. Ребекка не знала точно, что это было, но оно, должно быть, обладало огромной силой, потому что она не могла пойти наверх, взять таблетки из шкафчика, проглотить их и предаться своему концу. Не получалось, каким бы сильным ни было это желание внутри ее.

"Жизнь, — подумала вдруг Ребекка, словно очнувшись, — жизнь снова проникла в меня. Она втиснулась между мной и смертью. Это будет стоить мне чертовски многих сил — вновь избавиться от нее".

Ей было приятно в последнее время — во всяком случае, ей так

казалось, — что она полностью отстранилась от всего мира и всех его жителей, чтобы полностью подготовиться к тому шагу, который считала правильным и неотложным для себя, и поэтому теперь Ребекка твердо решила вернуться к этому состоянию. Но сегодня она поняла, что это будет непросто и потребуются какое-то время. Некоторые люди считают, что однажды изменившуюся ситуацию уже невозможно восстановить в точности такой, какой она когда-то была, но Ребекка не собиралась прислушиваться к ним. Однажды она уже добилась этого — и ей удастся это вновь. Только не сразу. К сожалению, не сразу...

Где-то в половине пятого она призналась себе, что у нее в голове крутятся оба эти незнакомца из Германии, Инга и Мариус, что они, вероятно, уже вернулись из своего прогулочного плавания на "Либель" и теперь ждут в порту Лё-Брюске, чтобы их забрали.

"Какое, к черту, мне до них дело? — зло подумала она. — Максимилиан притащил их и оставил сидеть там, а это не моя проблема. Пусть сами и думают, как им добраться сюда!"

Эта Инга была ей симпатична. Ребекка, собственно, решила не допускать больше в свою жизнь такие чувства, как расположение и симпатия к кому-либо, но порой она подозревала, что именно то, чего ей хотелось избежать, обычно с особым упорством и вкрадывалось в ее жизнь. Инга ей нравилась — к сожалению, это так. Интеллигентная, очень открытая, внимательная к другим людям молодая женщина. Мариус, вероятно, был ветрогоном — хотя Ребекка и в нем угадывала какую-то глубокую сторону, не испытывая, впрочем, желания выявить ее, — но Инга в любом случае уж точно была серьезным человеком, склонным к размышлениям. Ребекке всегда нравились такие люди. Серьезность и способность отдаваться своему делу были основными критериями, по которым она раньше выбирала сотрудников для работы в своей фирме.

Ребекка стояла в гостиной и смотрела через сад на море, до боли впившись ногтями себе в ладони. Если она не будет настороже, то нежелательный визит Максимилиана еще может вылиться в потоп, в своего рода прорыв плотины. Она ведь в течение многих месяцев, непреклонно и успешно, изгоняла из мыслей и свою фирму, и ее деятельность, и сотрудников с клиентами. А теперь они вновь, как призраки, крутятся у нее в голове...

— Да идите вы все к черту! — громко воскликнула женщина.

Ее голос гулко отозвался в тишине дома. Единственным звуком, оставшимся после этого, было тиканье часов на камине. Однако уже без двадцати пять...

Ребекка прошла в прихожую и, поколебавшись, взяла с панели для ключей ключ от машины. Ухудшит ли она ситуацию, если сейчас поедет вниз, в порт, и заберет оттуда молодых людей? Или же это, в конце концов, просто разумное решение — сделать что-то, к чему ее подталкивало изнутри и что она в этот день все равно уже не сможет изгнать из своего сознания?

"Я сейчас поеду и заберу их, — подумала Ребекка, — а затем объясню им, что дальнейшего контакта не желаю. Они — просто эпизод в моей жизни, так же, как и Максимилиан. Все это пройдет".

Ребекка слышала шум ветра, но по-настоящему не осознавала этого, поэтому, когда она вышла за порог дома, порыв шторма встретил ее совершенно неподготовленной. Небо было темно-синего цвета, по нему носилось несколько обрывков облаков, деревья изгибались, а по садовой дорожке с грохотом катилась лейка. Ребекке пришлось пробираться к гаражу, нагнув голову и борясь с ветром. Мистраль вернулся еще раз со всей своей мощью, и теперь он был намного сильнее, чем в прошедшую ночь.

"Им повезет, если их палатка еще останется стоять после всего этого", — подумала женщина и содрогнулась при мысли, что ей придется принять этих двоих у себя, если они останутся без крыши над головой.

По дороге в поселок ей постоянно приходилось тормозить, чтобы увернуться от веток, которые пролетали над дорогой. Мистраль мог запросто унести садовую мебель, а то и человека. Феликс любил мистраль, он был очарован им...

"Я не буду сейчас думать о Феликсе!"

Большинство туристов покинули пляж и набережный бульвар и заперлись в своих номерах, так что Ребекка смогла без проблем найти место для парковки. Ей с трудом удалось открыть дверцу машины, а когда она вышла наружу, то чуть не столкнулась с металлической корзиной для бумажного мусора, которую ветер вырвал из анкерного крепления и теперь гонял туда-сюда, как перышко.

Воздух стал на несколько градусов холоднее, но это было вполне приятно после сорокоградусной жары, державшейся последние дни. Ребекка предположила, что стрелка термометра упала до отметки чуть ниже тридцати. После долгого времени теперь снова станет легче спать по ночам — если, конечно, нет других причин, мешающих сну. Ребекка знала, что в ее случае это возможно.

Уже в самом начале лодочного причала она смогла увидеть, что место "Либель" пустует. Все остальные суда дико качались из стороны в сторону.

Тут и там их владельцы были заняты тем, что заново пришвартовывали лодки или проверяли надежность креплений. Ребекка посмотрела на часы. Начало шестого. Либо Мариус с Ингой забыли о договоренности, либо они промедлили и теперь борются с волнами, чтобы попасть обратно в порт. Может быть, Мариус вовсе не такой уж профи-яхтсмен, каким выставил себя перед Максимилианом...

"Мне не следовало соглашаться на это, — рассерженно подумала Ребекка. — Максимилиан действительно создает во всех отношениях лишь трудности".

— Мадам! Мадам, как хорошо, что вы здесь! — Перед ней появился Альберт, совершенно не замеченный ею. Его сильно загоревшее и обветренное лицо выглядело в высшей степени озабоченно. — Они все еще не вернулись. Я имею в виду, молодые люди. Я неоднократно называл им четыре часа как крайний срок, но... — Он пожал плечами. — Сомневаюсь, что они смогут вернуться в порт при таком бурном море!

— Молодой человек якобы опытный яхтсмен, — сказала женщина.

— Возможно. Но их нет.

Ребекка боролась со своими развевающимися волосами, которые снова и снова хлестали ее по лицу.

— Они молоды. Молодые люди часто не придерживаются советов старших.

— Это судно не принадлежит им! Если они намеренно не придерживаются договоренности, то такое поведение недопустимо.

Ребекка вздохнула. Ей не хотелось стоять здесь. Не хотелось говорить с Альбертом. Не хотелось быть ответственной. Она страстно жаждала покоя и уединенности своего дома.

— Надеюсь, что ничего не случилось, — произнесла Ребекка.

Начальник порта уставился на бушующие волны. Во всей округе не было видно ни единого судна. В такую погоду никто не выходит в море.

— Как долго вы знаете этих двоих? — спросил Альберт.

Ребекка помедлила с ответом. Сейчас он подумает, что она невероятно наивна и легкомысленна. Хотя ей должно быть безразлично, что он подумает.

— Я их вообще не знаю, — призналась она. — Это Максимилиан притащил их. Они путешествовали на попутках. Он подобрал их и привез.

Альберт с недоверием посмотрел на нее.

— И таким людям вы доверяете свое судно?

— Максимилиан попросил за них. А на мерзавцев они уж действительно не похожи. К тому же этот Мариус, кажется, действительно

хороший яхтсмен...

— В яхтах он разбирается, — нехотя согласился начальник порта. — Но все равно может случиться так, что... — Он не договорил до конца.

— Что? — спросила Ребекка.

— "Либель" имеет приличную ценность. А что, если эти двое вообще не собирались возвращаться?

Ребекка, поевшись, передернула плечами. Что она должна была на это сказать? Преступная парочка, которая смылась с любимым парусником Феликса...

"Еще и это, — устало подумала она. — Здесь Максимилиан действительно преуспел".

Альберт, кажется, заметил, что Ребекка подавлена и измучена, потому что примирительно произнес:

— Но, может быть, не стоит сразу накликать беду, не правда ли? Оба они юны и кажутся очень влюбленными. Стали где-нибудь на якорь и забыли весь белый свет вокруг себя... Как насчет чашки чая у меня в офисе? Тогда вы сможете подождать здесь, и вам не придется сразу же проделывать весь путь обратно.

Это звучало разумно, но, конечно же, Альберт не мог предполагать, чего он от нее требовал. Сидеть часами вместе с другим человеком и пить чай... Это относилось к тем вещам, которые Ребекка, по понятным причинам, исключила из своей жизни, и она вовсе не собиралась вновь попадать в подобные ситуации. Воистину поразительно, какую вереницу перемен повлекло за собой появление Максимилиана! И вот он уехал, а она, кажется, уже не может выпутаться из цепи событий, которую вызвал его визит...

— Ну хорошо, — произнесла Ребекка. — У меня вряд ли есть выбор... — Она заметила по лицу собеседника, что обидела его, и добавила: — Я, конечно, имею в виду, что это приятное предложение, Альберт. Просто я... немного нервничаю.

Начальник порта это, естественно, понимал. Такое судно, как "Либель" — и вдруг исчезает с подозрительной парочкой на борту... На месте Ребекки он был бы на грани инфаркта. Но свое судно он никому и не дал бы. Свое судно никому не одалживают — так же, как и собственную жену.

Однако такое понимание можно найти только среди мужчин.

Очнувшись, в первое мгновение Инга не имела ни малейшего понятия, где находится. Первая мысль, пронесшаяся у нее в голове, была: "Я лежу в кровати, и сейчас утро понедельника". У нее был неприятный привкус во рту, а ей всегда казалось, что его вызывают именно утренние часы понедельника. Во всяком случае, у нее. Не потому, что по понедельникам опять начиналась работа, а из-за того, что неделя была слишком большой и длинной, и поэтому казалась ей чем-то угрожающим.

Но очень быстро Инга осознала, что находится не в своей постели — та не качалась таким диким образом и не была такой жесткой. Ей с трудом удалось приподняться. Ее правое плечо так сильно болело, что она застонала от боли, а на глазах у нее непроизвольно выступили слезы. С головой тоже что-то было не в порядке — в ней словно колотили молотком, а над правым ухом Инга нащупала что-то липкое. Она осторожно пощупала рукой свои волосы, а затем недоверчиво посмотрела на испачканные кровью пальцы. В ее затуманенном мозгу всплыло воспоминание о падении вниз, в каюту. Она рухнула навзничь и, вероятно, при этом ушибла голову. А потом — мрак...

"Я была без сознания. Кто его знает, как долго?"

Пока Инга размышляла над этим вопросом, ей в голову пришла мысль взглянуть на свои наручные часы. Было почти половина шестого. Это означало, что она пролежала здесь больше двух часов. А еще это означало... Инга с ужасом быстро поднялась, несмотря на то что у нее раскалывалась от боли голова и страшно болела рука. И тут она вспомнила, что произошло, вспомнила странное поведение Мариуса, ошеломляющую перемену, внезапно произошедшую с ним, его намерение скрыться с яхтой и продать ее в каком-нибудь порту Средиземного моря... Все это было таким абсурдом, таким сумасбродством, что вначале показалось ей кошмарным сном. Но ее разум работал теперь настолько ясно, что она точно знала: это не было сном. Все эти устрашающие картины были реальностью, все это действительно произошло и в один момент изменило ее жизнь.

Парусник так дико качало, что Инга удивилась, почему ее не тошнит. Она неоднократно больно стучалась о стены каюты, потому что при таком бурном море невозможно сохранить равновесие. Когда ей наконец удалось подняться по ступенькам наверх и высунуть голову из каюты, она увидела, что на судне никого нет. Никто не сидел у руля, и большой парус бесконтрольно бился из стороны в сторону. Инга очень осторожно просунулась дальше вперед, все время остерегаясь болтающейся мачты, и окинула взглядом кормовую часть яхты. Но и здесь никого не было. А

вокруг — только волны, шторм и угрожающе близкий берег с возвышающимися стеной скалами.

Мариус покинул яхту.

Но поскольку это было практически невозможно, учитывая непогоду, Инга снова пролезла вниз и оглядела кабину. Однако это помещение было настолько маленьким и хорошо обозреваемым, что здесь едва ли кому-то удалось бы спрятаться. Одна неогражденная койка на двух человек, перед ней деревянный стол, а справа и слева от него — деревянные скамейки. Над ними располагались вмонтированные в стену полки, на которых катались туда-сюда мореходные карты, очки от солнца, бейсбольная кепка и бутылочка масла для загара. И еще мобильник Мариуса. Но что от него было толку Инге, если во всей округе она не знала ни единого телефонного номера, который могла бы набрать, чтобы позвать на помощь? Номера аварийно-спасательной службы, или как она там называется, она тоже не знала.

Нигде не было и следа Мариуса.

"Либель" как раз выдержала очередную опасную, крутую и короткую волну и врезалась носом в воду так резко, что Инга потеряла равновесие. В последнюю секунду ей удалось ухватиться за стол, иначе она полетела бы через всю каюту. Женщина больно ударилась, приземлившись на колени.

Мариус смылся. Она не знала, как ему это удалось, а еще меньше, почему он это сделал, но он оставил ее совсем одну на яхте в шторм с высокими волнами, зная, что она никогда не проходила обучение по кораблевождению. Все свои познания и практический опыт в этом деле она получила только благодаря тому, что несколько раз сопровождала его в плавании под парусом. Средиземное море теперь не было голубым, ясным и блестящим; оно стало глубоко-черным и диким, враждебным и угрожающим жизни.

Инга съежилась на полу каюты, тесно прижав к себе колени и обхватив руками ножку стола, и попыталась обдумать, что ей теперь следует сделать. Несмотря на свое критическое положение, она никак не могла сконцентрироваться на мысли о спасении. Эта мысль постоянно отдалялась от нее, и она билась над вопросом, что нашло на Мариуса, отчего в нем произошла такая перемена, и почему она раньше не замечала, что в нем есть отчуждение, агрессия и потенциальная опасность. А может быть, она что-то замечала? Были ли такие признаки, которые она не желала видеть, от которых успешно отмахивалась, а затем и вовсе вытесняла из своего сознания? Если быть честной к себе, то Инга знала, что бывали такие ситуации, когда Мариус казался ей непроницаемым. И конечно же, бывали

у него и моменты ярости и агрессивности. Но у кого их не бывает?

Однако как это все связано с Ребеккой? Посторонняя женщина, с которой они познакомились совершенно случайно и которая вела себя настолько отстраненно, что о знакомстве, собственно, даже и речи не могло быть. Ребекка раньше жила в Мюнхене. Инга и Мариус тоже оттуда. Возможно, был какой-то случай в прошлом, когда Мариус и Ребекка пересеклись...

Совсем недавно Мариус — в недавней абсурдной ситуации, которую Инга вначале приняла за игру, пока ей не стало ясно, что он говорил на полном серьезе, — несколько раз назвал имя Ребекки. От него исходила такая ненависть... Инге даже не нужно было видеть этот его полный угрозы взгляд, чтобы почувствовать ее. И не только ненависть: в этом взгляде были безграничная ярость, боль и даже ранимость.

Мариус... Этот всегда радостный, всегда простецкий Мариус... На ее взгляд, иногда слишком радостный и слишком простецкий. Как часто Инга думала, что ей хотелось бы, чтобы он был немного серьезнее и внимательнее, немного дальновиднее, чтобы не жил бездумно сегодняшним днем! Но затем ей приходило в голову, что, возможно, с ним еще никогда ничего не случалось. Все у него протекало без проблем. Откуда ему было знать, что такое опасения, переживания и трудности?

Очевидно, Инга основательно ошибалась. В его жизни были и пропасти, о которых он намеренно умалчивал, но которые уже давно в нем зияли, и...

Она провела рукой по лицу, словно могла этим движением заставить свои мысли умолкнуть. У нее сейчас были более важные дела, чем предаваться безуспешным попыткам анализировать характер Мариуса. Для этого еще будет время — позже. А пока ей нужно доставить это чертово судно к берегу. Нужно спасти свою жизнь.

Стиснув зубы и игнорируя боль в плече, Инга вновь пробралась к лестнице и выглянула наружу. Она решила в первую очередь поймать дико бьющийся парус, а потом попытаться добраться до порта лишь с помощью двигателя. К счастью, она все время находилась так близко к берегу, что вполне могла ориентироваться: ей все еще открывался вид на Кап-Сисье, а это давало возможность определить, где примерно должен был находиться порт Лё-Брюске. Проблема заключалась в том, чтобы спустить паруса и чтобы при этом мачта не ударила ее по голове. У нее мелькнула мысль, что как раз это и было причиной исчезновения Мариуса. Может быть, он вовсе не бросил ее? Да и с чего бы ему это делать — ведь он, в конце концов, собирался сбить судно где-нибудь, а потом скрыться с деньгами... Может

быть, его смёл за борт удар мачты? Инге припомнилась последняя картина, стоявшая у нее перед глазами до того, как она потеряла сознание: Мариус замер в дверях перед спуском вниз, качаясь от шторма, но выпрямившись в полный рост. Может быть, он не обратил внимание на несущуюся на него мачту...

Тогда он может быть мертв.

На нем был спасательный жилет, это Инга точно помнила. Но если он был в бессознательном состоянии и его носило в воде лицом вниз... Кроме того, такой удар мог убить человека на месте. Или вызвать кровоизлияние в мозг...

Женщина пробралась по ступенькам вверх и подползла к бортовому ограждению. Яхту захлестнуло волной, и Инга еле успела ухватиться за канат, иначе ее отбросило бы на другой конец яхты. Она наглоталась соленой воды и теперь с трудом хватала ртом воздух, давясь и кашляя. В голове у нее громко и ритмично отстукивала свое стаккато боль. "Что там насчет кровоизлияния в мозг? — спросила она себя. — Или я тогда уже не могла бы здесь ползать?" Из ее плеча по всей руке пронеслись обжигающие болью стрелы. Она огляделась, но нигде между хребтами волн не смогла обнаружить плавающее тело. Что, естественно, еще ни о чем не говорило: Мариус мог уже давно плыть в другом месте, а кроме того, волны так высоки, что между ними вообще нелегко кого-то заметить.

Плавание под большим парусом.

Сейчас ей нужно было обязательно все вспомнить. Парус необходимо опустить, и надо попытаться снова завести мотор... Когда Инга еще сидела внизу, она заметила, что двигатель заглушен, и теперь надеялась, что это еще не означало, что бензобак был пустым или что случилась какая-то поломка. Может быть, было бы разумнее сначала завести двигатель, а парус опустить, когда она будет уверена, что все работает... Потому что в противном случае она уже никак не сможет поднять опущенный парус, да и, кроме того, она так и так не имела представления, как добраться под парусом до порта. В конце концов, Инга решила пока не думать об этом варианте.

Морщась от сильной боли, она протащила свое мокрое тело к мотору. При этом ее невероятно трясло от холода, и она предполагала, что дело тут не в температуре воздуха, а в боли и в том, что она долго была без сознания. Кроме того, ей казалось, что у нее самой поднялась температура. А ведь еще несколько часов назад она думала, что этот день почти совершенен...

Ключ зажигания торчал в замке, но когда Инга повернула его, не

раздалось ни звука. Она попробовала еще раз, и еще... Ничего. Слезы потекли у нее по щекам.

— Ну, давай же, — пробормотала Инга, — включайся, чертова хреновина!

Она предположила, что они с Мариусом недостаточно долго оставляли мотор включенным, чтобы аккумулятор успел зарядиться, и теперь у нее была та же проблема, с которой они столкнулись утром, когда отправились в путь. Как там это было с рукоятью, которая должна была раскрутить мотор? Инга, к сожалению, была невнимательна, да и не считала, что ей удастся проделать это в одиночку.

Но в каюте находился главный тумблер. Еще одна возможность...

Женщина снова направилась вниз, качаясь, словно пьяная, при дико бушевавшем море. Сильно вздымающиеся и опускающиеся волны вдруг вызвали у нее тошноту, возможно, из-за поднимающейся в ней паники: "Я не могу идти под парусом, и если эта штука не заведется, то я погибла!" Она спустилась под палубу, попыталась добраться до туалета, но не успела, и ее вырвало прямо на пол. Совершенно обессиленная, Инга осталась лежать на полу и лежала так несколько минут в ожидании, пока не успокоится ее желудок. Во рту у нее был отвратительный привкус, но, к счастью, ей припомнилось, что внутри скамейки должны находиться бутылки с водой, которые они с Мариусом взяли с собой вместе с провиантом. Она откинула крышку, на что потребовалось две попытки и вся ее сила.

Вот те на! Инга была слабой, как хлебный мякиш. Как же она собиралась в таком состоянии справиться с судном?

Инга сделала несколько глотков воды и почувствовала, как к ней вернулось немного жизненной силы. Снова закрутив пробку, она придвинулась к главному тумблеру и включила его. Затем снова поползла на животе наверх, тяжело переводя дыхание, отплевываясь от ошметков пены. Увернувшись в очередной раз от мачты, которая, не переставая, проносилась над ней, словно грозный меч, она повернула ключ зажигания, затаив при этом дыхание. Мотор заработал, словно ничего и не было. Инга уставилась на него, как на чудо, и чуть снова не заплакала от облегчения. Теперь у нее есть действующий двигатель — мотор. И рулевое управление.

Она смогла бы добраться до берега.

Теперь нужно лишь поймать этот чертов парус...

Вольф появился дома уже в шесть часов, что было чрезвычайно удивительно и чего уже много лет не случалось. В последний раз он объявился дома в столь ранний час, когда словил желудочно-кишечную инфекцию с тошнотой и высокой температурой и едва мог держаться на ногах. Поэтому Карен тут же спросила:

— Ты болен?

Супруг бросил на нее раздраженный взгляд — в последнее время он смотрел на нее так почти всегда.

— Почему я должен быть болен? Просто хочу переодеться к предстоящему мероприятию.

— Какому мероприятию?

Вольф прошел мимо жены в спальню, развязывая при этом галстук.

— Я же говорил тебе об этом. Шестидесятилетие председателя правления. Он устраивает ужин в ресторане "Четыре времени года".

Карен была уверена, что муж ничего не говорил ей об этом, но промолчала. Если сказать об этом, он лишь станет утверждать обратное и по-прежнему будет уверен, что она видит сны наяву и мало замечает происходящее в действительности.

— А супруг он, очевидно, не приглашает, — мимоходом произнесла женщина, проследовав за Вольфом в спальню. Тот как раз бросил свой пиджак на кровать и начал снимать рубашку.

— Пригласил, — ответил Вольф на замечание Карен. Он не смотрел на супругу; его тон был таким же легким, как и у нее. — Но мне было ясно, что ты не захочешь идти.

— Почему это было тебе ясно? Ты меня даже не спросил.

— Ты же никогда никуда не хочешь идти.

— Это неправда. Просто годами считалось, что я должна остаться с детьми. А сейчас, со временем, их вполне уже можно разок оставить и одних.

— Хорошо, как скажешь. — Теперь Вольф стоял перед ней в одних трусах. Она считала, что у него красивое тело, стройное и мускулистое, хотя кожа и бледная; после отпуска он будет выглядеть неотразимым. — На будущее я это учту. — Он достал из шкафа свежую рубашку, но тут же повесил ее обратно. — Я ведь хотел сначала принять душ... Слушай, Карен, ты нервируешь меня, когда стоишь вот так над душой. И смотришь, как подстреленный олень... Сегодня вечером мы, к сожалению, уже ничего не можем изменить. Я не могу взять тебя сегодня с собой без предупреждения.

Одежда, которую он носил днем, лежала, скомканная, на кровати.

Было ясно, что Карен уберет ее. Настолько ясно, что ему даже и не нужно было что-то говорить по этому поводу.

"Если б он хоть раз попросил меня что-то сделать за него, — подумала женщина, — вместо того чтобы предполагать это!"

— А кто твоя соседка за столом? — спросила она.

Вольф в тот момент уже собрался идти в ванную, но внезапно остановился.

— Что?

— Ведь на таком торжественном ужине рядом с каждым мужчиной сажают по соседству женщину за столом. А поскольку ты идешь без меня, значит, вместо меня найдется другая.

— *Найдется другая...* Знаешь, Карен, порой ты формулируешь мысли довольно странным образом. Это звучит так, словно... Я понятия не имею, кто будет моей соседкой по столу. Может быть, я буду сидеть рядом с супругой моего коллеги... Или рядом с одной из наших сотрудниц... Откуда я знаю!

Карен посчитала, что муж слишком раздраженно отреагировал на ее вполне безобидный вопрос, и это вдруг обеспокоило ее. Несмотря на то что она твердо решила не упоминать его сегодняшней обед у итальянца, теперь она не смогла удержаться.

— Кто эта женщина, с которой ты сегодня обедал? — спросила она. — Эта молодая, с длинными волосами...

Ее мужа словно громом ударило.

— Как ты, черт побери... Я имею в виду, откуда ты знаешь, с кем я хожу обедать?

Карен передернула плечами. Теперь она пожалела, что задала этот вопрос, поскольку ей уже было ясно, что вся эта ситуация выльется в ссору, но отыгрывать все назад было уже поздно.

— У детей был сегодня спортивный праздник в школе, и они только час назад вернулись домой. Поэтому сегодня я в обед поехала в город. Купила себе новые джинсы, а потом подумала...

Мужчина наморщил лоб.

— Что?..

— Я собиралась немного перекусить у нашего старого итальянца. Но когда я подошла туда, то увидела тебя. С другой женщиной.

Вольф уже оправился от своего удивления и, как всегда, в считанные секунды вооружился и был готов к наступлению.

— О боже, опять! *Я увидела тебя с другой женщиной...* Мне уже постепенно начинает казаться, что ты страдаешь паранойей, Карен. Что ты

мне хочешь сказать? Или вернее, что ты хочешь у меня спросить? Есть ли у меня отношения с другой женщиной?

— Нет, я...

— Ты стоишь здесь и просто-напросто меня допрашиваешь. Я прихожу домой после чертовски тяжелого дня, у меня мало времени, мне нужно переодеться, чтобы потом броситься в напряженный вечер, который доставит мне очень мало удовольствия — тут уж можешь мне поверить, — а тебе нужно использовать именно этот момент, чтобы вывалить на меня все свои подозрения и упреки! Это так типично для тебя, Карен. Ты недостаточно занята, поэтому не можешь представить себе, что у других людей слишком много дел, чтобы заниматься еще и такими идиотскими проблемами, как твои!

В глазах у Карен кипели слезы, и ей потребовалось большое усилие, чтобы удержать их. Разговор пошел обычным путем: оружие было повернуто против нее же самой. Вместо того чтобы Вольф дал ответы на ее вопросы — в которых, возможно, и прозвучали упреки, — он атаковал ее, как и всегда, заставил ее обороняться и снова внушил ей мысль, что она истерична и перегибает палку, что она, как обычно, неправильно себя ведет. И вот Карен уже стоит спиной к стене и молится, чтобы эта сцена завершилась прежде, чем Вольф скажет что-нибудь такое, с чем она опять неделями не сможет справиться.

— Я, собственно, была просто разочарована, — произнесла наконец женщина дрожащим голосом. Ей далеко до него. Всегда все одно и то же. Ей просто далеко до него...

Ее муж глубоко и театрально вздохнул. А затем демонстративно посмотрел на часы.

— Вот уж действительно подходящий момент для выяснения отношений... Он наверняка позитивно отразится на моей будущей карьере, если я опоздаю на торжество к председателю правления. Почему я, собственно, не взял свой вечерний костюм в офис и не переоделся там? Зачем рискнул прийти сюда? Ну разве не дурак? — Вольф картинно стукнул себя по лбу.

— Да всё в порядке, — проямлила Карен. Она не могла продолжать, поскольку в любой момент могла разреветься.

— Ага. И раз всё в порядке, ты должна была устроить мне здесь эту сцену?

— Я подумала... я... — У нее все-таки сорвалась одна слеза. — Я подумала, что ты мог бы и спросить меня, не хочу ли я с тобой пообедать. Так же, как мог бы сегодня вечером взять меня с собой...

— Я этого не выдержу! — застонал Вольф. — Хорошо видно, что ты не имеешь представления о моей жизни. *Ни малейшего представления!* Ты что, думаешь, я уже утром знаю, будет ли у меня время в обед, чтобы пойти поесть? Ты что, думаешь, у меня куча свободного времени? Ты, собственно, вообще в курсе, как тяжело я зарабатываю деньги, с помощью которых обеспечиваю тебе и детям беззаботную жизнь в красивом доме с большим садом? Обычно весь обеденный перерыв я работаю и в лучшем случае принесу себе йогурт из столовой, потому что у меня вообще нет *времени*, чтобы покинуть офис! Сегодня это было исключением. *Непредвиденным*, повторяю, исключением. Я решил использовать неожиданно появившееся время из-за несостоявшейся встречи, чтобы пообедать вне дома, а одна коллега, с которой у меня, — он выпалил эти слова, словно стреляя из автомата Карен в голову, — нет отношений, тоже неожиданно решила составить мне компанию. О'кей? Для тебя это нормально? А теперь не могла бы ты позволить мне пройти в ванную и принять душ, дабы у меня остался хоть маленький шанс вовремя прийти на вечернее мероприятие, которое все-таки имеет для меня какое-то значение?

Голос его теперь звучал очень громко.

— Вольф, пожалуйста. Дети...

— Детям можешь потом объяснить, что ты подозреваешь их отца в том, что он изменяет тебе с другой женщиной, а он на это немного рассердился. Возможно, они уже достаточно взрослые, чтобы понять обиду, которую причиняют подобным ложным обвинением!

То, что у Карен все больше текли слезы, никак не улучшало ситуацию.

— Ты все не так понял, Вольф. Я вовсе не думала, что ты мне изменяешь. Во всяком случае, не в том смысле... Я просто подумала, что ты мог бы опять со мной... У меня просто такое чувство, что я вообще больше не играю роли в твоей жизни, и... — Ее голос надорвался, и она не могла больше говорить.

Муж приблизился почти вплотную к ее лицу. Она чувствовала его дыхание и могла видеть, с каким холодом он смотрел на нее.

— Мы можем сейчас закончить этот разговор? — спросил Вольф очень тихо и подчеркнуто. — Я имею в виду, *не смогла бы ты отпустить меня сейчас в ванную?* В противном случае мне придется отказаться от участия в сегодняшнем вечере и оказаться в крайне смешном положении.

В этот миг Карен впервые за все то время, что знала Вольфа, вдруг испугалась его. Испугалась его ярости и глубокого отвращения к ней.

"Да, — в отчаянии подумала она, — это верно. Отвращение. Он больше не любит меня. Я лишь страшно действую ему на нервы. Больше

ничего не осталось. Ни любви, ни симпатии, ни доверия. Ничего. Отвращение, которое в такой момент, как этот, доходит до ненависти".

— Конечно же, ты можешь пойти в ванную, — прошептала она из последних сил и отвернулась, чтобы муж не заметил ее безудержно текущих слез.

"Если б он сейчас на мгновение обнял меня..." — подумала Карен, зная, что он этого не сделает. И, конечно же, Вольф этого не сделал.

Спустя мгновение она услышала, как в ванной зажурчала вода из душа.

В саду смеялись дети.

Кенцо лаял на соседский дом.

Карен плакала.

Был летний вечер, такой же, как и многие другие вечера.

8

Альберт снова и снова заваривал чай, а Ребекка жадными глотками пила чашку за чашкой. Два раза она ходила в туалет, а затем с изумлением рассматривала свое лицо в зеркале: удивительно, как долго она уже находится здесь! Удивительно, что она позволяла за собой ухаживать. Удивительно, что она выдерживала болтовню Альберта...

Он говорил в основном о Феликсе. О том, как сильно тот любил "Либель". Каким хорошим яхтсменом был. Каким удовольствием было беседовать с ним о кораблях. Как часто они сидели вдвоем, выпивали и говорили о своих общих увлечениях.

— Всегда с самыми лучшими, — бурчал начальник порта время от времени, — всегда с самыми лучшими должно что-то случаться...

Ребекка знала: она пила так много чаю в первую очередь из-за того, что имела возможность держаться за чашку, пытаясь справиться со своей нервозностью. Дело было не столько в яхте и не столько в судьбе двух молодых людей, если быть честной, а в том, чтобы она смогла все это выдержать. Близость другого человека. Многочасовое пребывание вне стен своего дома.

Многочасовое?

Когда Брандт во второй раз вернулась из туалета, ей пришла в голову мысль посмотреть время. Два часа назад она выехала из дома и с тех пор сидела с Альбертом в его офисе. Она еще никогда не покидала свой дом так надолго.

Со времени смерти Феликса.

Когда Ребекка вошла в офис, Альберт стоял у окна и вглядывался через бинокль в горизонт.

— Никого не видно, — сказал он.

— Я не знаю, стоит ли мне ждать дольше, — ответила Ребекка, подходя к нему и выглядывая на улицу, в бушующий штормовой вечер. Ей показалось, что было темнее, чем обычно бывало в это время.

— В общем, я могу только надеяться, что они хотя бы стоят в какой-нибудь бухте и сейчас не рискуют выходить в море, — сказал Альберт. — Я хочу сказать, что молодой человек, несомненно, способный яхтсмен, но...

Он на мгновение опустил бинокль, однако сразу же поднял его снова. Ребекка услышала, как начальник порта быстро перевел дух.

— Этого не может быть... — пробормотал он.

В тот же миг она тоже увидела судно. Оно было скрыто за мысом, и поэтому раньше они не могли его различить, но теперь яхта прыгала, как бревно при сплаве древесины, в сторону причала между двумя маяками. Она, очевидно, шла без паруса и без руля, будучи игрушкой стихии.

"Но кто-то должен управлять ею! — тут же поправила себя Ребекка. — Она не может появиться здесь, в бухте, по чистой случайности".

— Это "Либель"? — взволнованно спросила она.

— Я не совсем уверен, — ответил Альберт, — но, по крайней мере, это может быть она.

— Без паруса...

— Она никак не сможет войти в порт. Я не понимаю... этот тип ведь казался таким опытным...

— Но, может быть, это совсем не она?

— По моему, она. — Альберт положил бинокль на стол, подошел к шкафу, вытащил спасательный жилет оранжевого цвета и стал натягивать его. — Мне нужно выйти в море. Я не знаю, что эти юнцы там делают, но они не смогут попасть в гавань. Мне нужно доставить судно сюда.

— Разве это не слишком опасно?

— Я справлюсь с этим. Мне удавалось справляться и с вещами похлеще. — Начальник порта направился к двери. — Вы подождете здесь?

Ребекка кивнула.

— Будьте осторожны, — сказала она в качестве напутствия.

В последующие полчаса Ребекка с напряжением следила через окно, как Альберт на своей маленькой резиновой моторной лодке громко проносится через портовый бассейн и берет курс на парусник, который тем временем опять отдалился от гавани — теперь его грозило вновь унести в бушующее море. Ребекка сомневалась, что это "Либель", — она не могла представить себе, чтобы такой опытный яхтсмен, как Мариус, на самом деле не в состоянии был привести судно в порт. Но в любом случае, Альберт должен был помочь тем, кто плыл на яхте, и то, как он бесстрашно и отважно взялся за дело, вызвало у Ребекки большое уважение.

"Неудивительно, что он так нравился Феликсу", — подумала она, и тут же на нее опять накатила волна боли, потому что эта спасательная операция, как и многое другое, была тем, чем она теперь не могла поделиться со своим мужем. Она не могла прийти домой и взволнованно рассказать ему: "Представляешь, Альберт в *такой шторм* отправился на резиновой лодке через акваторию, чтобы доставить к берегу судно!"

И она уже никогда не сможет увидеть этот заинтересованный блеск в глазах Феликса, с которым он реагировал на все, с чем бы она к нему ни обращалась. Он никогда не был равнодушным или скучающим — напротив, всегда тут же говорил: "Правда? О, ты должна рассказать мне об этом поподробнее!" Тем самым он дарил ей ощущение того, что полностью поглощен ею, что она — часть его самого, так же, как и он — часть ее. Ничто из того, что ее занимало, не оставляло его безразличным, и она тоже принимала участие во всем, что интересовало его.

Но это и было причиной ее нынешнего каждодневного ужаса: оттого, что их души были настолько переплетены, смерть Феликса означала, что одна часть в ней самой, одна ее половина тоже умерла. Половина ее сердца, ее души, ее мозга, ее дыхания, ее зрения и слуха, ее вкуса и обоняния. Поэтому Ребекка и не могла чувствовать вкус еды на языке, поэтому и шум прибоя слышался ей таким далеким, поэтому и солнце для нее поблекло, и голубизна неба утратила свое сияние. Все удалилось, все потускнело, все стало нереальным, словно происходило за стеной тумана где-то на горизонте. Все, кроме боли. Боль всегда была рядом с ней, готовая в любой момент напасть на нее. В той же мере, в какой все остальное утратило свою силу, боль увеличилась. Она была единственной настоящей реальностью в жизни Ребекки.

Женщина ударила кулаком по письменному столу Альберта, пробормотав: "Черт возьми". Она не хотела, чтобы боль снова одержала победу. Ей хотелось вернуться в состояние бесчувственности, которой она с таким упорством добивалась. Однажды ей это удалось — и она добьется

этого снова...

Теперь больше ни одной мысли о Феликсе. Больше ни одной-единственной мысли. Не думать о том, что было бы, если б он услышал ее рассказ о сегодняшнем вечере... Неожиданно это толкнуло Ребекку в такое отчаяние, от которого у нее перехватило дыхание; оно окружило ее чернотой и пустотой, знакомой ей с первых дней после аварии... Невыносимое...

Чтобы отвлечь себя, женщина взяла бинокль. Альберт уже почти достиг выхода из гавани. Его лодку сильно качало еще в акватории, а теперь ему нужно было выйти в открытое море, где все станет еще хуже. Тем временем, несмотря на ревущий шторм, на пирсе появилось несколько любопытных зевак, в основном мужчины; они качались на ветру, как травинки, но их удерживало на месте осознание того, что на их глазах происходит спасение, и, возможно, им предстоит стать свидетелями захватывающих событий.

Лодка Альберта скрылась за каменной стеной, и Ребекка больше не могла ее видеть. Он должен был бы уже достигнуть парусника, но теперь, несомненно, начиналась самая опасная часть его плана: нужно залезть на борт. А при таком бурном море это было крайне рискованно.

По-прежнему пытаясь отвлечься, Ребекка опустила в воду кипятильник, сполоснула чайник и повесила в него свежие пакетики с чаем. Может быть, у Альберта, да и у людей, которых он спасает, появится потребность выпить чего-нибудь горячего, когда они вернуться, наверняка промокшие и обессиленные. На одной полке она обнаружила бутылку с ромом. Глоток крепкого, наверное, тоже не помешает.

Ребекка ходила взад и вперед, избегая смотреть на улицу. Она изучила карту, висящую на стене, вытерла своим носовым платком пыль с якоря из латуни, закрепленного на стене, а затем поспешно выбросила платок в урну для бумаг. Ей и в самом деле нужно избавляться от привычки постоянно все протирать. Максимилиан был прав: уборка превратилась у нее в манию. Ни одна поверхность, ни один предмет, ничто не могло укрыться от нее. Стратегия выживания... Но теперь она была не нужна Ребекке. В конце концов, ей недолго осталось жить.

Когда она наконец снова осмелилась выглянуть в окно, яхта уже входила в порт, все еще дико качаясь, но все же управляемая опытной рукой. Это означало, что Альберту все удалось. Ребекка с облегчением вздохнула и снова поднесла бинокль к глазам. Теперь она четко могла опознать, что это "Либель", и спрашивала себя, что могло произойти.

Альберту пришлось приложить немало усилий, чтобы провести яхту

между другими судами к своему месту и причалить. Группа мужчин — Ребекка предположила, что это тоже яхтсмены — стояла наготове и помогала ему пришвартовать яхту. Даже стоявшие на месте суда сильно подскакивали вверх и вниз, их мачты бились друг о друга. Ребекка видела, как начальник порта прыгнул на причальный мостик, а затем протянул руку и помог какому-то — по-видимому, совершенно обессиленному человеку — сойти на берег. Это, кажется, была Инга. Молодая женщина едва держалась на ногах и только с третьей попытки смогла покинуть яхту. С помощью Альберта, который больше нес ее, чем поддерживал, она прохромала на пирс. К удивлению Ребекки, за ними никто не шел. То есть третьего на борту не было.

Куда же делся Мариус?

Ребекка наполнила два бокала горячим чаем, добавила туда ром и сахар, а затем прошла к двери офиса и открыла ее. Вошел, качаясь, до нитки промокший и тяжело дышащий Альберт, на котором висела, как мокрый мешок, до смерти обессиленная Инга. Выглядела она страшно: на голых ногах и висках кровь, на футболке остатки рвоты. Она дрожала всем телом, постоянно пыталась что-то сказать, но не могла внятно произнести ни слова. Когда женщина подняла руку, чтобы убрать со лба прядь волос, Ребекка увидела, что руки у нее тоже ободраны и кровоточат.

— Господи, Инга, что произошло?! — Она подхватила шатающуюся молодую женщину, забирая ее у Альберта, который сам едва держался на ногах, потянула ее к стулу и осторожно усадила на него. — Выглядите вы просто ужасно! А где Мариус?

Инга все еще не могла произнести ни слова, но ей хотя бы удалось взять предложенный ей бокал с чаем и поднести его к губам. Она пила маленькими глотками и никак не могла унять дрожь.

— Спокойно, — утешала ее Ребекка, — все будет хорошо...

Она вовсе не была такой спокойной, какой хотела казаться. Произошло что-то ужасное; возможно, Мариус был в опасности... или даже погиб. Утонул.

Этот спортивный, молодой мужчина... Ребекка едва ли могла себе такое представить.

Она повернулась к начальнику порта, который, тяжело дыша, прислонился к стене.

— Альберт, она вам что-нибудь говорила? Вы видели Мариуса?

Тот покачал головой.

— На борту, кроме нее, никого не было. Ни следа молодого человека. А девушка не могла сказать мне ни слова. Вероятно, она в одиночку

свернула парус и вернула сюда "Либель" на одном моторе. При этом шторме... неудивительно, что она полумертвая!

— Выпейте же тоже чаю, Альберт! — воскликнула Ребекка. — Вы же совершенно измотаны!

Начальник порта послушался и стал пить жадными глотками.

— Нам надо сообщить в спасательную службу, — сказал он, — надо, чтобы нашли этого... как его зовут... Мариуса.

— Но для этого нам надо сначала узнать, что произошло, — произнесла Ребекка. Она погладила Ингу по мокрым волосам и наклонилась к ней. — Инга, мы должны что-то предпринять насчет Мариуса, — осторожно сказала она. — Вы можете говорить? Вы можете сказать мне, что произошло?

Зубы спасенной женщины слегка постукивали друг о друга, но она постаралась сформулировать ответ.

— Я не знаю, — вымолвила она. — Его не было, когда я проснулась.

— Когда вы проснулись?

— Я... упала. Моя голова... — Инга подняла руку, потрогала свою рану у виска и сжалась при этом от боли. — Я была без сознания. А потом его уже не было...

— Где вы находились? Я имею в виду, где примерно находилась яхта к этому времени?

— Перед Кап-Сисье. Был страшный шторм. — Речь Инги становилась яснее. — Огромные волны. Я думаю, его ударило мачтой. От... большого паруса. Она крутилась из стороны в сторону. Я думаю, что мачта сбила его за борт.

Ребекка прикусила губы. Все это чудовищно... Она повернулась к Альберту и перевела ему этот разговор.

— Она была без сознания и не совсем в курсе, что произошло, — добавила Ребекка. — Но поскольку Мариус действительно пропал, возможно, так оно и было... Боже мой, Альберт, как вы считаете, он еще жив?

— Спросите ее, был ли на нем спасательный жилет, — попросил начальник порта.

Ребекка повторила вопрос на немецком, и Инга кивнула.

— Да. Я в этом совершенно уверена.

Альберт поставил свою чашку. Теперь он уже снова пришел в себя.

— Я проинформирую службу спасения. Вы позаботитесь о девушке?

Ребекка кивнула.

— Сначала я поеду с ней к доктору — пусть он прежде всего осмотрит

рану у нее на голове. А потом заберу ее к себе. Если она сообщит мне еще какую-нибудь информацию, я позвоню вам, Альберт.

Начальник порта прошел к письменному столу, начеркал что-то в блокноте, вырвал листок и протянул его Ребекке.

— Это номер моего мобильного телефона. По нему всегда можно до меня дозвониться.

— Все ясно, — сказала женщина и посмотрела наружу, на шторм.

"Просто конец света, — подумала она и вздохнула. — А теперь у меня на шее еще и эта Инга..."

Она по уши влезла в эту историю. И беспокоило ее то, что она уже потеряла над ней контроль.

Понедельник, 26 июля

1

"Агнета выглядит просто великолепно", — подумала Клара.

Агнета была типичной скандинавкой. У нее были бросающиеся в глаза длинные ноги, светло-русые волосы почти до бедер и большие, светящиеся голубые глаза. Кроме того, после возвращения с Мальдивов ее кожу покрывал плотный загар, что особенно красиво смотрелось в контрасте с ее светлыми волосами. Раньше — когда они с Кларой были еще коллегами — Агнета носила почти исключительно джинсы или, летом, дешевые хлопчатобумажные юбки, а к ним — футболки или вытянувшиеся свитера. Теперь же, напротив, одежда этой женщины демонстрировала хорошие заработки ее мужа. Этот светло-голубой льняной костюм с юбкой до колен был первоклассного фасона, а бежевые босоножки на очень высоком каблуке наверняка были куплены в одном из самых дорогих обувных магазинов города. На шее у Агнеты красовались бусы из жемчуга, в ушах тоже был жемчуг, на руке — подходящий к этим украшениям браслет, а сумочку украшала дизайнерская этикетка, хоть и очень скромная, но тем не менее ее нельзя было не заметить.

"Она смогла кое-чего добиться, — продолжала размышлять Клара, пытаясь подавить в себе зависть. Зависть — нехорошее чувство; кроме того, деньги еще не делают человека счастливым. Во всяком случае, одни только деньги.

Тем не менее рядом с Агнетой она казалась себе довольно невзрачной. Клара была готова к визиту гостьи и тоже прифрантилась, но, конечно же, ее гардероб безнадежно уступал тому, что было надето на ее бывшей коллеге. Цветастая юбка Клары, доходящая до икр, была просто мещанской, а на белой футболке светилось зеленоватое пятно, которое она заметила только в тот момент, когда Агнета уже позвонила в дверь и переодеваться было поздно. Мари на прошлой неделе выплюнула на нее свой шпинат, а стиральная машина, вероятно, не справилась с пятном.

"Ну что ж, я ничего не могу изменить", — раздраженно подумала Клара.

Агнета была сердечной и обаятельной, не такой естественной, как раньше, но и ни в коем разе не неприятной. Она прекрасно вжилась в роль

супруги напоказ. Клара хорошо могла представить себе, как ее подруга умело вела беседы с гостями на вечеринках, представляла незнакомых людей друг другу, элегантно пригубливая свое шампанское, а в нужный момент говорила нужные слова. И, даже если втайне воротила нос от жизни своей бывшей коллеги, ее маленького дома и крошечного сада, ничем не выдавала этого, а в порыве чувств выражала свое восхищение. Она восхищалась Мари, находила "прелестным" все, что видела, и посчитала, что Клара выглядит очень хорошо.

— Брак пошел тебе на пользу, моя дорогая! — заявила она.

— Тебе тоже, — ответила Клара. — У тебя наверняка очень увлекательная жизнь.

— Ну, что значит — увлекательная? Хотя Мальдивы прекрасны. Там на самом деле все как на открытках. Белоснежный песок, вода светящегося бирюзового цвета... тебе тоже надо бы съездить туда!

— С маленьким ребенком полет получается слишком долгим, — сказала Клара, а мысленно добавила: "А на три персоны все это слишком дорого".

— Ты права, — тут же согласилась Агнета. — Но я всегда считала, что и дома, в собственном саду, тоже можно прекрасно отдохнуть.

— Только оттуда не пошлешь такие красивые открытки, как твоя. Я ее только пару дней назад получила... И вот ты уже стоишь здесь, посреди моей гостиной!

— Почта — всегда самый длинный путь, — сказала Агнета. — Но разве это не здорово, что мы наконец опять встретились?

Клара устало улыбнулась.

— В общем-то, да. Только вот повод...

Агнета вздернула свои слишком тщательно выщипанные дуги бровей.

— Ты уже знаешь, о чем речь?

— Предполагаю. Боюсь, что у тебя та же проблема, что и у меня.

Обе женщины вышли на террасу, где Клара накрыла стол. Пока она разливала кофе и нарезала пирог с яблоками, который сама испекла, ее гостья выудила из сумочки стопку писем. Хозяйка дома искоса бросила на них взгляд и тут же узнала почерк, узнала печатные буквы на конвертах. Она вздрогнула, словно от пощечины, и пролила кофе на юбку шикарного, дорогущего костюма Агнеты.

— О боже! — прошептала Клара и даже почувствовала, как побледнело ее лицо.

— Ничего страшного, — сказала ее приятельница, промокая салфеткой свою юбку, — отдам ее в химчистку.

— Я не это имею в виду... — Клара трясущимися руками поставила кофейник. — Эти письма... это действительно то, про что я думала.

— Новых не поступало, когда я вернулась с Мальдив, — сказала Агнета, — и это меня немного успокоило.

— Я тоже больше двух недель ничего не получала, — сказала Клара, — но я все еще не могу подойти к почтовому ящику спокойно. Это все так... ужасно... Так страшно то, что он пишет...

— Ты думаешь, это мужчина?

— Не знаю, но думаю, что да. Собственно, я не могу сказать, почему так считаю...

Обе женщины посмотрели друг на друга.

— Это связано с той нашей работой с детьми и подростками, — наконец произнесла Агнета, — во всяком случае, он или она постоянно ссылается на это в моих письмах.

— В моих тоже.

— Я уже ломала себе голову над тем, что могло тогда произойти. Это должно касаться кого-то, кто убежден, что с ним произошла горькая несправедливость из-за нас. Только мне не приходит в голову ничего такого, что в какой-то степени... было бы из ряда вон выходящим. Я имею в виду, что, в принципе, очень многие могли сердиться на нас, но не было какого-то особого случая, из-за которого я сегодня сказала бы, что у меня сразу же появилось дурное предчувствие или что-то в этом роде.

— Ты не знаешь, есть еще такие, как мы? — спросила Клара.

— С другими я пока не общалась. Но нам следует это сделать. Я считаю, что если мы будем знать, кто именно получает эти письма, можно будет вычислить случаи, с которыми имели дело получатели.

— Если дело касается лишения родительских прав, то на нас наверняка многие имели зуб, — сказала Клара.

— А еще мы курировали семьи, которые сердились на нас просто потому, что ненавидели проверяющих, хотя без нас они никак не могли справиться, — добавила Агнета.

— А еще подумай о родителях, у которых забирали приемных детей, потому что природных родителей вдруг все же посчитали более пригодными... Там было пролито много слез. И высвобождено много агрессии.

— Но я не могу представить себе приемную семью, которая была бы настолько озлоблена, как автор этих писем, — возразила гостья. — Я имею в виду, что за всем этим стоит больной разум! Этот человек, вероятно, считает, что послужит какому-то высшему правосудию, если убьет нас.

Сколько бы я ни копалась в памяти, мне так и не пришло в голову, от кого я могла бы ожидать подобных извращений.

— Ты считаешь, что нам следует обратиться в полицию? — спросила Клара.

Агнета помедлила.

— Я поговорила об этом со своим мужем. Он не советует делать это, поскольку считает, что они в любом случае ничем не смогут помочь, а в итоге мне на шею еще и пресса сядет... — Она ухмыльнулась. — Чего он на самом деле боится, так это того, что пресса будет сидеть у него на шее, а в его положении он, конечно же, не хочет, чтобы его связывали с подобными гадостями. К тому же у него нет ни малейшего интереса в том, чтобы прошлое его супруги стало широко известным.

— А что он имеет против твоего прошлого?

— Ну, оно кажется ему недостаточно представительным. Кем я была? Общественным педагогом из учреждения по работе с детьми и подростками, курирующим проблемные семьи.

— Но в этом ведь нет ничего такого, за что должно быть стыдно!

— Нет. Но для того, кто сидит в правлении крупной сети универмагов, то окружение, в котором мы тогда вращались, является несколько... грязным. Ему просто неприятно, когда я о нем говорю.

— Берт тоже считает, что нам не следует идти в полицию, — сказала Клара. — Хотя я не совсем уверена... возможно, он просто боится, что я совсем свихнусь, если он станет говорить о полиции. Я думаю, что для него это дело по-любому закрылось, после того как автор писем долгое время не давал о себе знать.

Агнета ничего не сказала.

"Какой чудесный летний день", — подумала Клара.

Где-то вдали по прозрачному голубому небу пролетал спортивный самолет, и до женщин доносился еле слышный шум его мотора. Щебетали птицы, жужжали пчелы. Из одной из верхних комнат тихо послышался лепет Мари, которая только что проснулась после своего обеденного сна.

Внутри у Клары вновь ожил страх — темное грозное облако, которое она в течение многих недель постоянно ощущала как раз в такие моменты, как этот, — прекрасные, ясные и солнечные. Для нее это дело не было закрытым. Может быть, оно станет таковым через годы, если автор писем к тому времени все еще не объявится. Но пройдет много времени, очень много, и порой она спрашивала себя, не останется ли в ее душе и тогда маленькая тень... не останется ли она там навсегда.

— Он ходит где-то там, — сказала Агнета, — вместе со своей

ненавистью и своими фантазиями о том, что он хотел бы с нами сотворить. Почему я отказываюсь поверить в то, что письмами дело не кончится? Что он остановился, что выплеснул свои эмоции и теперь оставит нас в покое? Почему, черт побери, я так сильно боюсь?

"Она изменилась, — подумала Клара. — На мгновение она утратила вид самоуверенной, элегантной, беспечной женщины, чувствующей себя защищенной своим богатством, положением в обществе и любовью своего мужа. Она стала вдруг похожа на запуганную маленькую девочку, которую по ночам мучают кошмарные сны и которая даже днем по-настоящему не освобождается от них".

— Я тоже боюсь, — тихо произнесла Клара, — и я тоже все время думаю, что он не оставит нас в покое.

Покрякивание Мари стало громче, и ее мать поднялась.

— Мне нужно глянуть, как она там.

Когда Клара с ребенком на руках снова вернулась вниз, Агнета уже взяла себя в руки, снова набросила на себя маску самоуверенности и закурила сигарету. Она наблюдала, как хозяйка дома посадила свою дочь на лужайку, где та, радостно визжа, начала выдергивать травинки и подбрасывать их вверх — они дождем осыпали ее.

— Знаешь, — произнесла гостья, — мы обе создали себе хорошую жизнь. У тебя прелестная дочка и милый муж, я тоже в счастливом браке и каждый день занимаюсь сотнями дел, которые мне приятны, интересны и увлекательны. Мы не позволим, чтобы нам эту жизнь сломали, не так ли?

— Нет, — ответила Клара, но это прозвучало скорее так, словно послушная ученица повторяет фразу за учительницей.

— Я наведу контакт еще кое с кем из наших, — сказала Агнета. — Может быть, найдутся какие-то пересечения, которые укажут на личность этого сумасшедшего... А до этого нам не следует позволять, чтобы нам слишком испортили настроение, как ты считаешь?

— Да, — ответила ее бывшая коллега.

Гостья тяжело вздохнула.

— Знаешь, твой кофе действительно вкусный, — проговорила она, — но... мне бы сейчас водки тяпнуть... А тебе?

— Мне тоже, — согласилась Клара, и на этот раз ее голос прозвучал страстно, а не как у послушной девочки.

Она отправилась в дом, чтобы принести что-нибудь подходящее, что могло бы хоть на несколько часов скрасить неприглядную действительность.

— Я подыщу себе отель, — сказала Инга. Она неожиданно появилась на веранде, вытянувшись, как тонкая, темная тень против солнечного света. Выглядела женщина ужасно худой.

"Разве можно так быстро потерять в весе за несколько дней?" — с удивлением спрашивала себя Ребекка. Но затем ей вспомнилось, что говорили люди вокруг нее в первые недели после смерти Феликса: "Да ты невероятно похудела! Ты что, совсем ничего не ешь?"

А ела ли она? Ребекка теперь уже не знала. Ела ли Инга? Она жила у нее уже три дня, но хозяйка дома вряд ли могла сказать, действительно ли ее гостя что-то жевала во время еды или же только сидела за столом и крошила хлеб между пальцами. Судя по ее виду, скорее всего, верно было последнее.

"Надо будет уделять ей больше внимания", — виновато подумала Ребекка. В то же время она понимала, что эта мысль мешала ее намерениям отстраниться от всего и внутренне распрощаться с этим миром, прежде чем сделать последний шаг и уйти из него еще и физически.

Она поставила свою кофейную чашку.

— Идемте, Инга. Садитесь. Выпейте со мной кофе!

Как всегда, Ребекка накрыла стол на две персоны. Ее гостя нерешительно опустилась на плетеный стул, покрытый белым лаком. Хозяйка налила ей кофе и подвинула в ее сторону сахар и молоко.

— Вам не нужно перебираться в отель. — Тут же она подумала, что это прозвучало как-то так, словно Ребекка была обязана сказать это по долгу службы. — У меня ведь достаточно места.

Инга убрала с лица прядь волос. На лбу у нее, в том месте, где она его рассекла, все еще был приклеен пластырь. Врач установил у пострадавшей легкое сотрясение мозга и прописал ей полный покой. Тогда она быстро пойдет на поправку, посчитал он. Боль от растяжения в плече эскулап успокоил уколом сильнодействующего болеутоляющего, так что теперь оно уже почти не болело. Раны на ногах Инги тоже зажили.

— Вам наверняка все это кажется ужасным, — сказала она Ребекке. — Ваш знакомый подбирает двух попутчиков и притаскивает их сюда, а затем они едва не погибают на вашей яхте. Один пропадает, а вторая поселяется в качестве гостя в вашем доме. Гостя, совершенно вам незнакомого...

— Вы мне вовсе не кажетесь совершенно незнакомой, Инга, — возразила Ребекка. — Вот Мариус — да. Если б он здесь поселился... Его я

вполне восприняла бы как совершенно чужого.

— В любом случае, вы наверняка не так представляли себе ваше лето.

— Да, — согласилась Ребекка, — действительно, не так. — "Я хотела быть уже мертвой". — Только что звонил Альберт, — решила она сменить тему. — Он сказал, что береговая охрана, к сожалению, завтра в последний раз отправится на поиски вашего мужа. Если они его и тогда не найдут, то... — Она не закончила фразу.

— То прекратят поиски, — закончила за нее Инга. — Я, собственно, ожидала этого. Точнее... я даже не ожидала, что они будут искать целых четыре дня. — Несмотря на солнечный загар, она выглядела бледной, а ее губы были совершенно бескровными. — Он был... он первоклассный пловец. И на нем был спасательный жилет...

— Но вам не следует пока предполагать самое худшее, — произнесла Ребекка. — Может быть, его кто-нибудь подобрал.

— Но тогда он объявился бы.

— Но... Вы же мне рассказывали, что на "Либель" он так странно себя повел... Ему теперь тяжело просто так связаться с вами и прийти сюда как ни в чем не бывало.

Инга пригубила свой кофе. Она выглядела ужасно напряженной и несчастной, и это тронуло душу Ребекки.

— Я все еще не могу этого понять, — сказала Инга. — Эта сцена на яхте кажется мне кошмарным сном. Совершенно нереальным. Мариус, который вдруг... Какое-то время я думала, что он шутит. Знаете, мы часто так шутили — на полном серьезе говорили о совершенно нелепых вещах. Мы могли часами так дурачиться. Но на этот раз...

— А если это недоразумение? — спросила Ребекка. — Шутка, которую он продолжал, хотя у вас больше не было желания шутить? Вы были не в настроении, как вы рассказывали, потому что боялись шторма. Может быть, до него просто не доходило, что вы на самом деле не желаете вести эту игру? Или он хотел заставить вас продолжить ее...

Инга потерла лоб.

— Я день и ночь, — сказала она, — мысленно прокручиваю эту сцену. Вы не поверите, как я желаю, чтобы у меня вдруг наступило прояснение, когда я поняла бы: это была шутка, а я в своем отчаянии не поняла, что... Но я в это не верю, Ребекка. Он был... да, он был совершенно неузнаваемым. Он столкнул меня вниз, в каюту. Я могла при этом сломать себе все что угодно. В его глазах было такое странное выражение... Я еще никогда не видела его таким. Это не был тот Мариус, которого я знала. Он был чужим — и опасным.

— Что-то должно было взбудоражить в нем какую-то сторону, которая раньше не проявлялась, — сказала Ребекка. — Был ли это поход на яхте? Может быть, это что-то напомнило ему? Или, возможно, Максимилиан что-то сказал ему перед плаванием в порту? Или Альберт?

Инга снова потеряла лоб. Ее постоянно донимали небольшие головные боли, но она списывала это на сотрясение мозга. И конечно же, на тот кошмар, в который она неожиданно попала и из которого пока не видела выхода.

— По-моему, это как-то связано с вами, — произнесла она наконец.

Ребекка посмотрела на нее в полном изумлении.

— Со мной? Но каким образом?

— Я не знаю. Но создавалось такое впечатление, что он хотел украсть судно в первую очередь не для того, чтобы заиметь деньги, а... чтобы досадить вам. Чтобы заставить вас переживать. Казалось, что у него настоящая ненависть к вам. Да он даже так и сказал. Что он вас ненавидит. Что он точно знает, кто вы такая. Я несколько раз спрашивала его, знаком ли он с вами, но он отвечал, что ему необязательно надо быть с вами знакомым, чтобы знать о вас все. Это было... полное безумие!

— Мне тоже так кажется, — сказала Ребекка. — Но я со своей стороны абсолютно уверена, что *не знаю* Мариуса. Я его никогда раньше не видела. Вы оба еще учитесь в университете; я работала в организации по защите детей. И я уже почти год не живу в Германии. Где у нас могут быть точки соприкосновения?

— Я не знаю, — ответила Инга, — и сколько бы ни размышляла, я не нахожу ответа.

Ребекка подлила ей еще кофе.

— А что вы знаете о Мариусе? Я имею в виду то время, что было до ваших взаимоотношений? Как давно вы его знаете? — Она осеклась. — Если я слишком нескромна...

Ее гостя тут же отмахнулась:

— Нет. Вовсе нет. Я рада, что вы говорите со мной об этом. Я сойду с ума, если буду ворошить все это в своей голове. Очень мило с вашей стороны, что вы принимаете такое участие в моей жизни... — Она указала на чашку с тарелкой на столе перед собой: — Что вы и для меня тоже накрыли стол. Я считала, что это послеобеденное время за чашкой кофе вы предпочитаете проводить в одиночестве.

Глаза Ребекки потемнели. Инге казалось, что над ее лицом в прямом смысле повисла тень.

— Честно говоря, я не для вас накрыла стол. Это прибор для моего

мужа. Мы... мы всегда около четырех часов пили вместе кофе. Я имею в виду, в отпуске. Феликс брал еще круассан к кофе. Я — нет. Я... больше следила за своей фигурой.

Ребекка прикусила губы. Инга поставила свою чашку на стол.

— Если вам неприятно, что я здесь, просто...

— Нет-нет, — холодно произнесла хозяйка дома, — иначе я не попросила бы вас присесть ко мне.

Несколько минут обе женщины молчали. Наконец Ребекка нарушила тишину:

— Я спросила вас о Мариусе. Может быть, в его прошлом был какой-то случай, который сможет теперь помочь нам понять, что случилось?

— Знаете, — произнесла Инга, — самое странное то, что я, собственно, очень мало знаю о Мариусе. Все выглядит так, словно он появился ниоткуда, словно не было никакого "прежде". Меня это всегда беспокоило, но я, видимо, как-то научилась не обращать на это внимания. Мы знаем друг друга два с половиной года, и два года мы женаты. Мы оба подрабатываем, а я еще получаю деньги из дома, этого нам как раз хватает на жизнь. Мариус вообще не получает никакой поддержки, но ничего не говорит по этому поводу — только то, что у него плохие отношения с родителями. Мы встретились в университете, в столовой. Мариус стоял за мной, а я как раз выбирала себе блюдо, и вдруг он заговорил со мной: типа, этого мне не следует брать, так как он на прошлой неделе это ел, и оно было ужасным. Мне было так неловко перед женщиной, стоявшей на раздаче! Позади нас была бесконечная очередь, а мы обсуждали, что мне выбрать...

Инга вспомнила, как ей было неприятно, что этот незнакомый студент, казалось, совершенно не замечал, что они задерживают движение очереди и что все вокруг уже начинают проявлять недовольство. Позже они порой обсуждали тот случай, но в основном в шутливой форме. Обычно это бывало, когда они сидели вместе с сокурсниками и рассказывали о своих встречах. Инга тогда часто говорила, смеясь: "Я чуть не умерла от стыда. А Мариус спокойненько давал мне советы, какое блюдо самое вкусное, а какое нет и почему. Как в кафе деликатесов. Вокруг нас все уже нервничали, но его это совсем не интересовало!" На что Мариус обычно отвечал: "В конце концов, мы платим за еду, так что можем спокойно выбирать то, что нам хочется". Все вокруг смеются. Типичный Мариус! Этот "солнечный мальчик", который смастерил для себя жизнь так, чтобы ему было в ней приятно. И которому было наплевать, если рассерженная женщина на раздаче его облает...

Один-единственный раз, вдруг вспомнилось Инге, они на полном серьезе поговорили об этом случае.

— Странно, — произнесла она, — я это совсем выбросила из памяти...

— Что именно? — спросила Ребекка.

— Где-то полтора года назад у нас была крупная ссора. Дело касалось ситуации в супермаркете. Суббота, в магазине битком народу. У них была открыта только одна касса, и очередь заполнила все проходы. Это раздражало, к тому же нам нужно было заплатить лишь за одну бутылку молока. Но все можно было рассматривать и с комичной стороны. Некоторые так и делали. Была... такая атмосфера, при которой люди, совершенно незнакомые друг с другом, отпускали шутки о неприятном положении, в котором находились. Потому что это положение не было в самом деле неприятным... — Инга перевела на мгновение дух, подыскивая слова. — Я имею в виду, это было неприятно, но не по-настоящему. Такие вещи просто случаются. И все вокруг, собственно, просто дурачились...

— Кроме Мариуса? — спросила Брандт.

Ее собеседница кивнула.

— Кроме Мариуса. Вначале я даже не заметила, что его настроение явно движется в сторону взрыва. Перед нами стоял один тип, который тоже покупал совсем немного — пачку масла или упаковку муки, — и он все подшучивал, что мы тут явно в проигрыше... Что нам хотелось быстренько купить какую-то мелочь, а теперь мы можем провести все послеобеденное время субботы в супермаркете — ну, в общем, такие вещи. Я тоже принимала участие во всем этом, ибо не считала ситуацию такой уж трагичной. — Инга задумалась. — И тут вдруг еще один покупатель произнес: "Мы прирожденные неудачники" или что-то в этом роде... во всяком случае, там прозвучало слово "неудачник". И тут Мариус неожиданно взорвался. Это было... ужасно. Он так орал! Что он не неудачник, что вообще тот тип себе позволяет... "Я не последний человек! — кричал он. — Я кое-что представляю из себя, и я не допущу такой обиды!" — Женщина покачала головой. — Странно, — произнесла она, — но мне это только сейчас вспомнилось. Потому что именно эти слова он сказал на яхте. "Я не последний человек! Я кое-что представляю!" Именно эти...

Ребекка внимательно посмотрела на нее.

— Очень странно, Инга. Во всяком случае, в том супермаркете это едва ли как-то могло быть связано со мной.

— Нет. Конечно нет. Но все выглядело так, будто Мариус воспринимал

лишь то, что приходилось невероятно долго ждать, и это относилось именно к нему. Или, точнее, это было именно *против* него. Как будто все это происходило лишь для того, чтобы помучить его, поиздеваться над ним. Это было так... Он показался мне по-настоящему больным!

— И как закончилась та история?

— Ах, просто ужасно! Он продрался вперед и накричал на кассиршу. Возмущался тем, что она себе позволяет, и заявлял, что не допустит такого обращения с собой. Эта бедная женщина была совершенно выбита из сил, она и без того уже не справлялась с ситуацией, и ей только еще не хватало покупателя, у которого сдали нервы. Почти весь персонал супермаркета болел гриппом, поэтому она сидела там одна. Она была не виновата во всем этом... Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Все люди замолчали и с ужасом уставились на Мариуса. А он в довершение ко всему еще и швырнул бутылку молока в какую-то полку, взял меня за руку, грубо прикрикнув, и мы понеслись к выходу... — Инга тяжело вздохнула. — Я больше никогда не осмеливалась делать там покупки. А дома мы потом ссорились еще несколько часов. Мариус не желал соглашаться с тем, что его поведение было несносным.

— Он, кажется, необычайно быстро впадает в состояние аффекта по поводу того, что с ним плохо обращаются или что его отвергают, — сказала Ребекка, — и его реакция на это... просто... — Она замялась.

— Почти параноидальная, — произнесла Инга. — Вы спокойно можете произнести это слово. — Она в очередной раз потеряла свою трещащую от боли голову. — Тогда я припомнила ему и тот случай в студенческой столовой. Он хоть и не стал буйствовать, но повел себя настолько неприятно... заносчиво. Во всяком случае, я тогда тоже осрамилась. Но я не смогла донести до него свое понимание произошедшего. Мариус не понимал, что я имею в виду. Он упорно утверждал, что с ним хотели плохо обойтись — либо пытались навязать ему плохую еду, как в столовой, либо заставляли чересчур долго ждать, как в супермаркете. Он скорее был глубоко поражен, что я безропотно допускала все это. В какой-то момент мы перестали ссориться, не придя ни к какому результату. Ни один из нас не уступил другому.

— Вы, наверное, всегда чувствовали себя словно на пороховой бочке, верно? — осторожно произнесла Ребекка. — В любой момент снова могло произойти нечто подобное. Вы знали это, правда?

Инга продолжала массировать виски — головная боль, казалось, усилилась еще больше.

— Да, — тихо произнесла она, — причем мне кажется, что я усердно

старалась не замечать этого. Опять и опять... Я внушила себе, что это был срыв... что у него просто случился неудачный день... что каждый из нас не без греха... Ну, и все в таком роде. Хотя...

— Да?

— Эти качества всегда присутствовали у Мариуса. Иногда они выражались очень слабо, иногда сильнее. Они ощущались в том, как он обращался с официантами в ресторане. Как он обходился со слесарями-ремонтниками. Или с поставщиками... Всегда немного свысока, порой почти невежливо. И всегда... в общем, я всегда стояла затаив дыхание. У меня почему-то возникало такое чувство, что может произойти скандал, если эти люди вдруг начнут грубить или не сделают сразу же так, как он хочет. А Мариус словно лишь этого и ждал. Я... каждый раз я глубоко переводила дыхание, как только такая ситуация проходила и ничего не случалось.

Она замолчала, уставившись вверх на голубое небо. Ребекка тоже какое-то время ничего не говорила, а затем вдруг произнесла:

— Как это утомительно! Годы, проведенные с ним, были не только счастливыми, не так ли?

— Нет, — ответила Инга, — на самом деле, нет. Но с другой стороны... — Она улыбнулась своим воспоминаниям. — С ним бывало так весело! Так легко... У Мариуса постоянно появлялись какие-то идеи о том, что интересного можно устроить. С ним я оказывалась в совершенно сумасшедших кабаках, за кулисами сомнительных театров, в джазовых погребках или на шоу трансвеститов. Мы ездили в летние ночи на Изар и купались там, или вместе пропускали семинар и отправлялись на лыжах в Чимгау, потому что там прекрасный глубокий снег, и Мариус был вне себя от восторга. Знаете, это было в нем здорово — способность восторгаться. Я получала от этого удовольствие. И пользу. Я намного серьезнее, и меня всегда мучают сомнения, если я не сделаю именно то, что от меня ожидают. Я, кстати, старшая из нас двоих — мне двадцать шесть, а Мариусу двадцать четыре. Но порой мне кажется, что нас разделяет гораздо больше, чем два года. Как минимум десять.

— А что вы изучаете? — спросила Ребекка.

— Германистику и историю. Я скоро закончу. А Мариусу, кажется, все равно, как долго продлится его учеба. Он хочет стать адвокатом, но не сдал еще ни один экзамен с первой попытки. Не потому, что он глуп, — наоборот, получает за письменные работы блестящие оценки. Но часто бросает все на полпути. Начинает делать домашнюю работу — и вдруг у него больше нет настроения. Во время контрольной может встать и

покинуть аудиторию, потому что на улице светит солнце и он считает, что в такой день лучше отправиться в бассейн. Мне это нравилось. Рядом с ним я всегда казалась себе скучной и обязательной. И думала: как хорошо, что у меня есть кто-то, кто увлекает меня за собой, к тому, чтобы тоже совершить что-то сумасшедшее. Не только благоразумные вещи. — Она пугливо посмотрела на хозяйку дома. — Вы можете это понять? Или вы считаете... считаете, что Мариус сумасшедший и я должна была это заметить?

Несколько чаек громкими криками на несколько секунд задержали ответ Ребекки. Затем она сказала:

— Я очень хорошо вас понимаю, Инга. На самом деле. Я прекрасно могу представить шарм вашего мужа — вы с ним, кстати, довольно быстро поженились, не так ли? Только в его жизни где-то существует огромная проблема, о которой вы, вероятно, не знаете, но воздействие которой вам пришлось ощутить. Когда он вернется — а я считаю, что нам не следует сразу предполагать наихудшее, — вам следует выяснить это с ним. Вы не можете продолжать жить с этой проблемой, попросту игнорируя ее. Со временем это перестанет работать.

— Перестанет, — ответила Инга, — в этом вы правы.

— Я думаю, — добавила Ребекка, — что мы значительно приблизимся к разгадке, если выясним, почему он считает и меня человеком, несправедливо обошедшимся с ним. Человеком, который пробуждает в нем чувство неполноценности. Где может быть точка соприкосновения в его и моей жизни?

Чайки все кричали, и в атмосфере растерянности и тревоги, которые внезапно возникли между этими двумя женщинами, в этих криках, казалось, звучало что-то угрожающее.

— Где может быть пересечение? — повторила Инга.

Она не имела об этом ни малейшего понятия.

Вторник, 27 июля

1

В этот вторник Карен решила уйти из их совместной спальни с Вольфом. Ситуация стала для нее невыносимой — особенно после выходных, когда ее муж много времени провел дома и тем не менее умудрился не обмолвиться с ней ни словом. После той стычки вечером этот его ледяной холод по отношению к ней еще усилился, хотя Карен поначалу думала, что хуже не бывает.

В субботу вечером она предприняла попытку затеять разговор. У детей были в гостях друзья с ночевкой, и молодежь развлекалась в подвальном помещении, где устроила турнир по теннису. Карен разожгла камин на террасе. Вольф вышел из своего рабочего кабинета аж после девяти, когда уже спустилась темнота июльской ночи и сад наполнился темными тенями, шуршанием листвы и загадочным шепотом. Карен надела свои новые джинсы, в которых, как она еще раз убедилась, глядя в зеркало, ее фигура выглядела прекрасно, и футболку с глубоким вырезом. Затем подкрасилась и впервые за долгое время надушилась.

"Может быть, — подумалось ей, — я действительно стала немного неухоженной".

Но Вольф, похоже, вообще не обратил внимания на эти изменения. Он вышел на террасу, увидел, что его жена сидит там, и хотел снова скрыться в доме, но она заговорила с ним:

— Вольф! Ты закончил? Присядь же, посиди немного со мной. Такой прекрасный вечер!

Муж, сморщив лоб, посмотрел на колышущиеся языки пламени в камине.

— С чего это ты разожгла огонь? Ты что, собралась что-то жарить на гриле?

Бодрое расположение духа и надежда Карен поникли от его грубого тона.

— Нет... я просто подумала... это так романтично выглядит, не правда ли? Мне... мне кажется, что мы совсем выбросили романтику из нашей жизни.

Вольф вздохнул.

— А теперь ты хочешь вновь ее вбросить, или что?

Его супруга встала — пусть увидит ее красивую, тонкую фигуру! — подошла к садовому столику и взяла неиспользованный бокал, после чего вытащила из охладителя бутылку шампанского (к которой она уже достаточно приложилась), наполнила бокал и протянула мужу:

— Это тебе.

Вольф взял бокал, но не стал ждать, чтобы чокнуться с женой, а сразу сделал несколько глотков. Затем подошел к краю террасы и посмотрел на темный, безмолвный соседский дом.

— Они, очевидно, надолго уехали, — произнес он.

Карен встала рядом с ним. Кенцо, который свернулся клубком рядом с камином, приготовившись спать, поднял голову и зарычал.

— Замолчи, Кенцо, — сказала ему хозяйка, — оставь, наконец, этот дом в покое!

— Он все еще лает на дом? — спросил Вольф.

— Постоянно. Когда-нибудь люди вокруг начнут жаловаться. Понятия не имею, что на него нашло.

Муж пожал плечами.

— Никто не ухаживает за их садом, — добавила Карен, — растения все больше засыхают.

Вольф снова пожал плечами.

— Это ведь совсем не наше дело. Тебе обязательно нужно вмешиваться в дела, которые тебя совершенно не касаются?

— Я вовсе не вмешиваюсь. Садовник... в общем, садовник этих людей заговорил со мной и...

Она замолчала. Ей показалось, что муж вовсе не слушает ее, и она почувствовала, что вновь теряет почву под ногами. Ее попытка создать романтическую обстановку с камином, шампанским и духами явно оказалась неудачной. Карен снова стояла, как загнанный в угол зверь, и мямлила свои оправдания, которые никого не интересовали. Она просто не понимала, как это получалось так каждый раз: *он* первый заговорил о соседнем доме, заметив, что его хозяева уехали на долгое время. А *она* только поддержала тему, и Вольф в считанные секунды так все перевернул, будто она постоянно судачит о делах других людей. Скучающая домохозяйка с изнуряющей склонностью вмешиваться в дела, которые ее совсем не касаются...

Это была неправда, но Карен так и не удалось объяснить это мужу. Ей вообще не удавалось изменить дурное мнение, которое было у него о ней.

"Я недостойна его, — подумала она, безуспешно борясь с

наворачивающимися слезами, — я недостаточно умна для него, недостаточно бойка на язык, недостаточно самоуверенна. Я — серая, неприметная мышка, и, возможно, он глубоко сожалеет, что женился на мне. В его жизни для меня есть только одна функция — растить его детей. Когда они повзрослеют, он уйдет".

— Вольф, — произнесла женщина с мольбой. В ее голосе уже звучали подавленные слезы, что наверняка злило ее супруга. — Вольф, когда-то ведь между нами все было иначе. Что... я имею в виду, что произошло? Почему все изменилось?

Муж повернулся к ней. При свете садового фонаря она ясно могла видеть его лицо. В нем не было ни капельки тепла или симпатии.

— На что ты опять жалуешься? Тебе не приходило желание устроить хоть один день, когда бы ты не скулила и не жаловалась?

— Может быть, если б я могла понять... — Карен прикусила губу. Чертовы слезы! Они срывали все ее попытки поговорить с Вольфом по-деловому.

— Что понять? Нас? Меня? Тебя саму?.. Ах, вспомнил, твоя проблема ведь заключается в том, что у меня отношения с одной коллегой, не так ли? Это то, что ты пытаешься понять?

— Я не говорила, что у тебя...

— Нет? Странно! Как же по-разному можно интерпретировать высказывания... Разве ты не устроила мне по этому поводу сцену, по которой хоть фильм снимай? Самым подходящим образом в тот вечер, когда я был особенно уставшим и изнуренным, и к тому же должен был еще отправляться на важную для меня встречу... Да разве тебя интересуют важные для меня встречи? Или моя усталость? В конце концов, есть более важные вещи, на которых сконцентрировано твое внимание. Это ты сама. *Твои* потребности. *Твои* проблемы. *Твои* переживания и нужды! Как ты можешь при всем этом еще и задумываться над моими? — Вольф цинично поднял брови и залпом выпил шампанское.

Карен пару раз сглотнула и снова прикусила губу. Ей нельзя было плакать. Один-единственный раз она должна была добиться того, чтобы поговорить с ним, не заплакав!

— Через две недели мы собираемся в отпуск, — сказала женщина. — Как ты себе это представляешь? Две недели в одном отеле, мы оба, с таким настроением?

— О, нет! — вскрикнул Вольф и театрально провел руками по волосам. — Только не ставь под вопрос еще и отпуск! Если я не ошибаюсь, то именно ты настаивала на том, чтобы поехать. Я считал, что это будет

немного дороговато сейчас, после того, как мы купили дом. Но мадам опять расхныкалась, что мы все же одна семья, и такой отпуск очень важен, и только тогда у нас вновь найдется время друг для друга, и дети, и я, и бла-бла-бла. Пока я не позволил уговорить себя и опять не отсчитал пару тысяч, чтобы...

Карен заметила, что он начал накручивать себя до состояния ярости.

— Но я ведь не собираюсь отказываться от отпуска, — быстро произнесла она дрожащим голосом. — Я только не знаю, смогу ли... — ее голос тревожно заколебался, — смогу ли я две недели выдержать с тобой в одном номере, когда ты так...

— Когда я что?

— Когда ты так со мной обращаешься.

— И как же я с тобой обращаюсь? — холодно спросил мужчина.

По лицу Карен покатились слезы. Пытаться ответить ему было теперь бесполезно.

— Черт побери, — сказал Вольф и со звоном поставил свой бокал, — это субботний вечер. Это мои выходные. Пожалуйста, никогда больше не вздумай уговаривать меня посидеть в саду у камина с шампанским, если ты на самом деле собираешься всего лишь похныкать из-за чего-нибудь!

С этими словами он покинул терассу. Внутри дома с грохотом захлопнулась дверь гостиной. Кенцо подал голос.

Так прошла суббота.

В воскресенье Вольф уже с самого раннего утра ушел из дома, отправившись с детьми в бассейн. Карен знала, что он ненавидит общественные бассейны, к тому же в жаркое безоблачное воскресенье, когда люди, наверное, буквально топтались друг на друге. Но ему хотелось уйти. Не важно куда, лишь бы уйти от своей жены. Никто не спросил Карен, желает ли она пойти с ними, и дети тоже не спросили.

"Его поведение уже дает свои плоды, — подумала она, когда осталась сидеть одна за поспешно и хаотично покинутым столом после завтрака, и слушала, как Кенцо на улице лает на соседский дом. — Дети замечают, что он обращается со мной как с дерьмом, и перенимают это. Они видят, что я не сопротивляюсь. Наверное, они презирают меня".

Женщина собрала всю свою силу воли, чтобы наконец убрать со стола, разместить в моющей машине тарелки, вымазанные медом и желтком, стряхнуть крошки со скатерти и помыть миску для Кенцо. Затем она прошмыгнула в детскую комнату, собирая трусики и потные футболки и спрашивая себя, почему дети с такой железной последовательностью игнорировали ее неоднократные просьбы бросать белье в корзину в ванной

комнате. Может быть, они даже не слушали ее? Во всяком случае, они точно ни на минуту не воспринимали ее всерьез.

Воскресенье прошло в мучительном одиночестве. На улице было так жарко, что Карен даже под навесом на террасе не выдержала и укрылась в более прохладной гостиной. До этого она как минимум раза три оттаскивала Кенцо от забора, пытаясь внушить ему, что его постоянный лай когда-нибудь доставит им проблемы. Пес внимательно слушал хозяйку, но не собирался выполнять ее просьбу.

"Наверное, Вольф уже влияет даже на него", — подумала женщина.

В обед она съела сухой кусок хлеба, потому что не могла заставить себя ни сварить что-нибудь, ни хотя бы достать из холодильника шайбу сыра или немного масла. Попыталась почитать книгу, но вскоре поняла, что не может запомнить ни одной фразы. Чтобы заняться хоть чем-нибудь толковым, она включила наконец стиральную машину, заполненную наполовину, потому что в доме не набралось достаточно грязного белья. Карен стирала всего за день до этого, и Вольф отругал бы ее за такую трату электроэнергии. Если б, конечно, он это заметил, что совсем не факт...

Позже, когда было уже далеко за полдень, женщина почувствовала себя настолько одинокой, что позвонила своей матери, хотя уже заранее знала, что этот разговор не доставит ей удовольствия. Однако ее потребность услышать человеческий голос была настолько велика, что она согласна была выдержать даже свою мать.

Та, конечно же, сразу начала жаловаться на жару и на то, что у нее такой маленький балкон, и что жара еще больше скапливается в стене между камнями, и находится там, да и вообще существовать на этом свете, становится невыносимым.

— Сад, вот что сейчас нужно, — сказала она, — красивый зеленый сад, где можно лежать на траве в тени дерева, а ветерок, словно веер, обдувает тебя воздухом... Как это было бы прекрасно!

Карен прекрасно знала, что если б у ее матери был такой сад, она и тогда жаловалась бы — на муравьев, или на щекочущие травинки, или на самолет, который в послеобеденное время один раз пролетел над ней. Но, несмотря на это, Карен почувствовала угрызения совести. Ей надо было пригласить маму в гости на выходные. Она слишком редко приглашала ее к себе, считаясь с Вольфом, который считал визиты тещи по воскресеньям просто непосильной обузой, но с ее стороны это было, конечно же, глупо, так как ее муж все равно шел своим путем и его не волновало ее одиночество.

"Мне следует наконец начать делать то, что хочется", — подумала

Карен. Однако самым ужасным было то, что она сама точно не знала, чего хочет. По крайней мере, так ей порой казалось. Хотелось бы ей, чтобы мама по воскресеньям бывала у нее? Собственно, нет. Она только облегчила бы этим свою совесть, но это не доставило бы ей радости.

— Может быть, нам все-таки нужно было все решить иначе с нашим отпуском, — сказала Карен. — Вместо того чтобы везти Кенцо к тебе, лучше привезти тебя сюда. Тогда бы ты две недели пробыла в саду...

— Об этом не может быть и речи, — тут же прервала ее мать, — у вас, совершенно одна в этом большом доме... Да мне до смерти будет там скучно! Лучше, если Кенцо приедет ко мне.

— Ясно. Все останется, как запланировали, — тут же согласилась Карен, а про себя подумала: "Только мне, собственно, уже не хочется уезжать. А почему бы мне не послать в отпуск Вольфа одного с детьми? Скучать по мне они уж точно не будут".

— И?.. — спросила ее мать. — У тебя теперь все нормально?

— Что ты имеешь в виду? У меня что, было что-то не так?

— Ну, я про ту ночь, недавно. Когда ты ни с того, ни с сего позвонила среди ночи, потому что тебе показалось, что со мной что-то случилось. У меня тогда сложилось впечатление, что ты... что твои нервы немного сдали.

— Я позвонила не "ни с того, ни с сего", мама. Я ведь тебе объясняла. Раздался совершенно загадочный звонок, и...

Еще продолжая говорить, Карен подумала, как бессмысленно было еще раз рассказывать этот эпизод. Она пыталась найти понимание, но абсолютно точно не получит его. Маму совершенно не интересовало, как все происходило. У нее уже давно сложилось свое мнение, и она от него не отступит.

— Ну, а так, в общем-то, все в порядке, — сказала Карен в заключение и спросила себя, как бы отреагировала ее мать, если б она сейчас сказала, что ее брак, вероятно, подошел к концу. Что они с Вольфом больше не находят общий язык и что у них все, как ей кажется, в конце концов придет к расставанию.

Но ни о чем подобном Карен не упомянула и, поговорив еще о паре пустяков, закончила разговор.

Затем она пошла в сад. Приближался вечер, и жара уже не была такой несносной. Розы с другой стороны забора вызывали у нее жалость: их листья свисали, а цветы завяли. Недолго думая, она подтянула шланг и направила освежающий дождик на изнывающие от жажды соседские розовые кусты. Не важно, что говорил Вольф, — ведь ей несложно немного

позаботиться о запущенном участке.

Карен подумала, как хорошо было бы иметь подругу. Чтобы в такой день, как сегодня, не пребывать в одиночестве, а посидеть с другой женщиной на террасе, попить чаю, а попозже и "Просекко" — и говорить обо всем на свете. И о проблемах в браке тоже. Это, пожалуй, и было самым фатальным в ситуации Карен: что у нее не было никого, с кем она могла бы поделиться своими печалью и тревогами. Никого, кто время от времени наводил бы ее на иные мысли. Никого, с кем она могла бы нахохотаться от всей души. Может быть, поэтому она и стала такой непривлекательной для Вольфа... Потому что была чудаковатой, слишком замкнутой в себе и слишком много копалась в своих мыслях.

Около шести часов появились дети — с мокрыми и растрепанными волосами, возбужденные и радостные. Они сбросили в прихожей свои сумки с вещами для бассейна и ринулись к телевизору, по которому шел какой-то сериал, от которого они были в восторге.

— А где же ваш отец? — спросила Карен, вытаскивая из сумки мокрые купальники и махровые полотенца, среди которых были и использованные жевательные резинки, и растаявший шоколад. При этом она заметила, что ее дочь потеряла один из шлепанцев для купания.

Дети даже не оторвали взгляд от телевизора.

— Папа только высадил нас. Он еще раз поехал в офис, — сообщили они. — И сказал, чтобы мы не ждали его с ужином. Он вернется поздно.

Лишь много позже Карен стало ясно, что этот момент стал кульминационным. Только впоследствии она поняла, что в эту минуту, в конце этого долгого, одинокого, безутешного воскресенья в ней что-то умерло: надежда, что они с Вольфом снова найдут путь друг к другу, что каким-то таинственным образом смогут вычеркнуть из памяти последние годы и подхватить нить в том месте, где их отношения были еще красивыми, радостными и полными любви. Где-то глубоко в ней еще жила вера, что холод и враждебность в ее браке окажутся временным недугом, который через какое-то время будет вспоминаться лишь с легкой дрожью, а потом его очертания станут все больше и больше блекнуть, пока от него не останется лишь смутное пятно на прошлой жизни.

Теперь же эта вера потухла, бесповоротно и навсегда. Вольф высадил детей в конце воскресного дня, в который он оставил свою жену в одиночестве с утра до вечера, и даже не посчитал нужным выйти из машины и лично объяснить ей, почему он и вечер проведет вне дома. Он поручил сообщить об этом детям.

"Я ему безразлична. Мои ощущения ему безразличны. Больше нет

ничего, совсем ничегошеньки, что привязывало бы его ко мне", — поняла Карен.

Карен приготовила детям ужин, но сама не стала есть. Все, что она делала, совершалось в своего рода транс. Женщина повесила мокрое белье сушиться, полила цветы на балконе, прошла свой обычный круг с Кенцо и поболтала немного с хозяйкой другой собаки, позже даже не вспомнив, о чем они говорили. Потом отправила детей спать, посидела еще немного на террасе и впервые за много лет выкурила пару сигарет — она купила себе пачку в автомате, когда гуляла с Кенцо. В одиннадцать часов Вольф все еще не появился, и женщина отправилась в постель, но заснуть не могла. Она лежала, уставившись в темноту широко открытыми глазами. Это был конец. Конец между ней и Вольфом, и для нее теперь важно было только одно: какие шаги следует сделать, чтобы сохранить самоуважение. Или вернуть его. Потому что от уважения к себе у нее не много осталось.

Когда Карен услышала шум у входной двери, она приподнялась и посмотрела на светящееся табло на электронном будильнике. Почти половина третьего. Вряд ли Вольф так долго сидел в офисе. Карен знобило, и у нее — впервые — не было желания говорить с ним. Желания спросить его, где он был и почему ни словом не обмолвился о своих планах на вечер. У нее вообще не было никакого желания что-либо еще выяснять с ним. Она притворилась спящей, когда муж вошел в спальню и лег рядом с ней. Он двигался необычайно тихо и осторожно, явно надеясь, что все обойдется без разговора.

На следующее утро, за завтраком, Карен тоже ни единым словом не обмолвилась о прошедшем вечере, и, как ей показалось, это вызвало в Вольфе небольшое раздражение. Но ей было все равно. Никакой стратегии она своим поведением больше не преследовала.

В понедельник вечером ее муж опять появился, когда она уже спала. Но и во вторник утром она не заговорила об этом. Вольф теперь казался несколько обеспокоенным.

Когда он уехал, а дети ушли в школу, Карен начала готовить для себя гостевую комнату.

Это была очень маленькая, но уютная комната под крышей, с наклонными стенами, обоями в цветочек и обзорным окном, через которое просматривались сады соседей вплоть до окраины ближайшего леса. Совсем рядом находилась малюсенькая ванная, отделанная зеленым кафелем. Мать Карен когда-то жила здесь, наверху, и это временное проживание под крышей относилось к тем немногим вещам в ее жизни, по поводу которых она не ворчала.

Все дообеденное время Карен занималась тем, что относила свои вещи наверх и развешивала их в шкафу, размещала в ванной свои косметические принадлежности, заправляла кровать постельным бельем и складывала вокруг книги, которые были ей особенно дороги. В ее спальне висели две акварели с цветами, которые она нарисовала несколько месяцев назад. "Когда я думала, что творчество поможет мне выбраться из депрессии", — с горечью подумала женщина. Теперь она сняла их со стены и повесила в своем новом владении. Еще немного протерла везде пыль, поставила букет роз на стол и впустила горячий, летний воздух через широко открытое окно. После этого огляделась и сочла, что комната ей подходит. Это было первым шагом — поселиться наверху. Первым шагом на пути, который, как ей грезилось, будет длинным и каменистым, будет сопровождаться множеством препятствий.

"Дело касается прежде всего твоего самоуважения, не меньше", — убеждала она себя.

Затем Карен стала размышлять, что ей следует сделать дальше. Сейчас было важно действовать, а не сидеть сложа руки.

"Я могла бы позвонить в бюро путешествий и узнать, сможем ли мы получить обратно какую-то часть денег, если я неожиданно откажусь от нашей поездки", — раздумывала женщина. Как ни странно, но с переездом в другую комнату молниеносно решилась проблема, которая так долго мучила ее: теперь она знала, что не поедет в отпуск. Ее только удивляло, почему она так долго колебалась в этом вопросе.

В этот момент зазвонил телефон.

Карен помчалась вниз и ответила запыхавшимся голосом:

— Да! Алло?

— Что-то случилось? — спросил мужской голос, который показался ей смутно знакомым, хотя она не могла определить, кто это был.

— А кто говорит?

— Беккер. Пит Беккер. Я садовник Леновски...

— О, да... вспомнила! Привет! Почему вы думаете, что что-то случилось?

"Я говорю, словно испуганная курица", — подумала женщина.

— Ваш голос прозвучал так странно, когда вы подняли трубку.

— Правда?.. Нет, ничего.

"Кроме того факта, что как раз рушится мой брак и я только что перебралась из нашей совместной спальни в другую комнату", — добавила Карен про себя.

— Я, собственно, хотел лишь узнать, вернулись ли Леновски, — сказал

Беккер. — Или, может, вы что-нибудь слышали о них...

Она покачала головой, хотя Пит не мог этого видеть.

— Нет. Ни то, ни другое. Всё без изменений.

— Я считаю, что нам следует вмешаться, — произнес садовник. — Мы ведь не можем делать вид, что нас все это не касается.

Странно, подумала Карен. Пит, которого она восприняла при знакомстве как вполне реалистичного и современного молодого человека, говорил и чувствовал то же самое, что снова и снова крутилось у нее в голове, когда она смотрела на покинутый соседский дом. Но стоило ей хоть что-то сказать по этому поводу, как Вольф сразу же давал ей понять, словно у нее расшалились нервы, что она истерична или же, по меньшей мере, со скуки ищет какие-нибудь события, которые освежили бы ее будни.

Следующим, особо важным шагом для нее станет научиться больше не принимать слова мужа за истину во всех случаях своей жизни.

— Так вы считаете, что нам следует обратиться в полицию? Я не знаю... у нас не возникнут неприятности, если мы их вызовем, а в конечном итоге все окажется напрасным? Я имею в виду, что, кроме какого-то дурного предчувствия, нам нечего им предъявить. — Внутренний голос подсказывал Карен, что на самом деле она боялась не полиции, а Вольфа. Женщина прекрасно могла представить себе его циничные, уничтожающие комментарии, если б она провоцировала действия полиции, которые, возможно, окажутся бессмысленными.

Пит ненадолго задумался.

— Я все-таки продолжаю считать, что можно будет залезть через балкон, — наконец произнес он. — Я мог бы сейчас приехать. Лестница у меня есть... это проще простого — залезть и попытаться открыть окно.

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет? Вы смогли бы присутствовать? Мне бы все же хотелось, чтобы кто-то подтвердил, что я действую не с целью взлома.

Женщина, в свою очередь, задумалась. Все это было так неожиданно и выглядело так сумасбродно, и в то же время...

Держа телефон у уха, она подошла к окну и посмотрела в сторону соседнего дома. Ее обдало холодом, который вовсе не был связан с температурой воздуха в этот день.

Карен взглянула на часы. Начало двенадцатого.

— Мои дети вернутся из школы в час, — произнесла она, — и до этого у меня есть время.

— О'кей, — сказал Беккер, — через пятнадцать минут я буду у вас.

Он тут же положил трубку, не дав собеседнице возможности еще раз

все обдумать.

Тогда она направилась в ванную — в свою новую, личную ванную комнату под крышей — и причесала щеткой волосы, а затем пошла в гостиную, налила себе водки и выпила ее залпом.

И стала ждать.

2

Инга не представляла себе, что будет так трудно уговорить Ребекку пойти на прогулку. Она хоть и поняла со временем, что вся жизнь ее хозяйки подчинена одной-единственной стратегии — стратегии отхода, но масштабы того, насколько эта дама отгородилась от мира, ей полностью еще не открылись.

— Идите одна, Инга, — сказала Ребекка утром, когда ее гостья пришла к ней с предложением отправиться на прогулку к морю, а затем где-нибудь пообедать. — Это не для меня. Несмотря ни на что, вам следует получить хоть немного удовольствия от пребывания здесь. Вы считаете, что ваши ноги выдержат такую прогулку?

— Они уже почти зажили, — ответила Инга. — Но я все равно не думаю, что смогу в данный момент хоть от чего-либо получить удовольствие. Просто сидеть здесь и ждать... Я имею в виду, что сегодня спасатели в последний раз отправились на поиски Мариуса, и я все время думаю о том, что вдруг произойдет чудо и он войдет в дверь, а все, что случилось на судне, окажется дурным сном... Но я замечаю, как меня сводит с ума вся эта ситуация... — Она услышала, как несвязно говорит. — Я думаю, нам обоим пойдет на пользу небольшая прогулка.

— Я совершенно в иной ситуации, нежели вы, — тут же возразила Ребекка.

Инга посмотрела в окно. Этот день выдался более прохладным, чем предыдущие, хотя уже скоро должен наступить август, самый жаркий месяц в году. Небо было голубым, солнце ярко сияло, но с севера дул прохладный ветерок. Сегодня можно будет ходить, не плаваясь на жаре.

— Пожалуйста! — Инга вновь повернулась к хозяйке дома. — На завтра я забронировала себе билет на самолет до дома. И до отъезда хотела пригласить вас на обед. Вы так много сделали для меня... пожалуйста, не говорите "нет"!

По Ребекке было видно, что ее это не осчастливило, но в конце концов она согласилась.

— Ну хорошо. Но я не хочу обедать в Лё-Брюске или в ближайшей округе. Не исключено, что мы встретим кого-нибудь, кто знал Феликса, и...

— Это было бы так плохо?

— Я не хочу никого видеть, — заявила Ребекка с резкими нотками в голосе, и Инга поняла, что если продолжит эту тему, то поставит крест на прогулке, выпрошенной с таким трудом.

Они немного проехали на машине в сторону Марсея. В одном месте Ребекка съехала с автострады, поколесила через несколько маленьких населенных пунктов и наконец остановилась на парковке в одной бухте.

— Так. Отсюда мы можем пойти по тропинке к утесу. А оттуда всегда открывается прекрасный вид на море и маленькие бухты, — объяснила она.

Тропинка была крутой и узкой, и им частенько приходилось идти друг за другом; и почти все время они, усердно карабкаясь и слушая рокот волн под ногами, вовсе не могли разговаривать друг с другом. Ребекка почти не обращала внимания на ландшафт вокруг них, но Инга постоянно останавливалась и любовалась сверкающей синевой моря. Вдали оно казалось обманчиво гладким и неподвижным, но волны, которые докатывались до скалистого берега, были мощными, с белыми, пенистыми гребнями. Молодая женщина спрашивала себя, действительно ли это море у ее ног стало Мариусу могилой. Эта мысль казалась ей чуждой, словно никак не соотносилась с ее жизнью. Мариус не мог быть мертвым. Инга почему-то постоянно думала, что она должна была бы это почувствовать, что его смерть — это нечто, что должно было сообщить ей о себе, не важно, каким образом. Но самым ужасным было то, что их совместная жизнь с Мариусом, так или иначе, закончилась. Если даже он появится вновь, все у них уже не будет так, как было раньше.

— Вы думаете о Мариусе, не так ли? — прервала тишину Ребекка. Она прошла уже довольно далеко, когда заметила, что ее спутница, полностью погруженная в свои мысли, отстала, и вернулась назад.

Инга кивнула.

— Я прощаюсь.

— Но вы ведь даже не знаете, действительно ли...

— Все равно я прощаюсь. Между нами все кончено. То время, что мы были вместе, прошло.

— Из-за той сцены на яхте?

Инга задумалась.

— Не только. Может быть, даже и не в первую очередь из-за нее. Я хочу сказать, что, как бы ни было ужасно стоять перед этим ставшим враз чужим человеком, слышать от него все эти сумасшедшие вещи, быть

брошенной в каюту и оставленной там без сознания, все же впоследствии... — Инга стала подбирать нужные слова, посчитав, что то, что она испытывала и пыталась описать, звучит бредово. — На самом деле все это даже не было по-настоящему неожиданным. Хотя я никогда не предполагала, что такое произойдет. Но в последние дни поняла: где-то глубоко внутри себя я всегда предчувствовала, что *что-то* случится — хотя и не знала, что именно. Что-то в наших взаимоотношениях было не так, что-то совершенно не вязалось. Я только не хотела признаваться себе в этом, потому что...

— Потому что — что? — спросила Брандт.

Ее собеседница пожала плечами.

— Почему так много людей сами себя обманывают, если завязывают ошибочные отношения и, в принципе, точно знают, что они с партнером, которого выбрали себе, совершенно не подходят друг другу? Из боязни одиночества. Не хочется терять свою принадлежность к другому человеку. И чувство защищенности, даже если оно наигранно. Ведь это так прекрасно, когда дома кто-то ждет тебя, не так ли?

— Я знаю, — тихо произнесла Ребекка, не глядя на нее.

— Я всегда знала, что с Мариусом не всё в порядке, — продолжала Инга, — что-то неуловимое, что нельзя сформулировать. Оно и сейчас так. Я все еще стою перед загадкой, что с ним происходит. Но сейчас я точно знаю, что это было всегда. Буквально с первой минуты, как мы познакомились. Я ведь рассказывала вам о том эпизоде. А также о том, что в различных вариациях это красной нитью проходило через нашу совместную жизнь. Я всегда нервничала, когда мы находились среди других людей, всегда была в напряжении. Одно неверное слово в неподходящий момент могло вызвать катастрофу. Мариус — этот милый, радостный, простой Мариус — был на самом деле пороховой бочкой, которая могла в любой момент взорваться. Это нестерпимо — жить с пороховой бочкой.

— А вы действительно практически ничего не знаете о его прошлом? О том времени до вашего знакомства? О его семье, его окружении... откуда он?

Инга покачала головой.

— Я, в принципе, почти ничего не знаю. Он уходил от всех моих вопросов. Я никого не знаю из его семьи. Я, конечно же, хотела познакомиться с его родителями, но поначалу он все время находил довольно прозрачные отговорки, почему в очередной раз наша встреча не могла состояться, а потом со всей ясностью заявил, что его

взаимоотношения с родителями не из лучших. А однажды был довольно грубым, заявив, что его отец — тоталитарное дерьмо. Я не хотела настаивать на том, чтобы он все равно представил меня своим родителям. Кроме того, я не считала таким уж необычным то обстоятельство, что он, по всей видимости, практически не имел контакта с ними. В университете много таких людей, кто наслаждается полной свободой, считая свою семью мещанской и ограниченной, и порывает с ней. Позже они вновь сближаются... и мне кажется, что-то в этом роде я предполагала и у Мариуса. Я подумала, что пока что ему нужна полная свобода, а потом, когда-нибудь, он и его родители увидят друг друга другими глазами.

— А своей семье вы его представили? — спросила Ребекка.

Инга кивнула.

— Я взяла его с собой к нам домой на наше первое совместное Рождество. Мы еще не были женаты и не жили вместе. Мариус тогда провел одно из предрождественских воскресений у своих родителей. После этого он был поистине неприветливым и дерзким, когда мы говорили по телефону, и заявил, что ни в коем случае не станет проводить с ними рождественский сочельник. Я не хотела, чтобы он был один, и пригласила его поехать со мной. Родом я из деревни на севере Германии, у нас большая семья, и все мы собираемся у моих родителей с двадцать третьего декабря по первое января. Это всегда так прекрасно и по-семейному, и мне хотелось, чтобы и Мариус поучаствовал в этом. Но...

— Не сложилось?

— Сложилось. Во всяком случае, не было никакого скандала или чего-то в этом роде. Но я страшно нервничала... — Инга взглянула на Ребекку. — Странно, не так ли? Я старалась не думать обо всем этом. В ту неделю у меня постоянно болела голова. Однажды чуть ли не до полноценной мигрени... Мой отец поехал ночью в дежурную аптеку, чтобы привезти болеутоляющее. Никто не мог себе этого объяснить, потому что я никогда раньше не страдала головными болями. Я чувствовала, что это связано с Мариусом. Нас было четырнадцать человек, мы проводили каждый день вместе, сидели за одним столом, и было весело, а я пребывала в страхе, что кто-нибудь вдруг скажет что-то не то. Или, точнее, кто-то бросит вполне обычную реплику, но которая может снова задеть какой-то критический нерв у Мариуса. Я чувствовала себя так, словно на целую неделю затаила дыхание.

— Неудивительно, что у вас заболела голова, — заметила Брандт.

— Да, не правда ли? Но я не хотела признавать эту взаимосвязь. Незадолго до нашего отъезда...

Инга запнулась, и Ребекка вопросительно взглянула на нее. Молодая женщина глубоко вздохнула.

— Незадолго до нашего отъезда я спросила свою мать, что она о нем думает. Это было тридцать первого декабря, в канун Нового года. Мариус отправился с моим отцом и братьями в деревенский кабачок. У всех тамошних мужчин такая традиция на тридцать первое декабря... Я чувствовала себя совершенно разбитой. Мариус один — среди как минимум сорока чужих мужчин, сельских жителей... Которые могут быть довольно грубыми, особенно если выпьют, и не исключено, что они возьмутся за утонченного городского хлыща... У меня опять были головные боли, и по мне это, видимо, было заметно. Во всяком случае, моя мать сказала, что я выгляжу очень бледной, и спросила, что со мной.

Инга все еще видела перед собой эту сцену: они с мамой в уютной кухне их дома с соломенной кровлей, совсем одни, чего с ними ни разу не случилось за прошедшие десять дней. Они вместе пили кофе, а на улице было уже почти темно, и пошел легкий снег. Через кухонное окно можно было взглянуть на кажущиеся бесконечными луга, простиравшиеся позади их сада. И у самого горизонта как раз начали растворяться в сумерках ивы.

— Ты не нравишься мне, Инга, — сказала ее мать. — Ты так изменилась... Такая скованная и беспокойная... Как зверь, который в любую секунду должен быть начеку.

Дочь засмеялась и сама заметила, что ее смех звучал натянуто.

— Может быть, виной тому учеба в универе. Или жизнь в городе... Там и ветер дует иначе, чем здесь!

— Может быть, — произнесла мать неуверенно. — Но ты уже так давно живешь в Мюнхене, так далеко от нас — и до сих пор казалось, что тебе это только на пользу...

Инга сделала глоток кофе и посмотрела в окно. Снежинки стали сыпаться гуще.

— Как тебе, собственно, Мариус? — спросила она как бы между прочим.

Ей показалось, что мать довольно долго размышляла — слишком долго.

— Его нелегко оценить, — сказала она наконец.

— Да? — спросила Инга с удивлением. Ее мать была самым позитивным человеком из всех известных ей людей, и она ожидала услышать соответствующий ответ. *Или надеялась услышать — потому что ей было необходимо получить подтверждение того, что ее избранник хорош?*

— У меня такое чувство, — осторожно произнесла мама, — что он очень сложный человек.

"Наверняка найдется не так уж много людей, которые бы как-то связали Мариуса с прилагательным *сложный*, — подумала Инга. — Этот парень с беспутными изречениями и оригинальными идеями — сама сущность радости, которой не свойственно над чем-либо задумываться. Мариус, от которого порой ожидаешь немного больше серьезности, немного больше самоанализа... По-видимому, у мамы на этот счет совершенно другое мнение".

— Он кажется мне чем-то вроде фасада здания, — продолжила тем временем ее мать, — за которым кроется что-то... мне тяжело описать это словами... за которым кроется, возможно, такое, о чем мне вовсе не хочется знать.

На кухне было очень тихо. Инга вспомнила, что тогда ей на грудь словно упала свинцовая тяжесть.

— Ты никогда еще не отзывалась о человеке так плохо, — произнесла она.

Мать с сочувствием взглянула на нее.

— Мне очень жаль, если это прозвучало для тебя так. Я не хотела говорить о нем плохо. Я только хотела сказать, что в нем есть что-то, что не укладывается в голове...

— То, что ты не хотела бы узнать.

Мама кивнула.

— Потому, что это вызывает у меня нервозность. Но это, возможно, связано и со мной самой.

"Однако у меня это тоже вызывает нервозность", — подумала Инга.

...В этот солнечный, июльский день на скалистой тропинке высоко над Средиземным морем та зимняя сцена на теплой кухне казалась ей очень далекой и одновременно близкой. Близкой потому, что она не утратила своей убедительности и актуальности.

Инга взглянула на Ребекку.

— Не то чтобы он не понравился моей матери. Скорее она чувствовала что-то, что внушало ей страх. Это совершенно другое. И это очень пугает.

— Но вы отстранились от ситуации?

— Конечно. В этом у меня уже был какой-то опыт. Я — самый младший ребенок в семье, и я внушила себе, что у мамы по отношению ко мне особенно выражен инстинкт защиты. Что в любом мужчине, который приблизится ко мне, она будет видеть угрозу. Но я была рада, когда мы с Мариусом уехали второго января.

Они медленно продолжили свой путь. Теперь дорога была широкой, ровной и песчаной. Ребекка взглянула на часы.

— Почти половина двенадцатого. Через полчаса мы доберемся до Ла-Мадраж. Там есть одна очень хорошая пиццерия. "У Анри". Мы можем там что-нибудь поесть.

— С радостью. Особенно попить. Я очень хочу пить.

— А чья это была идея? — вдруг спросила Ребекка после нескольких минут молчания. — Я имею в виду, приехать сюда? На юг Франции?

— Его. Причем опять же совершенно спонтанно, ни с того ни с сего. У Мариуса появилась возможность позаимствовать у друга снаряжение для кемпинга, и он буквально обескуражил меня своим планом. У меня не было особого желания — я подумала о жаре, о переполненных пляжах сейчас, в разгар сезона... но его воодушевление не оставило мне никакого выхода. У меня было такое ощущение, что я обижу его, если стану слишком сильно придираться к его восхитительной идее.

— А ведь обида для него что красная тряпка для быка.

— Вот именно. В общем, я согласилась, и... — Инга пожалала плечами. — И вот я стою здесь, где-то на прованском побережье у осколков моего брака.

— Но это, наверное, случилось бы рано или поздно и дома, в Германии.

— Конечно. Нас уже давно несло течением к концу, только я не хотела это осознавать.

Ребекка вновь остановилась.

— О чем я постоянно размышляю, — сказала она, — так это о том, почему у Мариуса в связи с моей персоной возникают невообразимые негативные чувства... да чуть ли не ненависть. Я ломаю себе голову, но мне ничего не приходит на ум. Я его не знаю, это совершенно точно...

— Но, может быть, он знает вас?

— Или он знал моего... умершего мужа. У них возникла какая-то проблема, и теперь он перенес ее на меня.

Инга наморщила лоб.

— Ваш муж был врачом, не так ли?

— Да, хирургом-кардиологом. Может такое быть, что в семье Мариуса был какой-то случай? Может быть, кто-то был недоволен работой моего мужа? Что-нибудь такое...

— Звучит убедительно, — ответила Инга. — Но самое ужасное то, что я почти ничего не знаю о Мариусе. Он никогда не говорил о своей семье.

— Все это кажется мне чересчур странным совпадением. Слишком

странным. Мариус носит в себе — возможно, уже много лет — зло на моего умершего мужа или на меня. Никогда — ни в Германии, ни позже, здесь, в Лё-Брюске — он не встречался ни с моим мужем, ни со мной. И вдруг отправляется автостопом на юг Франции, а по пути его подбирает бывший друг моего мужа и привозит его напрямик в мой дом... Тут Мариус выясняет, что я и есть та персона, на которую он уже давно имеет зуб — или же, по крайней мере, вдова того мужчины, к которому он испытывает глубокое отвращение. И он решает украсть судно... — Ребекка перевела дыхание. — Такого не может быть, или... Так много случайностей...

— Порой происходят очень странные случайности, — сказала Инга, — но в данном случае все и в самом деле чересчур.

— Не может ли быть так, что он рассчитывал на то, что Максимилиан его подберет? — осторожно спросила Ребекка. — Что он как-то организовал эту встречу с ним?

— Я не знаю, как бы он смог это сделать, — недоуменно ответила ее спутница. — Он не мог предвидеть, что нам придется идти через это отдаленное село. Какая-то женщина высадила нас там. А Максимилиан появился в этом месте, потому что хотел объехать пробку на автостраде. Но эту пробку никак нельзя было запланировать или предвидеть.

Ребекка задумалась.

— У меня из головы никак не выходит одна фраза. Рассказывая мне о сцене на яхте, вы сказали, что Мариус заявил нечто вроде того, что *ему не обязательно нужно знать меня, чтобы все знать обо мне*. Это могло бы означать...

— Что?

— Это могло бы означать, что он действительно меня не знает. А также и моего умершего мужа. Но язначаю для него что-то, что он ненавидит. В таком случае случайность уже не будет таковой.

— И что бы это могло быть?

— Я не знаю... возможно, деньги? Дачный домик на берегу Средиземного моря. Яхта и то обстоятельство, что мой муж так хорошо меня застраховал, что мне не нужно работать и, тем не менее, я могу хорошо жить... Может быть, Мариус ненавидит состоятельных людей?

Инга покачала головой.

— Это мне и в другое время бросилось бы в глаза. И он уж точно бросил бы какую-нибудь фразу о богатых людях при других обстоятельствах. Но у меня никогда не складывалось такого впечатления, что он... завистливый человек.

— Может быть, он имеет что-то против врачей? Или психологов?

— Мне об этом ничего не известно.

— "Детский крик". Это организованное мной общество. Добровольное, призывающее проявлять инициативу в защиту детей, подвергнутых насилию. Может быть, в этом пункте вашего мужа могло что-то задеть?

Инга убрала волосы со лба. Ее знобило, хотя день был таким жарким и ее лицо было влажным от пота. *"Я просто ничего не знаю о нем!"*

— Я не знаю, — сказала она, — я не имею понятия, имел ли он когда-либо отношение к вашему обществу или к какой-либо другой подобной организации. Я просто-напросто не знаю!

К своему огорчению, молодая женщина вдруг заметила, что находится на грани того, чтобы разрыдаться.

— И возможно, я никогда об этом и не узнаю, — произнесла она дрожащим голосом. — Все это время мне кажется, будто я чувствую, что он еще жив, но дело в том, что это совершенно невероятно. Разве его уже давным-давно не нашли бы? Разве он тогда уже давно не объявился бы? А если он мертв...

Инга не могла дальше говорить, — вместо этого провела кулаками по глазам, чтобы остановить слезы. Она почувствовала, как Ребекка очень ласково погладила ее по руке.

— Что вы хотели сказать? "Если он мертв"...

Инга убрала руки от глаз. Ее веки горели, но ей удалось не заплакать.

— Если он мертв, то я потеряла не только своего мужа. Я ведь осталась одна против такого множества открытых вопросов... Тогда все получается так, словно нить моей жизни просто оборвалась и болтается теперь, ни с чем не связанная, с обтрепанным краем... Я ничего не знала — и никогда не узнаю. — Она горестно взглянула на собеседницу и увидела в ее глазах сочувствие и отзывчивость.

— Хочу вам кое-что пообещать, — сказала Ребекка. — Если все действительно сложится именно так, я помогу вам узнать все о прошлом Мариуса. Нет ни одного человека на этом свете без единой привязки к своему прошлому. Мы найдем эти следы — и вы сможете сложить частички мозаики, пока не получится цельная картина.

Инга кивнула.

"Пока не получится цельная картина..."

Ингу передернуло при мысли, что может получиться такая картина и что позже она пожалеет об увиденном.

Пит Беккер позвонил через двадцать минут. Карен к тому времени выпила уже три рюмки водки и чувствовала себя более-менее готовой к предстоящему приключению.

— Хай, — сказал Пит, — как дела?

Женщина улыбнулась — как ей показалось, с усилием.

— Сойдет. Я изрядно нервничаю, как подумаю о том, что нам предстоит...

— Я тоже, — признался Беккер.

Они взглянули друг на друга. Оба сознавали, что пока еще ничего не сделали и легко могут отступить от своего плана.

— Почему вы это делаете? — спросила Карен.

Садовник помедлил.

— Не знаю. Я думаю, что так должно быть, или... — Он переступил с одной ноги на другую и провел пальцами по своим волосам, словно давая себе некий толчок. — Да нет, черт побери, что я за ерунду говорю! Если честно, то я бросовый человек. У меня огромные проблемы. Кто сегодня еще нанимает садовника? Весь мир экономит, и если в скором будущем в моей жизни не произойдет что-то существенное, в ближайшие месяцы мне придется подавать заявление на получение социальной помощи.

— О, — произнесла Карен и тут же поняла, как глупо это прозвучало.

— Вот именно — о! — повторил Пит. — Таков мир по другую сторону комфортабельных личных домов с красивыми садами, классными машинами и ухоженными супругами. В этой стране происходит чертовски жесткая борьба за существование, можете мне поверить.

— Я живу не на Луне, — возразила его собеседница, — и в мире комфортабельных личных домов тоже существуют заботы и нужды, тут *вы* можете мне поверить.

— О'кей! — произнес садовник. Момент резкости и раздражения миновал; Беккер снова был милым, загорелым, беззаботным молодым человеком. — Это должно было стать чем-то вроде постоянной работы, которую мне предложил Леновски, — пояснил он. — Кроме работы в саду, в мои обязанности входили бы ремонтные работы снаружи и внутри дома. Кроме этого, я должен был, по необходимости, колоть дрова для камина и складывать их в поленницу, осенью подметать листья, а зимой убирать снег. В общем, всё в таком роде — вещи, с которыми пожилые люди уже не вполне справляются. За это он собирался платить мне ежемесячно

фиксированную плату. Не бог весть какое состояние, нет, но основа, которая помогла бы мне перебиваться без ведомства социальной помощи. Я уже неделями только и думаю, что об этом единственном шансе. Понимаете? Меня убивает, что эти два старика, очевидно, пропали. Я просто должен знать, что с ними произошло. Вы можете считать меня жадным и расчетливым, но речь идет о моем существовании!

Карен прикрыла за собой дверь.

— Я не считаю вас жадным и расчетливым. Я понимаю вас и теперь вижу намного больше смысла в том, что мы делаем. Пойдемте.

Она почувствовала, что удивила его.

Машина Пита была припаркована перед участком соседей. Он перемахнул на погрузочную площадку своего автомобиля для перевозки грузов, выкрашенного в зеленый цвет, и снял оттуда лестницу, а Карен открыла ворота в сад. По дорожке, на которой еще больше подростковый зев, они прошли в заднюю часть сада, где остановились под каменным балконом. Веранда с запыленными подушками на стульях и смятой скатертью в углу представляла собой ту же унылую картину, что и несколько дней назад.

— У меня определенно дурное предчувствие, — сказала Карен.

— У меня тоже, — промолвил садовник и установил лестницу, которая без проблем доходила до верхней балюстрады. — Итак, я сейчас поднимусь наверх, чтобы выяснить, что там. А вы ждите здесь, внизу. В конце концов, у нас там, наверху, нет шансов проникнуть в дом.

Беккер поднялся наверх и скрылся из глаз Карен, перемахнув через балкон. Женщина уставилась ему вслед. За садовой изгородью, у нее во дворе, стоял Кенцо, который взволнованно лаял в их сторону.

— Видите что-нибудь? — крикнула Карен приглушенным голосом.

Пит появился около лестницы.

— Здесь действительно есть окно, на котором открыты жалюзи. Это наш единственный шанс.

— Но как вы хотите его открыть?

— У меня есть с собой стеклорез.

"А он хорошо подготовился", — подумала Карен и почувствовала, что ей крайне не по себе.

— Я попробую вырезать кусок стекла из окна, — продолжил Беккер, — чтобы просунуть руку и открыть окно изнутри.

— А если включена сигнализация?

Пит пожал плечами.

— На этот риск нам придется пойти.

— Мне подняться наверх?

— Да. Надеюсь, вы не боитесь высоты?

"Это я сейчас узнаю", — подумала Карен и приступила к подъему. Кенцо, видимо, так поразила эта картина, что он перестал лаять и широко открытыми глазами стал наблюдать за своей хозяйкой.

Наверху садовник помог ей на последнем этапе, когда она перебиралась через ограждение. Карен утвердилась на маленьком балконе, стряхивая пыль с джинсов. Вокруг нее стояли горшки терракотового цвета с геранью, бегонией и маргаритками, но вид у этих цветов был такой же жалкий, как и у их собратьев по несчастью внизу в саду: они торчали в засохшей земле, сильно увядшие, свесив головки.

— Смотрите, — сказал Пит, — вот это окно я хочу открыть.

Окно без жалюзи выглядело, как единственный живой глаз в кажущемся мертвым доме. Оно казалось безобидным и нормальным по сравнению с угрожающими признаками начинающегося процесса запущенности. С другой стороны окна свисали белоснежные кружевные гардины.

— Вы считаете, что сможете вырезать дырку в оконном стекле? — спросила Карен. Ее все больше одолевали сомнения. К тому же она не могла отделаться от ощущения, что за ними со всех сторон наблюдают. Ей казалось, что она страшно выделяется на этом балконе. Наверняка во всех соседних домах уже заметили, что здесь два человека пытаются пробраться по лестнице в пустующий дом, и теперь не спускают с них глаз. А может быть, кто-то уже вызывает полицию...

— Я буду рада, когда мы закончим здесь и сможем удалиться, — промямлила женщина.

Пит, держа стеклорез в руках, уже приставил его к стеклу возле оконной ручки.

— Это будет совсем несложно, — сказал он, не реагируя на слова Карен.

Звук был на удивление тихим. Своеобразный скрежет, хруст, а затем Беккер с помощью присоски без особых усилий вытянул круглый кусок стекла. Он осторожно положил его на пол, после чего просунул руку внутрь комнаты и открыл окно. Сигнализация не сработала. Оконные створки распахнулись.

В одно и то же мгновение Пит и Карен отпрянули назад. Вонь, хлынувшая на них, застала их врасплох. Она была просто убийственной. Она была сладковатой, режущей, и в ней сливалось все самое отвратительное, что только можно было себе вообразить. Это было так

ужасно, что Пит молниеносно сделался серым вплоть до губ, а Карен вынуждена была отвернуться в сторону и зажать руками рот — ей пришлось бороться с едва сдерживаемыми позывами рвоты.

— Черт, — воскликнула она, когда вновь смогла говорить, — что это?!

Садовник отодвинул гардину в сторону. Было ясно, что и ему приходится бороться с тошнотой.

— Нам нужно туда, внутрь, — прохрипел он.

— Я не могу... — Женщина снова стала давиться.

— Я пойду. — Пит перемахнул через окно, и Карен, поколебавшись пару мгновений, последовала за ним, плотно прижав руку к лицу.

"Это кошмар", — подумала она.

Теперь ей стало понятно, что они обнаружат что-то ужасное.

* * *

Они нашли Фреда Леновски в ванной, располагавшейся сразу же рядом с комнатой, в которую они влезли. Он сидел голым на унитазах, его ступни были привязаны веревкой к эмалированному цоколю, руки связаны за спиной, а голову поддерживала в вертикальном положении бельевая веревка, которая пролегла под его подбородком, а затем шла вверх и крепилась на торчащем из потолка гвозде. Леновски выглядел гротескным образом униженным еще и потому, что он однозначно был мертв, но тем не менее был вынужден застыть в такой позе. К тому же старик уже начал разлагаться, и это жестоким образом исказило выражение его лица.

— Как... как он умер? — прошептала Карен и в то же время спросила себя, уместно ли теперь выяснять этот вопрос. Она стояла в дверях, застыв от страха, глядя на этого мертвого мужчину и слыша все усиливающийся грохот в ушах — или это был не такой уж громкий шум? Она не могла поверить своим глазам и очень надеялась, что не упадет в обморок. Невыносимая вонь разложения давила на нее со всех сторон; казалось, она полностью охватила весь дом. Карен пыталась дышать исключительно через рот. Какое-то мгновение она в полной панике подумала, что никогда не отделается от этого запаха.

Пит, который тоже какое-то мгновение был не в состоянии двигаться, сделал шаг к трупам.

— Ну, во всяком случае, это была не естественная смерть, — хрипло произнес он. Голос не совсем слушался его, и мужчина прокашлялся. — Ведь обычно не садишься на унитаз, чтобы умереть в связанном виде... —

Садовник стоял теперь прямо перед мертвецом. — Понятия не имею, как он умер, — добавил он.

— Он уже давно... я имею в виду... можно определить, когда?.. — пробормотала Карен.

— Я что, судебный эксперт? — огрызнулся Беккер.

Женщина замолкла. "Господи! Пусть это будет неправда!" — молча молилась она, не осознавая в тот момент, какой триумф сможет отпраздновать в конце этого дня перед своим мужем. Ведь теперь было ясно, что она была права. Она не была истеричкой, не расшатала себе нервы, не сошла с ума. Она просто на сто процентов была права.

— Нам не следует к чему-либо прикасаться, — прошептала Карен.

— Это ясно, — ответил Пит и повернулся к ней. Она видела, что садовник, несмотря на свой загар, стал белым, как известь. — Нам надо выяснить, где госпожа Леновски.

— Я не уверена, что смогу, — ответила Карен чужим и тихим голосом, который она сперва даже не узнала.

Однако, несмотря на эти слова, женщина задом двинулась от двери и теперь оказалась посередине дома у внутренней лестницы дома. Здесь было сумрачно; свет проникал лишь из комнаты, в которой они открыли окно, и снизу, через цветные стекла входной двери в дом. Тем не менее женщина заметила, что в доме все выглядело как на поле битвы. Маленькие персидские коврики, раньше расстеленные повсюду, были сдвинуты с мест, а между ними разбросаны всевозможные предметы: рулоны с туалетной бумагой, авторучки, щетки и расчески, папки с документами, бумаги, записные книжки, содержимое корзинки с швейными принадлежностями, нижнее белье, журналы, запачканное одеяло... Пожелтевший квадрат на стене напоминал о том, что там долгое время что-то висело — наверное, зеркало, потому что внизу, на полу, лежали осколки стекла и какие-то металлические обломки, которые могли быть частью рамы.

— Вандализм, — сказал Беккер, который тоже вышел из ванной комнаты. — Какие-то типы, что влезли сюда, убили супружескую пару и затем разгромили весь дом.

— Но как... я не понимаю, как такое могло произойти, чтобы никто не заметил...

— Но ведь кто-то что-то заметил, — ответил Пит. — Разве вы не рассказывали мне, что ваша собака постоянно лаяла на этот дом? Она точно знала, что там произошло нечто страшное.

Они уставились друг на друга.

— Нам теперь надо поискать его жену, — садовник кивнул в сторону

ванной.

— Или сразу вызвать полицию.

— Я сейчас спущусь по ступенькам, — сказал Пит и, балансируя, осторожно двинулся вперед, обходя предметы, разбросанные на лестнице. Карен, немного поколебавшись, последовала за ним.

Внизу все выглядело не лучше, чем наверху: там господствовал такой же разгром. На столе стояли два полупустых стакана с загустевшим желтым фруктовым соком. Почти пустая бутылка из-под вина, стоявшая на настенной полке, превратилась в ловушку для мух — там плавало множество трупов насекомых. Беккер наклонился и поднял плоскую картонку, несмотря на их намерение ни к чему не прикасаться.

— Я не могу в это поверить, — произнес он ошеломленно.

Карен разглядела, что это была упаковка от пиццы, причем из итальянской фирмы, которая поставляла свои товары на дом. Они с Вольфом и детьми сами часто делали там заказы. На картонке еще лежало несколько обгрызенных корок, которые, вероятно, теперь стали твердыми, как камень.

— Они себе еще и пиццу сюда заказали! — воскликнул Пит. — Убили стариков, расположились тут, да еще и заказали себе еду с доставкой...

Карен подумала о своих наблюдениях. Зажженный свет в ночи, открытые, а затем закрытые жалюзи — и при этом никакой реакции на ее звонки. В доме, возможно, длительное время кто-то находился, но не те двое, что на самом деле здесь жили. Они уже давно были убиты. Давно?..

Ей пришла в голову ужасная мысль, но она быстро отогнала ее от себя. "Неужели этим двум старикам пришлось *живыми* какое-то время провести со своими убийцами?"

Пит нажал на выключатель около двери, и стало так неожиданно светло, что Карен испуганно съежилась.

— Не надо, — сказала она, — на выключателе наверняка остались следы пальцев.

— Да, но в этом сумрачном свете едва можно что-либо различить. — Беккер задумчиво взглянул на картонку от пиццы. — Одна пицца... О чем это говорит? О том, что преступник один, или...

— Или другие оставили свои пустые упаковки где-то еще в доме, — заметила Карен, — аккуратностью они точно не отличались.

Садовник быстро шагнул к входной двери и рывком открыл ее. Она не была заперта. Перед ними лежал одичавший сад, расположенный перед домом. Все было залито ярким солнечным светом, какой бывает в середине дня в разгаре лета, а зеленый автомобиль Пита перед воротами,

разрисованный цветами и фруктами, придавал всему вокруг поразительно успокаивающий вид.

— Зачем... — начала было Карен, но Беккер тут же пояснил:

— Я только хотел обеспечить нам запасной выход. Кто знает...

Женщина поняла, что он имеет в виду, и по спине у нее от ужаса побежали мурашки.

— Вы считаете, что... они еще здесь?

— Нет, так я, собственно, не думаю, — ответил Пит.

Они оба помолчали несколько минут, вслушались в абсолютную тишину темного, холодного дома. Снаружи щебетали птицы, жужжали пчелы. Внутри царило глубокое молчание.

— Я так не думаю, — повторил Беккер, — но осторожность не помешает.

Справа от них располагалась большая, полностью затемненная комната, очертания которой едва можно было различить. Еще со своего прошлого визита сюда Карен знала, что это гостиная. Поколебавшись, она вошла в нее.

— Нам нужен свет, — произнес Пит позади нее. Он прикоснулся к выключателю одним только ногтем, когда включал его.

Свет одним махом обнажил всю драму.

Грета Леновски лежала животом вниз на ковре перед закрытой дверью на террасу. Ее ноги были вывернуты гротескным образом. На ней были бежевого цвета рейтузы до колен, а сверху — цветастая ночная рубашка, задравшаяся до талии. Шею пожилой женщины обхватывал зеленый собачий ошейник, к которому был прикреплен такого же зеленого цвета поводок. Руки, вытянутые над головой, вцепились в телефонный аппарат, который, по всей видимости, стоял на вычурном столике в стиле бидермайер^[5] около входной двери. Одна ее рука лежала на рычаге, другая крепко сжимала трубку. Грета Леновски была мертва, но, видимо, в последние минуты своей жизни она пыталась позвать на помощь по телефону. Может быть, у нее уже не хватило сил, чтобы набрать номер. Или она по какой-то причине не дождалась связи. А может быть, умерла, едва только сняв трубку... Ее унижали и мучили — собачий поводок ясно говорил об этом, но она еще нашла в себе силы, чтобы проползти через весь хаос когда-то такого ухоженного дома, чтобы добраться до спасительного аппарата. Вот только добралась она до него слишком поздно...

— Кто же на такое способен? — прошептала Карен. — Боже мой, кто же?!

Стоя посреди жестокого кошмара, который неожиданно обрушился на нее, она заметила, что ее рассудок отказывается воспринимать то, что видят ее глаза. Везде на ковре были большие пятна засохшей крови, но, как позже вспоминала Карен, в те минуты она постоянно пыталась внушить себе, что эти пятна являются рисунками, вплетенными в ковер, — только чтобы не думать еще и о других следах страшного преступления.

— Я сейчас вызову полицию, — сказал Пит. Он стал еще бледнее, если это вообще было возможно.

Карен заметила, что его руки сильно дрожали, когда он доставал свой мобильник из кармана брюк. Лишь со второй попытки ему удалось набрать трясущимися пальцами номер полиции.

4

Час спустя тихая улочка, погруженная в мечты, стала похожа на съемочную площадку. Все кишело полицейскими и их машинами, а обширное пространство перед участком Леновски было ограждено красно-белыми лентами. Въезжавшие на улицу автомобили останавливали, а водители должны были предъявить свои документы. Люди то исчезали в доме, то выходили из него. Громко звонили мобильники. "Все как на проходном дворе, но каждый точно знает, что делать, а что нет. Несмотря на сутолоку, следы никто не уничтожит", — думала Карен.

Она находилась в шоке. Одна молодая, но бойкая сотрудница полиции записала ее данные и задала ей несколько вопросов. У нее был такой вид, словно это вполне обычное явление — когда люди находят своих соседей убитыми.

— Следователь, ведущий дело, еще пожелает с вами сегодня поговорить, — сказала она в заключение, энергично и громко захлопнув свою записную книжку. — Оставайтесь, пожалуйста, на связи.

— Да я живу здесь рядом, — ответила Карен.

А поскольку больше никто к ней не обращался, она снова пошла в свой сад. Пита Карен больше не видела и предположила, что его тоже допрашивали.

"Он ведь знает, где меня найти", — подумала женщина.

Кенцо бурно поприветствовал ее. Она присела рядом с ним на траву, погладила его и заметила, что ее трясущиеся руки стали при этом успокаиваться. Большой куст сирени, росший здесь, загораживал вид на соседский дом, и хотя Карен не могла абстрагироваться от пережитого, ей,

во всяком случае, удалось спрятаться от всего на несколько мгновений.

Уже скоро дети вернутся из школы — и, конечно, тут же увидят, что произошло что-то ужасное. Карен решила, что с самого начала скажет им правду, поскольку они в любом случае довольно скоро обо всем узнают, причем как о самом преступлении, так и о том обстоятельстве, что это их мать нашла трупы. Она спрашивала себя, могут ли они оба представить, что она, Карен, залезла по лестнице на чужой балкон и с помощью молодого человека забралась в дом, в котором произошло страшное преступление. Это уж точно не соответствовало тому представлению об их матери, которое сложилось у них.

— Они еще как следует удивятся, — сказала она, обращаясь к Кенцо, имея в виду прежде всего Вольфа. Может быть, до него наконец дойдет, что он всегда недооценивал свою жену.

Затем Карен поднялась на ноги и уже хотела пройти через террасу в дом, когда услышала, что ее зовут, и обернулась. У забора стояла старая женщина, которая жила по соседству с ними с другой стороны, и усердно махала ей рукой.

— Это правда? — прошипела она, когда к ней подошла ее молодая соседка. — Что их обоих убили, а вы их нашли?

Карен удивилась, как быстро распространяются новости в маленьком жилом районе. То, что произошло что-то драматичное, было нетрудно понять, но известие о том, что оба Леновски мертвы, и о том, кто их нашел, дошло до соседей невероятно быстро и точно.

— Да, это верно, — сказала она, — их обоих нет в живых.

— Они убиты? — спросила старуха еще раз, и Карен кивнула.

— Похоже, что да.

— Боже мой! Никогда бы не подумала, что такое может произойти на нашей улице, не правда ли? И никто ничего не заметил!

— Да нет, кое-кто заметил, — возразила Карен и повторила то, что больше часа назад сказал ей Пит. — Кенцо. Моя собака. Она знала, что что-то произошло, поэтому все время и лаяла на этот дом.

Ей доставляло определенное удовольствие еще раз со всей ясностью подчеркнуть это, потому что именно эта старая, ворчливая женщина частенько жаловалась из-за лая ее пса.

Старуха посмотрела на Кенцо недоверчивым взглядом, словно тот сам мог принимать участие в происшедшем.

— Вот как? Маленький ясновидец, что ли? М-да... И все же я должна заметить... — Она сделала глубокий вдох. — Оба они были чрезвычайно странными людьми, но такого не заслужили!

Для Карен было утешением знать, что соседка все же признавала право на мирную кончину за людьми, которые не совсем укладывались в рамки ее мировоззрения.

— Я все еще совершенно шокирована, — сказала молодая женщина. — Хотя я и полагала все это время, что что-то не в порядке, но... не предполагала, что... преступление...

Внутренний голос подсказывал ей, что именно о преступлении она как раз и думала. Ее недоброе предчувствие, озноб, который охватывал ее каждый раз, когда она смотрела на дом, постоянная потребность выяснить, что произошло... Но думать о преступлении и внезапно столкнуться с ним — совершенно разные вещи. Варварски совершенное насилие оставалось чем-то, к чему ты не подготовлен... к чему невозможно подготовиться. Карен где-то читала, что такое случалось даже с некоторыми полицейскими.

— А как их убили-то? — спросила старуха, и Карен вдруг почувствовала глубокое отвращение к ее жажде сенсаций.

— Этого я не смогла понять, — холодно ответила она и отвернулась, чтобы уйти, но ее соседка еще не закончила болтать.

— Говорят, что вы с молодым человеком влезли туда, — сказала она, кивнув в сторону дома Леновски. Между кустами в саду можно было четко разглядеть лестницу, прислоненную к балкону.

— С садовником, — объяснила Карен. — У него была твердая договоренность с ними, и он не мог объяснить себе, почему они о ней забыли. Они казались в этом отношении... скорее щепетильными.

— Хм, — разочарованно хмыкнула старуха. В своей фантазии она уже назначила сомнительного молодого человека в тайные любовники своей соседки, и ей доставило бы удовольствие преподнести улице вторую сенсацию.

— Извините, пожалуйста, но мне не очень хорошо, — сказала Карен и окончательно отвернулась. Ей на самом деле было плохо. Охвативший ее шок постепенно отступал, и теперь ноги подкашивались, в пальцах появился странный зуд, а рот совершенно пересох и казался набитым ватой.

Она отправилась на кухню и выпила стакан воды, глядя при этом через окно на кустик маргариток, который посадила в терракотовый горшок и поставила на маленький столик для завтрака на веранде. Белые цветочки казались радостными и невинными, и женщина попыталась задержать свой взгляд на них, сосредоточиться на излучаемой ими ауре чистоты и мира. Легкий ветерок слегка качнул головки цветов. Карен закрыла глаза и увидела перед собой Фреда Леновски, как тот, голый и связанный, сидит на

унитазе, выставленный своим убийцей мертвым на посмешище.

Ее замутило. Карен открыла глаза и вновь посмотрела на маргаритки.

Отныне она всегда будет видеть его перед собой. Мертвого Фреда Леновски. И его жену. И их разгромленный дом. Она никогда не сможет избавиться от этого. Ее кошмары приняли новые масштабы.

Снаружи слышались возбужденные голоса детей. Карен быстро выпила еще глоток воды, поставила стакан в умывальник и машинально расправила плечи.

Сейчас она расскажет им, что произошло. А еще — эта мысль впервые пришла ей на ум — в хаосе событий сегодняшнего дня совсем затерялся тот значительный (во всяком случае, для ее семьи) факт, что на самом верху под крышей их дома есть комната, которая отныне будет принадлежать лишь одной Карен.

* * *

— Значит, примерно неделю назад вы впервые подумали, что у соседей что-то неладно? — спросил комиссар Кронборг.

Он сидел на цветастом диване в гостиной — двухметровый мужчина, который выглядел невероятным посреди этого веселенького гарнитура. В нем буквально все было более крупным, чем у других людей: само собой, его рост, а еще его руки, ноги и нос. Все это придавало ему вид беспомощности, словно он не знал, куда деть себя. Как неуклюжий медведь.

"Наверняка, — подумала Карен, — с ним довольно часто случается, что его недооценивают".

Но она эту ошибку не сделает. Ей тут же бросились в глаза живые, умные глаза полицейского, а также твердые и решительные линии его рта. Кронборг был мужчиной, который совершенно точно знал, чего хочет. Просто так, в конце концов, не станешь комиссаром в убойном отделе.

Вначале Карен хотела пригласить его на террасу, но он сказал, что предпочел бы поговорить с ней в доме. Ему, конечно, было ясно, что в это послеобеденное время в соседних садах полно людей, которые пойдут на все, лишь бы ухватить хоть крупицу информации, и все его внимание было обращено к Карен.

— Да, — ответила она на его вопрос, — неделю назад. Дело касалось нашего отпуска...

И Карен рассказала, как неоднократно и безуспешно звонила в дверь

Леновски, как была в замешательстве от того, что никто не открывал, хотя время от времени она видела в доме свет, а также то, что жалюзи были то подняты, то опущены.

— Но Леновски могли быть в отъезде, — сказал Кронборг, — и могли попросить кого-нибудь присмотреть за домом.

— Но разве этот *кто-то* не открыл бы, когда я звонила?

— Это могла быть и встроенная система безопасности, — возразил комиссар, вместо того чтобы ответить на вопрос Карен. — Жалюзи автоматически поднимаются и опускаются, свет в различных местах зажигается и выключается в различное время, и все это служит только одной цели — создать видимость того, что в пустующем доме есть жильцы.

— Но разве через несколько дней нельзя было бы определить, что это именно система? Что прослеживается определенный повторяющийся ритм, когда, например, свет зажигается и гаснет? — Карен сморщила лоб. — Почему же...

Кронборг знал, что она хотела спросить, и поднял руку, останавливая ее.

— Почему я делаю на этом акцент, уже после того, как стало ясно, что ваши подозрения были вполне оправданы? Дело в том, что для моего расследования важно точно знать, что именно вызвало в вас эту тревогу. В этом можно найти крошечные элементы, которые в конце могут оказаться существенными для того, чтобы найти преступника. В ваших наблюдениях может скрываться какое-то рациональное зерно, о котором вы даже и не подозреваете, и которое я тоже пока не вижу... — Он поерзал на диване туда-сюда, пытаясь найти удобную позицию для своих слишком длинных ног под журнальным столиком. — Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, — сказала Карен, — конечно.

— Мои коллеги побеседовали с соседями по другую сторону от Леновски. Те вообще ничего не заметили.

Женщина задумалась.

— У меня это наверняка было связано с тем, что я активно пыталась войти с ними в контакт. Мы не так давно живем здесь, и они были единственными, кого я хотя бы немного знала. Причем "знала" — это слишком громко сказано, но я представилась им, и мы здоровались друг с другом через ограду. Через неделю, в пятницу, мы с мужем и детьми собирались полететь в Турцию на две недели, и мне надо было найти кого-нибудь, кто поливал бы наш сад и принимал почту. Я буквально караулила кого-нибудь из Леновски в саду, постоянно следила за их домом... Так что, возможно, при других обстоятельствах я тоже ничего не заметила бы.

Полицейский пристально посмотрел на собеседницу.

— Звучит так, словно вы находились в состоянии приличного стресса из-за вашей поездки в отпуск.

— Да, это так, — согласилась Карен.

Мужчина кивнул.

— Вы только что сказали, что *собирались* лететь в Турцию? Значит ли это, что вы теперь уже не собираетесь?

— Полетит мой муж с детьми, — ответила женщина, хотя пока понятия не имела, действительно ли Вольф это сделает, — а я останусь здесь.

Кронборг вопросительно поднял брови. Карен молча ответила ему взглядом.

— Э... связана ли эта перемена в ваших планах с преступлением по соседству? — спросил он наконец.

— Нет, — ответила Карен, — она связана совсем не с этим.

Полицейский снова кивнул, и у нее появилось неприятное ощущение, что он уже довольно много знает о ее жизни и о ней самой.

Комиссар полистал свою записную книжку.

— Этот... как его зовут... Пит Беккер — вы знаете его недавно?

— Да. Я познакомилась с ним на прошлой неделе. Он стоял перед воротами Леновски и спросил у меня, не знаю ли я, где они могут быть. Он ожидал у них приличную работу и поэтому был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы узнать, *что* с ними могло произойти.

— Хм. Это, возможно, объясняет его... участие. Но это все же весьма необычно — что вы оба влезли через балкон и решили сами все разузнать, не так ли? Почему вы просто не вызвали полицию?

"Потому что просто так полицию не вызывают, — подумала Карен, — потому что при определенных обстоятельствах можно выставить себя в высшей степени смешном положении".

Но вслух она сказала другое:

— Нам обоим казалось, что мы гоняемся за призраком. Ни он, ни я близко не знали семью Леновски, поэтому мы и не могли точно сказать, что их поведение столь уж необычно. Просто исчезнуть, не говоря никому ни слова, оставить почтовый ящик без присмотра, пока из него не посыплется почта, а сад бросить засыхать... нам показалось это нетипичным для них, потому что они произвели на нас впечатление очень скрупулезных людей. Но поручиться в этом мы не могли.

Карен старалась разъяснить своему гостю сложные соседские взаимоотношения.

— Понимаете, мы живем здесь с апреля месяца, но за все это время я лишь один раз была там, у них, и разговаривала с ними всего лишь двадцать минут. В остальном же наше общение ограничивалось словами "привет" или "добрый день" через забор. А Пит Беккер всего один раз прошел с Фредом Леновски по саду, беседа в основном о том, как удалить мох с газона. По сути, он и не знал Леновски. К тому же наши подозрения были слишком смутными. Недоброе предчувствие, парочка трудно объяснимых моментов — разве этого достаточно для того, чтобы потребовать вмешательства полиции?

— Это, конечно, так, — согласился Кронборг и шумно вздохнул. — Сложное дело. Не считая окна, через которое залезли вы с господином Беккером, нет никаких следов взлома. Похоже на то, что Леновски сами впустили в дом своего убийцу или убийц.

— Вы имеете в виду, что кто-то просто позвонил и...

— Например. Или даже сам имел ключ.

— Ключ? Но тогда это должен быть родственник или близкий знакомый!

— Не обязательно. Ключ ведь порой дают и соседям, или... — Комиссар успокаивающе поднял обе руки, увидев, что Карен открыла рот. — У вас его не было, в этом я вас не подозреваю. Я лишь хотел сказать, что в таких случаях есть разные варианты. А поскольку мы говорим как раз об этом, то скажите: вы что-нибудь знаете о родственниках Леновски? Может быть, у них есть дети? Внуки?

Женщина покачала головой.

— Я слышала, что у них нет детей. А других родственников... понятия не имею. Как говорила, я практически их не знала.

— Но вы созванивались друг с другом, — сказал вдруг Кронборг.

Карен взглянула на него обескураженно.

— Мы созванивались? Я — с госпожой или господином Леновски?

— Может быть, у телефона был ваш муж? Мы...

Тут Карен вспомнила короткий разговор с Фредом Леновски больше недели назад. Это был последний раз, когда они контактировали, и после разговора она еще не раз злилась на себя, что тогда не спросила сразу насчет отпуска. О чем тогда была речь?.. Ах, верно, о машине!

— Я говорила с господином Леновски, — сказала Карен. — Наши гаражи граничат друг с другом, и я неудачно припарковала свою машину. Он не мог выехать и попросил меня переставить машину. — Она вспомнила высокомерность соседа, с которой он выразил это свое желание, не то чтобы недоброжелательно, но очень свысока, из-за чего Карен

показалась себе наказанной школьницей.

— Нет, — сказал Кронборг, — я имею в виду не этот разговор. Вы же знаете, что Грета Леновски в последние минуты перед смертью пыталась по телефону позвать на помощь. И именно ваш номер она набрала.

Карен понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он имел в виду.

— Мой... наш номер?

— Да. Мы еще не выяснили, в какой день это было, но скоро узнаем. Однако одно установлено точно — последний номер, который был набран с их аппарата, был вашим.

— Но ведь это мог быть и разговор, который я вела с Фредом Леновски...

— Возможно, — согласился Кронборг, — но это можно будет установить. Моя гипотеза такова, что Грете Леновски действительно удалось сделать один звонок — на ваш номер. Она, возможно, уже даже не была в состоянии позвонить в полицию, а просто нажала на кнопку повтора. При разговоре с Фредом Леновски за несколько дней до этого ваш номер сохранился в памяти и набрался автоматически. — Полицейский вопросительно взглянул на женщину. — Но, вероятно, разговор не состоялся?

В голове у Карен начало кружиться, будто Кронборг говорил быстрее, чем она могла соображать, и словно она безнадежно пыталась поспеть вслед за тем, что он говорил.

— Но ведь это означало бы, что... госпожа Леновски умерла довольно скоро после моего разговора с ее мужем — или... Ведь в противном случае она наверняка говорила бы потом по телефону с другими людьми, и наш номер не оказался бы последним на аппарате.

— Детального заключения судебно-медицинской экспертизы еще нет, — сказал комиссар, — но после первого обследования тел врач предполагает, что Фред Леновски мертв примерно неделю. А его жена умерла немного позже — возможно, четыре или пять дней назад.

— Но...

— Убийца проник в дом, вероятно, вскоре после вашего разговора с Фредом Леновски. С этого момента у этих двух стариков больше не было возможности звонить куда-либо.

Карен сглотнула. Ее голос превратился в шепот:

— Значит, они еще пару дней жили? Когда... преступник уже находился в доме.

— Да. — Кронборг поразмыслил несколько секунд, а затем сказал: —

Над ними издевались. Над обоими. Часами. Преступник — или преступники — держал их в своей власти в их собственном доме — и мучил их. Возможно, два или даже три дня. Смерть стала для них спасением.

Головокружение у Карен усилилось.

— О боже! — тихо произнесла она.

В холодных интеллигентных глазах ее собеседника скользнула тень сочувствия. Карен же ощутила, что побелела — вся, включая губы. Эти два старика... Эта обывательница Грета со своими вязанными крючком салфетками под цветочными горшками в гостиной и закосневшим мировоззрением — и властолюбивый Фред, который постоянно настаивал на своей правоте и выражал свое мнение таким образом, что уже наперед в корне душил любое возражение... Она считала их неприятными. Но в то же время нормальными, обычными. Ни в коем разе не созданными для того кошмара, через который им пришлось пройти в конце своей жизни. И ни в коем случае они его не заслужили. Ни за что на свете.

— О боже... — еще раз произнесла Карен и с отчаянием взглянула на Кронборга. — Я слишком поздно начала действовать. Я знала, что что-то не в порядке! Я просто *знала* это. Моя собака знала это. Она день за днем лаяла на этот дом, сердито и отчаянно. Обычно она этого не делает. Когда начался этот лай, они еще были живы. Когда у меня появилось чувство опасности... — Она встала и тут же почувствовала, как у нее подкосились ноги, и схватилась за подлокотник кресла. — Я могла бы спасти их. А я ничего не сделала. Я трусливо позволила своему мужу внушить мне, что я не в своем уме.

И она расплакалась.

— Итак, ты можешь мне все это объяснить? — сказал Вольф.

Карен, собственно, уже все ему объяснила. Но с каждой фразой, которую она произносила, его лицо выражало все более сильное недоверие, и казалось, что он просто-напросто хотел ответить: "*Скажи, что это неправда!*"

— Их обоих на самом деле убили... — начала женщина, но ее муж грубо прервал ее:

— Это я уже понял. Даже я заметил ограждения и полицейские машины перед соседским домом. Что я хочу узнать, так это то, почему моя

жена залезла в чужой дом и обнаружила там два трупа!

Карен с удовольствием и дерзко ответила бы: "Да именно потому, что там валялись два трупа!" Но было ясно, что ее супруг имел в виду то обстоятельство, что она забралась в чужой дом. "Для него это звучит странно", — подумала она.

— Садовник... — начала было объяснять Карен вслух.

Вольф расслабил свой галстук.

— О каком садовнике ты постоянно говоришь?

— О садовнике Леновски. Он тоже волновался из-за этих двоих, так же, как и я.

— Непонятно!

— Что?

— Мне непонятны такие волнения. Только потому, что два человека не открыли дверь? Если б мы оба уехали, никого не предупредив об этом, ты бы хотела, чтобы совершенно незнакомые люди залезли в наш дом, дабы просто посмотреть, как у нас дела?

Губы Карен задрожали. "Только не допускай, чтобы он вновь вывел тебя из равновесия", — внушала она себе.

— Они были еще пару дней живы, так сказал комиссар. И если б я побеспокоилась раньше...

Вольфу наконец удалось сорвать свой галстук с шеи. Как обычно, он швырнул его на кровать.

— Речь не об этом. Хорошо, ты была права со своими... жуткими историями. Но дело не в этом. В чужой дом в принципе не положено вторгаться. Почему ты не позвонила в полицию, если была так уверена, что в том доме что-то не в порядке?

Все это походило на дурной сон, подумала женщина. Разве не Вольф все время заявлял, что совершенно недопустимо звонить в полицию из-за одного только подозрения, к тому же *притянутого за уши*?

Но кое-что в этот момент ей стало ясно: в его глазах она *всегда* будет *все* делать неверно. Что бы она ни делала, это было неправильно, потому что это делала *она*. Все ее старания в последние годы быть для него женой, о которой он мечтал, были с самого начала обречены на провал. Он никогда не давал ей ни малейшего шанса. Когда-то, где-то, по какой-то причине у Вольфа пропала любовь к ней, а то обстоятельство, что он считал, будто обязан, несмотря ни на что, продолжать с ней жить — возможно, ради детей или потому, что он считал это необходимым для своей репутации, — делало его агрессивным, недовольным и хронически раздраженным. Он больше не хотел ее. Он уже давно со всей ясностью демонстрировал ей это,

только она отказывалась понимать его.

— Ах, Вольф, — устало произнесла Карен, — ты ведь был и против этого. Ты был против всего. Ты и сейчас против всего. Но я спрашиваю себя, почему тебя вообще еще волнуют вещи, которые я делаю. Ты живешь своей жизнью, а я — своей.

Ее муж поднял брови.

— Ты все еще моя жена. Все, что ты делаешь, неизбежно бросает тень и на меня.

— Да что же в этом деле бросает на тебя тень?

— Ты что, не понимаешь? Мы теперь втянуты в это преступление. Нас будут допрашивать, в нас вцепится пресса, наша фамилия появится в газетах... И я считаю все это неприятным. Отталкивающим!

Вольф выглядел изможденным. Карен подумала, что все это действительно доставляло ему проблемы, и в какой-то степени она его даже понимала. Это она поспособствовала тому, чтобы их семья попала в самый эпицентр ужасного происшествия, а поскольку оно, скорее всего, станет общеизвестным, едва ли можно будет не обращать на это внимание. Никому не хочется соприкоснуться с ужасом. У Карен было такое предчувствие, что убийство в соседнем доме прилипнет к ним всем навсегда, и каждый из них — и она, и муж, и дети — так или иначе будет носить это в себе. Она, Карен, стала причиной того, что ее семья не смогла остаться в стороне от происшедшего, как другие соседи супругов Леновски. В этом и упрекал ее Вольф, и она с радостью сказала бы ему, что понимает, что он имел в виду, если б у нее был хоть малейший шанс на то, что и он сможет понять ее чувства. Ее позыв к действию, ее убежденность в том, что ей с самого начала не суждено было пойти по удобному пути в этой истории. Если б со стороны ее мужа нашлась бы хоть искорка любви и понимания, она попыталась бы — при взаимной открытости — ради него пережить весь этот кошмарный сон вместе с ним.

Но теперь у нее уже не было ни малейшего шанса на это.

— Комиссар Кронборг хотел еще раз заглянуть сегодня вечером, — только и сказала Карен.

— Еще и это! — раздраженно произнес ее супруг — и, как по заказу, в этот момент позвонили в дверь.

— Лучше б я сегодня вообще не приходил домой, — добавил Вольф, а его жена с удивлением заметила, что ее больше не интересует, где бы он в таком случае ночевал.

— Мы продвинулись на пару шагов вперед, — сказал Кронборг. На этот раз он не стал даже пытаться протискиваться на диван и совать под стоящий перед ним стеклянный столик свои ноги, скручивая их в виде штопора. Вместо этого он занял место в кресле и незаметно отодвинулся на несколько сантиметров назад — так, чтобы можно было более или менее удобно сидеть. Карен принесла стаканы и две бутылки воды. Вечер был очень теплым, почти душным. Казалось, что волна жары в это лето никогда не схлынет.

"Спрашивается, зачем еще ехать в Турцию?" — подумала она.

Вольф сидел на диване с выжидающей миной на лице, сером от усталости.

— Итак, мы смогли реконструировать, когда точно был произведен этот телефонный звонок, — продолжил полицейский. — А именно, в прошлый четверг, в половине третьего утра. — Он посмотрел на собеседников. — В прошлый четверг, в половине третьего утра, у вас должен был позвонить телефон. И вы, очевидно, ответили на звонок.

Карен почувствовала, как побледнела. Она не понимала, почему не догадалась об этом уже во время первого разговора с комиссаром. Взглянув в сторону Вольфа, женщина поняла по выражению его лица, что и он молниеносно сообразил, о каком звонке шла речь.

— Ах ты, черт побери! — произнес он, хотя подобные выражения в присутствии постороннего были для него крайне необычными.

— Вы помните этот звонок? — уточнил Кронборг.

— Да, — прохрипела Карен и, откашлявшись, повторила более твердым голосом: — Да.

— И?..

Женщина встала, потому что ей вдруг показалось, что она ни секунды дольше не сможет сидеть. За большим окном, выходящим на веранду, был виден дом Леновски. Его белые стены сияли среди густых темно-зеленых листьев кустарников и деревьев. Стоял спокойный, тихий, теплый летний вечер. Кенцо лежал на улице посреди газона, снова и снова пытаясь схватить надоедливую муху, кружившую вокруг его головы. Он прекратил лаять на соседский дом. Люди наконец поняли то, что ему было известно на протяжении всего этого времени. Ему больше не нужно было бороться за то, чтобы объяснить им это.

— Был один звонок, — произнесла Карен, — ночью. Он разбудил

меня... нас. Я... я сразу подумала, что он не мог предвещать ничего хорошего, и пошла к телефону...

Она запнулась. "Я так ужасно спасовала", — подумалось ей.

Кронборг смотрел на нее в ожидании. Вольф закрыл лицо руками.

— Я ответила, но на другом конце провода слышался только... стон. Больше ничего. Только стон. Казалось, будто кто-то хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова. Это было... ужасно. Ужасно и пугающе.

— Вы ничей голос не опознали?

— Нет. Эти... эти стонущие звуки были такими нечеловеческими... мне кажется, что я даже голоса собственных детей в этом не смогла бы опознать. Я подумала...

— Да?

— Я испугалась, что это, возможно, моя мать. Она старая и живет одна, и я вдруг подумала, что с ней, возможно, случился инсульт или что-нибудь еще плохое...

— Но вы, очевидно, не подумали об извращенце, любящем подобные игры? — спросил комиссар. — О ком-нибудь, кому доставляет удовольствие звонить совершенно незнакомым людям и пугать их своим стоном?

— Мой муж подумал об этом, — ответила Карен и вновь посмотрела в сторону Вольфа, который поднял голову и пристально уставился на нее. — Он посчитал, что это сумасшедший, и сказал, чтобы я об этом больше не думала.

— Значит, вы прервали звонок?

— Да. После того как я неоднократно просила назвать свое имя, но за этим ничего не последовало, я положила трубку. Однако я не могла успокоиться и позвонила своей матери. У нее все было в порядке, но она так расстроилась из-за моего звонка, что у нее усилилось сердцебиение, и она, по ее словам, остаток ночи провела без сна. Как-то я опять умудрилась все сделать неправильно... — Она увидела в глазах комиссара сочувствие, и у нее снова возникло впечатление, что он многое знал о ней и мог заглянуть ей в душу. — Я показалась себе истеричкой. Я пыталась забыть о звонке и внушить себе, что это действительно был какой-то извращенец, который получал удовлетворение от подобных звонков. Только...

— Только вы по-настоящему не верили в это.

— Да. Это был не такого... не такого рода стон. Я не могу точно описать его, но на самом деле он звучал так, словно кто-то оказался в очень большой беде. Словно кто-то был тяжело ранен, или болен, или... — Женщина покачала головой. — И ведь так оно и случилось. Это была

госпожа Леновски.

— Она была при смерти, — сказал Кронборг, — потому что преступник — или преступники — нанес ей множество ран кухонным ножом. Это было чудо, что не были повреждены жизненно важные органы. Врач считает, что она прожила после полученных ран еще где-то около сорока восьми часов. Но у нее случилась огромная кровопотеря, так что, возможно, много часов она была без сознания. Мы не знаем, когда преступник — или преступники окончательно покинули дом. В какой-то момент после этого она, видимо, направилась к телефону — судя по следам, скорее всего, проползла на четвереньках или на животе. Она, видимо, была совершенно обессилена, так что даже не смогла набрать номер. Итак, она нажала на кнопку повтора и таким образом попала к вам. Но... — Он с сожалением пожал плечами.

Карен, конечно, тут же приняла это сожаление на свой счет.

— Но я не в состоянии была понять, что произошло!

Полицейский улыбнулся ей.

— Перестаньте упрекать себя. То, что произошло там, лежит за пределами понимания нормального человека. Вполне естественно, вы не могли определить, что это за звонок. Нет, я имею в виду, что Грета Леновски хоть и добралась до телефона, но была слишком слаба, чтобы хотя бы назвать свое имя. Она не в состоянии была дать ни малейшего намека на то, кто она, поэтому ее звонок не имел смысла. Боюсь, однако, что на тот момент, скорее всего, ее уже нельзя было спасти.

Тут, впервые за все время, что Кронборг находился в их доме, Вольф взял слово:

— Уже есть какие-нибудь намеки на личность преступника?

Комиссар с сожалением покачал головой.

— Пока нет. Проблема состоит в том, что у Леновски якобы вообще нет родственников. Во всяком случае, среди соседей ничего подобного не известно, а мы в своем расследовании еще не продвинулись настолько, чтобы разыскать их. Также никому не бросилось в глаза, что этих людей больше недели не было ни слышно, ни видно. Ведь близкие родственники или друзья должны были бы удивиться и обратиться бы в полицию.

— Нас не интересуют дела других людей, — тут же заявил Вольф, — так что в этом пункте ничем помочь вам не можем.

— Ну, а вашей жене, к счастью, дела других людей не совсем безразличны, — заметил Кронборг, — иначе мы, возможно, еще долгое время ничего не знали бы об этом преступлении. Неизвестно, решился бы этот садовник самостоятельно залезть...

— К этому садовнику я хотел бы присмотреться поближе, — агрессивно сказал Вольф. Было ясно, что он видел в этом Пите Беккере лишь мужчину, который подтолкнул Карен на ее возмутительный поступок и заварил эту кашу, чреватую неприятными последствиями для семьи Вольфа. — Довольно странный способ проявлять свой интерес к супружеской паре, которую он почти и не знает, не так ли?

— Тогда и ко мне следует *присмотреться поближе*, — произнесла Карен.

Муж взглянул на нее со злостью.

— Но это, наверное, совсем другое! — вспыхнул он.

Кронборг примирительно поднял руки.

— Такие преступления, как это, выше нашего разума. Человек растерян, когда жестокое насилие вплотную касается его жизни. Но то, что проделали ваша жена и господин Беккер, было хорошо, господин Штайнхофф. Представьте себе, если б этих двух мертвых обнаружили, быть может, через год — тогда все возможные следы было бы уже не восстановить.

— А есть ли отпечатки пальцев в доме? — спросил Вольф.

— Только самих Леновски, конечно, и еще двух человек, которые, скорее всего, принадлежат вашей жене и Питу Беккеру. Преступник или преступники для надежности были в перчатках.

— Тогда я хотел бы знать, как вы вообще собираетесь найти преступников!

— Мы надеемся, что нам поможет опрос тех, кто знал Фреда и Грету Леновски, каким бы отдаленным это знакомство ни было.

— Фред Леновски был раньше адвокатом, — вспомнила Карен, — и у него имелись знакомые среди влиятельных политических деятелей. Во всяком случае, так он мне рассказывал.

Кронборг кивнул.

— Это нам известно. Однако он отстранился от активной профессиональной деятельности где-то лет пять назад. Но кто-то из влиятельных друзей, вероятно, еще остался; может быть, они поведают нам что-то о его профессиональном окружении. Ведь вполне может быть, что когда-то он нажил себе врагов...

— Я допускаю, что, скорее всего, так оно и есть, — сказал Вольф. — Адвокат всегда наступает кому-то на горло — это неизбежно!

— Разумеется, — согласился полицейский, — но в данном случае Леновски, должно быть, пробудил к себе особую ненависть. Потому что реакция его противника — если таковой имеется — была слишком... ярко

выраженной.

— А убийство с целью ограбления исключается?

— С большой вероятностью — да. С одной стороны, людей, которых просто хотят ограбить, не оставляют умирать таким намеренно жестоким образом, чтобы их борьба со смертью длилась еще несколько дней. К тому же там у них вроде бы ничего не пропало. Во всяком случае, из тех вещей, которые взломщики в классическом случае забирают с собой. Компьютер Фреда Леновски на месте, телевизоры на месте, видео- и стереоаппаратура тоже не изъята. В спальне один из ящиков комода наполнен ценными украшениями, и они совершенно не тронуты... Нет, здесь кто-то либо удовлетворил свое чувство мести, либо мы имеем дело с каким-то извращенцем, который наугад выбирает себе жертву и получает удовлетворение от причиняемых ей мучений. — Лицо Кронборга вытянулось. — Последнее было бы, конечно, для нас более проблематичным. Потому что если у убийцы четы Леновски не имелось личного мотива, тогда у нас чертовски плохие шансы схватить его.

— Хм, — произнес Вольф и встал, давая этим понять, что он хотел бы закончить разговор. — Желаем вам успеха в расследовании, — добавил он, — но мы, к сожалению, не можем дольше оставаться в вашем распоряжении. Моя жена, наверное, уже сказала вам, что в пятницу на следующей неделе мы отправляемся в отпуск в Турцию.

Кронборг тоже встал. Со своими гвардейскими размерами он был на целую голову выше Вольфа — и это при его также весьма внушительном росте.

— Я надеюсь, что нам не придется слишком часто беспокоить вас, — сказал он. Карен с благодарностью отметила, что он не обмолвился о ее измененных планах.

Затем комиссар обернулся к ней.

— Госпожа Штайнхофф, вот что я еще хотел узнать: во время того ночного звонка вы ничего, кроме стога, не смогли расслышать? Может быть, обрывки каких-либо слов, не важно, какими бы непонятными они ни были? Какой-либо звук, который мог быть началом или концом слова...

Карен покачала головой.

— Нет. При всем моем желании, ничего не было. У меня сложилось такое впечатление, что абонент — госпожа Леновски — постоянно пыталась произнести какое-то слово, но при всем старании у нее ничего не получалось. Даже начальных звуков. Мне очень жаль. Кроме стога, ничего не было слышно.

Кронборг казался немного огорченным.

— Свою визитку я вам уже оставил, — произнес он. — Если вы еще что-нибудь вспомните — не важно что, касается ли это того телефонного звонка или ваших наблюдений за домом, — то, пожалуйста, сразу же позвоните мне.

— Конечно, — ответила Карен.

Она осталась стоять в гостиной, а Вольф тем временем проводил гостя к двери.

Когда он вернулся, Карен сказала:

— Мне хотелось бы, чтобы я могла оказать ему больше помощи.

— Ты, слава богу, уже достаточно сделала, — ответил Вольф. — Остальное — его работа.

Они взглянули друг на друга, и Карен заметила во взгляде мужа некое сомнение. Он знал, что был несправедлив к ней в последние недели, что совершил ошибку, снова и снова называя ее истеричкой.

"Если б он сейчас извинился, — подумала женщина, — или если б хотя бы заговорил об этом... то у нас, может быть, был бы еще шанс..."

Но этот момент пролетел, а сомнение в глазах Вольфа исчезло. Он ничего не сказал по этому поводу, и было ясно, что уже ничего и не скажет.

— Я пойду спать, — объявил он. — Боже, какой же это был тяжелый день! А в довершение еще и этот тип...

Стаканы и бутылки он оставил для Карен, чтобы та убрала их на кухню. Она слышала, как он чистил в ванной зубы электрощеткой. Было девять часов — далеко до того времени, когда ее муж обычно шел в постель. Он выглядел таким уставшим...

"Он начал отстраняться от меня, — подумала Карен, загружая посудомоечную машину, — и это его напрягает. Жить с человеком, которого больше не любишь, требует много сил".

Может быть, поэтому мне так тяжело.

Может быть, я его тоже больше не люблю.

Эта мысль удивила женщину. Она никогда не сомневалась в своих чувствах к Вольфу. Может быть, пришло время рассматривать себя не только в качестве жертвы его настроений? Может быть, пришла пора понять, что, возможно, и в ней произошли какие-то изменения?

Она спрашивала себя, когда же ее муж заметит, что она больше не спит рядом с ним.

— Мне будет тяжело завтра, — сказала Инга. — Я надеюсь, что поступаю правильно. Улетать без Мариуса... Я все еще не могу представить себе, что завтра вечером в Марселе сяду в самолет — без него!

Она сидела с Ребеккой на веранде ее дома. Было очень темно — стояла теплая, иссиня-черная, звездная летняя ночь.

— Звездопад, — сказала хозяйка дома. — Смотрите, падают звезды. Сейчас уже почти август. В эти ночи их здесь можно увидеть особенно много.

"Женщина, которая думает о звездопаде, уже выходит из депрессии", — подумала Инга.

Она была уставшей. День получился длинным и напряженным. Прогулка вверх до Ла-Мадраж, обед, во время которого Ребекка предложила перейти на "ты", обратная дорога, оказавшаяся в тысячу раз труднее, чем дорога вверх, причиной чему была, возможно, еда, а может, еще и быстро нарастающая жара. Домой они вернулись липкими и потными, и Инга сказала:

— Я бы сейчас с удовольствием искупалась. Из твоего сада можно спуститься вниз к морю?

Ребекка неохотно ответила:

— Феликс в свое время заказал проложить деревянные ступеньки между скалами. В конце сада.

— Ты пойдешь со мной?

— Я не была внизу с тех пор, как...

— Ты живешь в этом доме. Что с того, если ты спустишься вниз в бухту?

— Это будет для меня слишком, — ответила Брандт.

Инга задумалась, как человек мог жить таким образом. В пространстве, охватывающем пять комнат в уединенном доме и красивый, но совершенно безлюдный сад. Если б Инга хотела найти аналог восточного сжигания вдов в западном стиле, то нашла бы его в Ребекке. Женщина, которая перестала жить вместе со смертью своего партнера. Которая еще дышит, ест и пьет, но тем не менее уже не живет...

Тогда Инга отправилась купаться одна, и ей лишний раз бросилось в глаза, какой рай создал себе покойный Феликс Брандт. Лестница, спускавшаяся в бухту, была крутой, но ее легко можно было преодолеть, благодаря крепким перилам. Она состояла преимущественно из массивных досок, но местами были использованы натуральные ступенеобразные выступы в скале. Пока Инга спускалась по этой лестнице, видя внизу под собой синеву моря с небольшим светящимся участком белого песчаного

берега, а над собой — высокое, выпуклое небо, по которому стремглав с криком носились чайки, ее впервые за долгое время вдруг переполнило чувство свободы, чувство, что она вновь в гармонии с собой, чувство, что она жива и у нее есть будущее. Мощь этого ощущения напугала ее — ведь она только что потеряла своего мужа, и ей казалось, что сейчас не время испытывать такую переполняющую душу радость. Но затем Инга обнаружила, что это чувство появилось в ней как раз *из-за того*, что Мариуса не было с ней. Она все еще не верила, что он утонул, и не смогла бы объяснить, что именно внушало ей эту уверенность. Женщине казалось, что она знает, что он жив, однако ей было совершенно ясно: они уже не будут вместе. Все прошло. А из-за того, какое облегчение испытывала сейчас Инга, у нее не оставалось сомнений в том, что она права. И в первую очередь, причиной тому были не великолепные виды на окрестности, вернувшие ей спокойствие, не простор неба и моря, не спуск по скалистой стене, а осознание того, что она освободилась из тисков. Только сейчас Инга смогла признаться себе в этом. Раньше она была настолько запуганной и стесненной в этих тисках, что не могла даже дышать. Она открылась Ребекке, рассказала ей о некоторых проблемах с Мариусом, описала ситуации, в которых ей настойчиво приходили мысли, что с ним что-то не в порядке... Это был первый раз, когда она доверилась другому человеку, — и это было похоже на прорыв плотины. С тех пор ей приходили в голову все новые эпизоды и случаи, которые она так настойчиво пыталась забыть и которые на самом деле казались забытыми, а теперь поднимались из самых потаенных уголков ее памяти и внезапно со всей ясностью представляли перед ней.

Как же она могла так долго терпеть Мариуса? Как могла она так последовательно игнорировать столь однозначные сигналы?

Легкой походкой — словно она в буквальном смысле стала легче — Инга спустилась вниз. Пляж, шириной метров в тридцать, полукругом прилегал к утесу. Море с плоскими волнами, увенчанными пенистыми коронами, набегало на песок. Инга огляделась, но никого вокруг не обнаружила. Вероятно, был еще один участок, где находился проход на этот пляж, потому что с другого его конца вверх по утесу вела еще одна лестница. Далеко наверху Инга смогла разглядеть маленький кусок каменной стены, которая, видимо, принадлежала дому или изгороди на этом участке.

Она сбросила шорты, надетые поверх купальника, и вошла в волны. Вода была холоднее, чем ожидалось, но великолепно освежала, и уже через пару минут Инга почувствовала себя в полной гармонии с ней. Сильными

гребками она заплыла на приличное расстояние, а затем, лежа на спине, зависла в воде, разглядывая темные скалы позади себя и голубое небо над собой. Чуть позже она робко прислушалась к своему внутреннему "я", дабы убедиться, что то великолепное чувство освобожденности еще было в ней — а то, как знать, вдруг оно уйдет так же быстро, как и появилось? Но Инга снова почувствовала его: оно было сильным, интенсивным и несло ее так же уверенно, как и вода.

Затем молодая женщина еще какое-то время полежала на песке, все еще надеясь, что Ребекка, возможно, появится, но она так и не показалась.

Наконец Инга приступила к подъему.

И вот теперь они сидели на веранде. Слегка подрагивало пламя свечи в садовом подсвечнике, перед ними стояло по бокалу вина, и Инга чувствовала приятную расслабленность во всем своем теле, которую обычно оставляет после себя такой день, полный движения на солнце, в воде и на ветру.

— Что ты станешь делать в первую очередь, когда вернешься в Германию? — спросила Ребекка в ответ на высказывание гостьи, что ей будет тяжело уезжать.

— Я буду подыскивать себе квартиру, — ответила Инга. — Да, это, пожалуй, будет в первую очередь. Нашу совместную квартиру Мариус может оставить себе.

— Стало быть, ты совершенно уверена, что он снова объявится?

— Да. Я не могла бы объяснить, почему, но что-то подсказывает мне... Я просто надеюсь, что он вскоре объявится. Иначе мне придется сдать нашу квартиру. Дольше чем два месяца я никак не могу позволить себе оплачивать две квартиры.

— Да, и это будет очень щедро с твоей стороны, — заметила Ребекка. — После всего, что было, ты могла бы сразу сдать квартиру, а он пусть потом сам смотрит, как ему быть.

— Я уже думала об этом. Но риск состоит в том, что если он вдруг приедет в Германию и у него не будет крыши над головой, он попытается — во всяком случае, временно — пристроиться у меня, и тогда мне будет трудно от него избавиться.

— Ты не обязана его принимать.

— Если у него не останется другого места...

— Он может пойти к своим родителям.

— Это было бы для него, пожалуй, самым крайним случаем.

— Что не должно быть твоей проблемой.

— Я знаю, — сказала Инга, — но... — Ее фраза повисла в воздухе.

Ребекка кивнула.

— Все это, конечно, не так просто, — сказала она.

— А как обстоит дело с тобой? — спросила Инга. — Ты восстановишь отношения с Максимилианом?

— Почему я должна это делать?

— Ну... я думаю, он хороший друг. Он переживает за тебя. Тебе, может быть, не следует так уж совсем с ним порывать.

Лицо Ребекки застыло, губы сжались — жестко, недружелюбно.

— Мне больше не нужны друзья. Я сама с собой разберусь.

Инга глубоко вздохнула.

— Меня это, конечно, не касается...

— Правильно, — сказала Ребекка, — это тебя не касается.

Ее собеседница собрала все свое мужество и быстро сказала:

— Ты мне нравишься, Ребекка. Ты великолепная женщина. Ты молода и красива, и ты так много совершила в своей жизни! Я, конечно, не много знаю о ней, но чтобы организовать такую добровольную организацию в защиту детей... в общем, я считаю это просто замечательным, и ужасно жаль, что ты...

Брандт со звоном поставила свой бокал на стол. Ее рука слегка дрожала, когда она подняла ее ко рту.

— Инга, это мое дело. Я серьезно прошу тебя: не вмешивайся.

— Но ты живешь здесь как заживо похороненная! Ты одна, ты одинока; ты позволяешь зачахнуть своим способностям, отталкиваешь людей, которые тебя любят, и цепляешься исключительно за воспоминания об... об умершем, который... никогда больше не вернется.

Молодая женщина снова глубоко вздохнула. Ее собеседница сидела словно окаменевшая.

— Он больше не вернется, Ребекка, — тихо повторила Инга. — Как бы ужасно это ни было, но... ты должна устроить свою жизнь без него.

Хозяйка дома продолжала молчать.

— Ребекка? — тихо позвала ее гостья.

Та поднялась из-за стола.

— Я пойду спать. Погаси потом, пожалуйста, свечу и замкни дверь.

С этими словами Ребекка скрылась в доме.

— Я все испортила, — пробормотала Инга.

Затем она тоже встала, взяла свой бокал и прошла несколько шагов по темному саду. Звезды казались такими близкими, словно до них можно достать рукой; в листве деревьев тихо шелестел ветер. Молодая женщина почувствовала запах моря. Кругом был рай на земле, но для Ребекки это

был ад, полный одиночества и печальных воспоминаний. Ей нужно было уходить отсюда, нужно было жить среди людей... просто продолжить жить.

"Но завтра я уезжаю, предоставив ее самой себе, — подумала Инга, — а поскольку она основательно рассорилась с Максимилианом, то никто больше о ней и не вспомнит. Она снова зароет себя здесь и когда-нибудь погибнет от своей печали. А я не могу ей помочь. Я не могу ее заставить поехать в Германию вместе со мной..."

Она допила свое вино и решила тоже отправиться спать. День утомил ее, и ей хотелось растянуться на кровати и закрыть глаза. Но в то же время Инга ощущала какое-то странное беспокойство — словно мурашки бегали по коже, — которое не могла себе объяснить. Может быть, это было связано с ее беспокойством о Ребекке. С беспомощностью, которую испытывала эта женщина. С чувством, что она не должна оставлять Ребекку в беде, хотя и знает, что ничего не сможет для нее сделать...

"Может быть, я смогу еще раз поговорить с ней за завтраком, — подумала Инга, — а потом в обед и после обеда... Еще остается немного времени. Еще почти восемнадцать часов впереди".

Погасив свечу в садовом подсвечнике, она отправилась в дом, тщательно заперев за собой дверь на веранду. Инга была благодарна Ребекке, что ей не приходится спать в палатке и она может воспользоваться уютной маленькой гостевой комнатой. Ей вдруг вспомнилось, с какой заботой Ребекка ухаживала за ней, когда она, совершенно обессиленная и в полном отчаянии, вернулась на яхте после шторма — и ужасной сцены, пережитой с Мариусом. Если б она хоть как-то могла отблагодарить ее...

Комната Инги располагалась под крышей, куда нужно было добираться по очень крутым ступенькам. Поднимаясь по ним, нельзя было выпрямиться во весь рост, и у тех, кто не был осторожен, имелось предостаточно возможностей как следует удариться головой о толстые деревянные балки на потолке.

"Словно каморка под крышей для прислуги, — весело думала Инга каждый раз, когда поднималась по этой необычной лестнице. — Совсем как в былые времена".

Она разделась, натянула ночную сорочку, забежала вниз в ванную, почистила зубы и причесала щеткой волосы. Из комнаты Ребекки не доносилось ни звука. Наверное, хозяйка дома уже давно спала.

"Во всяком случае, мне это было бы больше по душе, чем если б она лежала и раздумывала, что я слишком активно вмешиваюсь в ее жизнь", — подумала Инга.

Наверху, в своей комнате, она оставила открытым люк, ведущий на

крышу, чтобы прохладный ночной воздух мог проникнуть внутрь. Одежду Инга положила на одно из кресел и накрылась только тонкой простыней.

Несмотря на беспокойство, она заснула в считанные минуты.

Когда Инга проснулась, то в первое мгновение была уверена, что продремала лишь несколько минут. Разве она не только что вернулась из ванной? Но затем женщина включила свет и взглянула на часы. Было без четверти четыре утра.

Она не знала, что ее разбудило, но что бы это ни было, оно в одно мгновение полностью вернуло ее в реальность. Это было необычно, потому что, как правило, ей требовалось довольно много времени, чтобы проснуться и осознать, кто она и где находится. Однако на этот раз Инга чувствовала себя абсолютно свежей.

При этом беспокойство, гнетущее ее с вечера, обострилось.

Она спустила ноги с кровати, подошла к открытому люку и высунулась наружу. Как это часто бывало в последние ночи здесь, на юге, у моря, ее поразило ясное и низкое звездное небо. Ветер немного усилился, и деревья шуршали еще громче.

"Это, наверное, и разбудило меня, — подумала женщина, — шум ветра в листве". Да, может быть, это и было причиной ее беспокойства. Этот постоянный ветер у моря. В своей мюнхенской городской квартире Инга с таким не сталкивалась.

Она отправилась обратно в постель, выключила свет и, откинувшись на подушки, закрыла глаза и попыталась снова заснуть. Но вскоре глаза ее снова открылись. Она слышала свое собственное сердцебиение, сильное и быстрое; спать в таком состоянии было невозможно. Инга была настолько бодрой, что о сне нечего было даже и думать.

Она вновь покинула постель, подумав, что ей, может быть, стоит выпить стакан воды. Или внизу, в гостиной, немного посмотреть телевизор. Возможно, это немного ее успокоит, хотя она и понятия не имела, с какой стати вообще была встревожена. Но в любом случае, Ребекка вряд ли возражала бы против этого.

Инга накинула халат, который одолжила ей хозяйка дома, и сунула ноги в пластиковые шлепанцы оранжевого цвета. Она купила их перед самой поездкой, потому что никогда не решилась бы войти босиком в общественный душ в кемпингах. Она вообще ненавидела кемпинги.

"Но я ведь всегда боялась, что Мариус вскипит, если я не буду восторгаться каким-либо его предложением".

Открыв дверь своей комнаты, женщина прислушалась, но не услышала ни малейшего шороха. А ведь могло быть так, что Ребекка сама бродила по дому от бессонницы, и это разбудило ее гостью... Но повсюду царил тишина, и нигде не было видно ни лучика света.

Инга тихо проскользнула вниз по своей лестнице, а затем спустилась еще ниже по ступенькам, ведущим на первый этаж дома. На кухне она взяла из шкафа стакан, налила в него воды из-под крана и выпила маленькими глотками. Она спрашивала себя, почему ее сердце не желало успокоиться, а потом некоторое время пыталась вспомнить, что ее бабушка, все время страдавшая бессонницей, рассказывала о всевозможных сортах чая, помогавших от этого недуга. Но ей ничего не приходило в голову: память была словно начисто выметена. Кроме того, у Ребекки наверняка не было в доме подходящего чая.

"Да у меня сейчас и не хватило бы спокойствия заваривать и пить успокоительный чай", — подумала Инга и тут же нервно засмеялась над этим парадоксом.

Она поставила стакан на место и прошла в гостиную, где включила стоявший в углу торшер, а затем — телевизор. Шло какое-то ток-шоу — вероятно, повтор дневной программы, в которой благообразная телеведущая, являвшаяся по совместительству психологом, должна была снова свести совершенно распавшиеся и рассорившиеся семейные пары. Парочка, с которой ведущая работала теперь, самым отвратительным образом обзывала друг друга, и Инга посчитала, что в их случае надежды на примирение было немного. Поскольку ее знания французского были посредственными, ей приходилось заметно напрягаться, чтобы вникнуть в ход развития ссоры, и вначале она подумала, что это как раз то, что нужно, чтобы утомиться и уснуть. Но через десять минут Инге стало ясно, что ее сосредоточенность была очень поверхностной. Сердце все равно бешено колотилось — быть более бодрой и напряженной она уже просто не могла.

"Это ненормально", — подумала женщина.

Она снова выключила телевизор и достала из корзины для газет, стоявшей около камина, несколько иллюстрированных журналов. Они были немецкими и почти все годичной давности. Ребекка, должно быть, купила и читала их еще в те счастливые времена, а потом, вместе с ее уходом в полную изоляцию, в ней, очевидно, погас и всякий интерес к сплетням и пересудам ее родины.

Инга решила отправиться обратно в постель и почитать. Иногда ей это

помогало. Хотя она и не могла припомнить, чтобы когда-либо была до такой степени взволнованной и нервной.

Когда она проходила мимо маленькой ванной для гостей, находившейся внизу, то заметила, что ее дверь открыта. Такого обычно не случалось, а сегодня — Инга хорошо это помнила — дверь была закрыта, когда она вечером отправилась спать. Хотя она, конечно, не могла в этом поклясться.

Ее беспокойство возросло. Инга хотела закрыть дверь и внезапно почувствовала, что ее коснулся поток воздуха. Сквозняк где-то в глубине дома.

Инга заглянула в маленькую ванную.

Ей не сразу удалось что-то разглядеть, потому что единственным источником света были звезды, но одно ей стало ясно в первые же секунды: окно должно быть открытым, потому что с улицы задувал ветер.

"Кто же оставил здесь открытым окно?" — спросила она себя в замешательстве, но уже в следующее мгновение, когда ее глаза привыкли к темноте, ей удалось разглядеть, что окно не просто распахнуто. Его стекло было разбито, и пол ванной комнаты покрывали осколки.

Кто-то залез через это окно.

Кто-то был в доме.

Возможно, звон оконного стекла и разбудил Ингу. А последовавшее за этим ощущение опасности было вызвано ее инстинктом — тем самым безошибочным инстинктом, присущим диким животным, который каким-то необъяснимым образом сигнализирует им о близости опасности еще до того, как ее признаки станут ощутимыми.

Женщина отпрянула назад — так тихо, как только могла — и замерла посреди прихожей, едва дыша и обдумывая, что ей теперь лучше всего сделать. Если кто-то был в доме, то где находится этот человек? Почему он не показывается? Ведь он должен был заметить, что кто-то проснулся. Инга старалась не разбудить Ребекку, но ведь она включала свет в гостиной, а потом — телевизор... Это не должно было ускользнуть от взломщика.

Или он уже ушел? Искал ли он деньги, а найдя их, снова скрылся?

Ничто не указывало на то, что вещи в доме были перерыты и что кто-то что-то искал. Но чувство опасности, которое испытывала Инга, ничуть не уменьшилось. Волоски на руках встали дыбом, сердце колотилось; все тело напряглось; она старалась уловить малейший звук или движение в доме.

Какой-то внутренний голос говорил ей: "Исчезни, исчезни, как можно скорее!", "Позови на помощь!", "Действуй, пока у тебя еще есть

возможность".

Позже Инга не могла сказать, почему она в полной мере не придала значения этому голосу, который так настойчиво призывал ее к бегству. Вместо этого ее мысль о том, что им с Ребеккой нужна помощь, обратилась к телефону. Полиция. Ей нужно вызвать полицию.

Телефон находился в гостиной, а там никого не было. У нее был шанс позвонить и не быть замеченной. Она снова прислушалась к звукам наверху. Взломщик, по идее, должен находиться там: подвала в доме не было, а в комнатах на первом этаже — гостиной, кухне и ванной для гостей — никого. Стояла полнейшая тишина, и Инге хотелось бы услышать хоть какой-нибудь звук. Не было ничего более угрожающего, чем это абсолютное молчание.

Женщина сняла пластиковые шлепанцы и совершенно беззвучно шмыгнула босиком в гостиную. На этот раз она не стала включать свет — ей удавалось более-менее ориентироваться там; кроме того, ее глаза уже привыкли к темноте.

Телефон стоял на книжной полке, и Инга знала, что телефонная книга лежит в отделении под ней. Она вытащила ее и подошла ближе к окну, чтобы использовать падающий от звезд и луны свет. Номер полиции был указан на первой же странице, между телефонами пожарной охраны и "Скорой помощи". Беззвучно повторив про себя последовательность цифр, Инга сняла трубку.

Мертвая тишина.

Женщина нажала на рычаг, потом еще раз и еще, уже более нетерпеливо, но звуков в трубке не было. Тишина, тишина, мертвая тишина...

Хорошо. Это могло быть совпадение, повреждение на линии — но, возможно, телефон отключили специально, а это означало реальную опасность: стало быть, дело не во взломе, когда преступник хочет просто по-быстрому что-то стащить, а затем как можно быстрее исчезнуть. Тот, кто потратил время на то, чтобы отключить телефон, намеревался совершить нечто большее...

Инге казалось, что ее сердцебиение сотрясает весь дом. Ей нужно уходить отсюда. Как можно быстрее. Она не могла сейчас позаботиться о Ребекке. Ей надо думать, как позвать на помощь...

Ее обувь стоит в прихожей. Не важно. Слишком рискованно теперь ее брать. Нужно прямо сейчас, немедленно выйти через дверь веранды, а потом бежать до поселка босиком, даже если ее ноги будут избиты в кровь.

Женщина двинулась в сторону двери.

Вспыхнувший внезапно свет застиг ее настолько неожиданно, что показался выстрелом из пистолета. Она испуганно вскрикнула и обернулась.

В гостиной стоял Мариус.

Он выглядел изменившимся. За то короткое время, что они не виделись, ее муж невероятно похудел; его волосы были растрепаны, а подбородок и щеки покрылись щетиной. Его одежда выглядела оборванной и вся была покрыта пятнами. Он пришел босиком, и его ступни казались темно-коричневыми от грязи. Мариуса можно было принять за бродягу, который уже годами жил на улице. Когда он подошел ближе, его жена почувствовала, что от него исходит неприятный, кисловатый запах.

— Привет, Инга, — сказал Мариус.

Она поспешно огляделась. Перерезанный телефонный шнур валался на середине ковра гостиной. Дверь на веранду была заперта. Пока она отомкнет ее, он будет уже рядом с ней. У нее нет никаких шансов на побег.

"*Это Мариус, — твердила себе Инга, — расслабься!*"

Ей и в самом деле удалось немного успокоиться. Это был Мариус. Мужчина, за которым она уже два года как замужем. Он, быть может, немного чокнутый тип, и ясно, что она не будет жить вместе с ним, но он еще никогда не поднимал на нее руку, и...

Не считая случая на яхте. Когда он столкнул ее в каюту. Когда надеялся, что она сломает себе шею.

Инга сглотнула. Затем посмотрела ему в глаза и поняла, насколько он болен. И ей наконец стало ясно, что надо бежать — ради спасения своей жизни.

— Привет, Мариус, — выдавила она; прозвучало это как невнятное кряхтение.

Он улыбался.

В это утро Вольф наконец затронул в разговоре тот факт, что Карен съехала из их совместной спальни. Во время завтрака он был очень молчаливым и даже не реагировал на взволнованные вопросы детей, которые, конечно же, вертелись вокруг преступления в доме соседей. Поскольку эта тема явно действовала ему на нервы, Карен ожидала, что в какой-то момент ее муж раздраженно вмешается, но он лишь продолжал жевать свою булочку, пил маленькими глотками кофе и производил такое

впечатление, словно все это его нисколько не касается. Вопреки своей привычке первым вставать из-за стола и покидать дом, Вольф остался молча сидеть за столом, дожидаясь, когда Карен попрощается с детьми и вернется на кухню.

Она посмотрела на мужа, и тот ответил ей взглядом.

— Итак, — произнес он, — отныне ты собираешься все время спать в гостевой комнате?

— Я перенесла все свои вещи наверх, — ответила женщина. — Да.

— На это есть особая причина?

— Я считаю, что это уже не для нас — спать в одной постели.

Вольф приподнял брови.

— Ах, вот как... Почему?

Его жена посмотрела в окно. Маргаритки на маленькой кухонной террасе покачивали своими белыми головками на тихом утреннем ветерке. Опять будет великолепный день разгара лета.

— Ты ведь знаешь, почему, — тихо ответила Карен. Ей не хотелось общаться с мужем. Она так часто желала поговорить с ним об их браке, о холоде и дистанции, которые прокрались в их отношения, но это было невозможно. А теперь, когда он сам стал задавать вопросы, она почувствовала себя притесненной. Она больше не видела смысла в объяснениях.

— Я ничего не знаю, — сказал Вольф. — Я только предполагаю, что ты все еще придерживаешься той сумасбродной догадки, что у меня отношения с коллегой, которая недавно составила мне компанию в обед, и по этому поводу я могу сказать только одно: что...

— Это уже не важно, — возразила Карен, — есть у тебя отношения или нет. Ты покинул меня. Внутренне. Уже давно. И при этом совсем не важно, перешел ты к другой женщине или живешь без отношений. У тебя остались ко мне только холод и презрение. А я с этим жить не могу.

— Холод и презрение? Может быть, объяснишь мне, с чего ты это взяла?

Женщина вздохнула. Он все равно этого не поймет.

— Это... это впечатление складывается из многих мелочей, — сказала она, уже заранее утомившись, так как знала, что муж станет опровергать ее слова по пунктам, и поэтому было в принципе бессмысленно говорить что-либо. Он не допустит, чтобы из того, что она назвала "мелочами", сложилась полная картина; прежде он разобьет ее речь на части и умалит значение каждого ее довода до пустяка, так что они станут ходить по кругу, и в конце никакого результата не будет.

— Например, в воскресенье. Ты проводишь целый день с детьми в бассейне, и... — начала все же объяснять Карен.

— Ах, в этом ты меня сейчас упрекаешь? Нет, это действительно нужно кому-нибудь послушать! Да знаешь ли ты, сколько женщин умоляют о том, чтобы их мужья занялись детьми, и сколько мужчин не испытывают ни малейшего желания делать это? А я, который после чертовски тяжелой недели полностью жертвую своим воскресеньем ради того, чтобы дети получили немного удовольствия, получаю за это еще и ругань!

Карен вовсе не ругала его, но было ясно: отмечать это нет никакого смысла.

— Меня никто не спросил, желаю ли я тоже пойти. Как-никак я тоже принадлежу к этой семье, — заметила женщина.

— О, извини! Значит, я до сих пор был неверного мнения о тебе! Я никогда не подумал бы, что тебе доставит удовольствие провести целый день на жаре в битком набитом общественном бассейне! Мы едва могли расстелить наше полотенце на лужайке, настолько там все было забито, а в воде почти невозможно было двинуться... Но хорошо, теперь я это учту. Ты любишь подобные развлечения в свободное время, и в следующий раз я с удовольствием уступлю тебе свое место.

Карен очень хотелось обратить внимание Вольфа на то, что он говорит об *уступлении своего места*, а не о совместном действии, но и это показалось ей бессмысленным, и она не стала ничего говорить.

— А вечером, — сказала Карен, — ты высадил детей возле дома и исчез. Для меня не нашлось никакого объяснения, почему ты так поступил, вообще ничего. Ни намека на то, когда ты вернешься, собираешься ли ты с нами ужинать... Ты просто уехал.

Ее супруг закатил глаза.

— О господи! Я знаю. Я всегда забываю, что мне нужно отпрашиваться у тебя и сообщать о своем прибытии и что на каждый мой шаг требуется твое разрешение. Но временами у меня бывает потребность почувствовать себя свободным и взрослым мужчиной, можешь ты себе такое представить? Так было, например, в воскресенье вечером. Я был совершенно никакой после этого дня! Уставший, измотанный, разбитый. Как ты знаешь, для меня нет ничего лучше, чем пребывать в огромной, шумной толпе народа, особенно если так тесно, будто ты плаваешь в море пота и тебя постоянно толкают, а каждые две минуты по твоей голове бьет волан. Я больше так не мог. Я хотел побыть один. Я уже не мог выносить болтовню собственных детей. А также... — Он не договорил фразу, но Карен догадалась, что он хотел сказать.

— И меня ты тоже не мог вынести, — добавила она.

Вольф помешал в своей чашке. Кофе в ней, должно быть, уже давно остыл.

— Будь честной, Карен. Что ожидало меня дома? Ты бы ныла из-за того, что целый день оставалась одна, смотрела бы на меня с упреком в глазах, а в конце концов, в дополнение ко всему, опять начала бы говорить о пропавших соседях и причитать о том, что необходимо что-то предпринять. А если бы мне особенно повезло — то еще и о моей мнимой связи... В тот вечер я этого просто не вынес бы.

Карен вздрогнула. Несмотря на безразличие, которое стало все больше возрастать в ней, ей было больно слышать о пресыщении Вольфа и о том, как он отворачивался от нее.

"В тот вечер я этого просто не вынес бы". Это не означало ничего другого, как: *"Именно тебя я в тот вечер уже не вынес бы"*.

Тут Карен выложила козырную карту, чтобы уйти от своей боли.

— Что касается соседей, — объявила она более холодным тоном, чем на самом деле хотела, — то ты должен хотя бы сейчас признать, что я не так уж была не права. Даже если и действовала тебе на нервы своими переживаниями по этому поводу.

— Да дело ведь совсем не в этом, — сказал муж; ясно было, что он просто так не доставит ей удовольствия, признаваясь в том, что она была права. — Дело в том, как ты со всем этим разобралась. Во-первых, нас не касается то, что произошло с Леновски. Они лишь с недавнего времени стали нашими соседями, и мы едва их знали. Причем эта отчужденность больше исходила от них, чем от нас, как ты мне неоднократно рассказывала. Они совершенно однозначно не желали устанавливать по-настоящему добрососедские отношения.

— Но...

— Никаких "но". Тот, кто уединяется таким образом, не может ожидать, чтобы люди из ближайшего окружения активно о них заботились в случае, если появятся какие-то проблемы. Если ты считала, что все равно должна была это сделать, — хорошо, ты свободный человек и относишься к подобным вещам, видимо, иначе, чем я. Но чего я не понимаю, так это почему ты постоянно пыталась втянуть в это меня. *"Что же можно сделать? Разве не следует что-то предпринять? Вольф, давай что-нибудь сделаем!"* — передразнил он жену. — Неужели ты не понимаешь, что это доводит меня до бешенства? Тебе хочется что-то сделать, но по какой-то причине ты не уверена в себе или не совсем решилась — и вот тут надо убедить меня, чтобы я желал того же, что и ты, чтобы потом осуществить

это вместе с тобой. Почему, черт побери, ты ничего не сделала, если была так уверена, что нужно что-то предпринять в случае Леновски? Почему не залезла к ним сразу, или не вызвала полицию, или еще что? Почему ты постоянно и непрестанно дергала меня?

Карен уставилась на него. Она ожидала чего угодно, но не подобного упрёка.

— Но ты ведь совершенно отбил у меня решимость! — запротестовала женщина. — Ты постоянно твердил мне, насколько это нереально — сделать то, что я намеревалась сделать. Что я не в своем уме, что я истерична. Что мне попросту скучно, и поэтому я начинаю выдумывать идиотские истории. Что я всех нас опозорю и выставлю в ужасном свете, если что-то предприму, а впоследствии все окажется напрасным. И я начала думать, что не смею даже решиться на то, чтобы что-то предпринять, чтобы впоследствии не стать твоим врагом за это на все времена!

Вольф попробовал сделать глоток кофе, но с отвращением скривился и быстро поставил чашку на стол.

— Совершенно холодный, — сказал он и встал. От него, как всегда, исходила непоколебимая уверенность в себе. Он был в полном согласии с самим собой и со всем, что он говорил и делал. — Вот именно, — продолжил он спорить, — вот в этом-то все и дело, Карен. Я считал совершенно неправильным то, как ты собиралась поступить. А ты считала это правильным. И?.. Что было бы в таком случае нормальным поведением?

Женщина прикусила губу.

— Скажи же мне, — прошептала она.

— Нормальное поведение, — произнес ее муж, — это если б ты сделала именно то, к чему тебя тянуло, и что, по твоему убеждению, было бы правильным. Не важно, что говорю я.

Карен казалось, что она плохо слышит. В ее ушах гремело.

"Я этому не верю. Я не верю тому, что он сейчас говорит".

— И это означало бы, — продолжил Вольф, — что я снова мог бы испытывать к тебе уважение. Ты понимаешь? Я не хочу иметь в качестве жены маленькую девочку, которая смотрит на меня испуганными глазенками и ждет на каждый свой шаг моего благословения. Я хочу взрослую женщину. Таковую, которая идет своим путем. Которая порой идет на риск, что я могу и рассердиться на нее. Что у нас разгорится ссора. Что я посчитаю совершенно невозможным то, что она сделала. Женщину, которая отвечает за себя и за то, что она считает важным и правильным. Даже если весь мир другого мнения.

Карен ошеломленно посмотрела на него.

— Как же я могла быть такой женщиной? Если ты все время выказывал свое презрение ко мне?

— Наоборот, — заявил ее супруг, — ты должна смотреть на это наоборот. Если б ты была такой женщиной, разве у меня были бы основания выказывать тебе свое презрение?

Вольф направился к двери. Сейчас он покинет дом. Разговор окончен. Он победил.

Его жене хотелось еще только одного — ошарашить его. Хоть чем-то расшатать это невозмутимое превосходство.

— Кстати, я не поеду с вами в Турцию, — бросила она ему вдогонку. — И это окончательное решение.

— Хорошо, — равнодушно ответил Вольф, — значит, не поедешь.

Дверь за ним захлопнулась. Не похоже было, что Карен задела его этим заявлением.

Она осталась одна в тихой кухне.

Инга была ошеломлена, что Мариус связал ее. Настолько, что даже не сопротивлялась. Хотя это, как она думала, вряд ли бы чем-то помогло. Он был сильным, и его решимость, которую едва ли можно было не заметить, придавала ему еще больше сил. Инга не могла сказать, на что была направлена эта решимость, но, казалось, его что-то вынуждало делать те шаги, которые он делал. Ничто и никто не смогли бы его остановить.

Мариус принес откуда-то бельевую веревку — вероятно, из небольшого помещения, расположенного сразу же рядом с кухней, в котором стояли стиральная машина и сушильный автомат. Эта бельевая веревка была у него в руках, когда он неожиданно застиг Ингу в гостиной, только она не сразу это заметила.

— Ты не утонул, — уточнила она после первых секунд испуга и проямленного "привет, Мариус".

— Нет, — произнес ее муж, — я не утонул.

Их встреча при данных обстоятельствах — среди ночи в доме Ребекки, в который он, очевидно, проник насильственно, — была всем, чем угодно, но не нормальным воссоединением супругов. Однако инстинкт подсказывал Инге, что для нее будет единственно верным вариантом, если она, тем не менее, продолжит вести себя так, словно появление Мариуса

было не таким уж странным. Это поможет ей и собственный страх держать в узде.

— Почему же ты не объявился раньше? Я с ума сходила от переживаний! — сказала она.

"Не перегибай палку, — предупреждал ее внутренний голос, — он, может быть, и сумасшедший, но не дурак. Он знает, что после сцены на яхте ты уже не изводилась от страха за него".

— Я имею в виду, — добавила она, — между нами еще многое остается невыясненным.

Мариус взглянул на нее с загадочной улыбкой.

— Действительно?

— А ты другого мнения?

Мужчина пожал плечами.

— Я не знаю. Возможно, это уже не имеет значения.

— Тебя искала пограничная служба. Как ты оказался за бортом? Я ведь вообще уже ничего не видела.

— Меня со всего размаху огрело мачтой и смело́ за борт, словно газетный лист.

— Ты был без сознания?

— Кажется, нет. В крайнем случае, только мгновение. Но я не мог пошевелиться от боли. Я подумал, что как минимум одно ребро, а то и несколько сломаны. Я болтался во волнам в своем защитном жилете, яхту относило все дальше, а я ничего не мог сделать... — Он снова пожал плечами.

— А потом? — спросила Инга, в то время как в голове у нее проносились самые разные мысли. *"Где Ребекка? Почему он не пошел сразу ко мне? Почему влез ночью через окно? Что у него на уме?"*

— Потом, позже, я снова овладел собой, — сказал ее муж. — Начал снова шевелиться. И поплыл. Я приплыл в малюсенькую уединенную бухту и оттуда пешком добрался сюда.

— Ты был у... ты был у Ребекки? — спросила Инга, стараясь говорить равнодушным тоном. Она боялась, хотя и пыталась внушить себе, что виной этому была лишь ее чрезмерная фантазия, которая рисовала ей ужасные картины. Все не обязательно, что что-то должно было произойти. И совсем не обязательно, что что-то произойдет.

"Но он болен!"

В глазах Мариуса появилась тревога.

— Послушай, Инга, — произнес он, — у нас есть одна проблема.

— Из-за Ребекки?

Мужчина кивнул.

— Я не могу уехать отсюда, пока не привлеку ее к ответственности, ты ведь это понимаешь? Только я надеялся... в общем, я хотел заняться Ребеккой после твоего отъезда. Я уже два или три дня наблюдаю за домом и жду... жду... но ты, по-видимому, решила угнездиться здесь надолго? — Его последняя фраза прозвучала в форме вопроса.

"Он уже несколько дней следил за домом?" Едва ли Инга могла дольше внушать себе, что этот человек безобиден.

— Завтра, — сказала женщина, — завтра я собиралась... — Она поправилась. — Нет, сегодня... ведь уже наступило сегодня. Мой рейс вечером вылетает из Марселя.

Вид у Мариуса показался его жене несколько озабоченным.

— Значит, я пришел немного рановато... Ну что ж, этого уже не изменить. У меня по-любому появилось подозрение, что между вами сложились... дружеские отношения?

Как Инга могла это опровергнуть? Она ведь все эти дни жила у Ребекки, и если Мариус наблюдал за ними, то он знал, как часто они вместе сидели и разговаривали.

— Мне она нравится, — тихо произнесла женщина, — но ты ведь еще на яхте намекнул, что между вами возникли какие-то сложности. — Она беспомощно подняла руки. — Мариус, ты не хочешь объяснить мне, в чем они заключаются? Я в полном неведении. Дело, видимо, касается какого-то события, произошедшего до того, как мы познакомились; во всяком случае, я ничего не знаю. Я и с Ребеккой об этом говорила. Она тоже не имеет понятия, что ты мог иметь в виду. Почему бы нам не сесть втроем и не поговорить обо всем этом? Ведь может выясниться, что это просто недоразумение, и мы могли бы во всем разобраться, и...

Супруг резко оборвал ее:

— Тут не может быть никаких недоразумений, поняла?! Абсолютно никаких. Об этом и говорить больше не стоит. Ты что вообще думаешь? — обрушился он на Ингу. — Ты что думаешь, что я этой... еще и возможность предоставлю, чтобы оправдаться?! Чтобы отмыться? Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы она выкрутилась и сделала вид, что она невинная овечка?!

Этот разговор так действовал на него, что он едва не взрывался.

— Я только хочу понять, — сказала Инга. — И Ребекка тоже. Дай нам эту возможность!

Было отчетливо видно, что этот спор привел ее мужа в ярость. Он сделал несколько шагов из стороны в сторону, причем в его движениях было что-то агрессивное и несдержанное.

— Нас, — сказал он. — Ты заметила, что ты говоришь о "нас"? Словно вы объединились в один союз? Ты и эта... — Мужчина сделал акцент на этом слове. — Эта свинья из социального ведомства!

Инга съежилась. Его ярость была почти ощутимой в комнате.

— Мариус, — осторожно произнесла она.

Муж мрачно посмотрел на нее.

— Я не могу тебя отпустить. Ты тут же помчишься в полицию, чтобы вытащить из петли голову твоей любимой Ребекки!

Это была наивная попытка, но тем не менее Инга рискнула:

— Нет, Мариус. Что бы вам ни предстояло выяснить — выясняйте. Я обещаю тебе, что полечу в Германию и не стану вмешиваться в твои дела.

Теперь взгляд мужчины стал презрительным.

— Инга, Инга, — произнес он, — ты что, считаешь меня настолько глупым? Ты боишься меня и готова сейчас наобещать мне с три короба. И еще боишься за Ребекку. Да ты просто трясешься от страха! И ты думаешь, что этот милый Мариус просто псих, не так ли?

Женщина уклонила от его взгляда, и он тихо засмеялся.

— Конечно, ты так думаешь. С того самого момента, как я хотел смыться с яхтой. С того момента, как я столкнул тебя в каюту. А теперь еще и объявляюсь здесь посреди ночи, разбиваю окно в ванной и тихо крадусь по дому... Да ты на все пойдешь, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы я сейчас стал допрашивать Ребекку!

— Нет, Мариус, я клянусь тебе, что...

Сделав два больших шага, муж оказался рядом с Ингой, после чего схватил руку жены и так сильно сжал ее своими пальцами, казавшимися стальными, что она вскрикнула от боли и от испуга.

— Никогда больше не смей меня дурачить, слышишь? Никогда! Я не дурак! Я не последний! Никогда не смей обращаться со мной как с последним!

Женщина уставилась на него. А он тряс ее, и ей казалось, что он ломает ей руку.

— Скажи: "Да"! Скажи: "Ты не последний, Мариус"! Скажи это!

Она сухо сглотнула.

— Ты не последний, Мариус.

Он отпустил ее. Жилы ее руки ритмично пульсировали.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Инга. Твоя дорогая Ребекка лежит наверху в своей спальне на полу. Связанная. С затычкой во рту, так что она не сможет позвать на помощь. И поэтому ты останешься здесь. Так долго, пока я не закончу с Ребеккой!

И только в этот момент Инга увидела у него в руках бельевую веревку. И поняла, что он и ее свяжет. И не проявила ни малейшего сопротивления, когда он начал это делать. Возможно, в том числе и потому, что она точно знала: раздражать его сейчас было слишком опасно.

Мариус прижал ее к стулу, заложил руки за его спинку и связал их.

— Извини, — сказал он немного мягче, опустившись перед ней на колени и привязывая ее ноги к ножкам стула, — но ты могла уехать. Никто не просил тебя дружить с ней.

Когда Мариус покинул комнату, Инга в полной панике окликнула его:

— Ты куда пошел?

Но он проигнорировал этот вопрос, и связанная женщина услышала отзвуки его шагов на ступеньках. Она хотела крикнуть ему вдогонку, хотела упротить его остаться, чтобы он поговорил с ней, но в последний момент проглотила свой окрик. Ей нужно было сохранять спокойствие. Может быть, и лучше остаться наедине с собой... Может быть, для нее найдется возможность сбежать...

Но уже довольно скоро Инга заметила, что муж связал ее таким образом, что ей невозможно будет быстро освободиться. Он так сильно затянул бельевую веревку и сделал такое множество узлов, что у нее не оставалось ни малейшего пространства для каких-либо движений, и поэтому она не видела ни единой возможности вытащить свои конечности из петель. Женщина знала, что бельевые веревки со временем ослабевают и растягиваются. Если Мариус не будет заявляться каждые пару часов и проверять надежность узлов, у нее может появиться возможность выпутаться. Но на это могло потребоваться часов двенадцать или еще больше. А на столько времени муж вряд ли оставит ее одну. Ей, по крайней мере, нужно было иногда что-то пить или посещать туалет. Или ему совершенно безразличны такого рода потребности его жертв?

Инга отогнала зарождающуюся в ней панику. Только не срываться. В середине этого непостижимого кошмара это было бы наихудшим, что могло произойти.

Остаток ночи она провела в полном бодрствовании. Ее напряженное и взволнованное состояние не позволяло ей уснуть, как и усиливающаяся боль в руках и ногах. Мариус позаботился о том, чтобы ее кровообращение не функционировало в полной мере. Ступни Инги становились все холоднее, а на рассвете пальцы ног начали ужасно зудеть. Боль из ее скрученных за спиной рук пробивалась в шею и плечи. Ей все время приходилось бороться с паникой, которая постоянно подкарауливала и неоднократно пыталась поглотить ее. Инга думала об онемевших

конечностях и о невыносимой боли, а затем вдруг заметила, как на всем ее теле выступил пот и как замедлилось дыхание. Ей пришлось приложить все силы, чтобы заставить себя снова дышать спокойно и глубоко.

"Он не оставит тебя здесь просто подохнуть. Его интересует только Ребекка, а не ты. Против тебя он, собственно, ничего не имеет. Он не хочет, чтобы ты страдала. И это твой шанс. Тебе нужно сохранять спокойствие, чтобы ни в коем случае не прозевать нужный момент. Момент, когда ты сможешь позвать на помощь".

Снаружи брезжил рассвет наступающего жаркого, безоблачного дня в разгаре лета, оплодотворенного ароматом лаванды и сосны, — одного из длинной цепочки великолепных дней.

Инге все с большим трудом удавалось отогнать мысли о нарастающей боли в сведенном судорогой теле, и, чтобы отвлечься от них, она попыталась воспроизвести в памяти картины и впечатления прошедшей недели. Женщина видела себя и Ребекку сидящими на веранде за столом для завтрака; она чувствовала запах кофе и вкус свежее испеченного багета, намазанного маслом и алычовым джемом. Утренний ветерок обдувал ее лицо. Он играл в длинных темных волосах Ребекки. Это печальное лицо, отсутствующее выражение которого выдавало, что она постоянно вслушивалась в свое прошлое...

Нет, ей нельзя сейчас думать о Ребекке! Инга вновь вернулась в настоящее время.

Ребекка Брандт, которая, возможно, была связана еще крепче и более жестоко, чем она сама, лежала в своей комнате, под властью душевнобольного, который осуществлял сомнительный план мести. Мести, о причине которой, собственно, никто, кроме самого Мариуса, не знал, и поэтому никто не мог чем-то возразить ему. Мести, порожденной глубокой ненавистью.

Или Ребекка все же что-то знала? До сих пор Инга исходила из того, что непонимание хозяйки дома по поводу очевидной антипатии к ней Мариуса было искренним. У нее сложилось впечатление, что Ребекка усиленно ломала себе голову над этой загадкой, но так и не пришла ни к какому выводу. Однако насколько она могла быть в этом уверена? Может быть, в жизни Ребекки были пропасти, которые она искусно и убедительно скрывала? Может быть, она совершенно точно знала, в чем дело? Может быть, она вовсе не из-за смерти своего мужа исчезла из Германии; возможно, она сбежала совсем от других вещей... От темных пятен в ее прошлом, которые заставляли ее залечь на дно как можно глубже... Но разве тогда она не узнала бы Мариуса? Или если лично она его раньше не

встречала, то, услышав его имя, разве не должна была испугаться? Разве не было бы естественным, что в таком случае она с испугом и страхом отреагировала бы на сообщение Инги о том, что Мариус планирует месть против нее? Ее растерянное удивление казалось искренним. И она ничего не предприняла, чтобы защититься. Не забаррикадировала свой дом и не ушла в другое, незнакомое Мариусу место. Она ни на минуту не проявила страх — наоборот, была, как всегда, меланхолична и погружена в свои мысли. Она проявила интерес к истории взаимоотношений между Мариусом и Ингой, и это было необычным для столь депрессивной женщины, но, несмотря на ее интерес, ни разу не показалась Инге нервной или неуверенной. В промежутках между их разговорами она всегда вновь соскальзывала в свой собственный мир. Если она разыгрывала роль, то это было сделано с великолепным мастерством.

Однако, призвала себя вновь к порядку Инга, не имело смысла превращать Ребекку в преступницу лишь ради того, чтобы победить в себе страх перед Мариусом. Ей так хотелось понять его поведение, потому что она чувствовала: страх не настолько овладел бы ею, если бы она наконец поняла, что произошло. Тем не менее было совершенно не важно, что Ребекка натворила в прошлом: что бы там ни было, это никак не оправдывало поведение Мариуса. Ни то, что произошло на паруснике, ни то, что он устроил прошедшей ночью. Он был тикающей бомбой.

"Я не последний!"

Когда-то его чувство собственного достоинства и самоуважения было кем-то разрушено. Настолько сильно и на такое продолжительное время, что он не смог преодолеть последствий этого и жил с явными признаками тяжелого психоза. И не обязательно именно Ребекка сломала его. Она могла неосознанно и невзначай насыпать ему соль на рану в какой-то момент, который она и не помнит. Со временем Инга уже уверилась в том, что чего-то в этом роде вполне достаточно для того, чтобы свести Мариуса с ума.

Но этого уже не узнать... Инга уставилась в окно. Солнце вскарабкалось еще выше. Было уже, наверное, за девять, может быть, полдесятого утра. Сверху из дома не было слышно ни звука. Уже на протяжении многих часов — ничего.

Что происходило там, на втором этаже?

Стало жарко. Язык Инги прилип к высохшему небу. Ноги чесались. Руки болели.

Может быть, натяжение бельевой веревки немного ослабло? Инга надеялась, что ей это не показалось из-за того, что она очень хотела. Как только находила в себе силы, она, несмотря на адскую боль, напрягала

мускулы рук, растягивая веревки. Пока еще нечего было даже думать о том, что она сможет выпутаться. Но если у нее в запасе оставалось несколько часов...

Не сдаваться, настойчиво внушала себе Инга, не сдаваться и не терять самообладание!

Если б она могла получить хоть глоток воды...

Ей было ясно, что через пару часов ее в первую очередь будет волновать не то, как выпутаться из веревки. К тому времени жажда станет для нее самой большой угрозой. И даже если она сможет освободиться, то оставалось под вопросом, смогут ли ее нести ноги. Они, казалось, медленно отмирали, и она, наверное, уже и сейчас не смогла бы стоять на них.

Несмотря на то, что Инга твердо намеревалась не плакать, на глаза у нее навернулись слезы. Слезы отчаяния.

"*Черт побери, прекрати!*" — сказала она себе, но слезы потекли еще сильнее.

Но все-таки, подумалось ей, в будущем — если для нее наступит будущее и она выживет в этом безумии — она сможет с пониманием отнестись к этой слабости.

В том положении, в котором она находилась, плакать допускалось.

Жизнь Клары понемногу возвращалась в нормальное русло. Она все еще продолжала оставаться в напряжении, когда шла к почтовому ящику за почтой, но с каждым днем, проходившим без этих ужасных писем, становилась немного спокойнее. Ее колени уже не дрожали так сильно, когда она выглядывала в кухонное окно и видела идущего по улице почтальона; а недавно она даже — впервые за долгое время — проспала всю ночь, не вздергиваясь время от времени от того, что ее сердце бешено колотится, и не таращась битый час в непроглядную темноту, мысленно рисуя страшные картины.

Может быть, этот кошмар уже позади. Может быть, этот сумасшедший выбрал ее себе в жертву случайно и так же случайно от нее отказался... Это, конечно, противоречило тому обстоятельству, что дело касалось и Агнеты. А они были коллегами. И это, в свою очередь, исключало случайность.

Берт в этот раз опять отправился рано утром на работу, не забыв при

этом бросить грустный взгляд на свою маленькую семью — на Клару, державшую на коленях и кормившую Мари, в лучах льющегося в комнату утреннего солнца. Дверь, ведущая в сад, стояла открытой, пахло влажной от росы травой, и можно было слышать громко чирикающих птичек.

— С каким удовольствием я остался бы с вами! — со вздохом произнес Берт. — Я упускаю так много времени для общения с Мари!.. Желая вам хорошего дня. Проведи побольше времени с малышкой в саду, Клара! Свежий воздух полезен для нее.

Клара посадила дочку в манеж на террасе, позаботившись о том, чтобы та находилась в тени и имела при себе свой тряпичный волшебный кубик, из которого доносилась музыка, когда он катился. Затем убралась в доме, протерла кафель в ванной и отсортировала высохшее со вчерашнего дня белье. Сегодня ей предстояло много глажки. Она и гладильную доску поставит на веранду.

В начале одиннадцатого зазвонил телефон. Это была Агнета, и едва только Клара узнала голос своей бывшей коллеги, она почувствовала, как ее небо тут же сделалось сухим, а ноги стали подкашиваться. Ее страх по-прежнему сидел в ней и был готов выплеснуться наружу, как бы она ни закрывала на это глаза, ощущая эйфорию из-за того, что смогла проспать всю ночь напролет.

— Хелло, Агнета, — подчеркнуто бодро произнесла Клара, — как дела?

— Вчера я посвятила целый день наведению справок. — Ее приятельница сразу, без окольных путей приступила к делу. — Я созвонилась почти со всеми нашими коллегами с того времени. Это было не так-то просто, потому что некоторые уже работают в другом месте, или вышли замуж и переехали, или сменили фамилию.

— И?.. — спросила Клара. У нее снова заколотилось сердце — так знакомо заколотилось...

— Никто. Никто не получал таких писем. А я не могу себе представить, чтобы кто-то лгал в таких вещах.

Это высказывание по какой-то причине подействовало на Клару успокаивающе. Сама не зная, почему, она предпочитала, чтобы они с Агнетой были единственными пострадавшими, чем если бы все управление по работе с детьми и подростками было завалено угрожающими письмами.

— Однако, — продолжила ее собеседница, — потом я все же нашла еще кое-кого, с кем произошло то же самое, что и с нами.

Клара так сильно стиснула телефонную трубку, словно хотела ее раздавить. Значит, все-таки есть кто-то еще... Круг расширяется.

— Ты помнишь Сабрину? — спросила Агнета. — Сабрину Бальдини? Которая замужем за этим симпатичным итальянцем?

Кларе это имя показалось лишь смутно знакомым.

— В данный момент я не могу ее припомнить, — сказала она.

— Я знала Сандру с университетских времен. Она тоже была педагогом, но после замужества перестала работать. Только лишь сотрудничала с частной организацией, занимавшейся вопросами предотвращения насилия в семьях. Эта организация называлась "Детский крик".

— "Детский крик", — повторила Клара. — Да. Я знала эту организацию. Пару раз имела с ними дело.

— Сабрина два или три раза в неделю работала на так называемом "Телефоне доверия". Дети и подростки рассказывали ей о своих проблемах; могли оставаться анонимными, но могли также называть свои имена и целенаправленно просить о помощи.

— И эта Сабрина тоже...

— Я вообще не знаю, как мне пришла мысль позвонить ей. Она ведь работала у нас очень короткое время. Но я неожиданно наткнулась в своей записной книжке на ее имя и телефонный номер и подумала, почему бы не спросить и ее тоже. — Агнета сделала небольшую паузу, а потом добавила: — И это было точным попаданием.

Сердце Клары билось так быстро, так сильно и громко, что ей казалось, будто его можно было слышать даже через телефон. На террасе гулила Мари, волшебный кубик бренчал свою мелодию. На небе не было ни облачка — и все же Кларе казалось, что яркий день будто начал темнеть.

— Я застала Сабрину в совершенно безнадежном состоянии, — продолжила Агнета. — Она была просто поражена, услышав мой голос, но уже в следующее мгновение начала плакать. Она много чего мне порассказала... Ее муж подал на развод и уже выехал из дома, потому что у Сабрины вроде как длительный роман с другим мужчиной. Но тот ее тоже покинул. Она совершенно одна и в полном отчаянии.

— Но...

— Подожди. Проблемы с мужчинами — не единственная причина ее расшатанных нервов. Сабрина получает с начала мая угрожающие письма — причем такого же рода и в том же стиле, как и наши.

— О! — воскликнула Клара. — Она обращалась в полицию?

— Два раза. К ней там даже вроде как серьезно отнеслись, но в конце концов смогли лишь сообщить, что ничем не могут ей помочь. Нет никакой возможности установить, откуда посылаются письма.

— И... и насколько опасным считают в полиции автора писем? — подавленно спросила Клара.

Голос Агнеты стал немного радостнее:

— А вот это действительно хорошая новость. Его, собственно, не считают опасным. Думают, что это, может быть, даже подросток, которому хочется шутки ради кого-нибудь по-настоящему напугать и который даже не имеет представления, что он творит. Ведь ни одна из тех угроз, которые означены в письме, даже близко не была осуществлена.

— А когда Сабрина получила последнее письмо?

— Больше трех недель назад. В общем, все так же, как и у нас.

Клара напряглась, чтобы рассортировать всю эту информацию в своей голове. Она была настолько напугана, что ей трудно было ясно и логично думать.

— Но, — наконец произнесла она, — когда полиция заверяла — или, во всяком случае, предполагала, — что автор писем к Сабрине безобиден, они ведь, естественно, еще ничего не знали о наших письмах. Все выглядело так, словно Сабрина — единичный случай.

— Да. Но разве это что-то меняет?

— Не знаю, — сказала Клара. — Однако это придает случившемуся совершенно другие масштабы, ты так не считаешь? Сабрина Бальдини — не просто случайно выбранная жертва, так же как и мы с тобой. У нас всех один общий знаменатель: наша работа в управлении по делам детей и юношества. Значит, преступник или преступники каким-то образом тоже должны быть из этой сферы.

— Но Сабрина там никогда не работала, — сказала Агнета, — ее работа лишь шла в том же направлении, что и наша.

— Да, этого уже достаточно. Это ведь ясная взаимосвязь. С "Детским криком" мы, в конце концов, тоже имели дело. Я попытаюсь еще раз реконструировать события, что имели место в то время, — добавила Агнета, и это прозвучало так, словно она упала духом. — Это будет нелегко. Сабрина в "Детском крике". Я в отделе социальной службы. Ты в отделе помощи по воспитанию. Но...

— Всякое бывало, — произнесла Клара и прислушалась к звукам на улице. Довольная Мари все еще ворковала себе под нос. С этой минуты мать ни на минуту не оставит ее одну в саду. Чувство страха снова вернулось к женщине.

— Я тоже еще раз тщательно обо всем подумаю, — сказала Клара. — Может быть, мне придет в голову случай, связанный с кем-то, от кого бы я могла ожидать подобных писем... Но ты не считаешь, что теперь наступил

момент, когда нам все же следует пойти в полицию?

— Дай мне немного поразмыслить об этом, — попросила ее бывшая коллега, и Клара предположила, что на самом деле она хочет еще раз обговорить все это с мужем. — Нам следует учесть, что мы все трое уже три недели как не получаем эти письма. Может быть, дело закончилось само собой...

— Может быть, — ответила Клара, но ее голос звучал не очень уверенно. Женщину знобило, несмотря на жаркий день. — Может быть, все и прошло, Агнета, но никто из нас не может в данный момент вернуться к нормальной жизни. Может быть, мы уже никогда и не сможем, если дело останется невыясненным. Я не уверена. И ты тоже, если ты честно себе в этом признаешься.

— Нет, — согласилась Агнета, — я тоже не уверена.

Они обе замолчали. Клара все это время напряженно прислушивалась к звукам на улице. Она сейчас занесет Мари в дом. Немедленно. А затем тщательно закроет дверь в сад.

— Я позвоню тебе завтра, — наконец произнесла Агнета, — а к тому времени нам, может быть, придет в голову, о какой истории может идти речь. Иначе мы пойдем в полицию, не зная, в чем дело... Я обещаю тебе, Клара, мы что-нибудь предпримем.

Они распрощались. Клара тут же вышла на улицу, занесла манеж в гостиную и посадила в него Мари, которая начала плакать, потому что ей хотелось остаться в саду. Но ее мать тщательно замкнула дверь на веранду, после чего проверила все остальные двери и окна в доме.

Она заперла дверь перед великолепным днем с его солнцем и теплом, перед жужжащими пчелами и танцующими мотыльками, перед запахом цветов и теплой травы.

Она закрыла дверь перед жизнью — но не закрыла свои глаза.

Комиссар Кронборг в очередной раз сидел в гостиной в том же кресле, что и в предыдущий вечер. Несмотря на жару, его одежда была в надлежащем порядке. Он с благодарностью принял стакан воды и уже почти опустошил его. Напротив него сидела очень бледная Карен.

— Похоже, что у этой супружеской пары, — произнес Кронборг, — Фреда и Греты Леновски, действительно не было ни одного родственника. Ни детей, ни братьев и сестер, ни племянниц и племянников, ни, очевидно,

даже кузенов или кузин. Два совершенно одиноких человека, у которых были только они сами.

— Но они, казалось, и не желали никакого контакта, — сказала Карен. — Когда я представилась им как новая соседка, они были не то чтобы неприветливы, но и нельзя сказать что душевными. Мне не показалось, что они желали бы завести с нами более близкое знакомство. Скорее появилось такое впечатление, что мой визит был им в тягость.

— Мы еще раз побеседовали с их соседями с другой стороны дома, — продолжил полицейский. — Судя по всему, была одна уборщица, которая регулярно, дважды в неделю, приходила в их дом. Из записной книжки госпожи Леновски мы установили ее номер и связались с ней. Она сообщила, что в начале прошлой недели ей позвонил Фред Леновски и сказал, что они с женой уедут на три недели и ей не нужно приходить. Уборщица была очень удивлена — во-первых, потому, что она была у них лишь за три дня до этого, и никто не упоминал о длительной поездке; а во-вторых, потому, что обычно, если Леновски уезжали, то просили ее приходить чаще, чтобы забирать почту и заботиться о цветах. Она и спросила об этом в разговоре, но Фред Леновски чрезвычайно грубо заявил, что ей ни о чем не надо заботиться и чтобы она ни в коем случае не приходила. Что ее очень обидело. По ее словам, она решила, что больше ни при каких обстоятельствах даже пальцем не пошевелит для этой пары. В общем, она тоже больше не стала заботиться об этих двух стариках и о доме.

— Фред Леновски уже находился под давлением? — предположила Карен.

Кронборг кивнул.

— Видимо, под ощутимым. Он должен был позаботиться о том, чтобы уборщица ни в коем случае внезапно не появилась. К его шее, наверное, был приставлен нож. Он даже не попытался дать ей какой-нибудь скрытый намек.

— Или же ему так быстро ничего не пришло на ум... Не думаю, что в такой ситуации я могла бы ясно мыслить.

— Что меня интересует, — сказал комиссар, — так это откуда преступник знал о существовании уборщицы. Конечно же, это может и не иметь значения. Леновски были стары и жили в довольно большом доме, и, чтобы держать все в чистоте, прибегали к помощи других — это должно было казаться вполне вероятным и для человека, который не знаком с их обычаями. Да и они наверняка, будучи запуганными, видимо, тут же рассказали о существовании уборщицы, когда их спросили об этом. В

конце концов, тряслись за свою жизнь и были в этом правы. Но могло случиться и так, что преступник был точно осведомлен о распорядке в доме Леновски. Что опять приводит нас к мысли, что дело касается их знакомого. Ведь ему, в конце концов, даже не нужно было прибегать к взлому. Похоже, его без всяких трудностей впустили в дом или у него был свой ключ.

Карен обратила внимание еще на одну деталь:

— Уборщице позвонили? Тогда при повторе должен был набраться ее номер, а не наш.

— Уборщице позвонили с мобильного Фреда Леновски. Так же, как и в пиццерию днем позже. Преступник, видимо, с самого начала прихватил себе мобильник. Если мы будем исходить из того, что это был один человек — этого мы с точностью не знаем, но, во всяком случае, была заказана одна пицца, — то он должен был все время охранять двух человек. А это приводит к стрессу, поэтому беспроводной аппарат, с которым он мог свободно передвигаться, был для него более удобным, чем единственный стационарный телефон в гостиной.

Карен вспомнилась картонная упаковка от пиццы, которую Пит ошарашенно держал в руках.

— Еще и пицца была заказана... — пробормотала она. — Вполне обычно, словно ничего не произошло.

— В пиццерии выявили курьера, который в тот день — во вторник в обед на прошлой неделе — привез пиццу к Леновски. Они не входили в число их постоянных клиентов и впервые сделали заказ. Молодой человек вспомнил, что ему открыла дверь старая женщина — судя по описанию, Грета Леновски. Однако сперва ему пришлось очень долго ждать, пока ему открыли: он многократно звонил и уже собирался уйти ни с чем. Курьер сказал, что старая женщина была похожа на призрак. Он подумал, что она больна. На ней был халат, волосы растрепаны, лицо бледное, как мел. Она лишь приоткрыла дверь, оставив небольшую щель и не проронив ни слова; ее рука дрожала, когда она взяла пиццу. Грета отдала ему точно отсчитанные деньги и тут же закрыла дверь.

— И это не показалось курьеру странным? — спросила Карен.

Кронборг пожал плечами.

— В какой-то степени — да; но он посчитал, что старые люди часто бывают странными, особенно если в дверь звонит кто-то незнакомый. Курьер спешил, ему нужно было ехать дальше — он просто больше не думал о Грете Леновски. Он говорит, что, возможно, что кто-то стоял сбоку от нее. Но через маленькую щель приоткрытой двери ему невозможно было

что-либо увидеть.

Карен убрала волосы со лба и заметила, что вспотела.

— У них не было ни единого шанса, — тихо произнесла она. — В их собственном доме, у окруженных соседями Леновски не было шанса остаться в живых...

— И нам будет не так-то легко поймать их убийцу, — кивнул комиссар; он выглядел уставшим и разочарованным. — Старая супружеская пара, уже длительное время не работающая, без родственников и друзей, живущая на большом расстоянии от соседей и, кроме того, только четыре года назад поселившаяся в доме, который стал местом преступления, — все это как гладкая скала: не за что уцепиться.

— Скорее всего, у вас появится возможность выяснить что-то относительно профессии Фреда Леновски, — предположила Карен. — Такой успешный адвокат, как он, должно быть, знал много людей.

— Но это еще не значит, что он близко подпускал их к себе, — заметил Кронборг. — Мужчина может быть в высшей степени успешным в карьерном плане, и в то же время его никто не знает... Но вы, конечно, правы. Его профессиональная деятельность — это наша отправная точка в расследовании. — Комиссар поднялся и вытянулся во весь свой невероятный рост. — Надеюсь, что не стану больше так часто вас беспокоить. Знаете, я так часто прихожу сюда, потому что, видимо, все еще надеюсь, что вы вдруг вспомните что-нибудь очень важное. Вы — единственный человек, наряду с садовником, которому происходящее там показалось странным; к тому же вы на протяжении десяти дней активно наблюдали за домом. *Вы наблюдали за домом в то время, когда убийца творил там свои бесчинства.* В этом может крыться большой шанс для нас.

Карен тоже встала.

— Боюсь, что я вам уже все сказала. Тем не менее я, конечно же, постоянно ломаю себе над этим голову, и, может быть, мне и в самом деле еще что-нибудь вспомнится.

Но ей в это не верилось. Кто бы ни был убийцей Леновски, он вел себя очень умело. Никто не видел его в лицо. Он не оставил за собой никаких следов, кроме мертвых тел двух стариков.

Однако женщине уже давно не терпелось задать один вопрос, хотя пока она не решалась на это, потому что боялась услышать ответ. Кронборг, который, как всегда, очень пристально и упорно смотрел на нее, понял, что ее что-то беспокоит.

— Да? — спросил он.

Карен сглотнула.

— Я... хотела только узнать... Вы говорили, что преступник убил Грету Леновски, нанеся ей несколько ударов ножом. А как... в общем, как погиб Фред Леновски?

Комиссар немного помедлил.

— Так, как вы его застали, — сказал он наконец. — Его убийца облегчил себе процесс, а для Фреда Леновски сделал его очень тяжким. Он посадил его в туалете, связал, а голову привязал так, чтобы та была задрана. В рот ему он воткнул затычку и оставил так сидеть. Леновски умер от голода и жажды; ему явно пришлось бороться с удушьем из-за затычки, а привязанная голова, должно быть, через несколько часов причиняла ему невероятную боль. Леновски умер очень медленно и очень мучительно.

— Но... — Карен не могла смотреть на полицейского и уставилась на противоположную стену гостиной, вперив взор в небольшую гравюру с картины Ван Гога "Подсолнухи", которая там висела. То, что она услышала, было слишком ужасным, и в данный момент Карен ни с кем не могла поделиться охватившим ее ужасом, который можно было прочесть в ее глазах. — Но... почему... так... так ужасно жестоко?

— Ненависть, — сказал Кронборг. — За содеянным стоит ненависть, захватывающая дух. И все это приводит меня — причем теперь уже уверенно — к выводу: Леновски не стали случайными жертвами какого-то сумасшедшего. Кто-то был просто болен от пожиравшей его ненависти к Фреду Леновски, и теперь надо найти тот момент в жизни Фреда, когда эта ненависть зародилась, когда были созданы условия для ее зарождения, — а в этом Леновски должен был принимать участие, умышленно или неумышленно. Тогда мы сможем двинуться дальше.

— Я надеюсь, что вы найдете этот момент, — сказала Карен надтреснутым голосом.

— Я тоже на это надеюсь, — произнес Кронборг.

Когда Инга услышала шаги на лестнице, она застыла, затаилась, оставив свои непрерывные попытки ослабить стягивающие ее путы. Бельевая веревка стала уже намного податливее, но о том, чтобы сбросить ее, пока еще нечего было и думать. Однако, если Мариус заметит, что она находится на пути к освобождению, он в считанные секунды сведет на нет ее многочасовую работу. А кроме того, еще и придет в ярость. Инга боялась

его. Она не хотела бы встретиться с его яростью.

Какое-то время Мариус возился на кухне. Громыхала посуда, звенели стаканы. Потом по дому пронесся аромат кофе, и Инга снова ощутила жгучую жажду. Она чувствовала и голод, но его переносить было не так тяжело. Жажда мучила ее намного сильнее...

Спустя четверть часа Мариус вошел в комнату с большим бокалом кофе в руке. Однако он пил из него сам, так что, очевидно, приготовил его не для Инги. Она беззвучно и усердно молилась, чтобы он только не посмотрел на связывающую ее веревку.

— Мариус, — сказала она, — я страшно хочу пить...

Муж подошел к ней и поднес ей к носу свой кофе, но женщина покачала головой. Она знала, что этот напиток забирает влагу из организма, и пить его сейчас показалось ей нецелеобразным.

— Можно мне стакан воды? — попросила она.

Мужчина задумался.

— Почему бы нет? — произнес он наконец. — Я ничего не имею против тебя, Инга. Действительно ничего. Я только не понимаю, почему ты связалась с этой дрянью.

Инга сделала еще одну попытку узнать, в чем дело.

— Я ничего о ней не знаю. В отличие от тебя. Ты что-то знаешь, но если ничего мне об этом не расскажешь, то я никогда не смогу понять, почему она... дрянь.

Мариус снова задумался, словно ища в ее словах что-то вроде логики.

— Ты права, — наконец кивнул он. — Ты, собственно, и не можешь этого знать.

— Именно. А я ведь так хочу это узнать! Может быть, ты совершенно прав в своей антипатии к Ребекке, и...

Муж грубо оборвал ее.

— Может быть! Может быть! Почему ты еще сомневаешься? Конечно же, я прав. *Конечно!*

Ей надо быть более осторожной, поняла Инга. Он совершенно не в себе. Любое неверное слово может вывести его из себя.

— Разумеется, ты прав, — произнесла она умиротворяющим тоном. — Извини, если тебе сейчас показалось, будто я сомневаюсь в твоих словах.

Мариус торопливыми глотками пил свой кофе, казалось, уже забыв, что обещал принести Инге стакан воды.

— У меня нет желания ссориться с тобой, — произнес он, когда его бокал опустел. — Мне хотелось бы, чтобы тебя вообще здесь не было. Ты не имеешь ничего общего со всем этим. Я спрашиваю себя, почему не мог

подождать еще один день. Тогда ты сидела бы в самолете...

Инга размышляла, насколько она могла рискнуть подлизаться к мужу, сделать вид, будто она с ним заодно. Но нельзя подходить к этому грубо. Мариус, несомненно, был душевнобольным, но не дураком. Она подумала о том, с какой легкостью и блеском ему давалась учеба в университете. Ее внутренний голос предупреждал ее: *"Нельзя недооценивать его"*.

— Может быть, этому суждено было случиться, — сказала Инга. — Может быть, мне суждено было находиться здесь.

Мариус с недоверием посмотрел на нее.

— Почему?

— Ну... я имею в виду... мы все еще женаты. Всего лишь несколько дней назад между нами все еще было в порядке. Я не могла себе представить, что такое произойдет — что я полечу одна обратно в Германию, а ты... будешь здесь заниматься Ребеккой, о чем я не имею ни малейшего понятия. Мы ведь всегда всем делились. Почему нельзя и этим?

— Что конкретно ты имеешь в виду? — Мариус все еще оставался недоверчивым. Инга знала, что ей надо быть очень осторожной и взвешивать каждое слово.

— Я имею в виду то, что связывает тебя с Ребеккой. То, в чем ты ее упрекаешь. Разве ты не можешь представить себе, насколько это меня обижает — то, что я вообще ничего об этом не знаю? Это, кажется, играет такую большую роль в твоей жизни, но ты не хочешь, чтобы я об этом узнала... Я не понимаю, почему. Я не понимаю, почему ты отдалил меня от тех вещей, которые явно имеют особую важность для тебя!

Выпалив все это, Инга снова затаилась. Она знала, что была убедительной, поскольку на самом деле чувствовала то, что говорила.

Но Мариус все еще не желал отказываться от своей массивной обороны.

— Это только мое дело. Ты ведь раньше тоже не интересовалась моей жизнью!

— Но это же неправда! Ты просто не говорил мне, что в твоей жизни были эпизоды, которые явились очень... болезненными или обидными для тебя и которые до сих пор тебя преследуют. Когда я спрашивала тебя о твоём прошлом, о семье, о старых друзьях, ты всегда уклонялся от ответа. Ты всегда был тем веселым Мариусом, который легко смотрит на жизнь, который решает все проблемы и попутно справляется с учебой в университете и находит кучу времени для веселых забав. Как я могла догадаться, что в твоей жизни были... невзгоды?

"Ты прекрасно это чувствовала. Ты знала, что с ним что-то не в

порядке. Но ты затратила массу энергии, чтобы тут же отстраниться от всего, что могло заставить тебя задуматься".

Глаза Мариуса на мгновение показались его жене такими же, как раньше, — ясными и добрыми; из них исчезла болезненность. Но Инга знала, что ей незачем себя обманывать. Муж мог с минуты на минуту опять стать ее врагом. Он был опасен, и об этом ей ни в коем случае нельзя забывать.

— Ты права, — мягко произнес Мариус, — я не хотел говорить об этом. Я чувствую себя лучше, если не думаю об этом. Зачем мне портить себе жизнь? Передо мной — хорошая жизнь, понимаешь? Я сдам экзамены на "отлично" и стану первоклассным адвокатом. Для меня будут открыты самые известные юридические конторы. Зачем мне заниматься делами, которые давным-давно миновали?

Он выглядел таким нормальным и смотрел на Ингу так вопрошающе и открыто, что сейчас ей особенно четко представилась вся абсурдность ситуации: то, что она сидит здесь перед ним со связанными руками и ногами, что где-то наверху в доме Ребекка тоже лежит или сидит связанная, и можно только молиться, чтобы она вообще была еще жива.

"Он опасен. Ни на секунду не забывай об этом!"

— Самое ужасное то, — сказала Инга, — что мы никогда не сможем избавиться от своего прошлого. Мы можем снова и снова, на разных этапах, отстраняться от него, но оно все равно всплывает, возвращается к нам и делает нашу жизнь тяжелой. По-настоящему, навсегда нам никогда от него не избавиться. Но лучше, если...

Она посмотрела на мужа, стараясь определить, смогут ли ее последующие слова снова отдалить его от нее. Мариус выглядел спокойным.

— Но лучше, если мы когда-нибудь признаем его, — продолжила Инга, — посмотрим ему в лицо, попытаемся посмотреть на него с разных сторон — и с этого момента жить с ним. Только тогда мы сможем его переосмыслить.

Ее муж начал покусывать нижнюю губу.

— Переосмыслить... — повторил он. — Ты думаешь, что все можно переосмыслить? *Все?*

Инга почувствовала легкую вибрацию в его голосе. Надо быть начеку.

— Некоторые вещи переосмыслить очень тяжело, — произнесла она.

По лицу Мариуса скользнула тень. Его взгляд уже не был таким открытым. Он снова собирался уйти в тот мир, где его мучили демоны, где они властвовали над его страшными воспоминаниями.

— Тяжело, — сказал он, — тяжело! Да что ты знаешь об этом? Тебе

ведь никогда не было трудно в твоей жизни! У тебя всегда все было в порядке! Жизнь в сельской местности! Домик с тростниковой крышей! Заботливая мать, ласковый отец, множество прелестных братьев и сестер... У вас же все протекало как у семьи — как у Уолтонов!^[6] С чего тебе понять, как выглядит жизнь в некоторых других семьях?

Инга вопросительно посмотрела на мужа, надеясь, что сможет удержать его, чтобы он снова полностью не ускользнул от нее.

— Может быть, у меня было все намного проще, чем у тебя, — согласилась она. — Может быть, мне будет трудно по-настоящему понять твою жизнь и твою судьбу. Но дай же мне один шанс! Расскажи мне о себе. Ведь может получиться и так, что я пойму тебя лучше, чем ты думаешь. Я могу тебе помочь. И, возможно, тогда ты и сам все увидишь намного яснее — если наконец заговоришь об этом, а не продолжишь замыкать все в себе!

Мариус все сильнее покусывал нижнюю губу. Слова жены всколыхнули его, взбудоражили. "Если он сейчас заговорит, — подумала она, — то я выиграла пядь земли. Если он доверится мне, я смогу оказать на него влияние".

Только бы для Ребекки не оказалось все слишком поздно! Мариуса нельзя было сейчас спрашивать о ней — это разрушило бы все, особенно в такой щекотливый момент, думала Инга, сотрясаемая внутренней дрожью.

"Что же ты сделал с Ребеккой?"

— Я не знаю, — произнес наконец Мариус. Теперь он выглядел как ребенок, нерешительный и немного смущенный. — Я не знаю, есть ли в этом смысл. Сможешь ли ты это понять?

— Дай мне шанс, — снова попросила его жена.

Он начал ходить туда-сюда. Его движения были агрессивными, на грани неконтролируемых.

— Может быть, ты тогда не захочешь больше иметь со мной ничего общего! Как только ты узнаешь, откуда я! — воскликнул он.

Инге удалось придать своему взгляду смесь возмущения и обиды.

— Как же плохо ты обо мне думаешь! Разве я сужу о людях по их происхождению? Если ты так считаешь, то ты очень плохо меня знаешь!

Сейчас муж был у нее на крючке. Он взглянул на нее с покаянием.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Ты никогда не сделала мне ничего плохого.

— Я тебя любила, — сказала Инга.

— А теперь ты меня больше не любишь? — спросил Мариус.

Она помедлила.

— Ты исключил меня из своей жизни. Может быть, если я снова пойму

тебя...

— Да, — сказал наконец Мариус.

Она достучалась до него своими словами. Убедила его. Да, он был недостаточно откровенен с ней. Да, основой любых взаимоотношений должна быть искренность. Инга видела по его мимике, как в его голове пробегают все эти мысли. У нее получилось высечь первую искорку надежды. Надежды, что она сможет выбраться живой из этого ужаса.

— Хорошо. Я все тебе расскажу, — произнес Мариус с видом торжественной серьезности.

Он пододвинул себе стул и сел напротив Инги. Того, что она все еще была связана, что он еще не установил равного положения между собой и ею, Мариус, казалось, не замечал, а сама Инга не решалась говорить об этом. Если муж только заподозрит, что она хочет его обмануть, все потеряно.

— Итак, с чего мне начать? — Мариус провел рукой по лицу. Он выглядел уставшим и намного старше своего возраста; от него исходил страшный запах немытого тела. — Я начну со своей семьи, — объявил он наконец. — Ты должна знать, Инга, откуда я родом. Мой отец — самое отвратительное чудовище, какое ты себе только можешь представить. Он пьянствует и дрыхнет, а если между делом найдет работу, то в кратчайшее время снова ее потеряет, потому что по большей части настолько пьян, что попросту не в состоянии покинуть свою кровать. Я жил в самой отвратительной части Мюнхена. Высотки. Социальное жилье. Моя мать — дрянь. Она пьет почти так же много, как и мой старик, а когда они оба как следует наберутся, то начинают колотить друг друга. Они настолько сломлены, что ты едва ли можешь представить себе двух таких людей. Когда мне было пять лет, отец сломал мне руку. Не нечаянно, нет. Он был зол, потому что не мог найти в доме денег, чтобы купить водки, и заподозрил меня в том, что я прибрал себе семейную кассу. А *семейная касса* представляла собой пустую стеклянную банку из-под соленых огурцов, в которой иногда лежало немного денег — социальная помощь, которую не пропили сразу. Эта банка стояла на самом верху, на полке, до которой я вообще не мог добраться, даже если б встал на нашу лестницу, пригодную только для свалки. Но это моего отца не интересовало. Он схватил меня, положил мою левую руку на спинку стула и сломал мне кость. Просто так, словно ломал спичку. Он считал, что этот урок не позволит мне больше брать деньги, которые мне не принадлежат.

Мариус сделал паузу. Он говорил очень спокойно и почти не шевелился.

Инга сглотнула. Ощущение у нее во рту было такое, словно он был наполнен стекловатой.

— Боже мой... — тихо произнесла она.

— Да, так оно и было, — сказал ее муж, после чего встал и снова сделал несколько шагов туда и обратно. Затем остановился прямо перед Ингой. — А теперь ты наверняка думаешь: как это ужасно! Как асоциально! Насколько же Мариус должен ненавидеть своих родителей!

Женщина услышала опасные нотки в его голосе и осторожно отреагировала:

— Я думаю, что они, несмотря ни на что, твои родители.

Мариус кивнул.

— Вот именно. Совершенно точно. Но, знаешь, они могли быть и совсем другими. Они были абсолютно солидарны со мной. Однажды другие мальчишки отняли у меня мяч. Мне тогда было пять лет, и я пришел заплаканный домой. Мой отец лежал в кровати со страшными головными болями, но когда я рассказал ему всю историю, он встал, оделся, пошел со мной к родителям всех этих мальчишек и устроил настоящий театр. А когда мы нашли того мальчишку, у которого был мой мяч, ему пришлось вернуть мне его. Мы вместе отправились домой, мой отец и я, и у меня был мяч в руках, и я думал, что лопну от гордости. И решил, что со мной, собственно, ничего и не может случиться, потому что мой отец меня защитит. Это было такое приятное чувство!

Мариус улыбнулся и снова сел. Инга, затаившая дыхание, беззвучно выдохнула.

— Это было по-настоящему приятное чувство, — повторил он и снова улыбнулся. — И такие приятные чувства бывали часто. И неприятные — тоже часто. Самое ужасное заключалось в том, что ничего нельзя было предугадать. Все оказалось пущено на самотек. Но в центре этого самотека, среди этих приятных и неприятных чувств, я имел свое место. И это место было мне знакомо. Оно принадлежало мне. Я был частью семьи, был между этими двумя чокнутыми алкоголиками. Иногда я чувствовал себя ответственным за них. Иногда испытывал страх перед ними. Иногда любил их. — Он посмотрел на Ингу. — Ты можешь себе это представить?

— Да, — кивнула та. — Да, я думаю, что могу себе это представить.

Мариус глубоко вздохнул.

— А потом всему пришел конец, — сказал он.

Он сидел в комнате у Ребекки, связанной и молчавшей, как мышь, и думал, когда же эта незнакомая женщина впервые появилась в его жизни. Совершенно точно, еще до того, как отец сломал ему руку. Значит, ему было меньше пяти лет. Может быть, четыре или только три?.. Нет, скорее всего, четыре. Он довольно хорошо помнил ее; в трехлетнем возрасте в его в памяти, наверное, не могли бы остаться такие четкие картины.

Однажды она сидела в гостиной и беседовала с его родителями. К ним так редко приходили гости — собственно, почти никогда. Только иногда заходила соседка, о которой мама говорила, что она положила на папу глаз, и тогда Мариус пытался понять, что она имела в виду, заявляя, что папа был весь взволнован. Но эту женщину мальчик еще никогда не видел в доме. Она была маленькой и худой, и на ней был красивый свитер. Из красной шерсти, казавшийся очень пушистым. Ему так хотелось прикоснуться к свитеру, чтобы почувствовать, такой ли тот мягкий, каким казался, но он не решался.

Мариус не понимал, о чем говорили взрослые. Точнее сказать, его отец вообще не говорил — лишь вылупливал в окно свои водянистые глаза. Мама же говорила без точек и запятых, лихорадочным, визгливым тоном. Мариус не любил, когда ее голос так звучал. После этого она почти всегда начинала кричать и часто бросала тогда какие-нибудь предметы в папу. Однажды она швырнула в оконное стекло пепельницу.

А у этой незнакомой женщины была приятная манера говорить. Тихая и успокаивающая. Она наверняка не расстраивалась постоянно, как мама. Мариус вспомнил, как однажды подумал, каково быть ребенком женщины, говорившей таким голосом. Это представлялось ему довольно приятным.

Когда женщина ушла, мама начала кричать и курить одну сигарету за другой. Она обругала папу, потому что тот не желал разделять ее гнев. А папа, может быть, даже и не понял, что приходила какая-то незнакомая женщина. Он даже ни разу не посмотрел на нее и не сказал ей ни слова. Это было несправедливо со стороны мамы — так нападать на него, если он даже не знал, в чем дело.

С тех пор эта незнакомая женщина приходила довольно часто. Ее звали госпожа Виганд, и она действительно была очень милой. Она и с Мариусом часто беседовала и посмотрела его коллекцию засушенных листьев, а его карточки футболистов произвели на нее большое впечатление. Она, собственно, нравилась ему, но все-таки ему было бы больше по душе, если б она не приходила вовсе, потому что у мамы после ее посещений всегда было страшно плохое настроение. И затем она вымещала его на папе. А позже мальчику стало ясно, что их семейная

жизнь протекала лучше, когда госпожи Виганд еще не было.

Это был тот момент, когда его отношение к ней перевернулось. Теперь он полностью был согласен со своей матерью. Она часто говорила о Виганд: "Пусть эта старая кошелка катится к черту!"

И именно так считал теперь и он сам.

Он начал ее ненавидеть. По ночам, лежа в постели, воображал себе, что с ней можно было бы сделать. Чтобы наказать ее и обезвредить. Он видел по телевизору великолепные вещи. Одна ему особенно понравилась: коренные жители на одном острове в южном море казнили одного злого пирата, который перед этим сжег их село. Для этого они согнули, насколько было возможно, стволы двух пальм, что росли на небольшом расстоянии друг от друга, и связали их веревками. Затем на некоторой высоте привязали пирата: одну его руку и ногу — к одной пальме, а другую руку и ногу — к другой. После чего саблей разрубили веревки, которыми привязали пальмы друг к другу, и деревья тут же вернулись в свою прежнюю позицию. Пирата разорвало.

Это доставляло ему удовольствие — представлять себе госпожу Виганд между двумя такими пальмами. Мариус стал по-настоящему радоваться вечерами в предвкушении момента, когда он отправится в постель и сможет безмятежно предаться своим фантазиям.

Однажды он спросил маму, кем была госпожа Виганд и почему она все время приходит в гости.

— Сотрудница социальной службы! — Мать произнесла это с величайшим презрением. — Ты знаешь, что это означает?

Мальчик не знал.

— Это люди, которые вмешиваются в дела других. Это их профессия. Они контролируют других и суют свой нос в их дела. Госпожа Виганд считает, что мы без нее не справимся. Что ей нужно приглядывать за нами. Она думает, что твоя мама и твой папа не в состоянии сами разобраться в своей жизни и воспитать тебя! Как ты смотришь на это?

Мариус посчитал это возмутительным.

А ведь когда папа сломал ему руку, этой старухи, конечно, не было! Один раз она действительно была нужна мальчику. Он кричал как резаный, он на всю свою жизнь запомнил эту адскую боль. Маме пришлось пойти с ним в больницу. Ее лицо было белым как снег, и она втолковывала ему, чтобы он сказал, будто неудачно упал во время игры в футбол.

— Если ты так не скажешь, то придет госпожа Виганд и заберет тебя у нас. Она тогда подумает, что у нее есть доказательство тому, что мы не можем тебя воспитать. Но ты ведь знаешь, что папа тебя любит, не так ли?

Ты просто так сильно рассердил его, потому что забрал деньги!

Мариус плакал и дрожал, ему было плохо от боли, слишком плохо, чтобы произнести хоть слово, иначе он еще раз заверил бы маму, что не брал эти деньги.

— Как только она тебя получит, — сказала мама, — то уже никогда не вернет тебя нам. Ты знаешь, что с тобой произойдет? Ты попадешь в детдом. Где очень много других детей и очень строгие воспитатели. Там нельзя сказать ни слова, а ночью там детей привязывают к кровати, чтобы не сбежали. Там дают мало еды, а порой целыми днями вообще нечего есть, а если что-нибудь натворишь, то запирают тебя в темный подвал, который кишит крысами. Некоторых детей даже забывают в подвале. И находят до костей обглоданными крысами!

Мариуса вырвало, а врачу он сказал, что неудачно упал во время игры в футбол. То же самое он сказал и госпоже Виганд, которая снова и снова пыталась расспросить его о несчастном случае. Она не поверила истории с футболом, он это заметил. Но чем больше госпожа Виганд спрашивала, тем более последовательно ребенок настаивал на своей версии. Он ведь теперь знал, чего она добивалась. Забрать его в этот детдом. К счастью, мать вовремя предупредила его.

Не было ни одного человека, с которым он был таким осторожным, как с госпожой Виганд. От него она ничего не узнает о том, что происходит в их маленькой семье. А что, собственно, там происходит? Если не считать сломанную руку, то с ним ничего по-настоящему плохого и не случилось. Иногда он голодал, потому что его родители были слишком пьяны, чтобы пойти за покупками или что-то сварить, но ему как-то всегда удавалось что-нибудь выпросить у других детей — кусок шоколада или несколько таблеток для приготовления шипучих напитков... А если у мамы было хорошее настроение, тогда и вовсе не было причины жаловаться: она жарила ему рыбные палочки, а к ним делала целую гору картофельного пюре, хорошо взбитого, как он любил. У Мариуса и сегодня еще текли слюнки, когда он думал о мамином картофельном пюре. И позже ему нигде больше не доводилось есть такую вкуснятину.

— Ты понимаешь? — спросил Мариус Ребекку. — Все было в порядке. *Все было в порядке!*

Он пнул ногой ножку кровати. Он бы с удовольствием что-нибудь разбил, но знал, что ему следует сдерживаться. Ему нельзя взрываться. Ему нужно оставаться сосредоточенным.

Потом он посмотрел на Ребекку. Она сидела в углу в кресле, тихо и неподвижно, но Мариус и связал ее таким образом, чтобы она не могла

пошевелиться. Он заткнул ей рот скомканным носовым платком, а затем залепил ей всю нижнюю половину лица липкой посылочной лентой. Судя по тому, как Ребекка громко и с усилием втягивала через нос воздух, можно было догадаться, что ей тяжело дышать. Ее темные глаза были широко раскрыты, и Мариус видел в них ужас. Она испытывала смертельный ужас.

Вот и хорошо.

А самым лучшим было то, что ей приходилось слушать его. Впервые за долгие-долгие годы кто-то должен был его слушать. На этот раз она не могла стряхнуть его, как надоедливое насекомое, не могла просто проигнорировать его или сделать вид, что он говорит лишь чепуху. Ей пришлось принять его всерьез, хотела она того или нет. В ее ситуации любая попытка стать хозяйкой положения была с самого начала обречена на провал. Сейчас Мариус принимал решения и надеялся, что она это поняла.

— Мои родители любили меня, — сказал он.

Ему было приятно произносить эту фразу — она немного гасила сидевшую в нем боль. При этом он бросил быстрый взгляд на Ребекку: ему хотелось знать, вызвали ли в ней эти слова хоть малейшее сомнение в их правдивости. Если б это было так, он двинул бы ей в лицо кулаком. Даже не моргнув.

Но он не смог увидеть в ее лице сомнение. Только страх. Ничего, кроме обнаженного страха. В Мариусе стало зарождаться страшное подозрение, что она, возможно, все-таки не так внимательно слушала его. Что она была так озабочена своим страхом, что его слова проносились мимо ее сознания. Похоже, так оно и было. Ребекка смотрела на своего мучителя с паникой в глазах.

Может быть, это было и не настолько хорошо, что ей приходилось так бороться за свое дыхание? Это наверняка отрицательно сказывалось на ее концентрации. Ему нужно сосредоточиться на том, что было его главным делом, — на том, чтобы заставить ее слушать. Ему нужно быть осторожным, чтобы не наказать самого себя. Ему нужно действовать с умом. Она нужна ему в ясном сознании.

— Я вытащу кляп у тебя изо рта, — сказал Мариус, — но если ты издашь хоть один звук или закричишь, я тут же воткну его обратно. Это ясно?

Ребекка кивнула.

Мариус грубо сорвал липкую ленту с ее лица. Она не пикнула, но от боли у нее из глаз брызнули слезы. Затем он вытянул носовой платок у нее изо рта, и она тут же стала хватать ртом воздух, закашляла и запыхтела.

Ребекка вела себя так, словно была на грани того, чтобы задохнуться. Но если она рассчитывала на то, что вызовет в нем сочувствие, то она ошибалась. Он мог быть холодным, как собачий нос. Именно таким.

— Так, — произнес Мариус, положил носовой платок на туалетный столик и бросил использованную липкую ленту в мусорное ведро. — Теперь ты знаешь, какое это ощущение, не так ли? Если не будешь слушаться, в следующий раз я сделаю тебе еще больнее. Поняла?

Ребекка снова кивнула. Он готов был поспорить, что ей хотелось попросить воды. Пробыв почти восемь часов с кляпом во рту, она должна была быть на грани сумасшедствия от жажды. Но Ребекка не решалась просить. Не решалась, потому что он запретил ей издавать хотя бы звук.

Конечно же, ее организм не должен быть обезвожен — тогда ее концентрация снова полетит к черту. Он принесет ей воды. Но не сейчас. Пусть она еще немного подержится.

— Я спрашиваю себя, как человек может стать таким, как ты. Я имею в виду, мы все формируемся соответственно получаемым нами задаткам. Генетическим задаткам, а еще тем, которые нам, так сказать, навязывают в процессе воспитания. И меня всегда интересовал вопрос, что у таких людей, как ты, пошло неправильно. Откуда у такого человека берется самонадеянность верить в то, что он призван к тому, чтобы постоянно вмешиваться в жизнь других людей? Судить об их образе жизни? И вмешиваться, если посчитает, что в этом образе жизни что-то не в порядке? А также самовластно *не* вмешиваться, даже если там на самом деле все совсем *не* в порядке?

Ребекка не ответила. Мариус вспомнил, что угрожал снова заткнуть ей рот, если она его только откроет.

— Ты можешь говорить, — произнес он, — но только не кричать или делать что-то в этом роде. Но оставайся в теме, ясно? Не пытайся отвлечь меня или втянуть во что-нибудь, о чем я вообще не желаю говорить.

Женщина кивнула.

— Я... — ее голос заметно изменился — возможно, потому, что ее рот был совсем сухим. — Я не знаю точно, о чем вы говорите.

Мариус улыбнулся. Этого он ожидал. Люди данной породы особенно преуспевают в том, чтобы прикинуться дураками. Они никогда не имеют понятия о чем-то и стараются тем самым выставить себя невиновными. Тот, кто не имеет понятия о чем-либо, не должен быть в ответе за это. К сожалению, этот номер удается им очень часто.

— О'кей, — произнес Мариус, — о'кей. Я немного подскажу тебе, хорошо? Телефон доверия. Тебе это о чем-то говорит?

Он сменил тему. Сменил намеченный им ход. Он хотел начать с ее юности, хотел в долгих разговорах — *допросах!* — проанализировать, что в ее детстве могло сделать ее таким закоряклым человеком, которым она была сегодня.

Мариус провел рукой по лбу. До телефона доверия очередь еще не дошла. Но его подгоняло. Его почти разрывало.

Хорошо. Тогда он займется ее детством позже, размышлял Мариус. Ее, без сомнения, дрянным детством!

Взгляд ее глаз был бдительным. Она не хотела допустить ошибки.

— Да. Конечно, мне это о чем-то говорит. Но я все еще не пойму, куда вы клоните.

Мариус снова улыбнулся. Может быть, она и в самом деле не понимает? Такие люди, как она, так же хорошо справлялись с выбрасыванием неудобных фактов из головы. Неприятные события и происшествия в своей жизни они просто оттесняют подальше, так далеко, что и сами позже уже не могут их обнаружить. А потом внушают себе, что эти вещи никогда не происходили.

— Ага. Ты не знаешь, куда я клоню, — усмехнулся Мариус. — Тогда я тебе сейчас кое-что покажу.

Он всегда хранил эту записку у себя. Вот уже тринадцать лет он носил ее с собой. Глубоко спрятанной в его портмоне, задвинутой за водительские права. Инга ни разу не обнаружила ее. Но она никогда и не рылась в его вещах. Это, несомненно, относилось к ее хорошим чертам. Не копаться в том, что ее не касалось. Обратная же сторона медали состояла в том, что она не проявляла интерес. Во всяком случае, к нему. К тому бременю, что он носил в себе...

Какой-то тихий, но внятный голос появился в голове Мариуса, заявив, что он несправедлив. Инга спрашивала о его жизни. Снова и снова. Было даже такое — однажды утром, в день их свадьбы, перед тем, как они отправились расписываться. Инга в белом летнем платье, с соломенной шляпой на русых волосах, с букетом светло-розовых роз в руках, повязанных белой лентой. Инга, со слезами на глазах...

"Я боюсь. Я ничего не знаю о тебе. Примерно через час я стану твоей женой — притом что понятия не имею ни о тебе, ни о твоей жизни. Я этого не понимаю. Я не понимаю твоего молчания!"

"Она спрашивала. Но ты не мог ответить. Потому что не можешь говорить об этом. Потому что это причиняет слишком большую боль!"

Мариус отогнал эту мысль, отогнал стоявшие перед глазами картины. Сейчас не время — это отвлекало его, вселяло неуверенность, заставляло

нервничать. Сейчас он будет говорить. Он и Инге все расскажет. Но в своем темпе. В своем ритме.

Мариус достал записку. За все эти годы чернила на ней поблекли, стали совсем светлыми, едва разборчивыми. Но тем не менее, если немного напрячься, можно было разобрать числа. Корявый детский почерк. Бумага в клеточку, вырванная из школьной тетради.

— Ну! — Он поднес записку к носу своей пленницы. — Тебе это о чем-нибудь говорит?

Ребекка прищурила глаза, пытаясь разобрать выцветшие цифры. По ее лицу скользнуло глубокое удивление. Мариус с удовлетворением смотрел на это.

— Это наш номер. В прошлом. Номер нашего телефона доверия! — Женщина изумленно уставилась на него.

Поначалу Мариус стоял, наклонившись к ней, а теперь выпрямился.

— Да, — сказал он, — номер твоего телефона доверия! — Последнее слово он выговорил полным цинизма и горечи голосом. — *А может быть, ты еще и помнишь того маленького мальчика, который звонил туда и умолял о помощи? И который не получил там помощи? Ты слышишь? Который не получил этой помощи от тебя, ты, проклятая дрянь!*

Последнюю фразу он прокричал.

И тут же заметил, как в глазах Ребекки промелькнула догадка. И ужас.

Голос Агнеты звучал иначе, чем обычно. Более лихорадочно и нервно. Едва она поприветствовала Клару, как та поняла: что-то произошло.

— Ты читала эту статью в газете? — тут же спросила Агнета без какого-либо вступления. — Эту, о пожилой супружеской паре, которую зверски убили в их собственном доме?

Клара читала об этом, но лишь вскользь. В отличие от многих других людей, она не очень любила подобные истории и не испытывала ни малейшей тяги к сенсациям. Подобные вещи вызывали у нее лишь ужас. Она даже криминальные фильмы по телевизору не смотрела, настолько тяжело ей было переносить насилие и преступления.

Ей внезапно стало плохо. Сообщение о супружеской паре было сегодня утром на первой полосе газеты с жирным красным заголовком: "*Жестокое убийство беспомощной супружеской пары пенсионеров!*" Клара не хотела знать подробности, но ее взгляд ухватил пару кусочков текста.

Судя по всему, речь шла об особо отвратительном и жестоком преступлении, которое вызывало у каждого, кто с ним соприкоснулся, ужас и потрясение. Если Агнета звонила по такому поводу, это не могло означать ничего хорошего.

— Не говори, что они получали такие же письма, как и мы, — произнесла Клара, заметив, что у нее при этом дрожит голос. Может быть, ей все-таки следовало повнимательнее прочитать ту статью?

— Нет. То есть я не знаю, но я бы этого не исключила, — сказала Агнета. — Мне только что позвонила Сабрина Бальдини.

— И?..

— Она знает этих людей. Не близко, но... Тебе о чем-нибудь говорит их фамилия? Леновски?

В голове Клара зазвонили колокола. *Леновски.*

"Я не хочу ничего знать. Прошло столько времени. Я никогда больше не желаю иметь с этим дела!"

— Я знаю эту фамилию, — сказала она, и ее дыхание стало тяжелым.

— Ну, так слушай, — продолжила ее бывшая коллега. — Сабрина очень быстро сообразила, о ком речь. Фамилию она сразу же узнала, а после того, как последние два часа наводила справки, она абсолютно уверена: эта супружеская пара, Грета и Фред Леновски, получили восемнадцать лет назад приемного ребенка. От учреждения по вопросам детей и подростков. Так сказать, от нас.

"О, пожалуйста, нет!"

— Приемного ребенка, — повторила Клара, чтобы что-то сказать.

— Они подавали ходатайство, — продолжала Агнета. — Очень состоятельные люди; Фред — известный адвокат, вращавшийся в кругах деятелей политики и экономики. Они не могли иметь собственных детей, а усыновлять ребенка по каким-то причинам боялись. Так вот, ты же знаешь, как нам всегда позарез требовалось найти приемные семьи. И эти люди показали нам подходящими.

— А приемный... ребенок в газете упоминается? — спросила Клара. — Я имею в виду, есть ли какая-то связь между тем ребенком и... убийством?

Краем глаза она покосилась на плетеную корзину в углу, в которую складывала прочитанные газеты, прежде чем отнести их в контейнер для макулатуры. Сегодняшняя газета лежала на самом верху. Надо будет ее достать. Клара ужасно боялась того, что прочитает в ней.

— Ребенку сейчас должно быть больше двадцати, и вероятно, у него нет контакта с приемными родителями, — объяснила Агнета. — Во всяком

случае, в газете сказано, что у Леновски нет детей и что полиция безуспешно ищет хоть каких-нибудь родственников. Приемный ребенок не упоминается — да и с какой стати, ведь о его существовании нет сведений ни в семейной книге, ни в других документах. Сабрина собирается сейчас проинформировать полицию.

— Конечно. Ей нужно это сделать. Сабрина считает, что...

— Что?

— Что они были... ребенок... я имею в виду, этот теперь уже молодой человек или девушка...

— Мужчина, — сказала Агнета, — мы тогда пытались устроить маленького мальчика. Ты имеешь в виду, связан ли он как-то с этим преступлением?

— Но почему он должен был это сделать? — спросила Клара.

Она не могла больше выкручиваться.

— Сабрина помнит, что из-за этого ребенка были проблемы. Дело в том, что он обратился в учреждение по делам детей и подростков, прожив где-то года четыре у Леновски. Он просил помощи. Говорил, что с ним жестоко обращались, и хотел во что бы то ни стало уйти от приемных родителей.

В голове Клары что-то взорвалось. Этот случай так ясно предстал перед ней, словно не прошло и дня с того момента, когда в учреждении обсуждали вопрос о том мальчике.

— Мариус, — произнесла она. — Его звали Мариус.

— Ты была тогда... — осторожно начала Агнета.

— Я была ответственной. Но я...

— Тебе дали указания сверху не беспокоиться об этом деле. Что его решат на уровне руководителей социального отдела.

— Верно. Я... у меня были связаны руки... — У Клары закружилась голова. Она почувствовала, что ее дыхание стало совсем частым.

— Сабрина работала тогда в "Детском крике". Она обслуживала телефон доверия. Маленький Мариус обращался и туда. Правда, только через год. Ему было тогда одиннадцать.

Клара не ответила. Она придвинула к себе стул и села. Ее ноги были слишком слабы, чтобы удержать ее.

— Сабрина тоже обратилась в учреждение по делам детей и подростков, — продолжала ее бывшая коллега. — Но там ей объяснили, что это дело было проверено и выяснилось, что обвинения ребенка против его приемных родителей не подтвердились. Сабрина успокоилась. Я хочу сказать, все мы знаем, что такое бывает, когда дети утверждают, что с ними

жестокو обращаются, но на самом деле ничего такого нет.

— Но я не проверяла...

— Тебе не показалось это странным? Что окружение бургомистра вдруг стало заниматься вопросом, который входил в твою компетенцию?

Клара попыталась сделать глубокий вдох. Ее сердце колотилось с бешеной скоростью.

Она увидела перед собой саму себя — Клару, жившую в то время. Очень юную и очень активную. Ей тогда сразу же стало ясно, что что-то не в порядке. Она знала Фреда Леновски, и он ей не нравился. Она никогда не отдала бы ему ребенка. Но и это было решено на другом уровне.

— Я не определяла Мариуса в семью Леновски, — сказала она, — я получила указание сверху сделать это. Леновски и бургомистр были близкими друзьями. Через него Фред и ходатайствовал о ребенке. Что же мне было делать?

— Ты могла бы... — Агнета запнулась. Слишком легко было так много лет спустя судить о тогда еще очень молодой Кларе.

— Я боялась, — тихо произнесла ее собеседница, — я не хотела неприятностей. Я потом... придумала себе отговорку. Я подумала, что бургомистр, наверное, всегда вхож в дом Леновски. И он наверняка сам убедился, есть ли что-то правдоподобное в высказываниях мальчика. Разве кто-нибудь оставит в беде ребенка, с которым жестоко обращаются?

Агнета немного помолчала.

— Мы, — произнесла она наконец, — мы, вероятно, оставили маленького Мариуса в беде.

— Но откуда ты можешь это знать? Агнета, *мы ведь этого не знаем!*

— Позже Мариус еще раз звонил Сабрине. Он был в полном отчаянии, умолял ее помочь ему. Сабрина говорит, что у нее не складывалось такого впечатления, будто ребенок фантазировал или хотел поважничать. Она снова пошла в управление по делам детей и еще раз поподробнее поинтересовалась, что происходит. Но узнала только то, что дело тщательно проверили и нет ни малейшего намека на то, что подтвердило бы заверения мальчика.

— А если это была правда?

— А если это была неправда?

Обе женщины замолчали. Клара спрашивала себя, кто из них так громко дышит, она или ее приятельница? Наконец она поняла, что это было ее собственное дыхание.

— Мы с Сабриной считаем странным, что Мариус не объявляется в полиции, — сказала наконец Агнета. — Я имею в виду, что во всех газетах

сообщается о преступлении. Полиция просит о содействии и ищет родственников или знакомых. Разве не было бы нормальным, чтобы приемный сын, который с шести до восемнадцати лет прожил у супружеской пары, объявился бы в полиции?

— Сейчас июль, — заметила Клара, — Мариус мог уехать. Большинство людей в это время в отъезде. Он может быть и за границей, и не иметь ни малейшего понятия об этой истории.

— Возможно, — ответила ее собеседница, но в ее голосе не прозвучало уверенности.

Клара глубоко вдохнула.

— Что ты, собственно, хочешь мне сказать, Агнета?

— Неужели ты не понимаешь? — спросила та.

— Я... — начала Клара, но приятельница перебила ее:

— У нас на руках история из давних времен. Довольно сомнительная история, с этим ты должна согласиться. Ребенка определяют в приемную семью, причем очень поспешным образом, через головы ответственных сотрудников учреждения по работе с детьми и подростками. Затем маленький мальчик обращается за помощью и в само учреждение, и, позже, в частную организацию, выступающую в защиту детей, подвергающихся жестокому обращению. Он просит помощи, рассказывает, что его мучают, и хочет любым путем уйти из этой приемной семьи. Но дело снова решается втемную — очевидно, через личные контакты между влиятельными господами, знакомыми по гольф- или яхт-клубу. Спустя годы приемных родителей зверски убивают, а сотрудницы социальной службы, занимавшиеся этим делом, получают угрожающие письма, переполненные ненавистью. Бывший приемный сын, по-видимому, ушел в подполье. Неужели мне еще нужно объяснять тебе, что я думаю?

Клара прижала одну руку к бешено бьющемуся сердцу, словно могла таким образом успокоить его.

— Но все равно ты можешь ошибаться.

— Да, — ответила Агнета, — могу. И, поверь мне, мне мало что другое доставило бы такое облегчение, как если б я сейчас поняла, что ошибаюсь.

— Я все еще не совсем понимаю, что связывает тебя с тем случаем, — сказала Клара. — Ты вообще была причастна к этому делу?

— Лишь краем, — ответила Агнета. — Сотрудницей социальной службы, курировавшей тогда семью маленького Мариуса, была Стелла Виганд. Ты помнишь ее? У нее обнаружили рак, и она выбыла тогда из службы на три четверти года. На это время я переняла семью. Но потом

Стелла вернулась. Она и распорядилась насчет лишения родительских прав матери и отца ребенка. Поэтому с самой этой историей я, собственно, не связана. Но поскольку Стелла потом умерла от рака, и ее теперь никто не может привлечь к ответственности, то сегодня, очевидно, я должна отвечать за свою деятельность, которой тогда временно занималась.

— Ах, вот оно как... — прошептала Клара.

Она, в общем-то, хотела говорить нормально, вслух, но голос ее не слушался. Она так надеялась, что между Агнетой и тогдашней историей не будет никакой связи — тогда это пошатнуло бы подозрение, что свихнувшийся бывший приемный ребенок безумствовал и мстил за свое полное горечи детство. Ну, а теперь выяснилось, что и Агнета принимала какое-то участие в том деле, и вероятность того, что они с Сабриной были правы со своей теорией, увеличилась.

— И что теперь? — спросила Клара. Ее голос все еще звучал странно. Она не будет читать об этом! Она не будет читать о том, что этот тип сотворил с пожилой супружеской парой. Она не желает этого знать!

— Сабрина сегодня еще раз позвонит в полицию, — сказала Агнета, — и сообщит то, что знает. И о письмах с угрозами расскажет.

— И о тех, что адресованы нам?

— Конечно. Клара, здесь произошло двойное убийство! Мы не можем теперь дольше молчать. Поверь мне, я считаю все это достаточно страшным, и у меня будет из-за этого много неприятностей с моим мужем. Ведь, конечно же, полиция станет выжимать нас, как апельсины, а если нам не повезет, то все это до мельчайших подробностей будет неделями проходить через прессу!

— Наша тогдашняя несостоятельность. — Клара снова могла только шептать. — Они распишут и это.

— Да, — ответила ее собеседница, — так, видимо, оно и будет.

Она-то не спасовала! Клара могла услышать по голосу Агнеты, какое облегчение та испытывала из-за этого. Даже если преступник и видел в ней одну из виновных — это не полиция, не пресса и не общество.

Но она, Клара, никак не могла отвертеться от своей вины. Ее будут судить беспощадно. Коррупцированная личность, оставившая в беде ребенка, потому что не захотела перечить своему начальству... Кого будет интересовать, какой беспомощной она себя тогда чувствовала? Какой неуверенной. Как трудно ей было тогда составить себе правильную картину и правильно оценить ситуацию...

"Понять спустя годы, что было правильно, а что — нет, немного проще, — подумала она, — но это так тяжело, когда ты сам замешан в

этом!"

— Меня доканают, — сказала Клара вслух. — На меня выльют кучу грязи. Мы, может быть, даже не сможем остаться здесь жить! На меня свалят всю вину, и...

Она была на грани слез.

Голос Агнеты прозвучал холодно:

— Клара, не теряй самообладания. Ты же понимаешь, что нам сейчас не остается ничего другого, как играть с открытыми картами. И тебе тоже. А тебе особенно. Клара, там где-то ходит свихнувшийся тип, который уже прикончил двух людей. А мы у него на контроле, так что нам больше незачем сейчас обманывать себя. Он пишет нам письма не просто ради удовольствия. Это предупреждение о том, что он намерен сделать. Давай поспорим, что Леновски получали такие же письма? Клара, — она вдруг стала очень настойчивой, — у тебя ведь нет другого выхода. Полиция должна обо всем знать. Нам нужна их защита. Причем чем скорее, тем лучше.

— Ты имеешь в виду, что...

— Лучше всего не покидай сегодня с Мари дом. Не открывай никому дверь. Будь осторожна.

"Моя жизнь рушится. Если эта история появится в прессе, уже ничто не останется таким, как прежде. Все, что я создала себе, обрушится. Моя маленькая семья. Мой дом. Сад. Наш блаженный мир..."

Клара не хотела плакать — во всяком случае, до тех пор, пока Агнета еще слушает ее. Агнета, которая могла выступать так решительно. Потому что у нее рыльце не в пушку. Потому что она красивая и богатая и из этой трагедии выйдет невредимой. Если только не будет убита, если полиции не удастся схватить убийцу...

"Мы, может быть, все будем убиты".

Едва ли это был подходящий момент, чтобы расстраиваться из-за своей хорошей репутации. У Клары имелись более серьезные проблемы, тут ее бывшая коллега была права.

— Я буду осторожной, — пообещала она, но затем внезапно, не прощаясь, положила трубку.

Потому что не могла дольше сдерживать свои слезы.

Мариус появился в гостиной примерно в обед и принес Инге стакан

воды. Он без слов поднес его к губам женщины, и она стала пить большими, жадными глотками. Ей хотелось еще и есть, хотя она удивлялась, как вообще могла испытывать голод в ее положении: сидеть привязанной к стулу и видеть, как ее собственный муж явно потерял рассудок, — этого, по идее, было достаточно, чтобы испортить аппетит кому угодно. Тем не менее ее желудок сжался, сердито урча.

— Могу я получить что-нибудь поесть? — спросила она, когда опустошила стакан.

Этот чужой мужчина, за которым она была замужем и которого больше не узнавала, наморщил лоб.

— Надо посмотреть, — ответил он. — Я не могу отправиться за покупками, понимаешь?

— Конечно нет, — согласилась его жена, — но тебе, в конце концов, тоже надо будет поесть.

Мариус выглядел изнуренным.

— Сколько сейчас времени? — спросил он.

Инга посмотрела на часы на камине.

— Почти час. Мариус, мне очень нужно в туалет.

— Уже так поздно? Час? — Ее муж выглядел удивленным. — Я едва заметил, как пролетело время... Я долго говорил с Ребеккой. По-моему, несколько часов.

— Мариус, я...

— Нет. Сейчас ты не можешь пойти в туалет.

Смирившись, женщина осмелилась задать другой вопрос:

— Как... Ребекка? С ней все нормально?

— О да, — ответил Мариус, — она в норме. Она очень даже в норме. Такие люди, как она, всегда в норме. В их жизни ведь всегда все шло по плану!

Имеет ли смысл говорить с ним о депрессии Ребекки? О катастрофе, которую сотворила с ней смерть ее мужа? О том, что Ребекка была бы последней, кто мог сказать о себе, что в ее жизни все шло по плану?

Инга решила, что не стоит. Ей казалось, что с подобными размышлениями она не сможет достучаться до Мариуса. А возможно, даже вызовет в нем новую волну агрессии. У него должно быть ощущение, что она на его стороне. Не на стороне Ребекки.

— Ты рассказал ей историю своей жизни? — спросила Инга вместо этого. Сама она все еще пребывала в неведении насчет этой истории. Женщина знала теперь, что Мариус — выходец из асоциальной семьи, что его родители были алкоголиками и, очевидно, едва ли могли вырастить

нормального ребенка. В то же время его образование, речь и поведение указывали, что с какого-то момента, должно быть, на его жизнь начало влиять что-то другое. В той среде, о которой он рассказал ей, Мариус не мог стать тем мужчиной, которым он стал.

— Может быть, тебе сделать что-нибудь поесть для всех нас? — предложила женщина. — И для Ребекки тоже? Что бы ты ни собирался ей сказать, она наверняка сможет лучше сконцентрироваться, если поддержит свои силы. Ты так не считаешь?

— У меня нет желания готовить, — ответил Мариус, — мне еще так много нужно сделать... — Он потер виски, словно его мучила головная боль. — Еще так много надо сказать...

— Ты выглядишь разбитым... Как будто уже несколько дней не спал и не ел. Тебе нужно отдохнуть, Мариус. Ты на пределе сил и нервов, и я думаю...

Мужчина улыбнулся.

— Этого тебе так хотелось бы, да? Чтобы я лег спать. А ты использовала бы этот момент для побега!

— Да как я могу сбежать? — Веревка тем временем стала уже совсем свободной, и Инга затаила дыхание, чтобы ее мужу не пришла в голову мысль проверить, надежно ли связана его пленница. Она полагала, что ей потребуется меньше часа на то, чтобы освободиться.

— Да, — задумчиво произнес Мариус, — как тебе сбежать?

Пленница не осмеливалась взглянуть на него. Он так странно улыбался...

Внезапно он сделал большой шаг к ней и оказался позади нее, после чего так сильно дернул за нейлоновую веревку, что Инга вскрикнула от боли. Веревка, словно нож, врезалась в ее руки.

— Ты делаешь мне больно, Мариус! Ты делаешь мне больно!

— Ты как следует поработала тут, пока сидела на своем стуле, такая слабая, голодная и умирающая от жажды, — заявил он. — Вот это да! Должен сделать тебе комплимент! Но ты всегда была такой, не так ли? Выносливая и настойчивая! Глядящая на мир большими голубыми глазами и чувствующая себя в полной безопасности!

Он вышел из-за спины Инги и встал перед ней, а затем дважды ударил ее по лицу. Ее голова мотнулась сначала вправо, потом влево. У нее замерцали звездочки перед глазами, и на мгновение ей показалось, что она потеряет сознание. Боль была такая, что перехватило дух.

— Нет! — закричала Инга.

Мариус уставился на нее, полный ненависти.

— У меня все это время было подозрение, — произнес он. — Я чувствовал. Я чувствовал это с первого момента. Ты с ней заодно. Ты стала ее подругой. Ты на ее стороне! Признайся!

Инга тихо и жалобно застонала. Ее голова гудела, щеки горели огнем. Она почувствовала, что из глаз у нее текут слезы.

— Признавайся, говорю! — кричал ее муж.

Она плакала. Она не могла говорить.

Мариус снова встал позади нее, дернул за веревку и так затянул ее запястья, словно хотел сломать их. Он связывал и затягивал узлы, снова и снова проверяя веревку на прочность, чтобы та была затянута, насколько это было возможно. Инга слышала, как он пыхтел при этом. Она могла чувствовать его ярость, его страшную ненависть.

Наконец Мариус был удовлетворен своей работой.

— Теперь ты уже не выберешься, — сказал он. — Кроме того, я буду проверять тебя каждый час. У тебя больше не появится возможность без присмотра творить какие-нибудь дела, которые принесут мне неприятности.

Теперь он снова стоял перед ней, и Инга невольно отвернула голову в сторону. Но удара, которого она боялась, не последовало.

— Я бы никогда не подумал, что у нас все так далеко зайдет, — сказал Мариус, и ей показалось, что в его голосе прозвучало искреннее сочувствие. — Ты моя жена, Инга. Мы клялись в верности друг другу. Мы говорили, что желаем вместе пройти через нашу жизнь. Бок о бок. И во что это превратилось?

Инге тяжело было говорить. Ее рот казался онемевшим. Тем не менее она попыталась сформулировать слова.

— Ты оттолкнул меня от себя, — сказала она, и ей показалось, что ее голос звучал как-то странно. Хотя, может быть, она и слышала не совсем хорошо — у нее было такое ощущение, будто ее правое ухо пострадало от удара. — Ты до сих пор не объяснил мне, в чем, собственно, дело. Ты никогда и ничего не рассказывал мне о своей жизни. Я не имею понятия о тебе. Не знаю, что тебе сделала Ребекка. Я вижу только то, что ты причиняешь мне боль. Ты связал меня. Ты часами мучил меня жаждой. Ты заставляешь меня голодать. Ты бьешь меня. Ты запрещаешь мне сходить в туалет. Неужели тебя еще удивляет, что я хочу уйти?

Она посмотрела на мужа и почувствовала, что достучалась до него. Теперь он, казалось, задумался. Но Инга уже усвоила, как быстро его безумие может уничтожить в нем всякое понимание и готовность пойти на уступки. Это всегда длилось очень короткие промежутки времени — те

моменты, когда он был в здравом уме и с ним можно было говорить.

— Но ты не оставляешь мне другого выбора, — заявил он. — В последние дни я наблюдал за вами. Вы стали подругами. Ты и эта... и этот жалкий кусок дерьма там, наверху.

— Что она тебе сделала?

На лице Мариуса появилось мучительное выражение.

— Это так тяжело, Инга... Это так невыносимо тяжело — говорить об этом... Я ведь для тебя последний человек. Самый последний.

— Нет.

— О, да! Я всегда им был. Ты всегда меня презирала. Из-за моего происхождения и из-за того, что я никогда не мог настоять на своем.

— Но я ведь никогда ничего не знала о твоём происхождении. И даже если б знала, то никогда не презирала бы тебя за это! Как ты можешь иметь обо мне настолько ложное представление? — Если б Инге только не было так трудно говорить! К тому же у нее появилось ощущение, что внутри уха все опухло. Наверное, там что-то лопнуло после удара... Во лбу вспыхнула боль. — Никогда я не думала о том, что ты последний человек для меня. Никогда, никогда, никогда!

Мариус задумчиво кивнул.

— Да, ведь я тебе доверял... Я знал, что у тебя искреннее чувство ко мне.

Инга уже стала привыкать к отсутствию логики в его речи. Муж упрекал ее в том, что она его презирала, всегда презирала, а в следующий момент уже заявлял, что всегда доверял ей и чувствовал ее искренность.

"Он крайне опасен, — говорил ей внутренний голос, — потому что непредсказуем. С ним не работает ни одна тактика. Ты скажешь что-то — и в тот момент это может оказаться верным, а в следующий момент вызовет катастрофу".

Ей очень хотелось попросить Мариуса немного ослабить веревку. Он очень сильно связал ее, так что руки скоро отвалятся. Но Инга не решалась что-либо сказать. Если Мариус примет это за попытку обмануть его, он, возможно, опять станет применять силу.

— Ты можешь мне доверять, — сказала она, — в этом ничего не изменилось.

На лице мужчины снова появилась враждебность.

— Я это заметил. Ты собиралась сбежать.

— Твои веревки перетянули мне сосуды. Я попыталась немного ослабить их.

— Не мели чушь, — презрительно произнес Мариус. — Ты считаешь

себя очень умной, а меня — довольно глупым. Как только получишь малейшую возможность, ты попытаешься скрыться. Ты понятия не имеешь обо мне. Готов поспорить, что ты считаешь меня чокнутым и стремишься как можно скорее ускользнуть от меня. А то, что чокнутым является общество, в котором со всех сторон всё не так и в котором происходят страшные вещи, тебе в голову не приходит!

— Ты не даешь мне возможности понять хоть что-то из того, что тебя так задевает.

Мариус снова задумчиво кивнул.

— Мне тяжело об этом говорить. Очень тяжело. Порой почти невыносимо говорить о тех мучениях, которые причинила тебе жизнь.

Инге приходилось сильно напрягаться, чтобы сконцентрироваться на его словах. Боль в ухе усилилась, а стянутые руки стали холодными и онемели. Ей хотелось сейчас расплакаться и умолять мужа помочь ей, развязать ее, позволить ей лечь, чтобы хоть немного расслабить тело. Однако она была уверена, что он не смягчится и останется таким же замкнутым и жестким.

И все же Инга сделала попытку:

— Ты рассказывал, что смог обосноваться в мире своих родителей, в их жизни. Что ты приноровился. Но потом, как ты выразился, всему пришел крах. Значит ли это, что... тебя разлучили с твоими родителями?

Мариус кивнул. Выглядел он при этом по-театральному взбудораженно, но, возможно, это были искренние чувства, переполнявшие его в тот момент.

— Меня забрали у них. Когда мне было шесть лет. Это называется лишением родительских прав. Ни один человек не спросил меня, хочу ли я этого. Или как я себя чувствую при этом.

Это было неправдой. Мариус вспомнил женщину, которая долго и проникновенно разговаривала с ним. Она старалась быть очень чуткой и все время хотела знать, мог бы он представить себе то или другое и нет ли у него желания пожить какое-то время у других людей, у которых самые добрые намерения по отношению к нему. Тогда Мариус еще не мог настоящему все это понять, но впоследствии ему показалось, что, еще будучи маленьким мальчиком, он совершенно четко ощущал, что все эти распросы были лишь показухой и что его мнение тут не играло роли. Что это было уже давно решенным делом, а все остальное — только шоу. Да, шоу. На тему: "Мы задействуем ребенка, чтобы нам впоследствии не предъявили обвинения в том, что мы проигнорировали его желания и потребности".

— А что... что послужило причиной? — спросила Инга. — Я имею в виду, для лишения.

Мариус теперь выглядел очень напряженным.

— Так тяжело вспоминать... Но это был не случай с рукой... О, я знаю, эта баба из социалки, которая курировала нас, она забила тревогу. И моя учительница. Я несколько дней не приходил в школу, и никто не отпросил меня с занятий.

— Ты был в первом классе?

— Да. И в конце учебного года меня не было, а дома они никого не застали.

— А почему ты не ходил в школу?

Мариус покачал головой.

— Ты знаешь, здесь у меня провал в памяти. Я просто-напросто не могу точно вспомнить. Я знаю только то, что мне рассказали позже, но вполне могу представить, что они меня обманули.

— Кто они?

— Мои приемные родители. У них с самого начала было намерение вбить клин между мной и моими настоящими родителями. Они рассказывали мне страшные истории...

— Что же они рассказывали?

— Что я был один в квартире. Что мои родители якобы несколько дней не появлялись дома. Что-то вроде того, что сначала свалила моя мать. А мой отец вообразил себе, что она сбежала с любовником. Что он вбил себе в голову отыскать их обоих и призвать к ответу. А я в этом деле был ему не нужен, и...

— И?.. — тихо спросила Инга.

В глазах Мариуса плескалась неподдельная боль, он тяжело дышал. Инга обдумывала, насколько далеко она может сейчас зайти. Перед ней была тикающая бомба. Ее не должен успокаивать доверительный вид стоящего перед ней мужчины и звук его голоса. Он был ее мужем. Им бывало хорошо друг с другом. Но она не должна забывать, что сейчас он другой.

— И?.. Что твой отец сделал с тобой? — спросила она еще раз.

Дыхание Мариуса стало громче. Внезапно его рот скривился, а лицо стало похоже на гротескную маску.

— Он посадил меня на цепь! — закричал он. — Ты можешь себе это представить? Он приковал меня в ванной! Там не было окна, а свет он тоже не включил. Было темно. Мои скованные руки он привязал цепью к унитазу. И сказал, что так для меня будет лучше и что на следующий день

он вернется. Ты понимаешь? Он много дней не возвращался, и я думал, что мне придется умереть. У меня ничего не было ни поесть, ни попить, и я смертельно боялся. Моей матери не было, и я кричал, но никто меня не слышал. Никто. Я был совсем один!

Его лицо блестело от пота, а глаза были темными и широко распахнутыми. В них можно было прочесть смертельный страх маленького покинутого мальчика, и Инга непроизвольно стала дергать веревку на руках — не потому, что хотела сбежать, а потому, что испытывала непреодолимое желание притянуть его в свои объятия, погладить и утешить. Дать ему тепло и опору, прогнать муку из его глаз.

— Почему ты никогда не рассказывал мне об этом? — беспомощно спросила Инга. — Почему ты никогда об этом не говорил?

Ответа она не получила.

10

— Ну? — спросил Вольф. — Так что? Ты собираешься когда-нибудь снова вернуться в нашу совместную спальню или каморка под крышей — это надолго?

Он поздно вернулся домой — было уже за девять, — и по нему было видно, как сильно его раздражала эта ситуация: то, что Карен больше не спешила ему навстречу, как это было раньше, и не принималась быстро еще раз накрывать для него на стол и наливать ему бокал вина. Она вообще не пошла ему навстречу, а осталась сидеть на веранде, где читала книгу при свете садового фонаря.

Вольф поднялся наверх и переоделся в джинсы и футболку, а теперь тихо, неуверенной походкой вышел в сад.

Карен подняла взгляд от книги.

— Я не для того перетащила туда свои вещи, чтобы снова переносить все вниз. Я чувствую себя комфортно, предоставленная целиком сама себе.

— Ага. — Ее муж упал на другой стул. — Значит, ты намерена отныне жить отдельно. Под одной крышей, но тем не менее отдельно.

— Но ведь мы все время так и живем.

— Да? Мне так не казалось, но если ты так считаешь... — Вольф скрестил руки за головой. — А ужин мне теперь в будущем тоже самому готовить?

— Там для тебя кое-что стоит на кухне. Тебе нужно только разогреть.

— Хорошо. Чувствуешь себя по-настоящему окруженным заботой,

когда приходишь домой...

Карен ничего не ответила. Ей было ясно, что супруг принимал ее поведение за стратегию и, возможно, уже обдумывал свой встречный ход. Он был удивлен, и это поставило его в невыгодное положение, но Вольф был не из тех мужчин, которые позволяют себе оставить неприятную ситуацию как она есть.

А его жена оставалась невозмутимой — ей помогало то, что на самом деле она не следовала никакой стратегии. Вольф еще не понял, что зашел слишком далеко в то воскресенье, когда высадил вечером детей и, не говоря ни слова, поехал дальше. И вовсе не потому, что такое его поведение было особенным или ужасным. Просто это было той самой пресловутой каплей, которая переполнила бочку. С того вечера уже ничто не было как прежде. Карен отпустила Вольфа — и в ней стала разливаться такая легкость... Слишком драгоценное ощущение, чтобы она поставила его на карту, вновь потянувшись к мужу.

Вольф мотнул головой в сторону соседского дома.

— И?.. Есть что-нибудь новое с... *места преступления?*

Поскольку обычно он категорически избегал этой темы, этот вопрос выдал, какую сильную неловкость он испытывает.

Карен кивнула.

— Кронборг был сегодня утром. А ближе к вечеру — еще раз.

— О! Кронборг был здесь сегодня даже дважды! Почему же меня это по-настоящему не удивляет? Он уже стал повседневным гостем у нас. Ты бы пригласила его на обед... Я бы с удовольствием познакомился с нашим новым членом семьи!

— Ты меня спросил. А я ответила. Я не понимаю твоего цинизма.

Вольф промолчал, а через некоторое время спросил:

— Чего хотел Кронборг?

— Они выяснили кое-что очень важное. У Леновски был приемный сын. Сейчас он уже взрослый и женат, но с шестилетнего возраста жил у них.

— Приемный сын? Значит, усыновленный ребенок?

Карен покачала головой.

— Нет. Усыновленный ребенок становится полноценным членом семьи и имеет тот же статус, что и родной. А приемный ребенок — это совсем другое. Кронборг разъяснил мне это. Если управление по делам детей и подростков забирает у родителей ребенка по решению суда, поскольку родители не исполняли свой родительский долг, были невнимательны к ребенку или подвергали его жестокому обращению, ему

подыскивают приемную семью, потому что для ребенка это и лучше, и здоровее, чем если он окажется в приюте. Но вроде бы не так-то легко найти приемных родителей, потому что эти люди привязываются к ребенку, которого у них в любой момент могут забрать. Если, например, в родной семье что-то изменится, если родители успешно пройдут курс лечения от алкоголизма или психотерапию и их снова переведут в разряд тех, кто пригоден для воспитания ребенка, то им могут вновь вернуть их дитя, а у приемной семьи нет ни малейшей возможности воспрепятствовать этому. Потому что, в отличие от усыновления, здесь нет правовой связи между этой семьей и ребенком. По-видимому, тут порой разыгрываются настоящие драмы. Я думаю, надо быть очень сильным, чтобы выдвинуть свою кандидатуру для такого проекта.

— Хм, — промямлил Вольф, — а Леновски, значит, приняли участие в таком проекте? Странно... Судя по твоему описанию, я бы не поверил, что они человеколюбцы!

Карен пожала плечами.

— Люди, которые отвергают других, не обязательно должны не иметь никакой социально активной позиции. Возможно, когда-то она у них имелась. Леновски были старыми. Может быть, раньше они были другими, более открытыми и спонтанными... Кто знает!

— М-да, — произнес Вольф.

— Во всяком случае, — продолжила его жена, — им, видимо, повезло с приемным сыном. Он пробыл у них все свое детство и юность. А его настоящие родители утопили себя в алкоголе. Мать, как говорит Кронборг, несколько лет назад упилась буквально до смерти, а отца уже давно не могут найти. Живет, возможно, на улице... Их сын, во всяком случае, не мог туда вернуться.

— А зачем Кронборг тебе это все рассказывает? — спросил Вольф. — Я имею в виду, не могли бы они нас теперь наконец оставить в покое с этим делом? Ты ведь действительно сделала более чем достаточно, когда обнаружила эту бойню! Что ж теперь, Кронборгу нужно каждый день появляться здесь и докладывать о положении дел до мельчайших подробностей?

— Дело в том, что приемного сына не могут найти, — сказала Карен. — Он уже женат, и полиция знает, где он живет, но там никого нет. Кронборг хотел знать, видела ли я когда-нибудь молодого человека, который приходил к Леновски или выходил от них. Возможно, в тот период, когда... в общем, когда их держали в плену.

Мужчина наморщил лоб.

— Так что он этим хочет сказать? Что этот приемный сын, возможно...

— Я не знаю. Кронборг вел себя очень скрытно. Но между его слов мне послышалось, что... ну, есть подозрение, что взаимоотношения между супругами Леновски и этим молодым человеком были не очень хорошими. Что уже в его детские годы возникали проблемы и что приемную семью Леновски впоследствии сочли неудачным вариантом.

— Комиссар подозревает приемного сына?

— Так прямо он этого не сказал. По крайней мере, ему кажется странным, что парень исчез.

— Возможно, он в отъезде. В летнее время это не удивительно.

— Конечно. Но этот молодой человек пока единственная отправная точка.

— А так как Кронборг погряз в неизвестности, но ему необходимо продемонстрировать прогресс в расследовании, он теперь цепляется за эту новую теорию...

— Я не знаю, есть ли у него новая теория или нет, — сказала Карен. — Он хотел только знать, что...

— И?.. Ты когда-нибудь видела этого сомнительного молодого человека?

Женщина покачала головой.

— Нет. Никогда. Я еще никогда не видела ни одного молодого человека у их дома. Но это еще ничего не значит — мы ведь не так давно живем здесь. Правда, другие соседи тоже никого не видели. Это мне старуха сказала. — Карен повернула голову в сторону дома, в котором проживала их старая, вечно всем недовольная соседка. — А Леновски нигде не упоминали о существовании приемного сына. Никто об этом ничего не знал.

— Что усиливает предположение о том, что Леновски рассорились с молодым человеком и, вероятно, оборвали контакт с ним. Но только из-за этого он не обязательно должен быть их убийцей!

— Нет. Но совсем исключить этого тоже нельзя.

Вольф поднялся. Он вырос большой, широкоплечей тенью перед лучами садового фонаря.

— К счастью, не нам это выяснять, — сказал он. — У нас, в конце концов, достаточно и своих забот... Ну, так как? Ты действительно не хочешь ехать вместе с нами в отпуск?

— Нет. Совершенно точно, нет.

— И продолжишь спать там, наверху?

— Да.

Вольф медленно кивнул.

— Я не думаю, что смогу вести супружескую жизнь подобным образом на протяжении длительного времени.

Он хотел пригрозить жене. Он еще не понял, что теперь она вышла из-под его влияния.

— После каникул, — сказала Карен, — нам надо будет вместе подумать, как быть дальше.

— У меня и в Турции будет много времени обо всем подумать, — произнес Вольф.

Когда муж скрылся в доме на почти негнущихся ногах, обиженный — а он чувствовал себя несправедливо обиженным, — Карен откинулась назад на своем стуле и глубоко вздохнула. Ночь была такой теплой, бархатистой и наполненной звездами... А еще тихими голосами. Прохлада осени, казалось, была еще далеко-далеко. Впереди же был весь август. Любимый месяц Карен. Со всей своей зрелостью, и изобилием, и насыщенными красками, полный тепла и первых признаков меланхолии предстоящего расставания. Она проведет его здесь, в своем саду, вместе с Кенцо. Без Вольфа и без детей.

В последнее время Карен постоянно спрашивала себя, как же называлось то чувство, которое медленно, с каждым днем все больше ширилось в ней. Приятное, благодатное чувство, но в то же время и пугающее. Такое незнакомое... Оно было многообещающим, но, казалось, и угрожающим...

Впервые в этот вечер, в это мгновение перед ней забрезжил ответ.

Это чувство называют свободой.

Четверг, 29 июля

1

Он четко помнил разговор своих *родителей*, который он подслушал. Они всегда настаивали на том, чтобы он говорил о них как о своих родителях; более того, сказали ему, что ожидают от него, чтобы он и воспринимал их как родителей. Но, по крайней мере, он не должен был называть их *мамой* и *папой*. Он называл их Гретой и Фредом. Хотя с удовольствием называл бы его *Козлом*, а ее — *Тупой Курицей*. Или *Размазней*. Потому что она нисколько не могла возразить своему мужу.

В тот вечер Мариус украдкой спустился вниз по лестнице. Сколько ему тогда было? Может быть, лет двенадцать... Довольно рослый для своего возраста, он был худым и всегда голодным. А в тот вечер — особенно. Они опять, в который раз, не дали ему ничего поесть. Из-за какой-то шалости. Он уже не помнил, какой, потому что в этом доме было столько возможностей нарушать предписанные правила и законы, что он не мог сохранить в памяти их все. Может быть, забыл достать почту из почтового ящика или полить Гретины чертовы герани, а может, выпил слишком много молока... Грета маркировала фломастером на пачке уровень молока и могла страшно разозлиться, если он брал себе больше, чем, по ее мнению, ему полагалось.

У Греты и Фреда были в тот вечер гости. Какая-то супружеская пара — Мариус их не знал. Во всяком случае, его не позвали, как обычно, для приветствия, потому что он опять — в который раз! — попал в немилость и ему не разрешили покидать свою комнату. Но он стоял сверху на площадке и подглядывал за тем, что происходило внизу, и ему не показалось, что он знает этого пожилого мужчину в темном костюме и даму со свежеуложенными седыми локонами и в немного узковатом зеленом шелковом платье. Хотя это было не столь уж важно. Ему никто из друзей Леновски не нравился. Все они были какими-то одинаковыми — зажиточными и солидными. Большинство из них играли в гольф или ходили на яхтах. Они все время говорили о своих форах или о регатах, в которой принимали участие. Люди в жилом блоке, где Мариус жил со своими родителями — со своими настоящими родителями, — никогда не говорили о таких вещах.

Грета готовила обед, и по всему дому тянулся такой вкусный запах... У Мариуса аж живот судорогой свело от голода, и в какой-то момент он подумал, что сойдет с ума, если не получит что-нибудь поесть. Каким-то странным образом его приемная мать, лишенная всякой фантазии, готовила довольно хорошо.

Он пошел на большой риск. Если его застукают на кухне, когда он *ворует* еду — а они называли *воровством* то, что Мариус иногда перекусывал между официальными трапезами, — то они опять побьют его. Запрут его на все предстоящие выходные и оставят голодным. Такие драконские наказания они всегда устраивали только к выходным, когда ему не нужно идти в школу, иначе было слишком рискованно, что кто-нибудь это заметит. Однажды, полгода назад, Мариус упал со скамейки посреди урока от голода и несколько секунд лежал без сознания. Его учительница поговорила с Фредом и Гретой, но Фреду, конечно же, опять удалось представить случившееся безобидным пустяком. Он выразил глубокую озабоченность тем, что его приемный сын — такой плохой едок, который отвергает почти все, что ему ни предложат.

— Если б все шло, как ему хочется, так он питался бы одной картошкой фри и пиццей, — заявил Леновски, наморщив лоб, как такса. — Но так ведь невозможно воспитывать ребенка, не правда ли? Моя жена прилагает все мыслимые усилия, чтобы сделать овощи и мясо для него вкусными. И как же часто ей приходится убирать его тарелку нетронутой!

Учительница купилась на его разглагольствования.

— Эта проблема существует во многих семьях, — сказала она. — В силу большого выбора продуктов быстрого приготовления детей балуют, и они приучаются к неправильной еде, а потом трудно бывает накормить их другими вещами, которые являются намного полезнее. Тем не менее Мариус чересчур худой. Но тут возможно и... — Она понизила голос, хотя мальчик находился в комнате и все равно слышал каждое слово. — Возможно и серьезное нарушение приема пищи. В конце концов... учитывая его историю...

Фред сделал вид, что считает учительницу превосходным педагогом, которая подала ему ценную мысль.

— Я подумаю; возможно, нам следует принять профессиональную помощь, — заверил он ее. — Вы совершенно правы, с подобными проблемами нельзя обращаться легкомысленно.

Мариусу стало совсем плохо от этой болтовни. К этому времени он уже перестал надеяться получить помощь и не просил о ней. Его постоянно отфутболивали, и у мальчика утвердилось мнение, что Фред Леновски был

в одной связке с дьяволом и охранялся такими властями, с которыми никто не желал иметь дела. Причем ему всегда приходилось сожалеть о предпринятых попытках вырваться из этой ситуации. В глазах Фреда это было сродни государственной измене.

Тем не менее в тот день мальчик попробовал еще раз. Насколько он помнил, это была его последняя попытка. Учительница уже встала, чтобы попрощаться, и Мариус, увидев шанс, который, возможно, ему никогда больше не выпадет, решил выскользнуть вместе с ней за дверь.

— Они часто не дают мне ничего поесть, — быстро произнес он, не решаясь при этом взглянуть на Фреда. — Очень часто. Я всегда голоден.

Учительница показалась ему скорее раздраженной, чем шокированной. Мариус чувствовал, что ей было трудно поверить его утверждению. Да кто он был в ее глазах? Высокий, худой мальчик, выходец из асоциальной среды, сын двух алкоголиков, запущенный и беспризорный. Его нашли полумертвым от голода и жажды, прикованным цепью к унитазу в грязной ванной комнате, лежащим в собственном дерьме, потому что цепь не позволяла ему пользоваться туалетом, почти сошедшим с ума от страха и отчаяния. Неудивительно, что он был чокнутым! Что у него устоялось нарушение приема пищи, и он ни с того, ни с сего падал в обморок, что он очернял людей, у которых были добрые намерения по отношению к нему. При его прошлом он вообще не мог быть нормальным! А напротив него стоял Фред Леновски, уважаемый адвокат, хорошо выглядевший, безупречно одетый мужчина, с сединой на висках, с запахом дорогой туалетной воды, окруженный аурой успеха, невозмутимости и элегантности. У него были лучшие карты. И всегда будут.

— Итак, — сказал Фред, — ты считаешь, что не всегда получаешь поесть то, что тебе хочется. Мы ведь уже так часто об этом говорили! И попозже еще раз поговорим.

Мариус поднял голову и взглянул на приемного отца. Фред улыбался. Холодная улыбка сквозь узкие губы. Тот, кто знал его, видел за этой улыбкой неопишемую ярость. Он оплатит ребенку. Когда учительница уйдет, он отомстит ему.

А она, конечно же, ничего не поняла. Лишь любезно произнесла:

— Тебе было нелегко в жизни, Мариус, я знаю. Но тем не менее нужно немного постараться. Ведь у всех лишь хорошие намерения. Ты обещаешь мне в будущем быть более благоразумным?

Мальчик молча кивнул.

Он остался в комнате, а Фред в это время пошел провожать учительницу к двери. Он слышал, как они разговаривали в прихожей.

— К сожалению, это так: Мариус иногда плохо отзывается о нас перед другими людьми, — сказал Фред. Было просто поразительно, как озабоченно мог звучать его голос. — У меня такое впечатление, что он не может оправиться от того, как скверно его родные родители с ним обращались. Он все еще пытается быть лояльным по отношению к ним и оправдать их поведение. Он часто выставляет мою жену и меня злыми, чтобы его родные родители выглядели на этом фоне добрыми. Конечно же, мы его понимаем — и понимаем его чрезвычайно сложную ситуацию, но моя жена часто очень страдает от его поведения.

— Я хорошо могу вас понять, — сказала учительница, — и восхищаюсь вашим участием. Такие дети, как Мариус, нуждаются в помощи, но наверняка найдется не так уж много людей, готовых оставить в стороне собственные интересы, чтобы оказать им эту помощь. Я надеюсь, когда-нибудь вам будет легче.

— Совершенно определенно, — ответил Фред с полным убеждением в голосе. — В конце концов, я уверен, что любовь творит чудеса. А мы этого маленького мальчугана действительно любим всем сердцем.

Мариусу хотелось реветь там, в гостиной, пока он был совсем один. А потом он услышал, как стали приближаться шаги Фреда Леновски. И ему стало плохо от страха...

* * *

Но он отвлекся от темы. Мысленно он был в другом месте, хотел рассказать Ребекке совсем другое... Что же это было?

Мариус потел. Когда он провел пальцами по волосам у себя на лбу, то заметил, что они слиплись в мокрые пряди.

Мариус рассказал историю с учительницей. Но начал он... с истории того вечера, когда он, голодный, пробрался на кухню. Правильно. Он отклонился от темы. Ему не удавалось рассказать свою жизнь логично и упорядоченно. И это — ему! Он учился на юридическом. У него были прекрасные отметки! У него не было ни малейших трудностей с логикой построения своих рефератов и контрольных работ. А здесь, при решении самой важной задачи, которую он когда-либо ставил перед собой, у него не получалось. Хоть реви.

Ребекка все еще была связана по рукам и ногам, но она не давала ему повод снова заткнуть ей рот кляпом. Наверное, она ничего так сильно не боялась, как этого. Во всяком случае, женщина не кричала и не пыталась

каким-либо образом обмануть Мариуса, чтобы сбежать. На самом деле Ребекка казалась теперь даже более спокойной. Вначале она выглядела как зверь, обуянный паническим страхом, попавший в смертельную ловушку, но теперь ее взгляд успокоился. Дыхание тоже стало равномернее, хотя сперва оно больше напоминало прерывистое пыхтение. Впрочем, Мариусу доставляло удовольствие видеть ее в страхе — она должна была страдать, должна была познать страх и отчаяние. Но все же самым важным для него было то, чтобы Ребекка его слушала. Она должна была понять то, что он говорил, должна была прочувствовать, что она ему причинила. Должна была со всей ясностью осознать свою вину.

Мариус испуганно дернулся, когда она что-то произнесла. До этого, на протяжении всего времени, что он говорил, она молча слушала его.

— Это было очень горько, — сказала Ребекка. — На самом деле, Мариус, я могу понять, какой отчаянной должна была быть ваша ситуация, когда вы были ребенком и подростком.

Ее мучитель уже был на грани того, чтобы вскочить и заорать на нее — как она посмела открыть рот?! Но в последнюю секунду он взял себя в руки. Ребекка говорила тихо. А это он ей разрешил. Она придерживалась его правил. И в конце концов, она была там, куда он хотел ее поставить. В диалоге с ним. Это было важно. Она должна была вступить в разговор с ним.

Мариус немного расслабился.

— Ах так? — спросил он агрессивно. — Ты можешь это понять?

— Конечно. Это наверняка был кошмар для вас!

Мужчина пронизательно взглянул на пленницу. На самом ли деле она говорила то, что думала? Или просто пыталась наболтать всякого разного, что, по ее мнению, ему хотелось услышать? Может быть, он вообще ее не интересуется, и у Ребекки только одна мысль в голове — как спасти свою шкуру? Инга была такой же. Он-то думал, что ее действительно интересовала его история, что она была настроена понять его, а в конце была даже готова встать на его сторону против своей любимой Ребекки, но она, пользуясь тем, что находится одна в гостиной, пыталась ослабить веревки, чтобы сбежать.

Ее веревки! Надо не забыть контролировать ее через короткие промежутки времени.

Мне надо обязательно помнить об этом!

Мариус снова убрал волосы со лба. Все это так утомительно... Из-за присутствия Инги ситуация намного усложнилась. К тому же сказывались бессонные ночи и голод. Сейчас был час ночи. Когда он последний раз

спал?.. А когда ел?

Не важно. Сейчас это было не важно. Он выдержит, потому что ему надо выдержать.

— Кошмар, — подхватил Мариус последние слова Ребекки. — Да, это верно. Это был сплошной кошмар. Многолетний, без малейшей надежды на помощь...

— Вы хотели еще что-то рассказать, — продолжила женщина. — Вы говорили об одном вечере, когда у ваших приемных родителей были гости. Вы прокрались вниз на кухню, чтобы чего-нибудь поесть. Вы были очень голодны.

Ей удалось удивить Мариуса. Она на самом деле слушала его. Проявляла интерес. Если она играла роль, то умело справлялась с этим.

Мариус встал. Все это время ему удавалось усидеть на месте лишь несколько минут.

— Да, верно. Тот вечер, — кивнул он. — Воспоминания просто захлестывают меня, понимаешь? Мне с трудом удается упорядочить все эти картины.

— Вам не обязательно придерживаться определенной последовательности, — сказала Ребекка.

Мариус кивнул:

— Ты права. Я оказываю на себя давление. Мне надо прекратить это... У нас ведь уйма времени, не так ли?

— Что было в тот вечер?

...В тот вечер его действительно не интересовало, кто были эти гости — он, кстати, этого так и не узнал. И ему было совершенно безразлично, о чем они говорили с Фредом и Гретой. Единственное, что его интересовало, — это как бы чего-нибудь поесть. Грета пожарила антрекоты, и они наверняка уже лежали на тарелках для их маленькой компании, но мальчик надеялся найти остатки гарнира, который мог еще стоять на плите. Может быть, Грета подала в качестве стартера арахис, а потом отнесла то, что не было съедено, обратно на кухню. Если он возьмет немного орехов, это не бросится в глаза. А еще Мариусу показалось, что он чувствует запах томатного супа. Если весь суп не поместился в тарелки, то можно будет найти и его. И если он утащит понемногу и того, и другого, никто ничего не заметит.

То, что он намеревался предпринять, было в высшей степени рискованно, и его сердце, казалось, колотилось прямо в горле, но голод был все же сильнее страха. Когда Мариус дошел до нижней ступеньки — самое опасное место, потому что здесь он находился сразу же около двери,

ведущей в столовую, — он вдруг услышал свое имя и непроизвольно остановился. Они говорили о нем? Хотели его увидеть? Значило ли это, что сейчас выйдут Фред или Грета, чтобы позвать его?

Первым импульсом Мариуса было повернуться и как можно скорее рвануть по лестнице наверх. Но что-то его остановило. А может быть, он был словно парализован от страха...

— Но почему *приемный ребенок*? — спросил женский голос. Это была не Грета, а, должно быть, та дама в зеленом. — Я хочу сказать, что тем самым вы становитесь гораздо более незащищенными. Мариуса могут в любой момент забрать у вас!

— Ну, мне на самом деле больше хотелось... — начала было Грета, однако Фред прервал ее:

— Моя жена хотела обязательно иметь ребенка. И нам этот вариант показался наиболее разумным.

— Но вы ведь могли усыновить ребенка, — настаивала гостя. — Тогда для вас это было бы надежнее. Усыновленный ребенок — все равно что родной. Он получает вашу фамилию и становится полноправным членом вашей семьи. Никто не может отнять его у вас.

— Так ведь при этом не имеешь понятия, что получишь, — сказал Фред.

Теперь в разговор вмешался второй гость, мужчина:

— Но с родными детьми вы, в сущности, тоже этого заранее не узнаете. Наш сын покинул нас, когда ему было восемнадцать, — якобы потому, что мы мелочные мещане и что с нами невозможно жить. Теперь ему уже двадцать пять, и последнее, что мы слышали о нем, — это то, что он живет в какой-то хиппи-коммуне в Испании, никакой постоянной работы не имеет и пытается найти себя в качестве поэта, только стихи его никто не желает читать. Вы представляете себе, насколько мы разочарованы?

— Рихард, пожалуйста, — тихо произнесла его жена, — это сейчас не к месту!

— Ваш сын покинул вас и больше не заботится о вас. Но как только вы... ну, отдадите долг природе, вы оставите ему в наследство все, что с таким трудом создали в своей жизни, — сказал Фред. — Разве это вас не беспокоит?

— Только законную часть наследства, — сказал Рихард. — Больше этого мы не обязаны ему оставлять.

— В вашем случае законная часть тоже довольно значительна.

— Но ведь своих детей рассматриваешь не только с точки зрения

наследования, — проговорила Грета.

"В ее положении, — подумал Мариус за дверью, — она противоречит своему мужу с энергией восставшего".

— Ну, — сказал Фред, — как раз эту проблему я и хотел обойти. Если меня кто-то разочарует, то он не получит ни пфеннига. Усыновленный ребенок имеет такое же право на наследство, как и родной, — по крайней мере, на законную часть. Но я считаю, что это слишком много. Если я только представляю себе, — его голос стал громче — если только представляю, что мы *усыновили* бы кого-то вроде этого Мариуса... Мы никогда не выбрали бы из этой ситуации! Никогда! Нам пришлось бы финансировать его профессиональное обучение, и у него даже было бы право на второе профессиональное образование, если б он вдруг посчитал, что его жизненные планы изменились! И он автоматически был бы нашим наследником! Я в таком случае, наверное, потом в гробу извертелся бы!

Он говорил очень резко, и за столом несколько минут господствовала давящая тишина.

— Но, — спросила наконец незнакомая дама несколько смущенно, — неужели вы его совсем не любите? Я хочу сказать, что он двенадцатилетний мальчик. Еще ребенок. А вы говорите... простите, что я говорю это... вы говорите о нем почти с ненавистью. Разве можно *ненавидеть* двенадцатилетнего мальчика?

— Нелли! — произнес Рихард на этот раз несколько язвительно. — Нас ведь это не касается!

Мариус за дверью сжал кулаки, впившись ногтями в ладони. Что же ответит Фред?

"Почему меня вообще интересует его ответ?"

— Ненависть? — спросил его приемный отец. — Ну, ненависть — это то же, что и любовь, не так ли? Ни то, ни другое не возникает по заказу, и управлять этими чувствами невозможно. Их нельзя ни вызвать в себе, ни избавиться от них, если уж они в ком-то укрепились. Но неверно говорить, что я ненавижу Мариуса. Нет.

Никто в компании ничего на это не ответил, и Фред продолжил:

— Я презираю Мариуса. Да. Этого я не отрицаю. Я смотрю на это худое, бледное лицо, на это рахитичное тело и вижу в нем все его проклятое происхождение. Он — выходец из совершенно *асоциальной* семьи. Оба родителя — алкоголики, оба не в состоянии продержаться на работе больше двух недель. Совершенно опустившийся сброд. Они свалили и оставили своего, тогда шестилетнего, ребенка одного в квартире. Посаженным на цепь в ванной. Без воды, без пищи. Он был полумертвым,

когда его нашла полиция. К счастью, семью тогда курировала социальная служба, и ее сотрудница забила тревогу. Классная руководительница — тоже. Если б не эти две женщины, то его, наверное, уже никто не смог бы спасти. Отец объявился тогда аж спустя четыре недели, а мать — еще позже.

— Бедный мальчик, — произнесла Нелли. — Такой юный — и уже пришлось пережить столько ужасного!

— Это одна сторона, — сказал Фред. — Другая же такова, что это невинное дитя, которое вы, вероятно, в нем видите, естественно, носит в себе гены своих родителей. Вся распушенность, вся испорченность этих людей сидит в нем. И все это я каждый день вижу перед собой!

— Но как раз этот вопрос и обсуждается с возрастающим интересом в научных кругах, — вмешался Рихард, — и пока без определенных выводов. Еще не совсем ясно, насколько на наш характер влияют генетические предпосылки. Некоторые считают, что наша наследственность чрезвычайно незначительно сказывается на ментальном и психическом развитии. Намного значительнее считается наша социализация, то есть то, каким образом мы вырастаем и какой отпечаток при этом накладывает на нас наше окружение.

— Как бы то ни было, — заговорил в ответ Фред, и в его голосе прозвучало нетерпение. Мариусу, которому для своей же безопасности в каждый отдельно взятый день чрезвычайно важно было, по возможности, сейсмографически точно заранее определить настроение приемного отца и в соответствии с этим корректировать свое поведение, был хорошо знаком этот оттенок голоса, который выдавал зарождающуюся злость. Другие, возможно, еще ничего не заметили — кроме Греты, пожалуй. — Я не собираюсь сейчас спорить о теориях, — продолжил он, — да это, наверное, и слишком обширная область. Между прочим, как я уже упоминал, мальчику было шесть лет, когда он попал к нам. Эти решающие шесть лет он прожил среди самого опустившегося сброда, какой только можно себе представить. И который наложил на него свой отпечаток.

— В шесть лет они еще такие маленькие... — возразила Нелли. — Я считаю, что при проявлении большой любви и внимания в этом плане можно очень многого добиться.

— А я за то, чтобы обращаться с ним жестко, — сказал Фред. — Этим тоже можно многого добиться. Он не исправляется! Никак! И должен сказать, что он следует всем предписаниям на "ура", за незначительными исключениями.

— Но я считаю... — снова попыталась спорить гостья, но муж прервал

ее:

— Нелли, тут наше мнение не требуется. Люди, которые взяли на себя ответственность за такого ребенка, должны сами решать, что они считают лучшим. В конце концов, им придется жить с последствиями своих решений.

Мариус еще сильнее впился ногтями в ладони, не чувствуя боли. Этим людям нужно что-то предпринять! Фред выдал себя. Они распознали его ненависть. Он сказал, что презирает своего приемного сына. Сказал, что жестко обращается с ним. Нелли и Рихард, кем бы они ни были, должны теперь что-то предпринять!

— Фред, у наших гостей закончилось вино, — пожурела Грета мужа.

Вероятно, им тут же подлили в бокалы, потому что Рихард сказал:

— Большое спасибо. Кстати, великолепное вино.

А Нелли добавила:

— И еда превосходна! Я восторгаюсь хорошими поварами!

Тему разговора поменяли.

* * *

Мариус уставился на Ребекку. Он метался туда-сюда, пока рассказывал. Пот лился ручьями по его телу, и лицо его тоже было мокрым. Возможно, и несколько слезинок прокатились по его щекам, он точно не знал.

— Ты понимаешь? Еще одна надежда была разбита, — продолжил он. — Фред всегда и везде — хоть в управлении по делам детей и подростков, хоть еще где — разыгрывал из себя превосходного отца-заменителя. Любящего, понимающего, участливого. Можно было просто сойти с ума от его спектаклей. Он был первоклассным актером в своем амплуа. Он даже мог придавать своему голосу теплоту и озабоченность. Выражать сочувствие и черт его знает что еще... Он был неповторимым воплощением доктора Джекила и мистера Хайда^[7]. Человек с двумя лицами. Никогда не терявший контроля над той ролью, которую играл. Кроме того вечера. За все те годы это было впервые — во всяком случае, единственный раз, когда я это видел, но я думаю, что больше таких моментов не было, — когда он на десять или пятнадцать минут сбросил маску. Он выдал свою ненависть и презрение, и даже выдал, каким образом он со мной обращается. Для его гостей уже не должно было оставаться сомнений, что здесь творится нечто совершенно неладное! — Мариус

снова лихорадочно провел руками по волосам; к тому времени они были уже настолько мокрыми, словно он принял душ. — Ты понимаешь?

Он спрашивал снова и снова: "*Ты понимаешь?*" Ему было так важно, чтобы Ребекка понимала, что он хотел сказать.

— В тот вечер они меня даже не видели! Они появились в семь часов. А я, двенадцатилетний мальчик, был уже сослан в свою комнату. Меня было не видно и не слышно. Разве это не странно? — спрашивал Мариус.

Он стал ждать ответа, но пленница молчала, и он закричал:

— Разве тебе не показалось бы это странным?!

Ребекка глубоко вздохнула.

— Конечно, — сказала она, — но мы не знаем, как Фред Леновски объяснил это обстоятельство. Вы ведь не всё слышали. Может быть, он сказал, что вы болеете. Что вы тяжело больны гриппом, или у вас ветрянка, или корь. Тогда никому не показалось бы странным, что вы не появляетесь и никто не рвался бы вас увидеть. Фреду нужно было только назвать что-нибудь заразное.

Такая возможность Мариусу еще не приходила в голову. Конечно, это было похоже на дьявола Леновски. Такой лживый, изобретательный мерзавец!

— О'кей, — произнес он, — о'кей, но позже... гости что-то заметили. Я ведь это слышал. Нелли и Рихард почувствовали, что что-то неладно. Их это задело. Они считали ужасным то, что он сказал. Я понял это по их комментариям. Понимаешь? Я не ошибся. *Я это слышал!*

Ребекка кивнула. Ее темные глаза выражали сочувствие, и Мариус надеялся, что она не притворялась.

— И это вызвало у вас надежду. Я это хорошо понимаю, — сказала женщина. — Но вы не первый, кто стал жертвой равнодушия или, лучше сказать, недостатка гражданского мужества. Люди не вмешиваются; они думают, что если вмешаются, то потом ничего, кроме неприятностей, не заработают. Люди самоустраиваются, придерживаясь мнения, что жизнь других их не касается и что каждый должен сам наводить порядок за собственной дверью. Вы говорите, что не знаете, кто были эти гости в тот вечер. Может быть, они как-то пересекались с Леновски по работе, или Рихард даже мог зависеть от Фреда. Может, дело было в карьере, которой пришлось бы рисковать. Или в деньгах, которые в таком случае перестали бы поступать. Это те причины, которых, к сожалению, достаточно, чтобы отвернуться. Вы не представляете себе, как часто мне приходилось сталкиваться с этим в моей работе.

Мариус снова сел. Боже мой, как же дрожат его ноги! Волнение? Он

надеялся, что виной тому были не голод и не недостаток сна, усиливавшие его физическую слабость. Ладно, с голодом он мог бы справиться. Но сон... Он не доверял этим двум женщинам. Ребекка проявляла интерес к его истории, говорила с ним, внимательно слушала, но он пока еще не мог решить, искренне ли это было, или же она просто испытывала страх и поэтому старалась удержать его в нужном настроении. А если он заснет, то она, может быть, тоже попытается освободиться от веревки и сбежать, как Инга...

Инга! Надо не забыть проверить у нее веревки.

— Я больше никогда не видел, чтобы Рихард и Нелли приходили в гости к Леновски, — сказал Мариус. — История со мной, видимо, оказалась для них чересчур неприятной. Они не хотели быть в чем-то замешанными. И они никого не оповестили о том, что узнали. Потому что никто так не появился. Никто ничего не проверял. Фред Леновски в присутствии третьих лиц мог заявить, что он презирает меня, что боится моих генов и что применяет в отношении меня *жесткую руку*, как он выразился. И ничего не происходит. Никого это не волнует. Никто не захотел видеть тот ад, в котором я жил.

— Это ужасно, — тихо сказала Ребекка, — действительно, Мариус, это просто ужасно — то, что с вами произошло.

Он побарабанил пальцами по комоду, стоявшему рядом с ним.

— Ты поздно это заметила. Чертовски поздно.

Женщина вздохнула.

— На мое десятилетие мне подарили собаку, — неожиданно произнес Мариус. — Это был единственный счастливый момент за все мое странное детство. Золотистую охотничью собаку, молодую, шаловливую и, конечно же, красивую. У Леновски все имело какой-нибудь статус, и собака тоже.

— Вы хотели иметь собаку?

— Да. Почти каждый ребенок хочет собаку. Я, конечно же, никогда не ожидал, что получу ее. Мои желания никогда не осуществлялись. На свой день рождения я всегда получал практические вещи, которые в любом случае нужно было покупать. Носки, нижнее белье, перчатки... словом, такие вещи. Но на мое десятилетие перед моей дверью стояла собачья корзинка. И в ней лежал Кларенс. Я не мог в это поверить.

— А как вы думаете, почему Фред Леновски вдруг исполнил ваше сокровенное желание?

Мариус улыбнулся. Это была улыбка, полная горечи и разочарования.

— Ты думаешь, что, возможно, что-то изменилось? В его отношении ко мне? Да, в первый момент я тоже так подумал. Я был полон счастья. Эта

собака оказалась мне началом новой жизни.

Ребекка, конечно же, знала, что это было не так.

— Но вы ошиблись?

— Верно. Основательно ошибся. Почему он купил собаку? Уж наверняка не для того, чтобы доставить мне радость. Я думаю, что таким образом он просто оправдывал себя. Прежде всего, перед учреждением по делам детей и подростков. *"Мы подарили Мариусу собаку. Ведь для ребенка так важно иметь животное. Мариус научится нести ответственность за кого-то другого, и теперь у него будет друг, который принадлежит только ему одному!"* — Мариус снова встал и начал ходить взад и вперед. — Все это бла-бла-бла, — сказал он, — в этом Леновски был хорош. Он всегда отлично знал, кому что говорить. У него для каждого был свой стиль: для бабы из социалки, для председателя правления банка, для стюардессы в самолете... В каждом отдельном случае он был разным. И каждый раз попадал в точку. Всегда был таким, что мог извлечь для себя максимум пользы. — Мариус остановился и в очередной раз провел рукой по лицу и по волосам.

Он все сильнее дрожал. Черт побери, долго он так не продержится, ему необходимо поспать пару часов!

— Бедная собака, — продолжил Мариус свой рассказ. — Ей тоже пришлось страдать от болезненных выходов Фреда. Леновски невероятно возбуждался от мысли создать из своей семьи что-то вроде стада с четким разграничением положений. Сам он должен был быть, конечно же, вожаком. "Я стою во главе", — говорил он всегда. И порой повторял это сто раз на дню.

Ребекка посмотрела Мариусу прямо в глаза.

— Вы совершенно правы, — сказала она, — он сумасшедший. Он болен.

— Следующей шла Грета, потом я, а затем собака. Представь себе, собаку учили тому, что она должна проходить в дверь последней. "Подругому она не научится подчиняться", — говорил Фред. А подчинение было всегда невероятно важным для него. Я мечтал о собаке, которая выбегала бы из дома впереди нас, жизнерадостная и полная сил. А Фред сделал из Кларенса покорное животное, которое боязливо старалось не нарушить статус последнего члена цепочки, как его приучали. Собаке разрешалось наслаждаться жизнью так же мало, как и мне. А знаешь, на чем еще настаивал Фред? Кларенсу разрешалось принимать пищу лишь в самую последнюю очередь. И если Фреда по вечерам не было дома — а при том множестве мероприятий, в которых он по долгу службы должен

был участвовать, это было нередко, — Кларенс должен был ждать до полуночи. Голодный и беспокойный. Фред считал это классным: прийти домой, перекусить еще немного и с наслаждением наблюдать, как Кларенс от голода и жадности чуть не сходит с ума. Он от всей души упивался своей дешевой властью. А потом, позже, он великодушно пододвигал ему миску с едой. И впоследствии Кларенс лизал ему ноги от благодарности.

Ребекка сглотнула.

— Вы попали к психопату, Мариус, — сказала она, — и я даже не могу выразить, как я вам сочувствую. Вам и Кларенсу. Леновски относится к самой ужасной породе психопатов. К таким, которые не бросаются в глаза в повседневной жизни, и поэтому их невозможно остановить. Которые считаются успешными и глубоко уважаемыми людьми и уверенно занимают свое место в обществе. И им платят признанием и уважением. У их могилы будут когда-нибудь стоять именитые люди города и произносить проникновенные слова, отдавая честь их выдающимся заслугам. Это так несправедливо... Так ужасно... Но это происходит всегда и везде.

Ребекка понимала Мариуса. Она на сто процентов была сконцентрирована на нем. Ее сочувствие было искренним, в этом он почти уверился. Он достучался до нее своими словами.

— Но зачем? — спросил Мариус. — Зачем он взял меня в свой дом? При всей его ненависти и презрении — зачем он это сделал?

Ребекка слегка улыбнулась, но это была не презрительная улыбка, как Мариус понял после мимолетного подозрения. Она была печальной.

— Вам же дает ответ случай с Кларенсом, — сказала она. — Речь идет о власти. У таких людей, как Леновски, речь всегда идет о власти. В этом и состоит их болезнь. Как же это просто — подчинить себе собаку! Как это просто — заставить ребенка быть послушным... Леновски нуждался в этом. Я предполагаю, что у него это стало почти болезненной зависимостью. Видеть, что кто-то боится его. Что кто-то умоляет его о милости. Что кто-то полностью зависит от его настроения и капризов. Это и был для него кайф в повседневной жизни. А приемный ребенок был для Леновски, как божий дар. Вы же подслушали его разговор с друзьями. Ему был нужен кто-нибудь, над кем он мог бы издеваться, но у него не было ни малейшего желания принимать на себя какие-либо обязательства. Его никогда не интересовал ребенок, не интересовали его жизнь и будущее. Одно только представление, что ребенок может когда-то стать его наследником, уже сводило его с ума. Ведь тогда этот ребенок в самом конце — а именно у могилы Леновски — оказался бы победителем, а в понимании Фреда это было ужасно. Поэтому усыновление для него даже не

подлежало рассмотрению. А вот приемный ребенок... это было как раз то, что ему требовалось. Что, кстати, еще и приносило ему массу общественного признания за его великодушный поступок. Для него это, видимо, были прекрасные годы.

Боль Мариуса была так велика, что он едва мог переносить ее. Хотелось расплакаться. Позволить Ребекке обнять себя и утешить.

"Мне нельзя забывать, что она — мой враг. Она предала меня. Она была на стороне других. Даже если сейчас она пытается выглядеть полностью понимающей".

Наигранно равнодушно — поскольку внутри у него бушевало отчаяние, словно с того времени не прошло и дня, — он сказал:

— Фред, кстати, потом изменил очередность рангов. Кларенс больше не был последним. Им стал я.

— О, Мариус...

Он тяжело вздохнул.

— *Ты последний!* Теперь он говорил мне это каждый день, почти так же часто, как "*Я во главе!*". Мне разрешалось есть только после собаки. Я лежал в кровати, и мне было плохо от голода. Посреди ночи Фред звал меня на кухню. Мы с Кларенсом должны были смотреть, как он жарил себе яичницу и с наслаждением съедал ее. А мы были страшно голодны. Затем Кларенсу ставили его миску. И только после того, как он вылизывал все до последней крошки, я получал свой хлеб. Без яичницы. Если мне везло, то еще немного масла. Я был последним. Я был последним. *Я был последним!*

Мариус выкрикнул эти слова. А затем, будучи не в силах предотвратить это, расплакался. И согнулся от боли.

— Я мог бы их любить! Ребекка, если б они были хоть немного другими, я бы их любил. Я бы любил их, как своих родителей. Я ведь был ребенком. Я так тосковал по любви. Я так тосковал по тому, чтобы самому любить. Я бы все отдал Фреду и Грете. Все! Свою любовь, свое доверие, свою ласку. Я так хотел этого! Я хотел!..

Он так громко всхлипывал, что весь дрожал.

Ему страстно хотелось, чтобы Ребекка обняла его.

Но она не могла. Ее ноги и руки были связаны, и Ребекка могла лишь беспомощно смотреть на его боль.

Лавина тронулась. Теперь ничто и никто не сможет ее остановить.

Вопрос был только в том, что в конце концов будет ею разрушено.

"Наверное, моя жизнь, — подумала Клара, — вот что будет. Моя жизнь будет лежать в обломках".

После разговора с Агнетой она как парализованная ждала начала шторма, вторжения катастрофы. Затем последовал звонок комиссара полиции по имени Кронборг, который согласовал с ней личную встречу на следующий день. Таким образом, колесо закрутилось.

Каким-то совершенно абсурдным и бессмысленным образом Клара надеялась, что сможет провести все это мимо Берта, чтобы он ничего не заметил, но муж стал свидетелем ее телефонного разговора с Кронборгом, потому что, в виде исключения, как раз вернулся раньше обычного с работы домой.

— А кто это был? — спросил он простодушно, и его жена, сделав над собой усилие, ответила:

— Комиссар из уголовного розыска. Завтра утром он навестит меня, чтобы задать несколько вопросов.

— А это еще почему? Что тебя связывает с уголовным розыском?

Не глядя на мужа, Клара поспешно и довольно запутанно рассказала о подозрениях Агнеты и Сабрины Бальдини, о маленьком Мариусе и о мутной истории его приемной семьи. И о той роли, которую она сама в этом сыграла.

Берт слушал ее с возрастающим недоумением.

— Жестокое обращение с ребенком? Я правильно понял? Ты тогда помогла покрыть жестокое обращение с ребенком?

Клара попыталась объяснить ему, что сегодня, конечно, очень легко судить о той ситуации, а тогда это было намного сложнее для нее — правильно оценить происходящее. Берт старался понять ее, но его реакция уже дала ей первое представление о том, что будут думать о ней другие люди. *Она помогла скрыть жестокое обращение с ребенком.* А те, кто не был ей близок, даже не дадут себе труда выслушать ее версию той истории. Ее осудят, и она будет выглядеть монстром, виновным в тяжком преступлении.

— Тогда нам действительно надо быть осторожными, — сказал наконец Берт. — Они должны предоставить тебе полицейскую защиту! Ведь тогда получается, что за этими сумасшедшими письмами на самом деле стоит свихнувшийся тип, который может быть опасен для тебя!

Он всегда подшучивал над супругой, когда она жаловалась и ныла из-за этих писем, и вот теперь ему пришлось согласиться, что ее страх обоснован. Но Клара не испытывала от этого ни малейшего удовольствия.

Комиссар Кронборг появился на следующее утро ровно в девять часов. Это был самый высокий человек, какого ей когда-либо приходилось видеть. К счастью, он не был с ней нелюбезным. Клара думала, что и Кронборг уже вынес ей свой приговор, и у нее совсем не будет возможности убедить его в том, что она тогда вляпалась в историю, масштабы которой в тот момент еще не могла себе представить.

Напротив: Кронборг скорее относился к такому типу людей, которые располагают к доверию.

"Больше исповедник, чем полицейский", — подумала Клара. Ей надо быть настороже. Не дать себя убаюкать его милой улыбкой.

Как оказалось, комиссар долго говорил с Сабриной Бальдини.

— Ее звонок к нам был невероятно важным, — сказал он, — потому что в противном случае прошло бы довольно много времени, пока мы выяснили бы, что существует этот приемный сын. Мариус Хагенау. Студент юридического факультета, конец второго курса.

— Хагенау... — повторила Клара. Это имя ей вообще ни о чем не говорило. На какую-то секунду в ней возродилась надежда: может быть, в этом деле все-таки что-то перепутали?

— Он почти два года в браке и носит фамилию жены. Раньше его фамилия была Петерс. Мариус Петерс.

Женщина снова упала духом.

— Да-да, так его звали...

— Вы слышали об убийстве супругов Леновски? Приемных родителей Мариуса? Он, конечно, не попадает автоматически под подозрение, но после того, что мы услышали о проблемах, которые в свое время возникли в связи с его определением к Леновски... К тому же мы узнали о письмах с угрозами, которые были отправлены вам, Сабрине Бальдини и еще одной даме. Все вы каким-то образом имели дело с Мариусом Петерсом. Так что вас наверняка не удивит, если я скажу, что Мариус Хагенау стал главным подозреваемым.

— Главным? — спросила Клара. — А что, есть еще подозреваемые?

Кронборгу пришлось пояснить, что это скорее общепринятая формулировка. Других подозреваемых не было.

— Тем не менее на данный момент мы ни в коем случае не должны фокусировать наше расследование лишь на одной версии, — сказал полицейский. — Возможны другие варианты.

"Но маловероятны", — подумала окончательно сникшая Клара.

— Это вы определили Мариуса Петерса к супружеской паре Леновски? — деловито спросил ее комиссар.

Она кивнула.

— Да. И нет. В тот раз все протекало как-то иначе, чем это обычно принято.

— Вы были социальным работником при управлении по делам детей и подростков?

— Да, я работала в отделе по оказанию помощи в воспитании детей. Заведующая отделом однажды пришла ко мне и сообщила о лишении Петерсов родительских прав. Мариусу было тогда шесть лет. Его нашли в квартире родителей, прикованным цепью и брошенным умирать от голода. Семья уже длительное время находилась под опекой социальной службы. Родителей к тому времени найти не могли. Было ясно, что они на определенное время лишатся родительских прав. Ни один суд не стал бы возражать соответствующему ходатайству. В своем заключении куратор семьи указывала, что оба родителя являются алкоголиками в тяжелой степени. Без клиники, без лечения от алкоголизма они не смогли бы получить ребенка обратно.

— То есть до этого момента случай считался обычным?

— Да. — Клара сглотнула. — Но он быстро вышел за рамки обычного. Было назначено обсуждение этой ситуации на собрании отдела, в котором должна была участвовать и одна моя коллега из социальной службы, лучше знавшая эту семью и ребенка.

— Но она не принимала участия? — Кронборг посмотрел в свои записи, где были указаны фамилии всех причастных к делу. — Госпожа Стелла Виганд, правильно?

— Да, она не участвовала. Стелла Виганд к этому моменту была уже очень больна. Рак. Ей даже пришлось на какое-то время перестать работать. На это время семьей Петерс занималась другая моя коллега, Агнета. Это та, другая женщина, которая...

— Я знаю. Которая тоже получала письма с угрозами.

— Во всяком случае, распоряжение о лишении родительских прав дала Стелла. Но буквально на следующий день она опять отправилась в клинику. Рак вернулся. И она умерла девять месяцев спустя.

— Но обсуждение этого дела все же состоялось?

Клара покачала головой:

— Нет. Заведующая отделом сообщила, что у нее уже есть место для Мариуса в одной приемной семье. Она назвала фамилию и адрес семьи и

сказала, чтобы я все оформила.

— Вас это удивило?

— Да. В принципе, удивило. Но поскольку Стеллы не было, что для обсуждения вопроса было особенно важным, то это опять же не казалось совсем уж странным. — Клара попыталась вспомнить свои ощущения в то время. В достаточной ли степени она удивилась? Должна ли она была удивиться сильнее?

— Из-за болезни Стеллы весь процесс и так был немного нарушен, — сказала она.

Кронборг кивнул:

— Понимаю. Что вы сделали в первую очередь?

— Я пригласила Леновски в управление по делам детей и подростков. Это были те люди, которых мне назвала заведующая.

— И?..

Женщина помедлила. Берт, так же, как до этого Агнета, советовал ей быть совершенно откровенной с полицией. *"Ты находишься в настоящей опасности. Сейчас речь уже не о твоей репутации. Речь, возможно, идет о твоей жизни. Если у тебя рыльце настолько в пушку, что у душевнобольного убийцы появилась смертельная ненависть к тебе, ты должна рассказать все. Чтобы полиция могла правильно оценить твою ситуацию"*.

— Леновски мне не понравились, — произнесла наконец Клара.

— Почему?

— Во-первых, они были уже слишком старыми. Причем не в смысле даты их рождения. Они были... стары по своему мировоззрению. Понимаете? Фреду Леновски было пятьдесят с чем-то, его жене — около пятидесяти. Но, судя по их поведению, им было... как минимум лет шестьдесят пять.

— Что именно привело вас к такому мнению?

— Излишняя консервативность. Он — патриарх, она — серая мышка, не открывающая рта, пока он говорит. Они оба были очень дорого и солидно одеты. Я не могла представить себе, как бы они резвились с шестилетним мальчиком или, например, устраивали ему день рождения.

— Что еще? Вы сказали, что они, во-первых, были слишком стары. Что, кроме этого, вам еще бросилось в глаза?

— Это трудно объяснить... — Кларе действительно было сложно вспомнить все, хотя после вчерашнего звонка Агнеты она не думала ни о чем другом, кроме как о том периоде времени. Может быть, она гораздо сильнее вытеснила его из своей памяти, чем ей хотелось. Но это было

связано еще и с тем, что уже в те дни ей было тяжело объяснить свое отношение к пожилой паре. У нее была инстинктивная неприязнь к Леновски, которую она не могла четко объяснить. — Мне не нравился Фред Леновски. Просто был неприятен мне с первого взгляда. Но я не знала, почему. Он был вежливым, любезным... много улыбался... Я была обучена тому, чтобы уметь оценивать людей на их пригодность в качестве приемных родителей, и привыкла к тому, чтобы при этом отключать свои личные чувства. Дело было не в том, нравился мне кто-то или нет. Дело было в их пригодности. Я не должна была допускать, чтобы мои собственные ощущения играли при этом ведущую роль.

— А как выглядело дело с пригодностью Леновски?

— Я считала их обоих неподходящими.

— Почему? — Комиссар по-прежнему упрямо добивался от нее ответа. Он хотел, чтобы Клара подошла к сути вопроса.

— Заведующей я сказала, что они, на мой взгляд, слишком стары. Но на самом деле... У меня и раньше бывали кандидаты, которые были мне несимпатичны; и тем не менее я с чистой совестью определяла к ним ребенка, поскольку знала, что они будут хорошо обращаться с ним. Я могла спокойно отвлечься от своих личных чувств. А на этот раз... сама не знаю... — Женщина с отчаянием посмотрела на Кронборга. — Леновски был мне более чем неприятен. Я просто не могла отключить свое недоброе предчувствие. Мне не удавалось сделать это.

— Понимаю. Можно ли выразить это так: ваш инстинкт говорил: "Нет"?

— Да, — согласилась Клара. Это было очень точное определение. — Мой инстинкт прямо-таки настойчиво твердил: "Нет".

— Однако...

— Обычно моя шефиня внимательно прислушивалась к моему мнению. Но на этот раз она стала придираться ко мне. Сказала, что у меня вообще нет никаких аргументов, что я совершенно непрофессионально действую... и в конце концов я сама себя спросила, не права ли она.

— Сколько вам было лет?

— Двадцать три.

— Вы были очень молоды.

— Да. Собственно, я была очень уверенным в себе человеком, но тут у меня все больше стали появляться сомнения. И наконец моя шефиня выдала правду: Леновски были желательными кандидатами на самом высоком уровне. Она, так сказать, лично получила от руководителя социального департамента четкое указание, чтобы следующего ребенка —

а это был маленький Мариус — отдать в качестве приемного сына Фреду и Грете Леновски. Руководитель департамента дал понять, что в этом деле он получил указания непосредственно из офиса бургомистра.

Кронборг тихонько присвистнул сквозь зубы.

— Похоже на первоклассный сговор между друзьями, или...

— Конечно. Я это сразу так и поняла. Но с другой стороны... одно только это обстоятельство, само по себе, еще не означало, что Леновски — плохие кандидаты. Кроме того...

— Да? — спросил комиссар, когда его собеседница запнулась.

— Дело в том, что приемных семей не так уж много, — объяснила Клара. — Немногие люди соглашаются жить с ребенком из очень сложной социальной среды, который, возможно, тяжело травмирован. Да еще при условии, что в любой момент они должны быть готовы к тому, чтобы снова отдать его, если в семье, из которой забрали ребенка, все изменится к лучшему. Я хочу сказать: отказать Леновски означало бы, что для Мариуса поначалу вообще не нашлось бы приемной семьи. Ему пришлось бы на неопределенное время остаться в приюте.

Кронборг, подавшись немного вперед, посмотрел на женщину добрыми глазами, и она заметила, что под его взглядом начала успокаиваться.

— Вам не нужно так отчаянно и взволнованно защищаться, Клара. — Он назвал ее просто по имени, но это было ей приятно. — Я прекрасно могу понять трудность вашего тогдашнего положения. Могу понять, как трудно вам было взвешивать все "за" и "против". Могу понять ваши действия — а именно, передать шестилетнего ребенка под ответственность Леновски. На самом деле. До этого момента. Думаю, что в вашем тогдашнем положении, в возрасте двадцати трех лет, я поступил бы так же.

До этого момента...

— Я написала позитивное заключение о пригодности, — тихо произнесла Клара, — но осознавала, что оно, так сказать, было мне продиктовано.

— Мариус попал в приемную семью. Но на этом ваша роль не закончилась?

— Нет. Ведь я же была их куратором. Я оставалась в контакте с Леновски, осуществляла много визитов к ним домой. Однако при всем этом у меня было такое своеобразное чувство... Я не знаю, как мне объяснить это. Хоть ничего и никогда не говорилось прямо, но с самого начала мне все было ясно: мол, будь добра, постарайся, чтобы Леновски выглядели безупречно. Фред был близким другом бургомистра и находился под его

защитой. Это ощущалось.

— В противном случае вы нашли бы у Леновски недостатки? — спросил Кронборг.

Клара снова помедлила. Все это казалось ей таким неясным и расплывчатым!

— Собственно, нет. Казалось, что у них все в порядке. У Леновски был красивый дом в хорошем районе. У Мариуса имелась собственная комната. Он был хорошо одет. Летом Леновски всегда брал его с собой в поход на яхте, и Мариусу, видимо, очень нравился этот вид спорта. Я часто встречала у них дома друзей мальчика. У него были очень хорошие оценки... Да, для меня это было особенно важным. — Кларе как раз сейчас снова пришло в голову, что тогда это было для нее невероятно важным. — Дети, которым плохо, которые запуганы и несчастны, почти всегда отстают в школе. Мариус же постоянно был хорошим учеником. Его учителя подтверждали, что он все схватывал без проблем. И нельзя было предположить, что на него оказывали давление в учебе.

— Но тем не менее вас что-то беспокоило?

— У меня было некое дурное чувство. Но я внушала себе: это оттого, что с самого начала... меня принудили. Я думала, что мое суждение было омрачено именно этим.

— А сам Мариус казался вам счастливым ребенком?

Теперь Клара засмеялась, но это был циничный смех.

— Я вас умоляю!.. Нет. Счастливым он мне вообще не казался. Но в этом Мариус абсолютно не был исключением. Дети с такой судьбой, как у него, — в общем, дети, о которых в семье много лет не заботились, довольно часто подвергавшиеся жестоким телесным истязаниям и наконец отнятые у родителей, — они, при всех тех страданиях, что им пришлось перенести в своей семье, при всех полученных травмах, не бывают счастливыми. На протяжении многих лет. Они могут быть депрессивными, с нарушениями приема пищи, склонными к применению силы или к суициду — или все вместе взятое. Некоторые воруют все, что попадет им под руку; некоторые приспособляются к новой среде вплоть до самопожертвования и становятся прямо-таки невидимыми. Многие страдают ночным недержанием мочи вплоть до позднего полового созревания. Некоторые снова и снова режут себе ножом руки и ноги. А некоторые...

Женщина замолкла. Кронборг приободряюще кивнул:

— Да?

— Некоторые выдумывают себе самые невероятные истории. Об

издевательствах, которым они подвергаются в приемных семьях. О сексуальном насилии. О подстрекательстве к уголовным делам со стороны приемных родителей. Вы не поверите, что мне к тому времени уже приходилось слышать!

— Я понимаю. Мариус тоже рассказывал... подобные истории?

— Нет. Во всяком случае, не поначалу.

— Как бы вы его охарактеризовали?

— Депрессивным. Что меня нисколько не удивило. Ведь его приковали к унитазу...

Клара вспомнила, что уже говорила это, и умолкла.

— Я знаю, — сказал ее собеседник.

— Он казался мне чересчур приспособляющимся и боязливым. Он всегда все хотел сделать правильно. Но, как говорится, это я тоже часто встречала у других детей.

— Тем не менее в этом случае у вас оставалось недоброе предчувствие.

— Которое я приписывала самой себе. Я всегда терпеть не могла Фреда Леновски, но когда он говорил о Мариусе, каждый раз это звучало интеллигентно, озабоченно и... как-то откровенно. Я помню, как он был озадачен из-за болезненного неприятия пищи Мариусом. Ребенок действительно был ужасно худым. Он вроде как отказывался от большинства продуктов, и его приходилось уговаривать проглотить хоть кусочек. Фред Леновски часто рассказывал, с какой заботой и старанием его жена готовила и как редко она могла уговорить Мариуса поесть.

— И вы говорили себе, что все в порядке? Я имею в виду, что все соответствует обстоятельствам?

— Я говорила себе это по сто раз на дню, — ответила Клара.

— Сто раз на дню, — повторил Кронборг, раздумывая. — Ваше чувство тихо било тревогу, а вы старались его заглушить. Можно так выразиться?

— Да, — ответила женщина почти шепотом.

Какое-то мгновение между ними царило молчание. А затем полицейский неожиданно сказал:

— Мариус не рассказывал истории об издевательствах. Поначалу не рассказывал, как вы только что сказали. Это означает, что потом все изменилось. Он начал говорить?

Клара уставилась на него, а потом вдруг отвернулась, но от Кронборга не ускользнуло, что на глаза у нее набегали слезы.

— Он просил меня о помощи, господин комиссар, — произнесла она

придушенным голосом. — Он просил меня о помощи, и я *знала, что он не врал*. Я просто знала это. Но я оставила его в беде. И теперь я должна понести наказание. Вся моя жизнь будет разрушена. Я оставила беззащитного ребенка в беде. И знаете, что мне только что стало ясно? — Женщина снова посмотрела на собеседника, ее глаза были покрасневшими. — Мне стало ясно, что я всегда знала: это меня настигнет.

3

Этот, как казалось, бесконечный, долгий и жаркий день все же близился к концу. Инга, все еще связанная, сидела в гостиной и час за часом наблюдала за стрелками часов — как они невыносимо медленно, и крадучись ползли вперед. Еще никогда раньше в своей жизни, как ей казалось, она так страстно не желала окончания дня. Мариус не опустил маркизу на веранде, и ставни окон тоже были открыты.

Ей было плохо от жажды и голода, и все ее тело горело и чесалось. У нее невыносимо болели ноги, а ступни сильно опухли. В голове проносились ужасные мысли: у нее могли образоваться тромбы, могло прекратиться кровообращение в ногах... А если она не получит в ближайшее время воды, у нее начнется обезвоживание организма.

— Мариус, — умоляла она, когда утром он появился у нее, — мне надо немного подвигаться. Посмотри на мои ступни... веревка слишком туго затянута. Мне кажется, что у меня отмирают все части тела. И мне обязательно нужна вода. Пожалуйста!

Ее муж был погружен в свои мысли и похож на привидение. Неестественно бледный, со впалыми щеками. Его темная щетина стала еще гуще, плотно покрывая нижнюю половину лица. На футболке под мышками вырисовывались огромные круги пота, и от него шел такой запах, что становилось дурно. Но самым ужасным были его глаза: темные и пустые.

Инга спрашивала себя, достучалась ли она вообще до него своими словами.

Он ходил от одного окна к другому, бормоча что-то невнятное, выглядывал наружу, и его покрасневшие глаза жмурились от дневного света. Его жена могла представить себе, какое пекло будет в комнате к середине дня.

— Мариус, ты не мог бы закрыть ставни? — попросила она. — Или открыть окна? Хотя бы на щелку... Иначе я задохнусь здесь.

Мужчина бросил на нее хитрый взгляд.

— Окна я точно не оставлю открытыми. Ты же будешь звать на помощь!

Такая мысль могла прийти в голову только сумасшедшему. Кто же здесь сможет ее услышать?

— Я совершенно точно не буду кричать, — пообещала Инга. — Но если ты боишься, то закрой хотя бы только ставни. Пожалуйста!

— Через пару часов я спущусь сюда, — пообещал ее муж.

Но она могла поспорить, что он об этом забудет.

Мариус проверил, хорошо ли она связана. Но Инга предвидела это и не предпринимала ночью попыток, чтобы ослабить веревку. Ее шансом было дневное время. За предыдущий день ее муж не показывался несколько часов — она слышала его бормотания наверху и бесконечное хождение из стороны в сторону, а иногда он кричал и один раз плакал. И только однажды спустился к Инге и отвел ее наконец в туалет. Она надеялась, что Мариус будет ждать за дверью, но он, конечно, не стал рисковать — а вдруг она сбежит через выбитое им окно.

— Я не могу, когда ты стоишь рядом, — сказала она мужу.

— Не придуривайся. Мы, в конце концов, женаты, — отозвался он.

"При чем здесь это?" — хотелось спросить Инге, но она промолчала, чтобы не испортить его в какой-то степени уравновешенное настроение. Конечно, потом у нее все получилось. Ей пришлось слишком долго терпеть, чтобы теперь еще сдерживаться из чувства стыда.

Когда Инга мыла руки, она посмотрела на свое отражение в зеркале. Вид был ужасный. Правый глаз стал темно-фиолетового цвета, он опух и был наполовину закрыт; да и вообще вся правая сторона ее лица казалась опухшей и деформированной. Нижняя губа лопнула и стала намного толще верхней.

"Я выгляжу как после неудавшейся пластической операции", — подумала женщина.

Когда они с Мариусом вернулись в комнату, он снова связал Ингу, похвалив ее при этом, что она не попыталась вновь освободиться.

— Умница, — сказал Мариус, и у Инги появилась надежда, что он почувствует себя в полной безопасности.

Он и прошедшей ночью все ходил туда-сюда и, вероятно, говорил и говорил. Спать ее муж, казалось, вообще не удосуживался. И это могло дать ей шанс: когда-нибудь он должен был просто вырубиться.

Ей не оставалось ничего другого, как рассчитывать на то, что Мариус и в этот день забудет проверить ее. Похоже, он читал Ребекке лекцию,

временами споря с ней, и было совершенно очевидно, что это мешало ему регулярно спускаться вниз. Если Инге удастся освободиться до вечера, она, возможно, сумеет скрыться под покровом темноты.

Утром Мариус все же принес ей стакан воды, и она с жадностью выпила ее. Для этого он освободил ей руки, а затем и ноги, потому что ей опять хотелось в туалет.

— Боже мой, — сказал он, — ты ведь совсем немного пьешь!

Когда они проходили по коридору, Инге пришлось держаться за него. Ее ноги так сильно болели, что ей хотелось реветь от боли. Что происходило с ее телом? Если ей когда-нибудь удастся освободиться, будет ли она вообще в состоянии ходить?

Самым ужасным было то, что у нее постоянно было ощущение, будто перед ней чужой человек. Ей казалось, что она вообще не знала этого мужчину. Инга искала что-нибудь родное в чертах своего мужа. Вот его нос, его рот, форма его головы... Все знакомое — и все же такое изменившееся! Возможно, все дело в его глазах. Они были страшно пустыми. Безжизненными. Этих глаз было достаточно, чтобы он выглядел совершенно другим человеком.

Но несмотря на ее умоляющие протесты, Мариус, как всегда, беспощадно связал ее. Инге вдруг вспомнилось, как, спустя полгода после свадьбы, она тяжело заболела гриппом; как больше двух недель пролежала в постели с высокой температурой и чувствовала себя так плохо, что ей казалось, будто она умирает. Мариус тогда все время был с ней. Он пропускал лекции, чтобы как следует заботиться о жене. Он накладывал ей на икры холодные компрессы, регулярно измерял температуру, прикладывал ей ко лбу свою прохладную руку и без малейшего ворчания постоянно менял ее промокшее от пота постельное белье. Он готовил ей свежавыжатый апельсиновый сок и кормил ее мясным бульоном, ложка за ложкой, не спеша, потому что она была слишком слаба, чтобы есть самостоятельно. Все это время он озабоченно и с любовью смотрел на нее и постоянно придумывал какие-то вещи, чтобы облегчить ей существование.

Порой у нее был такой жар, что она видела его лицо словно через завесу. А в моменты прозрения думала: "Рядом с этим мужчиной со мной никогда ничто не случится. Никогда!"

И вот теперь этот же мужчина связывал ее руки и ноги бельевой веревкой и затягивал узлы с такой ужасной силой, что она вскрикивала.

— Ты делаешь мне больно, Мариус!

Он посмотрел на нее. Не было ли в его взгляде хоть тени жалости?

Если она и была, то тут же исчезла.

— Ты не на моей стороне, — сказал Мариус. — К сожалению. Мне не остается ничего другого, как обращаться с тобой подобным образом.

А затем он покинул комнату. Инга слышала его шаги, удаляющиеся вверх по лестнице.

Несколько часов она не решалась что-либо предпринимать. Наконец Мариус все же выполнил свое обещание — пришел вниз и закрыл ставни. Но солнце все равно пекло так сильно, что раскалило комнату, как печь, и это уже невозможно было изменить. Связанная женщина могла лишь слышать непрекращающиеся шаги мужа наверху.

Она стала звать его. Потому что иначе сварилась бы заживо.

Но не могла его дозваться.

Инга выругалась. Она потеряла драгоценные часы... А потом заплакала, потому что уже не была уверена, что доживет до конца дня. Можно было умереть от жары. Или от жажды. А потом она опять подумала о тромбозе и о сердечно-сосудистом коллапсе. Инга была на грани помешательства.

"Спокойно, — скомандовала она себе, — успокойся. Иначе сделаешь все еще хуже".

Ее правое ухо теперь совсем оглохло. Опухший глаз пульсировал.

"Мне нужно выбраться отсюда. Он оставит меня здесь подышать!"

Женщина снова начала напрягать свои мышцы, чтобы растянуть бельевую веревку. Это стоило ей гораздо больших усилий, чем в первый раз: приходилось намного чаще делать передышки, потому что истощение лишило ее сил. Тянущая боль в опухшей губе не прекращалась, а жажда стала уже просто смертельной. Жара нагоняла на Ингу отчаяние. Но сейчас ей нельзя было больше звать Мариуса и просить его о помощи. Напротив, с этого момента следовало надеяться, что он не покажется.

Ее мысли беспорядочно блуждали в эти долгие, долгие часы, перескакивая с одного на другое. Она сочиняла самые абсурдные планы бегства и снова отбрасывала их. Если ей не удастся сбежать, как тогда будет выглядеть ее конец? Остановится ли Мариус на том, что будет рассказывать им с Ребеккой бесконечные истории о своей жизни, будет ли ему достаточно этого, чтобы выплеснуть все, что его мучило? Или его преследует жажда мести? Что он сделает с Ребеккой в завершение? И что сделает с ней, Ингой? Он видел в ней сообщницу Ребекки. Похоже, ей не удалось убедить его в обратном.

"А я даже не знаю, в каком деле я, собственно, сообщница! Все настолько безумно..."

Инге снова и снова приходил на память Максимилиан. Собственно, он был ее единственной и последней надеждой, хотя и очень слабой. Слепому было ясно, что он проявлял интерес к Ребекке и что этот интерес далеко выходил за рамки озабоченности близкого человека, не желающего оставлять в беде вдову своего глубоко уважаемого друга, которым он восхищался. Инга точно не знала, что произошло между ним и Ребеккой — та лишь крайне туманно обмолвилась об этом. Она каким-то образом прогнала его, настолько глубоко обидев, что Максимилиан умчался сломя голову. В последние дни Ребекка немного отошла, но в самом начале... Инга прекрасно помнила ее поведение. Недружелюбная, грубая, беспокоившаяся только о том, чтобы никто не пробил стену, которую она воздвигла между собой и остальным миром. Ее гостью не удивило, что Максимилиан в конце концов уехал. Вопрос был в том, объявится ли он еще раз. Может быть, позвонит, удивится, что никто не подходит к телефону, и тут же приедет... Или же это была прекрасная, но совершенно нереальная, сокровенная мечта Инги? Ребекка с таким успехом отстранилась от всего мира, что могла бы уже год быть мертвой и никто этого не заметил бы.

Кроме Максимилиана...

Но он, возможно, настолько обижен, что пройдут недели, пока он пошевелится. Если такое вообще произойдет.

"Максимилиан! Если бы ты знал... Ты нам нужен. Ты нужен Ребекке! Позвони! Пожалуйста, позвони!"

Но даже если он и позвонит, это ничего не даст. Разве его вообще удивит, что такая женщина, как Ребекка, не подходит к телефону? Она могла сидеть в депрессии на террасе, уставившись на море и ни на что не реагируя. Предположит ли Максимилиан какое-то несчастье, отправится ли в путь за тысячи километров?

У Инги опять выступили слезы, потому что она поняла, как мала надежда на то, что Максимилиан поспешит на помощь. А это означало, что у нее нет практически никакой надежды.

"Есть только я. Я сама — моя единственная надежда. Если я смогу освободиться и сбежать, то у нас будет шанс".

Она продолжила растягивать веревку. Несмотря на то, что пот тек ручьями по лицу, а одежда промокла насквозь, она не уменьшала своих усилий. Ей удалось найти подходящий ритм, в котором она растягивала свои мышцы, и Инга постаралась полностью сконцентрироваться на этом ритме. Это помогало ей время от времени отодвигать на задний план мучительные мысли о конце этой драмы.

Наступил вечер, и солнце стояло так низко, что светило прямо в окно. Было так жарко, до того жарко, что, казалось, можно умереть. Но теперь оставалось уже недолго. Инга со временем поняла, как протекает здесь время. Еще минут двадцать — и солнце уже не будет попадать в окно. Это принесет хоть небольшое, но облегчение. Она тосковала по прохладному соленому ветру, который вечерами дул с моря. Сегодня он ее не коснется. Окна были герметично закрыты, и пленница могла теперь только молиться, чтобы Мариусу ни в коем случае не пришлось на ум справиться о ней.

Потому что ее веревка существенно ослабла. Как на ногах, так и на руках. Женщине казалось, что понадобится еще пара часов, и тогда ей, может быть, удастся освободиться...

Ее сердце бешено колотилось. Инга знала, что поставила на карту все. Если Мариус обнаружит, чем она занималась целый день, он будет вне себя. Для него она в любом случае была предательницей, и вторую попытку обмануть его муж не простит. При первой попытке он избил ее почти до бессознательного состояния. И она была уверена, что на этот раз он ее убьет.

"Господи, пусть все удастся! Пожалуйста!"

Солнце как раз добралось до дерева, которое защищало дом от его света, и Инга вздохнула с облегчением, потому что теперь лучи не попадали на нее, хотя комната все еще походила на печь. И тут зазвонил телефон. Тихо и приглушенно.

Пленница застыла, уставившись на аппарат с ужасом и растерянностью, и в тот же миг поняла, что звонил не он. Какая же она глупая! целый день мечтала, чтобы позвонил Максимилиан, а он ведь даже и не смог бы сделать это. Ведь телефонный кабель перерезан. Никто не сможет к ним пробиться.

Должно быть, теперь звонит мобильник, причем, видимо, он находится в коридоре.

Инга облизнула потрескавшиеся губы, которые внезапно показались ей еще суше, чем до этого. У Ребекки, насколько ей было известно, мобильного телефона не было. А ее собственная трубка находилась наверху, в ее комнате. Должно быть, это сотовый Мариуса... Ну да, так и есть, теперь она опознала его звучание.

Мобильный телефон Мариуса.

Он был на яхте, на "Либель". Внизу в каюте, на полочке. Инга оставила его лежать там, в тот ужасный день, когда бушевал мистраль, а Мариус был вне себя и наконец упал за борт. Видимо, впоследствии он забрал его с яхты и принес сюда. Может быть, провел на судне одну-

другую ночь... И нашел там еще и бутылки с водой. Уж если ему нечего было поесть, он мог хотя бы попить...

Но, боже мой, кто же мог позвонить Мариусу?

Хотя в принципе это и не важно. Плохо то, что звонок мог заманить его вниз.

Женщина со страхом прислушалась к звукам наверху. На протяжении всего времени она слышала шаги своего мужа. А теперь он, казалось, остановился.

Мобильный телефон тоже замолк. Но спустя полминуты зазвонил снова.

Инга услышала, как Мариус спускается по лестнице. Она затаила дыхание.

— Алло? — произнес ее муж, а затем еще два раза повторил: — Алло? Алло?

Больше он не произнес ни слова — видимо, незнакомый абонент положил трубку, не ответив.

"Пожалуйста, не заходи сейчас сюда. Пожалуйста, иди снова наверх!"

Мариус что-то пробурчал себе под нос и в нерешительности немного постоял в коридоре. Но потом Инга услышала его шаги на лестнице. Он снова исчез наверху.

Все это время его жена не дышала — она заметила это только сейчас. И сделала глубокий вдох.

И в этот момент она услышала, как ее муж повернул назад. Он спускался по лестнице. Ему, видимо, что-то пришло на ум.

"Это конец", — подумала женщина.

— И они вообще ничего не собираются предпринять, чтобы защитить тебя? — недоверчиво спросил Берт.

Он только что пришел с работы, переоделся и теперь сидел в шортах и рубашке с коротким рукавом на веранде. Половина восьмого вечера, но было все еще очень жарко. Ртуть в термометре рядом с входной дверью почти дошла до отметки в тридцать градусов.

— Да что они могут предпринять? — спросила Клара в ответ. Она положила Мари в кроватку и вышла к мужу с двумя бутылками пива и двумя стаканами.

Берт с наслаждением вздохнул.

— Это как раз то, что надо... Боже, какое же жаркое лето!

— Когда лето дождливое, тебе это тоже не нравится, — сказала его жена.

— Да я ведь вовсе не жаловался! Но слушай, а ты этому Кронбергу...

— Кронбергу.

— Кронбергу. Ты не сказала ему, что желаешь защиты полиции?

— Но, Берт, у них ведь даже нет столько сотрудников. Я еще по своей работе это знаю. Мне приходилось иметь дело с таким количеством людей, которым нужна была защита... но на это не было средств.

— А для чего мы платим налоги?

Берт с возмущением посмотрел на жену. Он был хорошим мужем, как считала Клара, но порой раздражал ее своими разговорами. Уровень застольных бесед, как она думала время от времени. Ее мать перед свадьбой сказала, что Берт простоват для нее. Но маме хорошо говорить. Клара была уже немолода, а найдется ли еще другой...

— В последнее время письма не приходили, — слабо произнесла она.

— Но Кронборг считает, что ты находишься под угрозой?

— Да.

— Я действительно хотел бы хоть немного понять, в чем, собственно, заключалась твоя вина! — продолжал горячиться Берт. — Ты выполняла приказ своего руководства. Как иначе ты должна была поступить? Уж если кто-то в ответе, так это они!

— Скажи это убийце! — огрызнулась Клара. Она почувствовала, что у нее разболелась голова. Берту, как это часто бывало, хотелось упорядочить мир по своему усмотрению и согласно своим правилам. И, как это часто бывает, миру не было до этого никакого дела.

Кронборг до самого конца продолжал относиться к Кларе с пониманием и не нападал на нее. Со временем у нее появлялось ощущение, что в его молчании было больше осуждения, чем он высказывал словами.

— Что Мариус вам рассказывал? — спросил он.

Кларе потребовалось какое-то время, чтобы ответить ему, потому что на глаза у нее по-прежнему набегали слезы. Никогда она не забудет тот холодный предвесенний день, в который она в очередной раз навестила семью Леновски. Появлялись первые подснежники, но в остальном все оставалось еще по-зимнему холодным и безотрадным. Фред Леновски был любезен и обходителен, много говорил и умело подбирал красивые слова, но у Клары было такое ощущение, что по существу она ничего не услышала. Мариус был еще в школе — послеобеденные занятия спортом.

Леновски показал ей табель успеваемости мальчика за полугодие. Тот, как всегда, был отличным. И как всегда, она попыталась успокоить себя этим.

Мариус встретился ей, когда она уже покинула участок Леновски. Дорога была почти полностью заставлена машинами, когда она приехала, и ей пришлось немного пройти пешком до своего автомобиля. А Мариус шел от автобусной остановки. Кларе бросилась в глаза его тяжелая походка и немного сгорбленная спина. Он съежился. Может быть, ему было холодно... Все-таки он был худым как спичка. Слишком худым даже для десятилетнего мальчика. И ужасно бледным. "Но все мы бледны в это время года", — подумала женщина.

— Привет, Мариус, — сказала она подчеркнуто бодро, — у тебя были занятия спортом, как я слышала. Было, наверное, очень тяжело? Ты с трудом двигаешься...

Мальчик посмотрел на нее. У него были броские, красивые зеленые глаза. Очень грустные.

— Я повредил ногу, — сказал он.

— Мне очень жаль. Сильно?

Мариус пожал плечами.

— Я видела твой табель, — продолжила Клара. Ей казалось, что ей нужно было обменяться с ним парой слов, хотя она с удовольствием прошла бы дальше. Все-таки женщина почувствовала облегчение, когда не застала его у приемных родителей. Он всегда вызывал у нее неуютное ощущение. — У тебя действительно фантастические оценки! Поздравляю!

— Спасибо, — промямлил ребенок.

Он огляделся по сторонам, выглядя при этом затравленным. Дом Леновски находился за поворотом улицы. Его не было видно, и у Клары сложилось такое ощущение, что Мариус хотел убедиться, что их вдвоем не было видно из окон.

— Вы должны мне помочь, — сказал он, — я не могу там оставаться.

Клара страшно испугалась. Не столько из-за самих слов, которые ее, в принципе, не удивили. А из-за того, что он их произнес. Он перешагнул границу. Еще один шаг — и она больше не сможет сгладить ситуацию.

— Но, Мариус, — сказала женщина и сама удивилась тому, какой отстраненной она могла быть. — Что такое ты говоришь? Ведь тебе так хорошо у Леновски! Они действительно тебя любят и все делают для тебя.

— Я всегда сильно хочу кушать, — сказал мальчик.

— Потому что ты очень плохой едок. Фред Леновски очень обеспокоен этим. Ты даже не прикасаешься к большинству из того, что они тебе предлагают!

— Они мне ничего не дают. Иногда я с середины пятницы до утра понедельника не получаю никакой еды.

Кларе уже частенько приходилось слышать подобные изречения. *"Мне не дают есть. Меня бьют. Мой приемный отец как-то странно трогает меня. Меня все время запирают в подвале"*. Для нее уже стало привычным разбираться с подобными вещами.

Но в этом случае ей внезапно перестало хватать воздуха.

— Но, Мариус, не может ли быть так, что тебе иногда с пятницы до понедельника не хочется есть? Что ты на все говоришь "нет"?

Мальчик покачал головой.

Женщина решила докопаться до правды.

— Знаешь, у меня все же складывается впечатление, что ты иногда приносишь своим приемным родителям неприятности. Конечно же, у тебя было трудное время. Наверняка ты скучаешь по своим родным родителям. Это так?

Мариус кивнул. Он крепко сжал губы — так, как это делают, когда пытаются не заплакать.

— Может быть так, что ты с радостью доставляешь своим приемным родителям проблемы? — спросила Клара. — Поскольку считаешь, что в противном случае предаешь своих родных родителей? Ты голодаешь, чтобы показать им, что ты не принимаешь от них ничего. Тем самым ты ясно даешь им и себе понять, на чьей ты стороне: на стороне родных мамы и папы.

Теперь мальчик снова замотал головой, намного сильнее, чем до этого.

— Мои мама и папа сделали мне больно! — вдруг крикнул он. — Но Фред и Грета тоже делают мне больно! Он пнул меня по ноге, потому что я не хотел есть собачью еду. А потом он ткнул меня в нее лицом!

Горло Клары сжималось все сильнее.

— Но, Мариус... — произнесла она, заикаясь.

Взгляд, которым ребенок окинул ее, был почти презрительным.

— У моих родителей вы меня забрали. А у Леновски я должен оставаться. Только потому, что он адвокат и все его боятся!

— Это неправда. Но...

— Я ненавижу вас! Вы делаете вид, будто беспокоитесь обо мне. А на самом деле вам наплевать на меня. Вам всем на меня наплевать!

Выкрикнув это, мальчик тут же убежал. Теперь его хромота сильнее бросалась в глаза, чем до этого.

— Мариус! — позвала Клара. — Остановись! Не уходи!

Но он уже скрылся за углом. Женщина стояла одна на улице под

ледяным ветром последнего февральского дня.

— А потом? — спокойно спросил Кронборг. — Что вы сделали?

Клара вытерла нос. Она не плакала, пока рассказывала, но заметила, что засопела.

— Я сделала то, что обязана была сделать: заявила о случившемся заведующей отделом.

— И?..

Клара вспомнила, с каким испугом и раздражением ее начальница отреагировала на это. С таким взглядом, который говорил: "Зачем вы ко мне с этим заявили?"

— Она попыталась принизить значение данного эпизода, — предположил комиссар.

— Типа того: "Нам ведь известны подобные заявления от приемных детей!" Ее, кажется, рассердило, что я с такой тревогой отреагировала на сообщение Мариуса. Она намекнула на то, что подобная реакция крайне непрофессиональна.

— И это вас задело?

Женщина с удивлением посмотрела на полицейского.

— А разве вас не задело бы, если б вам сказали, что вы непрофессиональны?

— Да, конечно, — задумчиво согласился Кронборг. — Кстати, у меня такое тоже случалось. Иногда я имею совершенно иное представление о деле, нежели мое руководство. Но меня трудно переубедить в однажды принятом решении, если я уверен в его правильности. В таком случае я становлюсь упрямым.

Клара смотрела мимо него на стену.

— В любом случае, тогда я, к сожалению, утратила уверенность. Моя шефиня сказала, что позаботится обо всем. Я спросила ее, что она собирается сделать, и та ответила, что поговорит с референтом социального департамента.

— Она сделала это?

— Думаю, что да. Я... прошло какое-то время, пока я опять не заговорила с ней об этом деле. Она сказала, что всё в порядке. Они еще раз проверили семью и не обнаружили ни малейших признаков, которые подтверждали бы высказывания Мариуса.

— А кто были эти *они*?

— Простите?

— Было сказано, что семью еще раз проверили. А кто были эти *они*, проверяющие?

— Я этого не спросила, — ответила Клара.

— Почему же?

— Я... я почему-то поняла, что должна молчать. Мое вмешательство было нежелательно. Все это решалось на более высоком уровне.

— Вам так сказали?

— Нет. Это скорее было высказано намеком. И потом, позже это дело у меня забрали.

Кронборг поднял брови.

— На каком основании?

— Моя шефиня лично занялась делом Леновски. Она считала, что мое отношение к семье предвзято, и не верила, что у меня с ними может теперь сложиться конструктивное сотрудничество. Мне хватало и других дел. И я была рада... — Женщина запнулась.

Приветливый взгляд полицейского, казалось, проникал до самого дна ее души.

— Вы были рады, что вылезли из этого тяжелого дела, если выразиться грубо. Вы были рады, что могли постепенно отойти от него и забыть все свои неприятные ощущения. Вы были рады, что вам не придется биться об углы и что вы вышли из этой передраги невредимой.

Его слова были как ядовитые стрелы — и при неизменно понимающем взгляде, с которым он говорил с Кларой, их воздействие только усиливалось.

— Да, — тихо ответила она, — вы правы. Я просто была рада, что все осталось позади. Что я смогла передать ответственность. Но...

Комиссар внимательно посмотрел на нее.

— Его глаза, — сказала Клара. — Взгляд, которым он в тот день посмотрел на меня... Этот взгляд меня еще очень долго преследовал. Потом, уже много позже, мне удалось забыть обо всем этом, но в конце концов... в конце концов, эта история и была причиной тому, что я сменила профессию. Во всяком случае, сейчас я так считаю. Я не справилась. Я приняла на себя большую вину. И поэтому с какого-то момента больше не могла продолжать эту работу.

— А я все время думал, что это из-за нас ты перестала работать, — сказал Берт, и в его голосе слышалась обида. — Чтобы полностью посвятить себя мне и нашему ребенку.

— Я могла бы работать полдня. После декретного отпуска. Понимаешь, ты и Мари стали для меня причиной больше никогда не работать... — Клара глубоко вздохнула. — Но, так или иначе, с тех пор уже ничего не было в порядке. Я хочу сказать... я не думала об этом постоянно. Более того, я все время пыталась об этом не думать. Мне удалось закопать всю эту историю на самом дне моей памяти. Но я больше не была счастлива в своей профессии. Я все время чувствовала себя уставшей, разбитой... Я почувствовала... облегчение, когда смогла навсегда оставить эту работу.

— Боже мой, — произнес Берт, — и ты никогда об этом ничего не говорила!.. Но я считаю, что тебе не стоит сводить себя с ума. Ты же ничего не могла сделать. И ты совершенно правильно себя повела. Ты сообщила об этой ситуации своей начальнице, а она после этого забрала у тебя то дело. Ты вышла из игры. С этого момента это тебя больше не касалось, и у тебя больше не было никаких возможностей повлиять на кого-либо и что-либо. Никто не может тебя в чем-то упрекнуть.

— Возможно, я повела себя правильно. Но речь ведь совсем не об этом, Берт, там был отчаявшийся ребенок, которому нужна была помощь. Это не та ситуация, в которой достаточно правильно повести себя. Мне надо было задействовать все рычаги, чтобы остановить деяния этой клики. Пресса с большой радостью схватилась бы за все это. Я могла бы разжечь крупный скандал. В конце которого Мариуса забрали бы у Леновски. Это абсолютно точно.

Берт посмотрел на жену.

— Но ты не такая. Ты не из тех людей, которые могут привести лавину в движение. Это... это просто на размер больше тебя.

Он был прав. И Клара это знала. Но она также знала, что это не освобождало ее от ответственности.

Оба они какое-то время молчали. Пили свое пиво и наблюдали, как на их сад опускались сумерки.

"Наша идиллия, — подумала Клара, — наша насквозь лживая идиллия..."

— Я считаю, что целью этого сумасшедшего должна быть, собственно, твоя тогдашняя начальница, — прервал молчание Берт. — Это ведь она замяла все дело. Это она оказывала на тебя давление. Почему он угрожает не ей?

"Почему он так упрямо считает, что я могу ответить на этот вопрос?" — вновь спросила себя Клара.

— Значит, Мариус, вероятно, полагал, что я оставила его в беде, — сказала она. — Ко мне он испытывал определенное доверие. Для ребенка, с которым жестоко обращаются, это огромный риск — довериться постороннему человеку. Потому что, если ему не помогут, он остается один на один со злом. Откуда мне знать, что Леновски сделал с Мариусом, когда узнал, что мальчик его "предал"? Меня не удивляет, что Мариус меня ненавидит.

— Но твоя коллега Агнета...

— Кронборг считает, что она выполняла подсобную функцию и, возможно, меньше всех нас подвержена опасности. Ненависть Мариуса, наверное, направлена на умершую Стеллу, которая тогда забрала его у родителей. Ну, а так как Стелла уже недосягаема, то Агнета получит по заслугам вместо нее.

— А эта, третья...

— Сабрина Бальдини. Она тогда работала в "Детском крике". Это частная добровольная инициативная организация, которая занималась детьми, которые подверглись жестокому обращению или насилию. Я хорошо знала их директрису. Ребекка Брандт, очень компетентная личность. Мы, из управления по делам детей и подростков, с удовольствием сотрудничали с ее организацией.

— И Мариус обратился туда тоже?

— Сабрина обслуживала так называемый "телефон доверия" в этой организации. Дети могли обратиться туда за помощью, в том числе анонимно. Поскольку этот номер всегда вывешивался в школах и юношеских клубах, то он, предположительно, попал где-то в руки Мариуса. Это было спустя некоторое время после его разговора со мной. Его вторая попытка. Он позвонил туда, назвал свое имя и попросил помощи. Рассказал о страшных вещах. Все время говорил о своем голоде. И о том, как они заставляли его есть собачью еду, если он с плачем просил накормить его. Временами его привязывали к кровати, потому что он грыз ногти на руках. На все выходные запирали его в темном подвале за то, что он схватил не положенный ему кусок хлеба. За малейшие провинности его наказывали тем, что не давали есть и пить, или он должен был часами стоять голышом в холодной воде в ванной. Леновски также бил его, но больше предпочитал изощренные издевательства и унижения. Чтобы не было видно никаких следов. А подбитая нога в тот раз была скорее исключением — это Леновски уж слишком разошелся. Но если ребенок

один раз хромает... это, конечно, никому не бросается в глаза.

— И что сделала Сабрина?

— Она обратилась в управление по делам детей и подростков. То есть к нам.

Берт тихо присвистнул сквозь зубы.

— Это Кронборг тебе рассказал?

— Да, но я и сама еще кое-что помню. Об этом, конечно, у нас все говорили. Но дело Мариуса было уже не у меня. Вся эта история сразу попала на стол шефини.

— И?..

— Кронборг подробно поговорил с Сабриной. Она говорит, что ее успокоили: дескать, в управлении уже один раз проводили проверку и пришли к выводу, что ребенок сочиняет страшные сказки. Но что это дело будут держать под контролем. Сабрина успокоилась — раз уж сама заведующая отделом занялась этой семьей... А Фреда Леновски она не знала. Та антипатия к нему, которая была у меня, у нее просто не могла появиться.

— Значит, она тоже оставила Мариуса в беде?

— Позже он звонил еще раз. Но произошло то же самое: сообщение в управление по делам детей и подростков — и попытка всех успокоить. — Клара не смотрела на Берта. — На Сабрине нет даже половины той вины, что лежит на мне. Ведь она, в принципе, сама ничего не могла предпринять. Она была обязана обращаться в управление по делам детей и подростков, а там все было покрыто мраком... И она не знала никого из участников дела. В отличие от меня, она не могла ничего увидеть — ни что с Леновски что-то не в порядке, ни что ребенок стал жертвой неких дружеских отношений между мужчинами, то есть политических и финансовых связей.

— А ну-ка, прекращай видеть в себе единственную виновницу, — сказал Берт. — Ты была просто перенапряжена. Я имею в виду, что если кто-то и виноват, так это заправила за кулисами. И конечно же, прежде всего сами Леновски. Но они уже получили свое.

— Возможно, они были только началом...

— Этот тип точно чокнутый. То, как он это сделал, так ведь тоже нельзя решать проблемы.

— И правда, никак нельзя, — согласилась Клара, хотя и сомневалась, что муж заметил иронию в ее голосе.

— И что теперь собирается делать полиция?

— Они разыскивают его. Он, конечно же, главный подозреваемый. Его

квартира пустует. Соседи больше недели не видели ни его, ни его жену. Судя по их словам, он просто-напросто уехал. Их с женой видели во вторник на прошлой неделе, ближе к вечеру, как они уходили с рюкзаками.

— Хм... А куда? Соседям ведь иногда говорят об этом?

— В данном случае, видимо, контакт с соседями был минимальным. Никто ничего не знает. Люди Кронборга сейчас пытаются узнать что-нибудь через родственников жены Мариуса. Адрес ее родителей у них есть, но те тоже в отъезде.

— Хотел бы я знать, откуда у людей столько денег, — проворчал Берт. — Мы вот не можем себе просто так позволить поездку!

— Но в данный момент у нас совсем другие проблемы.

— Верно... Так же, как и у Сабрины с Агнетой.

— И у Ребекки Брандт. Кронборг рассказал мне, что в своих письмах к Сабрине Бальдини их автор сообщал, что и с ней тоже собирается разобраться. Он угрожал ей... расписывал все, что собирался сделать с ней. Она была руководителем "Детского крика". В своих брошюрах Ребекка напрямую обращалась к детям, обещала помочь в их проблемах и заступиться за них. Возможно, Мариус считает, что с ее стороны предательство было особенно большим. А она вообще была не в курсе этой истории. Просто начальница; не каждый вопрос, пришедший по телефону доверия, попадал к ней. Сабрина действовала на свое усмотрение; к тому же данное дело однозначно попадало в сферу деятельности управления по делам детей и подростков. Ребекка Брандт не была посвящена в это.

— О чем этот сумасшедший, конечно, не знает.

— Очевидно, нет. Он не мог обратиться к ней напрямую. Ребекка уже с год как не работает в "Детском крике"... точнее, я даже не знаю, существует ли вообще еще эта организация. Ребекка даже из Германии уехала. Кронборг говорит, что Сабрина уже где-то полтора года практически не имеет с ней контакта. Но она слышала, что муж Ребекки в прошлом году погиб в результате несчастного случая, и даже была на его похоронах. После этого Ребекка где-то затаилась. Ушла в подполье.

— Наверное, этот сумасшедший ищет ее.

— Может быть. — Клара произнесла эти слова совершенно спокойно, но внутренне вся окаменела, и ее обдало холодом. — Если это действительно так, в таком случае сейчас Мариус осуществляет свой план — обойтись со всеми причастными к этому делу так же, как с Леновски. Значит, сейчас он безумствует...

— Фигня! — с чувством произнес Берт.

— Скоро подойдет и моя очередь, — сказала Клара.

Тело Инги было мокрым от пота. Она вся тряслась, хотя прошел уже почти час с тех пор, как женщина слышала шаги мужа на лестнице. Тряслась, начиная с того момента, когда ей показалось, что он в любой момент может войти в комнату и обнаружить ее ослабленную веревку. Инга буквально чувствовала, как его кулак снова врезается в ее лицо. Она чуть с ума не сошла от страха.

"Он убьет меня. Он сумасшедший. Как только ему станет ясно, что я не на его стороне, он убьет меня!"

Пленница даже не могла поверить себе, когда услышала, что Мариус опять поднимается вверх по лестнице. Что бы он ни собирался еще сделать внизу, ему не пришло в голову заглянуть в комнату, где она сидела. Может быть, он взял свой мобильник с собой, а может, просто выключил его. Вероятно, Мариус настолько увлекся разговором с Ребеккой, что на несколько часов забыл о ней, Инге.

Прошло много времени, пока ее тело успокоилось. Когда Инга снова смогла ясно думать и перестала быть пыхтящим, потеющим, задыхающимся комком страха, она, к своему полному удивлению, отметила, что, несмотря на приступ паники, все это время не прекращала своих движений, чтобы ослабить веревку. Видимо, она делала это машинально. И возможно, еще месяцы и месяцы будет по ночам во сне бороться с веревкой. Если ей удастся выжить...

Инге было совершенно ясно, что она находится в смертельной западне и что побег — ее единственный шанс.

Все, что ей всегда казалось странным и пугающим в Мариусе, теперь стало страшнее в несколько раз. А все его милые, привлекательные стороны, которые Инга никогда не упускала из поля зрения — вероятно, чтобы оправдать все странное в нем, — вдруг совершенно исчезли. Остался человек, которого она не знала. И которого чрезвычайно боялась.

Мужчина, за которым она была замужем.

Мужчина, который был для нее чужим.

Инга заметила, что снова углубилась в размышления о нем, и энергично приказала себе немедленно прекратить это. Она еще сможет подумать о Мариусе после — об их браке и о трагедии, которая так внезапно произошла в ее жизни. А сейчас ей нельзя растрачивать ни капли энергии. Нужно сконцентрироваться исключительно на том, чтобы выжить.

Она стала бороться дальше. В небе угасли последние лучи вечернего

заката, и сад погрузился в темноту. В комнате теперь тоже стало совсем темно, но едва ли прохладнее. Свежий воздух не мог проникнуть сюда через закрытые окна, и поэтому в комнате все еще царила давящая духота, выжимающая из тела пот.

Когда Инга вдруг сумела вытащить из веревочной петли запястья рук, в первый момент она даже не могла поверить в это.

При слабом, чуть серебристом свете луны, льющемся в комнату, женщина с удивлением смотрела на свои опухшие кисти. В ее руках и плечах бушевала боль, так как мускулы в них были полностью неподвижны на протяжении многих часов. Она попыталась немного расслабить их, но стало еще больнее; к тому же для этого у нее не оставалось времени.

Женщина наклонилась вперед, что тоже причинило ей боль, на этот раз в спине, и потянула за веревки на ногах. Ее пальцы еле шевелились, и Инга в отчаянии беззвучно выругалась про себя. Тут она подумала, что в любую секунду может появиться Мариус. Инга не слышала его шагов уже очень давно, и это испугало ее. Пока она слышала, что муж ходит над ее головой взад-вперед, он был в какой-то степени у нее под контролем — во всяком случае, пока ей было известно, где он находится. Если же она не слышала его, то он мог быть где угодно. Возможно даже, прямо у ее двери.

Инге казалось, что прошла целая вечность, пока она наконец смогла освободить ноги. Лодыжки тоже сильно опухли, и когда она встала и, помедлив, попыталась сделать первый шаг, то лишь в последнюю секунду смогла подавить в себе крик боли. У нее болело все тело. Около двенадцати часов она сидела скорчившись на стуле, стянутая веревкой, как какой-нибудь сверток. Туго затянутые веревки нарушили кровообращение. На ней не было ни единого места, которое не болело бы. Ноги не желали ее нести, но тем не менее она, хромая, сумела совершить несколько шагов по кругу. Впрочем, не время жаловаться. Даже если ей придется ползти на четвереньках — нужно сейчас же, как можно скорее, покинуть этот дом.

Инга снова прислушалась к тишине. Сверху не доносилось ни единого звука... И тут загрохотало, словно что-то двигали, от чего она вся съежилась. В наступившей после этого тишине женщина услышала, как громко колотится ее сердце. А потом возник тягучий звук выдвигаемого ящика, и стук дверцы, которую открыли и закрыли. Этот звук она определила — дверца холодильника.

Мариус был на кухне.

Только что бешено колотившееся сердце пленницы, казалось, остановилось на несколько секунд, прежде чем помчаться дальше. Ее муж совсем близко. Он внизу. Инга не слышала его шагов на лестнице —

возможно, потому, что в этот момент как раз была занята веревкой.

Мариуса отделял от нее лишь узкий коридор за закрытой дверью в гостиную.

Наверное, он что-то готовил. Охваченный голодом — или же наконец сообразивший, что не может просто-напросто дать своим двум жертвам умереть с голоду, — Мариус в конце концов отправился вниз, чтобы приготовить поесть. И произошло это именно сейчас. Это означало, что рано или поздно он объявится в этой комнате. Чтобы принести что-то поесть Инге. Или же чтобы поговорить с ней, пока готовится еда. Мариус час за часом говорил с Ребеккой, но он предупреждал, что и она, Инга, должна узнать его историю. В ближайшее время он захочет снова рассказать ей что-нибудь о своей жизни...

Она должна исчезнуть до этого.

Инга прохромала к двери веранды, бесшумно повернула ключ и очень медленно и осторожно потянула дверь. Она уже не помнила, скрипят ли петли, но ей повезло: дверь открылась, не издав ни малейшего звука.

Женщина скользнула наружу и глубоко вдохнула теплый ночной воздух, который показался ей восхитительным после душной атмосферы внутри дома. Легкий ветерок шелестел листвой на деревьях. Инга все еще была объята страхом, но возможность снова двигаться притупляла это чувство.

Она собиралась обойти дом и выйти на дорогу перед ним, но поскольку Мариус находился на кухне, окна которой выходили на ту сторону, этот путь, конечно же, отпадал. Несмотря на кустарники и деревья, там были слишком большие просветы, где для Инги не было прикрытия, и ей пришлось бы двигаться по открытому пространству, великолепно просматриваемому при свете луны. Если б Мариус обнаружил ее, у нее не было бы шанса уйти. Ее ноги были словно пудинг и при каждом движении чертовски болели. Инга радовалась каждому новому шагу.

Ей не оставалось ничего другого, как пройти через весь сад и спуститься по лестнице вниз. Оказавшись там, она хотела вновь подняться по другой лестнице, ведущей к участку соседей; если ей очень повезет и эти люди окажутся дома, она сможет позвонить оттуда в полицию. Правда, Инга не очень-то в это верила. За время, проведенное с Ребеккой, она ни разу не заметила на соседнем участке какого-либо движения, и в тот день, что Инга провела у воды во второй половине дня, оттуда никто не появлялся. Поэтому беглянка опасалась, что дом пустовал. Это усложняло ее ситуацию, но не делало ее безнадежной. Через участок соседей она

могла попасть на дорогу и отправиться в сторону Лё-Брюске. Ей, правда, пришлось бы в таком случае проходить мимо дома Ребекки... кто знает, возможно, Мариус разгадает ее план и будет караулить там, где-то в темноте? Инга не предавалась никаким иллюзиям насчет того, что в ближайшие четверть часа он обнаружит ее побег. Может быть, ей удастся под покровом запущенных садов по другую сторону дороги пробраться мимо него...

"Не стой здесь, не тупи, — приказала она себе. — Тебе надо уходить!"

Игнорируя боль со стиснутыми зубами, Инга с трудом, как подстреленный зверь, стала продвигаться через ночной сад. А сколько, собственно, времени? Не важно, совершенно не важно. Два-три раза она обернулась в сторону дома, все время ожидая увидеть вспыхнувший свет в гостиной и услышать яростный рев Мариуса. Как только он включит свет на террасе, тот осветит большую часть сада. Но, судя по своим ощущениям, она должна была уже миновать освещаемую зону и свет не должен был достичь ее. Если б еще луна не была такой яркой! Инга старалась все время находиться у края лужайки, рядом с деревьями. Тем не менее ей казалось, что она продвигается через сад как огромная, хорошо видимая тень. Женщина могла надеяться лишь на то, что ей удастся скрыться среди скал, прежде чем Мариус обнаружит ее побег, и еще на то, что он решит, будто она, сразу же обогнув дом, двинется вперед. Он, надо надеяться, не подумает, что она настолько сумасшедшая, чтобы пойти в обход по этому долгому и очень трудному пути через скалы...

Но ничего не произошло, и Инга уже бежала по скалистым выступам. Еще несколько шагов... Она передвигалась уже намного лучше, боль утихала. Кровь опять стала циркулировать как положено, мускулы разжались.

"Я справлюсь, — подумала Инга, — я точно справлюсь".

Она добралась до ступенек. Ступила на первую. Внизу бурлило черное море.

Инга знала, что теперь ее невозможно увидеть из дома.

Кронборг не рассчитывал застать родителей Инги Хагенау дома. Его сотрудник на протяжении всего дня пытался дозвониться до них, но все время включался автоответчик с нейтральным текстом.

— Они уехали, — сказал он комиссару. — Июль месяц! Чего ты

ожидал?

Было половина десятого, и Кронборг решил наконец отправиться домой. А поскольку он уже три года как был разведен — его жена ушла к другому мужчине, с которым она, как потом выяснилось, уже много лет изменяла мужу, — то после работы его по-настоящему и не тянуло в пустую квартиру. Да и что, собственно, означает это "после работы"! Работы у него, видит бог, всегда хватало. Все переделать он так и так никогда не сможет.

Но тут дал о себе знать желудок, который настойчиво сообщил о голоде и о том, что после булочки с сыром, проглоченной в обед, комиссар больше ничего не ел, а также о том, что самое время открыть дома хотя бы баночку консервов или сунуть в микроволновку замороженную пиццу. Кронборг питался таким образом, который ему самому внушал страх, поскольку он игнорировал почти все, что советовали врачи, и делал все то, чего, по их рекомендации, следовало избегать. Но он хотя бы не курил, а употребление им алкоголя держалось в допустимых пределах. И он гордился хотя бы этим.

Записку с номером телефона родителей Инги Хагенау коллега вернул ему на письменный стол, когда Кронборг уже поднялся и потянулся за своим пиджаком, который он, конечно же, не собирался надевать в этот очень теплый вечер. Интуиция заставила комиссара взять телефонную трубку и набрать этот номер. Родители Инги жили где-то в Северной Германии.

Предчувствие опасности, охватившее комиссара с тех пор, как он узнал о существовании Мариуса Петерса, усилилось в нем за последние двадцать четыре часа. Все говорило о том, что преступником был именно этот молодой человек. Он отлично ориентировался в доме Леновски, и даже если его бывшие приемные родители не выдали ему ключ от дома, они все равно простодушно открыли бы ему дверь, если б он позвонил. По времени тоже все совпадало: в предпоследние выходные преступник, должно быть, и напал на супругов. В последовавший за этим вторник в обеденное время была заказана пицца, а согласно заключению вскрытия, где-то во вторник после обеда Грете Леновски были нанесены ножевые раны, от которых она примерно через два дня скончалась. А ранним вечером во вторник Мариус и Инга Хагенау, как показали их соседи, покинули квартиру и отправились отдыхать. Так что у Мариуса вполне была возможность смертельно ранить свою приемную мать, затем отправиться домой, накинуть на плечи походное снаряжение, которое, вероятно, было упаковано за день до этого, и отправиться в путь со своей

женой.

Грета Леновски примерно через шестьдесят часов с небольшим истекла кровью. Ни один из ножевых ударов не был смертельным — таким, чтобы она могла скончаться быстро. Это вписывалось в картину: и она, и ее муж должны были умирать медленно и мучительно. В этом Мариусу повезло: он с легкостью мог ранить свою приемную мать таким образом, чтобы она тут же умерла, но вышло так, что его аномальное желание помучить ее подольше стало реальностью.

Или все происходило иначе? Возможно, Грета должна была умереть сразу, но у Мариуса что-то пошло не так? Ведь она все-таки добралась до телефона... Может быть, убийце повезло лишь в том, что его приемная мать в конце концов уже ничего не могла сказать?

Сплошные вопросы... "Кто знает, что на уме у такого типа?" — подумал Кронборг.

Он почти испугался, когда в трубке вдруг послышался женский голос, звучащий так, словно его обладательница куда-то торопилась и тяжело дышала:

— Да?

Полицейский был настолько обескуражен, что прошло несколько секунд, пока он пришел в себя.

— Да кто ж там? — сердито повторил голос.

Комиссар рассердился сам на себя. Ему нужно было задать и без того щекотливый вопрос, который чрезвычайно напугает семью Инги, а то обстоятельство, что он звонит в такое неурочное время, сделает его еще драматичнее и тревожнее.

— Я говорю с госпожой Хагенау?

— Да.

— Извините, что беспокою вас так поздно. Комиссар уголовного розыска Кронборг. У нас есть к вам вопрос насчет вашей дочери Инги.

Его собеседница встревожилась.

— Боже мой! Что-то случилось?

— Не беспокойтесь. Мы ищем супруга вашей дочери. В его семье произошел несчастный случай, и поэтому нам нужно срочно выйти с ним на контакт.

— Но с моей дочерью ничего не произошло?

— Нет. На самом деле нет, не волнуйтесь.

— Но почему уголовный розыск ищет моего зятя? Тут ведь что-то не так!

— Госпожа Хагенау, у вас действительно нет никаких оснований для

беспокойства. В доме родственников вашего зятя произошло преступление. Нам нужно сообщить ему об этом; к тому же мы надеемся, что он ответит нам на некоторые вопросы.

— А он что, связан с этим преступлением?

— Почему вы спрашиваете? — тут же уточнил Кронборг.

— Потому что... я сама не знаю... Боже мой, моя дочь в опасности?!

— Нет. — Не имело смысла объяснять сейчас этой обеспокоенной матери, да еще в такой час, что ее дочь, возможно, замужем за душевнобольным убийцей. — Правда, не переживайте. Дело в том, что ваш зять на данный момент — единственный родственник жертв, который нам известен, и поэтому он срочно нужен нам для разговора.

— Вы не стали бы звонить мне в такой час, если б не произошла трагедия!

Комиссар решил открыть карты.

— Мой коллега несколько раз пытался дозвониться вам в течение дня, но никого не застал. А я сегодня работаю опять сверхурочно; собирался как раз отправиться домой и подумал: попробую перед этим еще раз набрать ваш номер. Честно говоря, я был почти уверен в том, что у вас дома все равно никого нет, иначе не стал бы звонить в такое позднее время.

Его собеседница, казалось, немного успокоилась.

— Мы уезжали в Данию на восемь дней. Мой муж и я. И только сегодня вечером вернулись.

— Мы так и подумали, что вы отдыхаете. Скажите, до этого вы разговаривали с вашей дочерью? Она сообщила вам, куда собирается ехать со своим мужем?

— Да, мы говорили по телефону. — Мать Инги уже настолько овладела собой, что могла разговаривать нормально, но Кронборг чувствовал, насколько она взволнована. — Как всегда, трудно было сказать, куда они собрались. Мариус — мой зять — вбил себе в голову отправиться куда-нибудь на юг на перекладных с палаткой и рюкзаком. Инга не была в особом восторге от этой идеи. Она уже представляла, как стоит на обочине автострады, отчаянно надеясь поймать попутную машину. И жить в переполненных кемпингах на Средиземном море у нее тоже не было желания. Но в этом браке все происходит так, как желает Мариус...

В последней фразе женщины прозвучала горечь. Кронборг понял, что Мариус Петерс не был желанным зятем в семье Хагенау.

— Она не назвала конкретнее цель поездки? Что значит юг? — спросил он. В голове у него забил тревогу колокол. Сабрина Бальдини говорила, что Ребекка Брандт после смерти своего мужа уединилась на юге

Франции. *"У них там дачный дом. Но где точно, я тоже не знаю. Во всяком случае, прямо у моря. Кто-то рассказывал, что Ребекка теперь якобы живет там. Но она ведь прервала контакты со всеми, и поэтому никто не знает, живет ли она там еще на самом деле"*.

— Нет, — ответила мать Инги, — точнее назвать место она не могла. Хотя наверняка с удовольствием сделала бы это. Инга вообще не из того типа людей, которым по душе спонтанные, непродуманные решения. Она любит все спланировать, зная заранее, что ее ожидает. Но Мариус считает, что нет ничего лучше, чем поездка в туманную даль. Сегодня здесь, завтра там, и никогда не знаешь, что принесет завтрашний день... — Она говорила с явной иронией. — Такие люди, как он, считают, что подобным поведением они утверждают себя в качестве нестандартных, свободолюбивых личностей.

Кронборг решил воспользоваться откровением собеседницы и немного восполнить свое крайне скудное представление о Мариусе.

— Ваше отношение к зятю нельзя назвать симпатией? — спросил он.

Мать Инги вздохнула.

— Нет. На самом деле нет. Я до сих пор не могу понять, почему...

— Да?

— Почему моя дочь должна была выйти замуж за этого мужчину. Ей было двадцать четыре, ему вообще двадцать два. Я спросила ее, зачем в этом возрасте связывать себя замужеством? Но он оказывал на нее изрядное давление по этому поводу. А Инге это, видимо, немного льстило. Мариус настолько старательно ухаживал за ней... что порой это было чересчур. Но он также внушал, что она единственная, обожаемая... Инга симпатичная, интеллигентная молодая дама, но она не роковая женщина. Никогда раньше не было, чтобы мужчина так ее добивался. И это наверняка тоже подтолкнуло Ингу в его объятия. Правда...

Хагенау снова запнулась, словно боялась, что своими откровенными словами "заложит" собственную дочь совершенно постороннему сотруднику полиции. Кронборг затаил дыхание. Ведь он не предъявлял ей свое удостоверение и был для нее всего лишь голосом по телефону, который утверждал, что является комиссаром уголовного розыска. Если бы мать Инги не была настолько взволнована и сбита с толку, она наверняка отказалась бы давать ему какую-либо информацию при таких обстоятельствах. Как только бы она поняла, что делает, поток ее речи тут же остановился бы.

— Однако ей было страшно тяжело ему в чем-то отказать, — продолжила она наконец. — И это продолжается до сих пор. Будь то вопрос

с замужеством или, как сейчас, с поездкой на каникулы — у него свои методы добиваться желаемого.

— Какие методы?

— Он... знаете, каждый раз, когда Инга хочет сделать не так, как он, Мариус начинает упрекать ее в том, что она презирает его, что она испытывает чувство превосходства над ним, что она пытается внушить ему, что он последний... Да, это его любимое словцо. *Последний*. Он устраивает целый театр вокруг этой проблемы, что его хотят унижить и оскорбить. И в итоге получает то, что хотел, потому что другой человек не выдерживает всех этих упреков и видит в уступке единственный выход, чтобы разрядить обстановку.

— В отношениях, мне кажется, такое поведение просто невыносимо.

— Вот именно. Но ему каждый раз удается загнать Ингу в такой угол, что... Она тогда, два года назад, предложила ему сначала просто пожить какое-то время вместе, а пожениться позже. Мариус отреагировал на это депрессией. Он перестал есть, целыми днями лежал в постели и постоянно заявлял, что не может вынести того, что Инга его отвергла. Что она хочет тем самым дать ему понять, что он недостаточно хорош для нее. "В твоих глазах я *последний человек*", — повторял он снова и снова, — *самый последний*". Проблема настолько обострилась, что в один прекрасный день Инга неожиданно вступила в брак, к которому еще не была готова.

Кронборг неслышно вздохнул. То, что он узнал о Мариусе Хагенау, лишь утвердило в нем то недоброе чувство, которое этот молодой человек вызвал в нем, как только он о нем услышал. Вполне возможно, что они имеют дело с психопатом. Комиссар лишь надеялся, что Инге ничего не угрожает. Она не относилась к кругу тех, кого Мариус считал виновными в катастрофе своего детства, но пока эта женщина находится рядом с ним, она может неожиданно оказаться в крайней опасности. Наутро надо будет связаться с полицией юга Франции. Даже если Мариус не сообщил своей супруге пункт назначения их поездки, втайне он мог иметь совершенно четкое представление о том, куда должен пролегать их путь. Надо будет как можно скорее выяснить через регистрационные органы адрес Ребекки Брандт. Было чрезвычайно важным предупредить бывшую руководительницу организации "Детский крик". При этом, возможно, удастся обнаружить и Мариуса с Ингой...

Неожиданно полицейскому пришла в голову еще одна мысль.

— А что вы сами, собственно, знаете о вашем зяте? О его семье, его юности? О его прошлом?

Он буквально видел, как мать Инги отрицательно покачала головой.

— Я практически ничего о нем не знаю. И Инга тоже. Вокруг моего зятя все так запутано... Ах, мне действительно хотелось бы, чтобы Инга никогда его не встречала. Никто из нас не знает его родителей. Мариус лишь упомянул, что его отец в детстве превратил его жизнь в ад. Понятия не имею, что он имел в виду. Я также не знаю, кто его отец по профессии, где живет... Однажды, будучи в гостях у Инги, я посмотрела в телефонной книге сведения о *Петерсах*, но их там оказалось так много... Однако по-настоящему я все же не наводила справки — мне кажется, что я даже не хотела ничего знать. И Инга тоже. Во всяком случае, Мариус настаивал на том, чтобы после свадьбы взять фамилию Инги. Чтобы провести окончательную черту под его прошлым, как он выразился.

— Хм, — произнес Кронборг и решился сделать еще один шаг. Родители Инги были в Дании и, вероятно, не читали немецких газет, так что ничего не знали о двойном убийстве стариков Леновски. Но теперь пресса могла очень быстро узнать о существовании бывшего приемного сына убитых, и тогда на страницах газет появится портрет Мариуса Хагенау. Будет лучше, если семья Инги узнает обо всем заранее. — Вам не было известно, что Мариуса Петерса в возрасте шести лет забрали у его родных родителей? — спросил он. — Из-за в высшей степени пренебрежительного выполнения ими родительских обязанностей?

На другом конце провода воцарилось короткое растерянное молчание, а потом послышалось бурное дыхание.

— Нет, — ответила мать Инги, — нет. Это мне не было известно. И моей дочери наверняка тоже нет.

— Мариус Петерс вырос в семье приемных родителей. Фреда и Греты Леновски. Адвоката и его супруги.

Новости, видимо, действительно еще не дошли до матери Инги — она никак не отреагировала на упоминание фамилии Леновски.

— Ах... — только и произнесла она, а затем, видимо, предчувствуя недоброе, догадалась, что за вопросами комиссара о ее зяте крылось намного больше, чем Кронборг был готов признать. Ее дыхание участилось. — Что... что с моим зятем, господин комиссар? Что связывает его с преступлением, о котором вы упомянули? Что с его приемными родителями?

— Их убили, — ответил Кронборг, — но нет никаких гарантий, что Мариус Хагенау в этом замешан. Он — единственный родственник — почти — этих пожилых людей. Может быть, он больше знает об их жизни и сможет дать нам сведения о преступнике...

Собеседница ему не поверила. Она позвала своего мужа; при этом ее

голос оборвался и перешел в ужасные, растерянные рыдания.

Взобравшись на последние ступеньки, Инга вконец запыхалась. Подъем к соседнему дому был намного круче, чем к участку Ребекки, к тому же она была ослаблена, голодна и хотела пить. Но смертельный страх мобилизовал те ее силы, о существовании которых она даже не подозревала.

За все это время беглянка ни разу не остановилась. Проворно, как белка, она скользнула между скалами, не глядя вниз. Несмотря на то что ярко светила луна, Инга легко могла оступиться или споткнуться, а подвернутая лодыжка означала бы для нее конец. Но у нее, наверное, был хороший ангел-хранитель. Она спустилась вниз без происшествий и споткнулась уже на песке, после чего коротко оглянулась назад, со страхом ожидая увидеть Мариуса в виде огромной, черной тени высоко над собой, стоящего на утесе. Но там никого не было. Либо он еще не обнаружил ее побег, либо же ему ни на мгновение не пришла в голову мысль о том, что Инга могла выбрать этот абсурдный путь бегства через пляж.

Подъем был тяжелым, а поскольку она еще никогда не ходила по этим ступенькам и совершенно не знала, что ждет ее впереди, продвигалась Инга намного медленнее, чем могла бы. Некоторые ступеньки располагались так высоко, что женщина могла забраться на них только на четвереньках.

"Помоги мне, Господи, чтобы я смогла выдержать путь до деревни внизу!" — думала она.

Если Мариус все же вычислил ее путь, то он встретит ее здесь, наверху, с холодной улыбкой — это было бы в его духе. Сердце Инги начало бешено колотиться, как только она забралась на пригорок между последними двумя скалами. Если ее муж здесь, то для нее все потеряно. К тому же никто не услышит ее криков. Вероятность того, что хозяева этой летней усадьбы окажутся дома, была слишком мала.

Но ее никто не ждал. Никто не вынырнул из темноты, никто не схватил ее руку жесткой хваткой. Не было слышно никаких шагов. Под ней шумело море, где-то кричала чайка. В остальном все было тихо.

Инга двигалась пригнувшись, поскольку ее все еще можно было увидеть с утеса на другой стороне. Она проклинала яркий свет луны, хотя и знала при этом, что без него ей пришлось бы преодолевать спуск и подъем

через скалы намного медленнее и это было бы гораздо сложнее. Но в данный момент лунный свет был ее врагом. Если Мариус попытается отрезать ей путь в деревню, то при таком освещении ей придется нелегко.

Пройдя мимо еще какого-то участка, она оглянулась через плечо и поняла, что ее уже нельзя увидеть со стороны дома Ребекки. Тогда беглянка рискнула наконец вновь двигаться выпрямившись в полный рост. У нее колело в боку, легкие болели. Долгое сидение скрючившись, связанной на стуле в гостиной все еще давало о себе знать.

"Если б у меня был хоть глоток воды, то мои силы удвоились бы!"

Несмотря на то что ей нужно было пройти обходным путем через огромный участок, она все же сделала большой крюк к соседнему дому, лелея маленькую надежду, что в нем кто-нибудь окажется. Но и тут Инга была начеку: она не стала продвигаться напрямик через площадку, а оставалась у края, скрываясь под тенью отдельных деревьев. Он мог быть везде. Мог появиться с любой стороны.

Соседний дом был больше, чем у Ребекки, и выглядел немного бесвкусно — где-то эркер, где-то башенка, а многочисленные террасы были окружены белыми зубчатыми стенами. Усадьбе пытались придать испанско-мавританский стиль, который часто встречается в регионе Камарг, но здесь, в Провансе, он был не к месту. И самое главное — в доме совершенно точно никто не проживал. Коричневые оконные ставни были накрепко заперты, а их шарниры заросли паутиной, внутри было совсем темно. На покрытой щебнем площадке перед домом не было машин, а многочисленные чаши для цветов, стоящие вдоль ведущей вверх, к входной двери в дом, лестницы, пустовали. В это лето сюда никто не приехал. Может быть, хозяева наведаются в этот дом только в сентябре.

"Для меня, во всяком случае, будет уже слишком поздно".

Инга на мгновение притаилась у дома и попыталась успокоить дыхание. Теперь начиналась самая опасная часть пути — если она собиралась отправиться обратно, мимо дома Ребекки, чтобы добраться до деревни. Ей нельзя было громко пыхтеть, проползая через кустарники, — любой звук мог ее выдать. На секунду ею одолело искушение отказаться от этого плана и пойти по узкой улице в другом направлении. Дома Ребекки и ее соседей располагались довольно далеко от населенного пункта, и Инге была незнакома эта местность, но она предполагала, что дальше наверху тоже иногда встречались дома; есть надежда, что там есть люди. Но также могло стать, что она будет бесконечно идти вперед и никого не найдет. Она истратит свои последние силы и в конечном итоге заблудится в лесах Кап-Сисье, куда вела дорога.

Значит, надо брать направление на Лё-Брюске.
Мимо Мариуса.

Женщина не могла представить себе, что он мог все еще ничего не заметить, и со страхом спросила себя, что это обстоятельство могло означать для Ребекки Брандт. Привела ли она, Инга, своим побегом Мариуса в непредсказуемую ярость? Приходится ли Ребекке сейчас расплачиваться за это, и если да, то каким образом? Уже ради Ребекки теперь важно как можно скорее позвать на помощь. Таким образом было принято окончательное решение бежать в Лё-Брюске.

Заросли напротив дома Ребекки оказались самым важным союзником для беглянки. Здесь высоко разрослась трава и дико переплетались ветками кусты, живая изгородь и деревья. Инга держалась так глубоко в зарослях, как только могла. Продвижение вперед было чрезвычайно сложным, дорогу часто перекрывали колючие ветви, и ей приходилось мучительно пробираться сквозь них или обходить их большими кругами, тратя много времени. При этом ей ни в коем случае нельзя было сбиваться с направления. На протяжении многих километров здесь простирались луга и леса. Если Инга слишком далеко удалится от дороги, может случиться так, что она никогда не доберется до селения или же будет ходить кругами. Ей все время приходилось ловить взглядом серую ленту асфальта, освещенную луной, и в то же время не приближаться к ней слишком. Может быть, он как раз стоит совсем близко у края зарослей... Может быть, он рассчитывает изловить ее между кустами...

"Дыши спокойно. Не пыхти. Дыши абсолютно спокойно".

Инга нырнула мимо кустов ежевики, но была недостаточно внимательной, и длинная колючая ветка глубоко и больно полоснула ее по всей правой ноге. Женщина все еще была в ночной рубашке; сейчас она отдала бы целое состояние за джинсы, которые защитили бы ее кожу.

"Не думай об этом. Это сейчас не важно. Сейчас речь о твоей жизни. И о жизни Ребекки".

Инге удалось не вскрикнуть, несмотря на боль, но на глаза навернулись слезы, и ей пришлось стиснуть зубы. Женщина почувствовала, как по ее лодыжке потекла кровь, и ею стала овладевать паника. Она застрянет в этих чертовых зарослях. Она не найдет поселок. Мариус сотворит что-то ужасное с Ребеккой еще до того, как она сумеет позвать на помощь...

"Стоп! Ты же собиралась не думать об этом. Это ты можешь сделать позже. Сейчас все заключается только в том, чтобы пробраться вперед!"

Инга снова увидела дорогу и на секунду закрыла глаза от облегчения. Она ушла слишком далеко в сторону, но все еще была на правильном пути.

Беглянка стала напряженно всматриваться вперед. По ее расчетам, она уже должна была пройти немного дальше дома Ребекки. Если Инга не ошибалась, то теперь она находилась как раз напротив опустевшего сада, где они с Мариусом установили свою палатку. Но это, как ей казалось в данный момент, было в другом времени. В другой жизни.

Пока еще ни в коем случае нельзя пренебрегать осторожностью. Тут Инга спросила себя, можно ли вообще было назвать *осторожностью* все то, что она делала. По ее ощущению, она двигалась очень шумно. Здесь, у дороги, уже не был слышен шум моря, и тем отчетливее раздавался шелест кустов и ее тяжелое, полное страха дыхание.

Дальше, дальше... Женщина инстинктивно удалилась немного в глубь зарослей. Конечно, хорошо было знать, где проходит дорога, но она ни в коем случае не должна оказаться слишком близко к ней. И нужно остерегаться, чтобы движения не были слишком поспешными. Мариус должен предполагать за колебаниями высокой травы птицу или зайца, и ничего другого.

Инга пробиралась на четвереньках, ползла, толкая себя вперед. Над собой она видела переплетенные ветки, а за ними — ночное небо. Один раз из зарослей с резким криком вспорхнула и поднялась в воздух большая птица. Беглянка затаила дыхание и переждала несколько минут, прежде чем отправиться дальше. Сколько времени прошло? Могла она уже рискнуть выйти на дорогу?

Если она будет продолжать в том же духе, то доберется до Лё-Брюске не раньше чем через два-три часа. И не важно, что будет с ней, — главное, что это могло обернуться трагедией для Ребекки. По смутным представлениям Инги, она находилась примерно в километре от ее дома. Этого достаточно. Если Мариус до сих пор не появился, то теперь уже вряд ли появится. Его интересовала Ребекка. Может быть, он не рискнет оставить ее одну, без присмотра...

"Или же он на самом деле еще не обнаружил мой побег. Настолько углубился в разговор с Ребеккой, что и вовсе забыл про меня. В его безумии от него вполне можно ожидать такое".

Беглянка двинулась в сторону дороги. Это был трудный этап, так как здесь начинался лес и густой подлесок с разросшимися кустами ежевики делал продвижение вперед почти невозможным. Инга не раз слышала, как рвалась ткань ее ночной рубашки, да и сама она получила множество ссадин. Если предстать в таком виде в полиции, там сразу же подумают, что

она стала жертвой насилия.

В какой-то степени так оно и было.

Снова показалась дорога — она была темнее, чем до этого, потому что деревья справа и слева закрывали ее от света луны. Инга действительно продвинулась на приличное расстояние. Она глубоко вздохнула и поставила все на одну карту: покинула укрывающие ее заросли и пошла теперь, выпрямившись во весь рост, вдоль дороги — правда, у самой обочины, но, конечно же, видимая для каждого, кто оказался бы на этом пути.

Ничего не произошло. Ни резкого окрика Мариуса, позвавшего бы ее по имени, ни рук, которые схватили бы ее и крепко держали, ни кулака, который ударил бы ее в лицо.

Никого, кто внезапно бы появился из тени.

Инга тут же отбросила возрождающуюся в ней надежду. До тех пор пока не доберется до полицейского участка, она не поверит, что у нее получилось. Ей надо избегать любой неосторожности. Инга ускорила шаг, несмотря на то что мускулы ее ног почти невыносимо болели от долгого ползанья. Маленькие камешки на асфальте злобно врезались ей в ступни. А почему, собственно, она без обуви? Она ведь обула шлепанцы, когда в предпоследнюю ночь покинула свою комнату... Видимо, затем она сбросила их где-то в доме... Не важно. Зачем она вообще ломала себе голову над подобными незначительными вещами? Может быть, для того, чтобы не сойти с ума... Легче было думать об обуви, чем о том, что как раз сейчас Мариус творит с Ребеккой...

"Шагай, шагай, шагай. Игнорируй боль. Не оборачивайся назад. Не сбавляй темп. Позже у тебя будет уйма времени, чтобы отдохнуть. Но не сейчас. Не сейчас".

Инга вошла в ритм. Она шагала и дышала. Шаг за шагом, вдох за вдохом. Ей предстояло преодолеть еще приличное расстояние, но она уже прошла довольно много. Об этом ей следовало помнить, чтобы не потерять мужество. Это было как в той истории со стаканом. Классическое отличие оптимиста от пессимиста: первый видел его наполовину полным, второй — наполовину пустым. А как было в ее случае? "В целом я отношусь к типу людей, считающих стакан наполовину полным, — решила женщина. — Значит, сейчас я вижу то, что уже преодолела, а не то, что я еще не преодолела".

Она услышала звук автомобильного двигателя еще до того, как увидела свет фар, и резко остановилась, подумав, что ей это послышалось. Но тут же ей стало ясно, что гул, услышанный ею, действительно был

шумом мотора, шумом медленно приближавшейся машины. И тут она заметила огни фар сквозь деревья.

Посреди ночи, на одинокой проселочной дороге ей повстречалась машина! Может быть, это местный житель, поздно возвращающийся домой... Кто-то, кто сможет ей помочь... Кто возьмет ее с собой и сообщит в полицию... От облегчения — и изнеможения — из глаз у Инги хлынули слезы. Она больше не могла! Она умирала от жажды. Она ослабла от голода. Ее ноги готовы были в любой момент подкоситься. У нее все болело. Из многочисленных ссадин и царапин сочилась кровь. Она выбилась из сил.

Кое-как женщина дотащилась до середины дороги, подняла руки и стала размахивать ими.

Свет фар теперь падал прямо на нее. Они так слепили, что Инга не могла рассмотреть машину за ними. Но водитель должен был увидеть ее, у него просто не было других вариантов.

Автомобиль теперь ехал еще медленнее. Может быть, шофер не знал, останавливаться ему или нет?

"Он наверняка видит во мне опасность, — подумала Инга, — но и до этого он ехал с очень низкой скоростью. Почему бы ему так ползти?"

И в то же мгновение ее пронзила мысль, ставшая ответом на ее вопрос и повергнувшая ее в ужас.

Как она могла быть такой дурой? Такой легкомысленной идиоткой? Кто же мог ползти здесь на машине в такое время?! Кто-то, кто тщательно всматривался в лес направо и налево, кто старался ничего не пропустить, кто что-то искал и при любых обстоятельствах хотел найти... Кто-то, кто преследовал беглянку и был не настолько глуп, чтобы отправиться на охоту пешком!

Он взял машину Ребекки. Проехал до конца дороги, а теперь медленно ехал по ней обратно, потому что знал, что его жертва должна была попасть ему прямо в руки — все было только вопросом времени. Вопросом зоркости его глаз, его терпения и дальности света фар.

А Инга и вовсе облегчила ему дело. Встала посреди дороги и помахала ему рукой...

"Всему конец. Все потеряно. Все пропало".

Ее мучили позывы к рвоте. Инга инстинктивно шарахнулась назад, пытаясь убежать и зная, что это бесполезно; ее качнуло в сторону, и она с трудом выпрямилась, чтобы снова укрыться в зарослях, как зверь, который неожиданно предстал перед своим самым злейшим врагом. Ветки ежевики хлестали своими острыми шипами по ее рукам и лицу, она плакала от боли

и страха и не могла найти места, где ей удалось бы пробраться. Деревья могли стать ее последним, малюсеньким шансом, но лес здесь стоял стеной, а она была слишком слабой и обессиленной. В конце концов ее ноги подкосились, и она упала на землю, уткнувшись лицом в мягкий мох и зная, что сейчас ее схватят, вздернут вверх, а затем убьют.

Она услышала, как хлопнула дверца машины. Это конец.

Неожиданно нежные руки коснулись плеч Инги и очень осторожно повернули ее. Она, не открывая глаз, подняла руку, защищая лицо.

— Инга! — произнес с удивлением мужской голос. И это не был голос ее мужа.

Женщина открыла глаза. Фары машины давали достаточно света, и она узнала лицо Максимилиана.

Он уставился на нее с удивлением и беспокойством.

— Инга, — снова повторил он, — боже мой!

Она хотела что-то сказать, но голос не слушался ее, и единственное, что она смогла издать, был невнятный хрип.

8

Пронзительно пахло чем-то подгоревшим. Весь дом был пропитан этим запахом. Ребекка надеялась, что рядом с пылающей конфоркой плиты не было ничего воспламеняющегося. Она понятия не имела, отреагирует ли вообще Мариус на горящий дом.

Он сидел напротив нее на полу спальни, съежившись в жалкий комок. Его пропотевшие волосы торчали во все стороны. Он уставился перед собой.

— Она покинула меня. Она никогда меня не любила. Она видит во мне последнее дерьмо. В ее глазах я — ничто.

Ребекка знала: ей нужно тщательно взвесить все, что она сейчас скажет. В данный момент Мариус был слабым и жалким, как подстреленный зверь, но его слабость могла в любой момент обернуться агрессией.

Положение пленницы обострилось. И это как раз в тот момент, когда ей удалось немного его расслабить...

Он рассказал ей страшные вещи. Об унижениях и оскорблениях, которые причинял ему Фред Леновски. О своем голоде, о страхе. О том, как Фред наслаждался его страхом. Как Грета молча наблюдала за тем, как ее муж мучил его. А еще Мариус рассказал о своем разговоре с Сабриной

Бальдини.

— Я ей все это рассказал. *Все, слышишь, все, что рассказал сейчас тебе. "Детский крик" — смех, да и только!* Ваши расчудесные брошюры, призывающие, чтобы к вам обращались, если появятся проблемы... Вы всегда выслушаете, вы поможете, чем только сможете... Да это все просто липа! Сплошное шоу! Когда дело действительно доходило до крайности, вы бросали ребенка в беде. У Фреда Леновски имелись связи, и он был уважаемым гражданином. С таким ведь не схлестываются. Тут надо просто закрыть рот и промолчать. В таком случае просто пропускаешь мимо ушей то, что рассказывает маленький соплик из асоциальной среды...

Ребекка начала его понимать. Его ненависть, его горечь. И, что было самым странным, верила каждому его слову. Все, что Мариус рассказывал о своих приемных родителях, вызывало в ней сочувствие, ярость и ужас — но не сомнения. Что-то в его лице, в его голосе подсказывало ей, что он не сочиняет. Мариус мог быть больным, мог быть психопатом, что неудивительно, учитывая его детство и юность, но он не врал. Не сейчас. Ребекка чувствовала истинную боль, которую вызывали в нем эти воспоминания.

Он не врал, но, к сожалению, это не делало его менее опасным. Наоборот.

Преимущество Ребекки было в том, что она ему действительно верила. В ее ситуации она и так сделала бы вид, что верит в его историю, но Мариус был чрезвычайно чувствительным — как раз-таки в своем безумии. Он бы заметил, если б она притворялась. Так же, как через некоторое время понял, что она была честной по отношению к нему. Ребекка могла прочесть это по его мимике. Его поведение стало менее враждебным.

Но положение могло в любой момент измениться — в этом у нее не было никаких иллюзий.

Она объяснила Мариусу, что ничего не знала о его звонке по телефону доверия, и тут он вспыхнул гневом.

— Ты пытаешься спасти свою шкуру, — презрительно заявил он, — ты знаешь, что сидишь в ловушке, и теперь стараешься вытащить свою голову из петли... Ты просто жалкий комок грязи, тебе никто еще об этом не говорил?

— Я бы призналась в этом, если б знала. Но я не имела дела с телефоном доверия. До меня доходила только самая малость из того, что там обсуждалось. Понимаете, я была управляющей делами этой организации и занималась в основном управлением. Деньгами, которые к

нам поступали, оплатой моих сотрудников... подобными вещами. Если я правильно просчитала, то в то время, когда к нам поступали ваши звонки, я интенсивно занималась организацией групповых встреч для одиноких матерей. Мы пытались предоставить им возможность пообщаться с другими женщинами, находящимися в подобной ситуации, предложить им встречи для игр, экскурсий и общения. Все в таком роде... — Ребекка видела по лицу Мариуса, что его это ни капельки не интересовало. — Я только хочу сказать, — завершила она свою речь, — что была бы совершенно перегружена, если б мне пришлось самой заниматься каждым отдельным случаем из практики службы телефона доверия.

Она могла заметить, что до Мариуса стали доходить ее пояснения, хотя он все еще продолжал противиться этому.

После этого Ребекка осторожно попыталась добиться его понимания и по отношению к Сабрине Бальдини.

— Ваше дело попадало в компетенцию учреждения по делам детей и подростков. Сабрина Бальдини не могла предпринять что-либо еще, кроме как оповестить это учреждение. Я предполагаю, что там ее заверили в том, что займутся этим делом. На этом ее роль заканчивалась.

— Я звонил еще раз.

— И все прошло таким же образом. Мариус, мы не могли предпринимать собственные шаги через голову учреждения по делам детей и подростков. Пожалуйста, поймите это.

— Если б ты и эта дрянь из телефона доверия проявили бы хоть немного участия, то вы очень быстро узнали бы, что моего приемного отца защищали очень влиятельные люди. Что мое дело было одним чудовищным свинством. И тогда вы смогли бы что-то предпринять. Пресса налетела бы на эту историю, как мухи на мед, и произошел бы гигантский скандал.

Ребекка посмотрела на своего учителя в надежде, что он почувствует откровенность и серьезность ее слов.

— Мариус, мне тяжело судить о тех вещах, что происходили тогда. Я клянусь вам, что действительно ничего об этом не знала. Но если вы предоставите мне возможность, я попытаюсь исправить то свое упущение и упущение моей организации. Я могу активировать свои прежние контакты и собрать обширные сведения. Я снова раскручу все это дело, и, может быть, мне удастся добиться, чтобы всех ответственных за него привлекли к ответу. И прежде всего Фреда Леновски. Но и других тоже. Всю шайку. Я знаю, что все это ничего не изменит в тех долгих годах страдания, что вам пришлось испытать, но, может быть, если преступники

не останутся безнаказанными, это частично избавит вас от чувства того, что вы — вечная жертва...

Ребекка достучалась до него, она могла это почувствовать — и с этого момента все пошло в гору. Мариус прямо-таки ухватился за мысль увидеть всех своих обидчиков на скамье подсудимых. Он начал ходить туда-сюда, словно внезапно освободился от глубокой усталости, которая так мучила его в предшествующие часы; он говорил, жестикулировал, разбрасывался именами и обвинениями, рассказывал о доказательствах, которые он мог предоставить, и о стратегиях, которые надо будет применить, чтобы прижать обвиняемых. Временами он так быстро перескакивал от одной персоны к другой, что Ребекка не могла следить за ходом его мыслей, но она пыталась понять его, насколько это было возможно. Ей удалось сделать кое-что очень важное: она стала его союзником. С тех пор, как он увидел в ней сообщницу, а не врага, ее жизнь больше не висела на тонкой ниточке. Но чтобы удержать в нем уверенность в том, что она на его стороне, потребуется умение балансировать. Мариус болен, у него тяжелое психическое заболевание. И поэтому он в любом случае оставался для Ребекки непредсказуемым.

В какой-то момент он заявил, что сварит что-нибудь поесть. Брандт оценила это как невероятно хороший признак. Как крошечный шаг обратно в нормальную жизнь.

Она слышала, как он гремел на кухне посудой. Шкафы и выдвижные ящички открывались и закрывались, а один раз он даже начал что-то тихо насвистывать себе под нос. Ребекка предложила ему перспективу, которая приходилась Мариусу все больше и больше по душе.

"Боже мой, — молча молилась она, — пусть у него не возникнет никаких сомнений!"

Малейшее сомнение могло перевернуть все с ног на голову. Возможно, этот человек и был необычайно одаренным и успешным студентом, но он, несомненно, оставался совершенно иррациональным, когда дело касалось его основной проблемы. Самая ничтожная мелочь могла разрушить его доверие к Ребекке, и неизвестно, сможет ли тогда призыв к благоразумию еще что-либо изменить в нем. Она также надеялась, что Мариус когда-нибудь осознает проблему своего нападения на них с Ингой. Он забрался в дом и уже больше двух суток держал их в плену. Он нарушил закон. Могут возникнуть трудности, когда он поймет, что может сам оказаться на скамье подсудимых.

А потом произошла катастрофа.

Ребекка вдруг услышала его рев:

— Этого не может быть! Такого не может быть! Эта чертова шлюха! Чертова шлюха!!!

Хлопали двери, звенели оконные стекла. А затем послышались поспешные шаги на лестнице. Мариус показался в дверях. Его лицо было бледным как мел.

— Ее нет, — сказал он. — Инга скрылась! Эта чертова предательница сбежала!

Он не стал ждать ответа и снова помчался вниз. Ребекка слышала, как он зовет в саду свою жену.

— Инга! Инга, черт побери, где ты?! Инга, сейчас же вернись обратно! Если ты сейчас же не вернешься, то узнаешь меня с самой плохой стороны!

"Сейчас у него сдадут нервы", — подумала Ребекка. Ее шансы успокоить Мариуса и подвести всю эту историю к хорошему концу значительно уменьшились, если не вовсе испарились. Побег Инги случился в такой неподходящий момент, какой только можно себе вообразить, — или же Мариус обнаружил это в совершенно неподходящее время. Может быть, молодая женщина исчезла еще утром...

"Нет, — подумала Ребекка, — этого не может быть. Тогда бы здесь уже давно была полиция".

Инга могла сбежать только недавно. Только б она не блуждала здесь, на участке! Только б ей удалось скрыться! Теперь, когда Мариус решил, что его предали и обманули, полиция была единственным шансом Ребекки на спасение.

Спустя какое-то время Мариус вновь поднялся вверх. Его лицо было мокрым от пота, бледным; губы посерели, руки снова начали трястись.

— Я этого не понимаю. Я этого не понимаю. Я этого не понимаю!

К несчастью — видимо, еще до того, как обнаружил побег Инги, — он поставил на плиту какую-то еду. Отсюда и этот резкий запах чего-то подгоревшего, который Мариус, казалось, вообще не замечал.

— Чего она мне только ни говорила! Что она любит меня, что она всегда будет вместе со мной, что я ее самая большая любовь, бла-бла-бла... Если б ты ее слышала! А теперь вот это! Теперь она творит такое! Эта мерзкая, коварная дрянь!!!

— Но это ведь не означает, что она вас больше не любит, Мариус, — попыталась убедить его Брандт. — Она боялась. Попробуйте поставить себя на ее место! Вы ее связали, угрожали ей, а Инга понятия не имела, за что. Ведь она, должно быть, восприняла все это как кошмарный сон. И в какой-то момент, наверное, решила укрыться в безопасном месте...

Мариус лихорадочно утер свое блестевшее, взмокшее лицо о

предплечье.

— Но ты ведь этого не сделала! Ты начала меня понимать!

— Потому что вы предоставили мне такую возможность. Мы сидим здесь бесконечно долго. Со временем я узнала всевозможные подробности вашей истории, поэтому мне легче вас понять. А Инге? Вы ей вообще что-нибудь рассказали?

Мужчине удалось на мгновенье отстранить боль и злобу и задуматься.

— Я кое на что намекнул ей...

— На что, Мариус? Что знает Инга?

Ребекка могла видеть, насколько его утомляло размышление над этим вопросом. Целая вечность без сна. Целая вечность без еды. И едва ли он что-нибудь пил. К тому же — сильнейший стресс, вызванный тяжелыми воспоминаниями и рассказом о своей жизни...

"Еще немного, — подумала женщина, — и он сломается".

— Я рассказал ей о своих родителях. О своих настоящих родителях. Что там... что там были проблемы. Она знает о бабе из социалки, которая сломала нашу жизнь. Мне кажется... — В напряженной попытке вспомнить у Мариуса на мгновение стали косить глаза. — Мне кажется, — неуверенно произнес он, — больше она ничего не знает.

Ребекка тут же ухватила за это:

— Вот видите! Если она ничего не знает о Леновски, то она вообще не имеет понятия о том, что происходит! Что она может понять? Ваше поведение показалось ей совершенно необъяснимым, и наверняка она испытывала лишь страх. Поэтому и сбежала.

— Я — последнее дерьмо в ее глазах. — Краткое пребывание Мариуса в состоянии, когда он мог быть благоразумным, снова закончилось. Он опять понесся по опасной спирали комплекса неполноценности, страха и ранимости. — Так было всегда. Я рассказывал тебе, что вначале она не хотела выходить за меня замуж? Она постоянно искала какие-то отговорки. "*Мы слишком молоды*", "*мы еще не узнали друг друга как следует*", "*дай нам время*"... На самом деле я просто был недостаточно хорош для нее. Она надеялась, что ей встретится кто-нибудь получше!

— Я так не считаю, — сказала Ребекка. — Ведь она в конечном итоге вышла за вас замуж. Мариус, вы очень склонны к тому, чтобы все проецировать на себя, причем таким образом, чтобы всегда выставлять себя проигравшим. Вы не могли бы представить себе, что есть люди, которые искренне вас любят? Инга, например, все время рассказывала мне с уважением и восхищением о вашей превосходной успеваемости в университете. Понимаете, женщина может быть чрезвычайно очарованной

вами, но тем не менее ей понадобится гораздо больше времени для такого важного шага, как свадьба, чем вам. Это зависит от женщины, от структуры ее личности, но не связывается автоматически с вами.

Мужчина враждебно глянул на пленницу.

— Да заткнись ты с этой своей психочепухой, — сказал он. — Все это — лишь глупые слова!

— Мариус, я...

— Я сказал, чтобы ты заткнулась! — заорал он и вскочил. Его лицо было настолько бледным, что Ребекке показалось, что он в любое мгновение может потерять сознание. Но вместо этого Мариус снова сделал несколько больших шагов вперед и назад. Его движения были несдержанными и агрессивными. — Что она сейчас делает, эта дрянь? Как ты думаешь, что она предпримет в первую очередь?

— Инга?

— Нет, Дева Мария! — рявкнул разъяренный мужчина. — Конечно же, Инга, ты, госпожа Защитница Детей; о ком же еще я говорю все это время?!

— Я не знаю, что она сейчас делает.

Мариус остановился рядом со своей жертвой. От него так интенсивно несло потом, что Ребекке чуть не сделалось плохо. Она попыталась дышать только через рот.

— Конечно же, знаешь, ты, чертова мерзавка! Ну-ка скажи, ты что, считаешь меня таким тупым?! В твоих глазах я только кусок дерьма, не так ли? Тот, что всплыл из самых глубин канализации. С которым можно делать все что угодно!

"О, только не все сначала!" — подумала Брандт. Но еще до того, как включился ее разум, чтобы подсказать ей быть осторожной и взять себя в руки, она вдруг выпалила:

— Да прекратите вы, наконец, эту старую песню!

Мариус уставился на нее безумным взглядом, и она с ужасом подумала: "Ты сошла с ума! Еще и провоцируешь его! Боже мой, как я могла такое сказать?!"

Но, к ее удивлению, ничего не произошло. Напротив, ее мучитель, казалось, даже немного успокоился.

— О'кей, — произнес Мариус, — о'кей. Мне надо подумать.

И снова он начал ходить по комнате: несколько больших шагов взад и вперед. В доме все сильнее пахло дымом, и Ребекке показалось, что первые клубы его уже проникли в комнату.

— Она пойдет в полицию, — сказал Мариус. — Поверь мне, я знаю Ингу. Она же та еще оторва... Знаешь, ей очень повезло, что я на ней

женился. Она никогда не нашла бы себе другого. Она была известна тем, что почти вся Северная Германия ее трахала. Такая, как она, ни перед чем не остановится, чтобы заявить в полицию на собственного мужа.

Ребекка ничего не сказала в ответ. Да и что ей было сказать? Скорее всего, он был прав: Инга пойдет в полицию.

"Поторопись, девочка, — взмолилась она про себя, — пожалуйста, поторопись!"

— А это значит, — произнес Мариус, — что пока здесь не появились полиция, нам надо уйти отсюда.

Ребекку охватил ужас. Побег с душевнобольным человеком посреди ночи обострит ситуацию и в конечном итоге ухудшит ее до предела. Она уже представила себе, как, спотыкаясь, идет по краю отвесных скал над морем, подгоняемая мужчиной, для которого собственная жизнь уже ничего не значит, а над ними кружат полицейские вертолеты...

— Это ведь бесполезно, Мариус, — попыталась она образумить его. — Куда мы можем сбежать? Они найдут нас, и...

— Замолчи! — крикнул мужчина. — У меня есть план. Мы возьмем яхту.

— Яхту?

— На ней мы переберемся в Африку.

Он окончательно сошел с ума.

— Ты знаешь, сколько людей так утонуло? Мы не справимся, — стала осторожно возражать Ребекка. — Я никогда не получала прав на управление судном и не смогу тебе помочь.

Она впервые обратилась к этому мужчине на "ты". Это произошло непроизвольно, а возможно, это была неосознанная попытка восстановить близость, которая однажды уже сложилась между ними. Мариус не стал возражать. Либо он не заметил этого вовсе, либо же был не против.

Однако смотрел он на нее с презрением.

— Мне не нужна твоя помощь. Я очень хороший капитан. Фред Леновски научил меня.

Упоминание этого имени позволило Ребекке сделать последнюю попытку.

— Мариус, мы ведь обдумывали, что попытаемся привлечь к ответственности Фреда Леновски и тех людей, кто в ответе за то, что он причинил тебе. Я обещала тебе помочь, и я говорю это на полном серьезе. Я считаю, что у нас хорошие шансы. Но не в том случае, если мы сбежим в Африку. От этого никому не будет пользы. Даже если нам это удастся, в чем я глубоко сомневаюсь, ты никогда не найдешь покой таким путем. И

потом... ты нарушишь закон. Поскольку то, что ты делаешь, считается похищением. А если ты сам преступишь закон, то потеряешь в глазах судей убедительность. Но ты ведь хочешь победить, не так ли? Ты ведь хочешь показать им! Пожалуйста, Мариус, не делай тогда ничего такого, что сделало бы тебя уязвимым!

На какое-то мгновение женщина увидела проблеск разума в его взгляде, и у нее появилась маленькая надежда, что она достучалась до него и смогла призвать его к благоразумию. Но затем этот проблеск — который, возможно, был только в ее воображении — снова исчез. Его глаза были пустыми и темными.

— Мы сматываемся, — отрезал Мариус.

— Я до смерти боюсь. Пожалуйста, доверься мне!

— Мне больше нечего терять.

Ребекка спросила себя, что он имел в виду, и расплакалась, а он в это время стал развязывать на ней веревку.

9

Максимилиан Кемпер осторожно помог Инге подняться на ноги, и она вдруг поняла, что вся дрожит. Может быть, она дрожала все время, но заметила это только теперь.

— Потихоньку, — успокаивающе произнес Кемпер, — потихоньку. Всё в порядке, Инга. Успокойтесь.

Он понятия не имел, о чем говорил. Ничего не было в порядке. Женщина попыталась сказать ему об этом, но не смогла произнести ни звука.

— Вы сейчас мне все расскажете, — сказал Максимилиан, очевидно заметив ее безуспешные попытки говорить. — Но сначала отдышитесь. Пойдемте. Сядем в мою машину.

Опираясь на его руку, Инга прохромала к автомобилю. Какими же слабыми были ее ноги! Как она вообще смогла так далеко пройти? Она опустилась на мягкое пассажирское сиденье и ощутила что-то вроде дежавю: как тогда — казалось, с тех пор прошла вечность, хотя это было всего лишь восемь дней назад, — когда она сидела на корточках у обочины дороги в той богом забытой деревушке, в тот знойный день... Она была тогда такой обессиленной и изможденной, что не могла пройти дальше ни шагу на своих стертых ногах. Максимилиан появился словно ниоткуда, и она так же, как и сейчас, с благодарностью и облегчением села в его

машину. У него был талант появляться в тот момент, когда все уже совсем плохо.

"Но ты не должна сейчас расслабляться. Ребекка в большой опасности!"

Кемпер сел рядом с Ингой, заглушил мотор и включил маленькую лампочку над зеркалом заднего вида. Приглядевшись к спасенной женщине, он испугался ее вида.

— Боже мой, — произнес он, — ваше лицо... кто это сделал?

Тут Инга вспомнила о своем заплывшем глазе. Он словно горел, да и все ее лицо ныло от тянущей боли; и даже если оно выглядело не настолько ужасно, как ощущалось... К тому же еще ее порванная ночная рубашка и множество кровавых ссадин на ногах. Словно женщина побывала в руках разбойников.

Она, собственно, хотела немедленно рассказать о Мариусе и о том, что Ребекке нужна помощь, но как только ей удалось произнести хоть слово, она выдавила из себя только самую элементарную просьбу — о том, в чем особенно остро нуждалась.

— Воды...

— Простите, мне сразу же надо было подумать об этом, — произнес Максимилиан. Он пошарил на заднем сиденье и достал наполовину полную бутылку с минеральной водой. — Уже не совсем холодная, но лучше, чем ничего.

Инга приложила бутылку ко рту и стала пить. Она пила большими жадными глотками, все пила и пила, будто и не собиралась остановиться, и отняла бутылку ото рта, лишь когда та опустела. Не то чтобы после этого женщина мгновенно ощутила прилив сил, но ей стало немного лучше. Она почувствовала себя ближе к живым, чем к мертвым, до этого же все было наоборот.

— Мариус, — произнесла женщина, — мы должны... он опасен...

В глазах Кемпера появилось беспокойство.

— Это Мариус сделал с вами?

Инга кивнула.

— Он... сумасшедший, Максимилиан. Совершенно сумасшедший.

— Где он?

— У Ребекки. Я... я смогла сбежать, но она все еще с ним в доме.

— В ее доме?

Женщина снова кивнула. Кемпер выключил свет и завел мотор. Фары осветили края дороги и деревья, превратив лес в зловещее, таинственное место.

— Нам надо в полицию, — сказала Инга.

Максимилиан покачал головой.

— Это слишком долго. Или вы знаете, где находится полицейский участок в Лё-Брюске? Если он вообще есть в этом маленьком селении... Нет, мы сейчас поедem напрямиком к Ребекке.

— А если нам позвонить...

Мужчина уставился на дорогу, не взглянув на пассажирку.

— Заряд на моем мобильнике кончился. А у вас, наверное, телефона с собой нет. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Он действительно опасен, Максимилиан! Вы не должны его недооценивать. Мы, может быть, не справимся с ним. Он совершенно безумен.

— Я знаю, — произнес Кемпер. Он ехал быстро и сосредоточенно, лицо его было очень напряженным.

— Вы это знаете?

— Как вы думаете, почему я появился здесь среди ночи? — Максимилиан коротко взглянул на Ингу, а затем снова устремил взгляд вперед. — Вы, наверное, не читали здесь немецких газет, так? В Германии все газеты переполнены сообщениями об отвратительном двойном убийстве. Убили пожилую супружескую пару — или, точнее сказать, их три дня держали в их собственном доме и замучили до смерти. Как выяснила полиция, у пожилых людей был приемный сын. Мариус.

Инга попыталась осознать услышанное. В голове у нее все завертелось.

— Мариус? — переспросила она.

— Я знаю только то, что написано в газетах, — сказал Максимилиан, — и многое мне показалось спекуляцией. Но факт в том, что немецкая полиция интенсивно разыскивает Мариуса. Об этом не сказано прямо, но речь идет об очень плохих отношениях между ним и приемными родителями. Возможно, его считают подозреваемым. А официально сказано, что с ним просто желают вступить в контакт, потому что он единственный родственник этих двух стариков.

Инга не могла избавиться от ощущения головокружения.

— Он рассказывал мне, что его отняли у родных родителей, — произнесла она, и ее голос был почти беззвучным. — С ним жестоко обращались. Вчера он рассказал мне об этом. До того момента я ничего не знала.

— Вчера вечером я увидел его фото в газете и уж тогда не выдержал. Так что сегодня утром, ни свет ни заря, отправился в путь. Дороги

буквально битком забиты. Я никак не мог раньше... — Дальше Кемпер ничего не сказал, лишь ударил кулаком по рулю. Инга посмотрела на него со стороны. Его плотно сжатые губы побелели.

"Он любит Ребекку, — подумала женщина, — и страшно тревожится за нее".

Максимилиан, словно догадавшись о ее мыслях, произнес:

— Я больше не хотел с ней общаться. Я уехал отсюда, потому что она ясно дала мне понять, что не желает видеть меня в своей жизни. И я подумал... я не хотел смотреть, как она погибает. Видеть ее саморазрушение. Я хотел только убраться и выбросить ее из головы. Но затем я увидел фото Мариуса... в конце концов, я был тем самым человеком, кто, так сказать, посадил его у Ребекки перед дверью. У меня вдруг появилось страшное предчувствие — и оно явно не обмануло меня.

Кемпер многозначительно взглянул на избитое лицо Инги, наливающегося сине-зеленым цветом.

— Вы думаете, это он убил своих приемных родителей? — спросила она. Хотя и так знала ответ.

— Да, — коротко ответил Максимилиан. Он затормозил и выключил фары, так что его спутница видела теперь только его очертания. — Как вы только что сказали, Инга, он сумасшедший. На всю голову. — Он открыл дверцу машины. — Последние метры я пройду пешком — они не должны услышать меня.

— Я пойду с вами, — сказала Инга и собралась тоже выйти из машины. Кемпер не грубо, но очень энергично вжал ее обратно в сиденье.

— Вы совершенно измотаны. В данный момент вы ничем не можете помочь мне. Вы будете ждать здесь.

— Максимилиан, я...

— Так оно будет лучше, поверьте. Вы только скажите мне, где именно эти двое сейчас находятся в доме.

— Ребекка — наверху, в своей спальне. Связанная. Мариус был до недавнего времени на кухне. Но сейчас... он либо снова с ней, либо ищет меня. — Женщине пришлось с усилием сглотнуть, потому что ее на мгновение захлестнул страх. — Максимилиан, а если он вдруг появится здесь...

— Успокойтесь. Когда я выйду из машины, вы нажмете кнопку центральной блокировки. Тогда никто просто сюда не заберется. А если он действительно здесь появится, тогда посигнальте. Я услышу вас и тут же приду. Договорились?

Мужчина улыбнулся Инге и покинул машину. Какое-то время она еще

могла видеть его при свете луны, а затем он скрылся за поворотом.

Инга спрятала лицо в ладони. Она боялась, и ей была почти невыносима мысль, что придется ждать, не зная, что происходит.

* * *

Было ясно, что Максимилиан поступил правильно, не взяв ее с собой. С каждой минутой Инга все яснее понимала, насколько она ослабела физически. Во время своего побега, когда ей не оставалось ничего другого, как выдюжить и не поддаться слабости, она использовала резервы, о существовании которых даже и не знала, а сейчас была вялой и обессиленной, как выжатая половая тряпка. Ее лицо болело теперь сильнее, особенно в области челюсти, заплывший глаз горел огнем, а сквозь ушибленное ухо голову насквозь простреливали иглы. Она целую вечность ничего не ела и ослабела от голода. В принципе, Инга даже не могла представить себе, как сделать хоть один-единственный шаг. Когда она сказала Максимилиану, что хочет пойти с ним, то совершенно переоценила себя. А тот, напротив, правильно оценил ее состояние.

И все же это все больше похоже на пытку — сидеть здесь и ждать. А сколько, собственно, прошло времени? Двадцать минут? Полчаса? Часы в машине показывали почти половину двенадцатого, но это не особо помогло Инге, потому что она забыла засечь время, когда уходил Кемпер. Ей казалось, что прошла вечность. Но, может быть, она и ошибалась...

Инга сидела в этой герметично закрытой машине, постоянно испуганно поглядывая по сторонам, потому что в любой момент ожидала увидеть между деревьями своего сумасшедшего мужа, и отчаянно думала о том, какие сцены сейчас могли разыгрываться в доме Ребекки. Настоящий поединок, мужчина против мужчины? Максимилиан, который избивает Мариуса, бьет его кулаком в живот, снова и снова? Он ушел с решимостью мужчины, который хочет освободить из когтей огнедышащего дракона любимую женщину — с окрыляющей решимостью.

"Как же глупо со стороны Ребекки не замечать его любовь! — подумала Инга. — Предаваться здесь скорби, вместо того чтобы вместе с Максимилианом снова попробовать стать счастливой..."

Если появится возможность, она скажет об этом Ребекке. Несмотря на риск, что ее могут грубо поставить на место. Но Ребекка должна хоть один раз услышать, что она может упустить очень большой шанс.

Если появится возможность...

Представали перед глазами Инги и другие картины. Если Максимилиану не удалось застать Мариуса врасплох, то сцены в доме могли выглядеть совсем иначе. Кто сказал ей, что Кемпер более силен? Мариус на двадцать лет моложе, ему придают силы его безумие и годы мучений. Он может оказаться победителем — и это будет конец. Для Ребекки. А может быть, и для нее, Инги...

Максимилиан не оставил в замке зажигания ключ от машины. А собственно, почему? Может быть, по привычке... Во всяком случае, она не сможет отсюда уехать. Только сбежать пешком, а на это у нее нет сил.

"Мариус совершенно измотан. Он не спал уже целую вечность. Не ел. И едва ли что-то пил. А Максимилиан, несмотря на длительную поездку, намного более отдохнувший. А значит, он сильнее. Он одолеет Мариуса".

Женщина стала снова и снова внушать себе эту мысль. Это, однако, мало что меняло в ее опасениях. И потом, разве Максимилиан не должен был уже давно вернуться, если ему удалось освободить Ребекку?

Без двадцати двенадцать. Все это тянется слишком долго...

Хотя действительно ли долго? Во всяком случае, Инга не имела никакого представления о течении времени в подобных ситуациях. Сколько времени обычно надо, чтобы обезвредить бушующего психопата — а ее муж как раз был таковым — и освободить человека из его власти? Должно быть, немного. Либо это сработает, либо нет. Все должно решиться за несколько секунд.

А что, если Максимилиан вообще не застал Мариуса? Если тот бродит где-то в ночи в поисках своей сбежавшей жены? Тогда Кемпер мог без труда освободить Ребекку. Он пришел бы с ней к машине, и они могли бы наконец убраться отсюда, сообщить в полицию и положить конец этому кошмару...

Почему же они не идут? Уже скоро полночь. Что-то тут не в порядке. "Если б я могла хотя бы завести машину, — подумала Инга, — то мне удалось бы по крайней мере привезти помощь".

Если Максимилиан с Ребеккой не придут, ей не останется ничего другого, как выйти из машины, еще раз пойти пешком к дому и посмотреть, что происходит. Может быть, Максимилиан в тяжелом положении? Правда, Инга считала более чем невероятным, что именно она сможет помочь ему; кроме того, ей стало прямо-таки дурно от страха, когда она представила, что ей придется вновь оказаться перед Мариусом. Но альтернативой этому было продолжать сидеть в машине и бездействовать, и она боялась, что в ближайшие четверть часа это приведет ее к нервному срыву.

"Я должна сейчас же узнать, что происходит".

Оставалось под вопросом, сможет ли она в своем состоянии добраться до дома Ребекки. Инга еще раз потянулась к бутылке с водой, которую перед этим дал ей Максимилиан, но та была пуста — она действительно выпила все до дна. Ее все еще страшно мучила жажда. В темноте женщина пошарила по заднему сиденью. Может быть, у него там есть еще что-нибудь попить... или даже поесть?

Рука нащупала маленький твердый предмет. Мобильник. Инга взяла его и с удивлением уставилась на дисплей, который засветился от ее прикосновения. Мобильник был полностью заряжен и находился в зоне доступа. Почему же Максимилиан перед этим утверждал, что у телефона кончилась зарядка и позвонить нельзя? Может быть, он просто ошибся, или...

"Или он не хотел, чтобы приехала полиция, — подумала Инга. — Он хочет сам освободить Ребекку. Хочет быть спасителем, который убьет дракона. Может быть, именно в этом он видит свой шанс завоевать ее сердце и не учитывает риск. Порой мужчины так по-идиотски себя ведут!"

Но ей было мало проку от того, что у нее был телефон, так как она не знала экстренный номер французской полиции. На мгновение ей пришла в голову мысль попробовать позвонить в немецкую полицию. Уж в центральную службу какого-нибудь полицейского участка она попадет, а затем объяснит, что находится в лесу недалеко от Кап-Сисье на юге Франции и что разыскиваемый в Германии Мариус Хагенау находится в доме в нескольких сотнях метров от нее, что у него в плену женщина, но он, возможно, уже схвачен только что прибывшим врачом из Германии... Который, опять-таки, почему-то тоже не появляется, и поэтому она беспокоится...

Но если действовать этим путем, пройдет целая вечность, пока кто-нибудь в полиции пошевелится. Инга решительно разблокировала замок и открыла дверцу машины. Мобильник она сунула под ночную рубашку, под резинку от трусов — может быть, он еще ей понадобится.

Она сделала первые несколько шагов и едва не упала; ее ноги были как желе. На мгновение у Инги все потемнело перед глазами. Женщина остановилась и глубоко вдохнула. Ей стало лучше. Она снова могла видеть, и ноги тоже стали немного устойчивее.

Машина была для нее словно защитной пленкой, частицей безопасности посреди хаоса, насилия и невероятных вещей, произошедших за последние сорок восемь часов. Ингой овладел неконтролируемый страх, и ей пришлось еще раз остановиться, еще раз глубоко вдохнуть. Пот пробивался через все ее поры. Она уже было собралась опять скрыться в

автомобиле, свернуться клубком и ждать утра, ждать, пока не покажутся другие люди... Но тогда, возможно, будет уже поздно. Для Ребекки. А может быть, и для Максимилиана...

Инга сжала зубы и пошла вперед.

Пятница, 30 июля

1

Дом был таким темным и молчаливым, словно все его покинули. Черные окна, нигде ни лучика света... Ничто не шевелилось. Только деревья вдоль ограды в саду тихо шелестели от ночного ветерка.

Инга приближалась к дому со стороны фасада. Обходной путь через скалы и побережье не улучшил бы ее положение — лишь стоил бы ей времени и сил, которых у нее больше не было. "Да и все равно, с какой стороны я подойду к своей судьбе", — подумала она. Ей так хотелось позвать Максимилиана или Ребекку, но она не решалась на это до тех пор, пока не поймет, что произошло.

Женщина воспользовалась прикрытием деревьев, чтобы подойти к дому. Она прикоснулась к толстой каменной стене и лишь тогда заметила, что во время всего пути через сад она не дышала.

Прямо над ней находилось разбитое окно туалета. Мариус опять закрыл его, но его не составит труда открыть снова, просунув в него руку. Тем не менее Инга хотела сначала попытаться пройти через входную дверь, которая располагалась немного дальше: если она не заперта, то у нее появится возможность войти более тихо.

Дверная ручка нажалась, но дверь не поддавалась. Означало ли это, что Мариус все еще не заметил ее исчезновения? Иначе он наверняка выбежал бы наружу, а на обратном пути не стал бы заново тщательно запирать дверь. Возможно, и так. Но все могло произойти и совсем иначе. Он мог сразу выйти через дверь на террасу, поискать ее и снова зайти в дом через ту же дверь.

Бесполезно думать об этом. Инга просто-напросто не знала, как мог повести себя ее муж. Но она не продвинется ни на шаг вперед, если будет постоянно рисовать себе сценарии, к которым внутренне могла бы подготовиться. Она топталась в тумане, и любую картину, что она себе выдумывала, приходилось тут же отбрасывать.

Поскольку Инга испытывала инстинктивный страх перед тем, чтобы войти в гостиную — черт его знает, кто там находится? — она решила все же использовать путь через окно в туалете. Ей было несложно открыть высоко расположенное окно: к счастью, она была довольно рослой. Но

намного сложнее оказалось найти в себе силы, чтобы подтянуться вверх на подоконник. Инга огляделась вокруг в надежде найти что-нибудь, что она могла бы использовать в качестве подставки, но ничего не нашлось, да и слишком опасно было задерживаться здесь. Так что все должно было получиться и так. Если бы только не было того ощущения, что все ее мускулы словно растаяли, как масло.

С четвертой попытки женщина поднялась наверх, и ей удалось перекинуть правую ногу внутрь, так что теперь она сидела верхом в оконной раме. Ее сердце колотилось от напряжения, она опять была вся мокрая от пота, а ноги так тряслись, что ей пришлось сделать паузу минут на десять, прежде чем она смогла подумать о спуске. Во всяком случае, ей показалось, что прошло десять минут. Она потеряла всякое чувство времени, и ей казалось, будто все, что она делала, происходило невероятно медленно.

Наконец Инга соскользнула вниз по внутренней стороне окна, приземлилась ногами на унитаз, а оттуда спустилась на пол. Она слишком поздно вспомнила, что там все покрыто осколками стекла — только острая боль в правой ступне напомнила ей об этом. Инга тихо застонала и почувствовала, как теплая кровь засочилась у нее между пальцами. Как будто ее положение и без того не было достаточно печальным, так ей нужно было еще так сильно пораниться!

Она села на унитаз и сделала себе вокруг ступни толстую повязку из туалетной бумаги, на что у нее ушел почти весь рулон. Это было временное средство, которое наверняка долго не продержится, но на данный момент у нее не было другой возможности остановить кровь.

Затем Инга прохромала в прихожую. Здесь тоже не горел свет, но через кухню сюда падал лунный свет, и она могла видеть очертания мебели и ведущую наверх лестницу. Стояла полнейшая тишина.

— Максимилиан? — прошептала женщина. — Ребекка?

Но ей, конечно же, никто не ответил — она почти беззвучно выдохнула эти имена, и даже если бы кто-то находился рядом с ней, он не смог бы ее услышать.

Стараясь двигаться как можно тише, Инга прокралась по ступенькам наверх, пытаясь не обращать внимание на режущую боль в ноге и на то обстоятельство, что скудная повязка из туалетной бумаги уже промокла, стала липкой и, видимо, уже окончательно размякла. Может быть, этой ночью она истечет кровью в этом доме, подумала Инга, но решила, что это уже не играет никакой роли.

Наверху тоже нигде не горел свет, и женщина спрашивала себя, кто

мог выключить лампы во всем доме. Мариус? Максимилиан? И почему?

Она заглянула в ванную, а затем в маленький рабочий кабинет. При свете луны компьютер сверкал белым цветом.

— Максимилиан? — снова прошептала Инга.

В конце коридора, сразу же возле лестницы, ведущей в гостевую комнату под крышей, располагалась спальня хозяйки дома. Две ночи назад на Ребекку напал в ее спальне Мариус. Здесь разыгрывались главные акты драмы. Здесь Ингу могло ожидать что-то ужасное.

Она медленно, дрожа от страха, приоткрыла дверь.

На полу посреди комнаты кто-то лежал. Женщина услышала тихое, хриплое дыхание — казалось, будто кто-то с трудом пытается сделать хоть один вдох.

— Ребекка? — позвала Инга.

Ответа не последовало. Не было слышно ничего, кроме судорожных попыток вдохнуть.

Инга проскользнула в комнату и присела около лежащего тела. При свете луны она узнала бледное лицо Мариуса, все взмокшее от пота. Его нестираная, вонючая футболка была мокрой, и от нее шел пронизывающий запах крови. Он лежал здесь, в комнате, тяжело раненный, и истекал кровью. Его дыхание было таким, словно он боролся со смертью.

— Мариус, — прошептала Инга и немного приподняла его голову, пытаясь уловить в его лице хоть какое-нибудь движение. Но он, видимо, был без сознания, так как не реагировал ни на что. Женщина осторожно снова положила его голову на пол и взяла его за руку, нащупывая пульс. Тот был слабым и медленным.

Невзирая на все, что сделал Мариус, он был ее мужем; она любила его, она жила с ним. И не могла оставить его здесь умирать.

Где, черт побери, Максимилиан и Ребекка?! Видимо, Кемперу удалось исполнить свои намерения, и он вывел Мариуса из строя. Интересно, каким образом? Был ли у него нож? Такую обильно кровоточащую рану можно было причинить только с помощью оружия. Или у него с собой пистолет? Но тогда Инга должна была услышать выстрел. Кроме того, Максимилиан наверняка сказал бы ей, что вооружен. А может, и нет... Может быть, на всякий случай он вообще ничего не сказал ей, увидев, в каком состоянии она была — обессиленная и на грани нервного срыва...

Инга включила в коридоре свет. Тут же все вокруг нее стало выглядеть более нормальным и знакомым. Белый деревянный шкаф, тканая дорожка, картина на стене, на которой было изображено поле с лавандой... Все хорошо знакомо и мирно. И все же там, в комнате, лежал ее муж, который с

трудом дышал и который, возможно, жестоким образом убил двух стариков, своих приемных родителей... Невообразимо. Это известие вызвало у Инги такой шок, что она еще даже не осознала по-настоящему его чудовищные масштабы. Потом, позже она сломается под тяжестью того, что произошло за последние два дня. Потом, когда весь этот кошмар закончится...

Но разве он не завершился? Мариус уже не представлял собой опасности. Ребекка освобождена. Так почему же она, Инга, не могла избавиться от чувства опасности?

Женщина прохромала по ступенькам вниз и заметила, что ее повязка на ноге вся пропитана кровью. Наверное, она оставляла кровавые следы на своем пути вниз. А наверху Мариус лежал в луже своей крови. В конце концов этот дом будет похож на поле битвы...

Инга включила свет и в нижнем коридоре и только теперь заметила, как сильно здесь все пропитано запахом горелого. Она заглянула на кухню. На плите, которую к этому времени кто-то уже выключил, стояла кастрюля, в которой находилась какая-то неопределенная обугленная масса. Женщина вспомнила, что Мариус как раз собирался что-то готовить, когда она сбежала.

— Ребекка! — позвала она. — Это я, Инга! Максимилиан! Вы где?

Она добралась до гостиной и открыла дверь.

Ее глаза должны были сначала привыкнуть к темноте. Оконные ставни были закрыты, и ни один лунный луч не проникал в комнату, но в ней горела пара свечей. На стуле, на котором много часов сидела связанная Инга, жалкая и замученная, теперь сидела Ребекка. Она не была связана, но выглядела ужасно — это было видно даже при царящем здесь сумеречном освещении. Спутанные волосы, висевшие неопрятными прядями, смертельно-бледное лицо, темные круги под глазами... Напротив нее на другом стуле сидел Максимилиан.

Эта картина медленно и с трудом доходила до сознания Инги. "Как странно... — подумала она. — Почему они сидят здесь при свечах?"

В тот же момент, когда ей в голову пришла эта мысль, Ребекка открыла рот. Она закричала так неожиданно, что молодая женщина в ужасе сжалась:

— Инга, уходи! Убегай! Убегай, как можно скорее!!! Он сумасшедший! Давай же, беги!

Инга не поняла ее. Мариус теперь и муху не мог убить. Неужели Ребекка этого еще не знала?

Она хотела ответить ей, хотела объяснить, что ей больше нечего бояться. Но тут ее взгляд упал на Максимилиана. У него в руках был

пистолет, и он ухмылялся. Как гнусный безумец.

— Как называется это место? — спросил Кронборг. — Вы не могли бы назвать его мне по буквам?

Он, собственно, еще и не проснулся как следует. Было начало восьмого утра, и он уже снова находился в своем офисе. Кроме него, в отделении еще никого не было. Пахло дезинфекционным средством уборщиков с прошлого вечера, и конечно же, еще ни в одном кабинете не пахло кофе, который по утрам кто-нибудь готовил в кофеварке. Кронборг еще не завтракал, потому что одиночество за утренним столом переносил еще хуже, чем за ужином, и знал, что ему срочно нужно выпить кофе, чтобы он мог ясно думать.

Но неважно. У него в телефонной трубке звенел возбужденный голос Сабрины Бальдини, и ему просто необходимо было хоть как-то функционировать.

— Лё-Брюске, — повторил он. — Поселок Сикс-Форз. Вы уверены?

Голос Сабрины звучал лихорадочно:

— Совершенно точно. Я была уверена, что у меня где-то должно храниться письмо, которое Ребекка пару лет назад писала мне из отпуска. Там был указан и отправитель. Я полночи искала... В моих письмах так явно угрожают Ребекке, и вы же тоже спрашивали... Я имею в виду, что ее, наверное, надо предупредить, не так ли? Это такое облегчение, что я нашла адрес! И что смогла так рано вас застать! Я даже не ожидала вас в такой ранний час!

— Я жаворонок, — заверил ее Кронборг. В какой-то степени оно так и было, но раньше было иначе, а причины изменения его образа жизни были далеки от приятных. — Значит, у нее там, в Лё-Брюске, был дачный дом?

— Да. У них с мужем. Я хочу сказать, что вероятность того, что она там уединилась, довольно велика, потому что ее муж очень любил это место. Конечно же, с точностью этого сказать нельзя, но...

— Но мы можем попытаться ее там обнаружить, — согласился комиссар. — Это было очень важное сообщение, госпожа Бальдини.

— Я рада, если могу чем-то помочь, — ответила Сабрина, — потому что я так сильно себя упрекаю! Ведь я тогда неправильно поступила, когда позвонил маленький Мариус. Ребекка вообще ничего об этом не знала, а теперь, в конечном итоге, она находится в опасности из-за этого...

— Но, может быть, нам удастся вовремя предотвратить эту опасность. Спасибо вам за помощь.

— Да... будем надеяться, — неуверенно произнесла Сабрина.

Кронборг обладал очень чуткими внутренними антеннами, он улавливал малейшие душевные колебания, которые другие даже не замечали. Это качество было необходимым в его профессии. Он чувствовал: его собеседница хотела сказать что-то еще, но не решалась начать разговор об этом.

— У вас еще что-то на сердце? — спросил полицейский. — Нечто, что, по вашему мнению, может быть важным?

— Я не хотела бы отнимать у вас время, — сказала Сабрина.

— Сейчас начало восьмого, я совершенно один, и никто в данный момент ничего от меня не хочет. У меня есть время для вас, — заверил ее Кронборг. Ему нужно было позвонить коллегам в Сикс-Форз, но, может быть, Бальдини хочет сообщить что-то очень важное, а если он предложит ей поговорить попозже, она может вообще больше не решиться.

— Я... может быть, это вообще не связано со всем этим, но... я все время об этом думаю...

— Просто выскажите это. Порой вещи очень даже связаны между собой, даже если мы вначале и не видим никакой связи, — терпеливо произнес комиссар.

— В общем, вы, наверное, знаете, что мы с мужем живем отдельно?

— Да, вы упоминали об этом.

— Причина нашего расставания... в общем, причина, почему мой муж меня покинул... — Сабрине явно было неловко говорить об этом... — Год назад у меня был роман. А точнее, с декабря позапрошлого года до ноября прошлого.

Теперь Кронборг тоже стал себя спрашивать, где вообще тут могла быть связь с делом Леновски. Может быть, его тон по отношению к Бальдини был слишком отцовским? И ей был нужен кто-нибудь, кому она могла бы излить душу и облегчить свою совесть после того, как целых одиннадцать месяцев направо и налево изменяла своему супругу, остававшемуся, по-видимому, в полном неведении?

"Женщины могут быть такими бессовестными!" — подумал полицейский, хотя, конечно же, точно знал, что и мужчины в этом нисколько от них не отставали.

— Госпожа Бальдини, — начал он с первыми нотками нетерпения в голосе, которые должны были дать ей понять, что это не его задача — выслушивать исповедь и отпускать грехи. А неверным женам — тем более,

тут уж сам он сильно обжегся.

— Меня мучает мысль, что я... рассказала этому мужчине ту историю, — поспешно сообщила Сабрина. — Историю с Мариусом Петерсом. Это, конечно, может, ничего и не значит, только...

Теперь Кронборг снова был весь внимание.

— Вы рассказали своему... любовнику о Мариусе Петерсе? Зачем? В смысле, насколько я вас понял, вы до сих пор не осознавали по-настоящему значение этой истории?

"Или же ты прекрасно все осознавала, но молчала, потому что тебе так было удобнее? — подумал он. — А это означает, что этот бедный маленький мальчик действительно был предан всеми и каждым".

— Я действительно не осознавала. Но он... в общем, мой друг, он все время хотел говорить только о Ребекке Брандт. В начале это было не так уж сильно выражено, но постепенно становилось все интенсивнее. В конце концов его интерес к Ребекке и стал причиной, почему я положила конец нашей истории. Потому что у меня появилось такое ощущение, что его интересовала вовсе не я. А только Ребекка.

— А он ее знал? Я имею в виду, Ребекку Брандт?

— Да, — ответила Сабрина, — я ведь познакомилась с ним именно в ее доме. На рождественском празднике, который устроили они с мужем. Я была там без своего — наш брак уже тогда был не очень-то гладким... Во всяком случае, история между нами началась там. Я думала, что у нас есть с ним общее будущее, но... как говорится, со временем он вообще перестал интересоваться мной.

— А вот это вы должны рассказать мне подробнее, — сказал комиссар. Его усталость и дурное настроение словно улетучились; инстинкт подсказывал ему, что здесь могло что-то быть. — Как зовут этого мужчину?

— Максимилиан. Максимилиан Кемпер.

Почему же она сразу не заметила, что здесь что-то неладно? Почему ей не бросились в глаза нестыковки? А может быть, так всегда бывает: ты вообще ничего не замечаешь, если ослаб, умираешь от жажды и ночью мчишься через лес, сбегая от непредсказуемого и опасного врага?

Инга знала только одно: она совершила ужасную ошибку. Максимилиан был ее спасителем в трудную минуту, и ничто в том, что он говорил, ее не насторожило. Кемпер сказал, что обнаружил портрет

Мариуса в газете, прочитал историю о супругах Леновски и узнал, что немецкая полиция усиленно разыскивает его. Но разве не было бы нормальным позвонить в полицию и сообщить то, что знаешь, вместо того чтобы сесть в машину и по своему усмотрению ехать на юг Франции, что означало задержку на двенадцать часов. Двенадцать часов, за которые многое может произойти...

Однако это, конечно, было правильным поведением в том случае, если ты никогда и не думал обращаться в полицию.

А потом еще его мобильник... Уж, по крайней мере, тут Инга должна была забить тревогу. Как он мог утверждать, что аккумулятор сел, если тот был полностью заряжен? Тут уж не могло быть никакого недопонимания. И как вообще это было возможно, чтобы телефон совсем не разрядился после двенадцатичасовой езды, в течение которой он, видимо, не подзаряжался? Это обстоятельство наводило на мысль, что Максимилиан вовсе не совершал этой длительной поездки. Может быть, он вообще никуда не уезжал. Может быть, все это время он был где-то поблизости...

Мобильный телефон был в данный момент единственной крошечной соломинкой спасения для Инги. Он все еще был зажат под ночной рубашкой, сильно нагревшись от голого тела за это время. До тех пор, пока Кемпер не заметит его очертания или телефон не упадет на пол — или, в худшем случае, не зазвонит, — он не узнает, что мобильник у Инги. Так что пока у нее есть возможность выйти на контакт с внешним миром. Шансы на это были минимальными, но она внутренне ухватила за них, чтобы не впасть в панику.

Однако в данный момент возможности кому-либо позвонить у нее не было. Они с Ребеккой Брандт уже несколько часов сидели в затемненной комнате, в которой лишь зловеще мерцали огоньки свечей, под дулом пистолета, которым Максимилиан вызывающе небрежно поигрывал. Ребекка сидела, пригнувшись, на том же стуле, что и раньше, а Инге Кемпер велел сесть в кресло с высокой спинкой в углу комнаты. Она сидела там, съежившись и пытаясь не шевелиться, чтобы не сдвинулся мобильник. Максимилиан же ходил взад и вперед, временами садился, затем снова вставал. Он был в основном сконцентрирован на Ребекке, и казалось, что Инга его не интересует. Но ей надо было оставаться начеку. Порой Кемпер неожиданно, между делом, обращался и к ней, а кроме того, он время от времени поглядывал в ее сторону. Было совершенно исключено, чтобы она могла сделать что-нибудь незаметно от него.

Максимилиан как бы между прочим сообщил ей, что он стрелял в Мариуса, заглушив выстрел подушкой, и никто в округе не мог ничего

услышать, а также, что тот, наверное, уже мертв.

— Или же на верном пути к смерти. — Кемпер взглянул на Ингу. — Извиняюсь, но это было необходимо.

Она попыталась понять, что за всем этим крылось.

— Мариус... а Мариус вообще опасен?

Максимилиан рассмеялся. Это был холодный и злобный смех.

— Мариус? Он безобидный маленький комочек собачьего дерьма. Неврастеник на почве своего довольно скверного прошлого, но в остальном мухи не обидит! — Мужчина снова рассмеялся. — Хотя твой синяк под глазом меня все же поразил. Даже не ожидал от него.

Инга вспомнила Мариуса на паруснике, когда тот грубо столкнул ее вниз. И позже здесь, в гостиной, когда он надавал ей пощечин. Некрасиво, ужасно, но это было, наверное, крайностью, на которую он при определенных обстоятельствах был способен. Убийцей же он не был. Он никогда не причинил бы серьезного вреда ни ей, ни Ребекке. Он защитил бы их от Максимилиана. А теперь Мариус лежал там, наверху, на полу в спальне Ребекки, и литрами терял кровь — и если очень скоро не подоспеет помощь, он умрет прежде, чем наступит утро.

"И мы тоже, — подумала Инга с полной уверенностью. — Мы тоже умрем прежде, чем снова наступит вечер".

Теперь у Кронборга сложилась картина. Многие еще было неясным, некоторые контуры были расплывчаты. Но тем не менее пазл потихоньку складывался. Он мог полностью изменить картину происходящего, а мог оказаться несущественным, полицейский не мог сказать этого с точностью. Точно было только то, что у него начал вибрировать нерв, а из своего опыта он знал, что это редко бывает без причины.

Максимилиан Кемпер был другом умершего Феликса Брандта — возможно, лучшим другом. Во всяком случае, он так сказал Сабрине Бальдини. Кемпер постоянно бывал в доме Брандтов, особенно после своего развода, который случился семь лет назад.

— Он всегда рассказывал, что это был ужасный бракоразводный процесс, — сообщила Сабрина, — жесткий и грязный. Его жена, должно быть, как следует высосала из него деньги.

Максимилиан был на той рождественской вечеринке — конечно же, один, так же, как и Сабрина Бальдини. А поскольку они оба были

единственными гостями без пары, то почти неизбежно в какой-то момент вступили в разговор. Кемпер усердно флиртовал с Сабриной, дал ей почувствовать, что она желанна и неповторима, а Сабрина, будучи уже давно одинокой и неудовлетворенной в своем браке, мгновенно увлеклась им.

— Я-то сразу рассталась с моим мужем, — рассказала она комиссару. — Вся эта игра в прятки мне вообще не нравилась. Напротив, она психически истощала меня. Я все больше и больше худела, и у меня постоянно болел желудок. Но Максимилиан не хотел, чтобы о наших отношениях узнали все. Он находил для этого тысячи причин и объяснений. А я просто впала в зависимость от него и позволяла все себе внушать. Сегодня я думаю, что он никогда меня не желал. Если б я вдруг стала свободной, то сделалась бы для него обузой.

Они встречались в отелях, на отдаленных парковочных площадках и в других уединенных местах. Поначалу Максимилиан был внимательным, заботливым и чутким любовником. Он проявлял большое участие в жизни Сабрины, всегда хотел подробно знать, что она делала, что чувствовала. Вначале ей не бросалось в глаза, что при этом он особенно интересовался ее дружбой с Ребеккой.

— Дружба — это, пожалуй, слишком громко сказано. Я несколько лет была сотрудницей в ее добровольной организации по защите детей. Мы были коллегами, прекрасно понимающими друг друга, но, в принципе, никогда не делились личными делами. К тому же я в то время уже давно не работала в "Детском крике". Когда Ребекка устраивала вечеринки, типа того рождественского торжества, она приглашала меня, но это, в конце концов, означало только, что мы, может быть, виделись один-два раза в году. Я всегда мало знала о ней, и сейчас мало знаю.

Однако Бальдини, влюбленная и сходящая с ума по Максимилиану, все время старалась удовлетворить его любопытство, касающееся Ребекки. Со временем Кемпер перестал делать вид, что разговор случайно заходит о Брандт, и стал спрашивать о ней напрямую. Сабрина, конечно же, удивилась и захотела знать, что же его так интересовало в этой женщине.

— Я считала, что он-то должен был знать ее гораздо ближе, чем я. Ведь он являлся близким другом ее мужа и так часто бывал в их доме! Максимилиан объяснил, что восхищался работой Ребекки, но она, к сожалению, сразу замыкалась, когда речь заходила о ней. Меня это немного удивило, потому что я всегда знала Ребекку как человека, который отождествляет себя со своей работой и с удовольствием говорит о ней. Разумеется, не называя при этом имен тех лиц, о которых шла речь. Она

всегда была очень корректной...

На мгновение Сабрина замолкла. В этот момент они с Кронборгом говорили уже не по телефону. Он приехал к ней — она жила недалеко от управления уголовного розыска, в тихом переулке, на первом этаже многоквартирного дома. В ее квартире была большая красивая терраса с солнечным садом.

— Раньше, после обеда, в шестом часу я обычно сидела в саду. Но с тех пор, как я получаю эти письма с угрозами, от этого пришлось отказаться — в течение лета я больше этого не делала, — рассказала Сабрина. Вот и сейчас они с комиссаром сидели друг напротив друга в гостиной. Бальдини приготовила крепкий и очень хороший кофе и поставила на стол несколько гренков, намазанных маслом. Было половина восьмого.

"Наконец-то кофе, — с благодарностью подумал Кронборг, — да еще и что-то съестное!"

Он знал, что поступил правильно, решив лично приехать к Сабрине. Для многих людей было гораздо труднее говорить по телефону, чем с глазу на глаз. Комиссар был уверен, что узнает намного больше, когда эта женщина будет смотреть ему в глаза.

— Я ни за что на свете не хотела потерять его. Я тогда думала, что жить без него не смогу. — На такого рода признания Бальдини наверняка не смогла бы решиться по телефону. — Поэтому я стала рыться в своей памяти, отыскивая детали из времен моей работы в "Детском крике". Детали о Ребекке, конечно. Я вспоминала проекты, которые она запускала, мероприятия... Вспоминала о ее успехах и неудачах... Я... я говорила намного больше, чем должна была. — Она в полном отчаянии посмотрела на своего гостя. — И мне сегодня так стыдно за это...

Кронборг спрашивал себя, какого же рода мужчиной был этот Максимилиан. Он, видимо, вызывал у женщин восхищение. Ведь Сабрина вовсе не являлась классическим типом жертвы, которая продавала себя за малую долю внимания и тепла. Она была привлекательной и уверенной в себе, хотя в данный момент и в силу происходящих событий была немного запугана. Обстановка ее жилья, да и сам ее внешний вид свидетельствовали о том, что она была состоятельна. На первый взгляд никогда и не подумаешь, что Сабрина позволяла мужчине использовать себя и кормить себя обещаниями. Но комиссару уже не раз приходилось убеждаться в том, что на этом поприще внешнее впечатление часто бывает обманчивым.

— Я хотела, чтобы он был мною доволен. Но он требовал все больше и больше... — продолжала Сабрина.

— Вы говорили об этом с Ребеккой?

— Нет! Нет, ни с кем. Ведь я была... я все еще замужем. Ни одна душа не знала, что у меня был... роман.

Следующий свой вопрос полицейский сформулировал очень осторожно:

— Вам никогда не приходила в голову мысль, что... ну, что интерес Максимилиана Кемпера к Ребекке выходит за рамки обычного восхищения друга ее мужа, почти члена семьи? Что это, возможно, был не столько интерес к ее активному участию в защите детей, сколько интерес к самой Ребекке — к *женщине*?

Он, конечно же, попал в точку. Глаза Сабрины потемнели.

— И не раз! — резко произнесла она. — Мне действительно не раз приходила в голову эта мысль. Ведь мы теперь говорили только о ней! Мы вообще не говорили о нас. Не говоря уже о совместном будущем или о тех моментах, когда мы в открытую признаемся в наших чувствах. Но стоило мне только намекнуть о том, что он, возможно... влюблен в Ребекку, как Максимилиан поистине впадал в ярость. Я даже стала бояться его. Кроме того, он начал угрожать, что в любой момент может бросить меня. Тогда это было для меня ужасно.

Полицейский кивнул. Он мог видеть по своей собеседнице, что она перенесла. У Сабрины Бальдини были очень грустные глаза, и от нее веяло глубокой усталостью, которая вызвала в Кронборге уверенность в том, что она уже никогда не избавится от нее.

— Что побудило вас рассказать ему о Мариусе Петерсе? — спросил он.

Женщина закусил губу. Теперь она выглядела очень ранимой и очень юной.

— Он... он снова стал требовать информацию. Сказал, что если кто-то столько лет занимается общественной работой, как Ребекка, в его жизни обязательно должен иметь место какой-нибудь скандал. Я, конечно, сказала, что скандалов у нас не было, да и он тогда сам об этом узнал бы, потому что скандальная история наверняка появилась бы в прессе. А как близкий друг семьи Ребекки он и подавно смог бы об этом узнать. Но Максимилиан тогда, уже в который раз, стал очень агрессивным. В годы своей супружеской жизни, как он мне сообщил, у него было очень мало контактов с Брандтами, потому что Ребекке не очень нравилась его бывшая жена. Ну, а газеты... не всякий скандал, в конце концов, попадает в газеты. Ведь бывают и тайные скандалы. Например, растрата денег — что в такой организации, как "Детский крик", наверняка замели бы далеко под ковер,

чтобы не утратить доверия общественности. — Бальдини глубоко дышала. Ее глаза теперь слегка покраснели. — Но я не могла ему помочь. Ребекка никогда ни в чем не ошибалась. Во всяком случае, не было ничего такого, что я заметила бы. И в любом случае я не могла представить себе, чтобы она совершила что-то предосудительное. Ребекка — абсолютно цельная натура.

Кронборг медленно кивнул. Он догадывался, что сейчас последует.

— Но Максимилиан Кемпер все равно не оставлял вас в покое, не так ли?

Сабрина покачала головой. Она была очень бледной — соприкосновение с этим темным периодом ее жизни давалось ей намного труднее, чем она сама ожидала.

"Но с другой стороны, — подумал комиссар, — когда-нибудь ей нужно будет избавиться от этой тяжести. Она ее почти расплющивает".

— Он был словно терьер, вцепившийся зубами в добычу. Неуступчивый. Злой, язвительный и агрессивный, если не получал того, что хотел, — вздохнула Бальдини. — Я начала бояться его выпадов. Но несмотря на это, едва могла выдержать время от одной встречи с ним до следующей. Он мучил меня. Он по нескольку дней не звонил. А если я звонила в его клинику, то просил свою секретаршу отделаться от меня. Дома он не подходил к телефону. Я даже не знаю... как часто я тогда, расплакавшись, нарывалась на его автоответчик. Порой я не видела его по две недели и боялась, что всему настал конец. Со своим мужем я уже давно жила отчужденно, как с посторонним человеком. Я была в отчаянии. Была больна от одиночества и тоски. А потом он вдруг неожиданно снова договаривался со мной о встрече. Обнимал меня и шептал мне все те ласковые слова, которые мне были так знакомы. И которые мне были нужны. Но неизбежно...

— ...снова переходил к своей излюбленной теме, — завершил фразу Кронборг, когда Сабрина запнулась. — К прошлому Ребекки Брандт.

— Да. Но я-то со временем уже знала, что меня ожидает, если я не буду делать то, что он хочет, — лишение его любви на несколько недель. Я боялась. Я, как сумасшедшая, начинала копаться в своей памяти. Я знала, что нет ничего такого, в чем можно было бы обвинить Ребекку, но размышляла, что можно было бы сострять... Я знаю, что совершала тогда предательство по отношению к ней, что готова была пожертвовать ее хорошей репутацией и уважением ради моих больных, испорченных отношений с Максимилианом... но я не могла иначе. Я ненавидела себя, но... — Женщина не смогла продолжить, а только беспомощно пожалала

плечами.

Спустя какое-то время она вспомнила о Мариусе Петерсе. Он ни малейшим образом не был темным пятном на безупречной репутации Ребекки Брандт, но в истории "Детского крика" это было *"неприятное происшествие"*, как его назвала Сабрина.

"Неприятное происшествие".

Это выражение, однажды произнесенное, теперь висело в воздухе, как отвратительный запах, который не хотел выветриваться.

"Неприятное происшествие".

Сабрина посмотрела на Кронборга. Ее глаза еще больше потемнели, а руки, наверное, тряслись бы, если б она не зажала их между коленями, судорожно сцепив пальцы, на которых выступили побелевшие косточки.

Комиссар знал, что теперь она подошла к самой сути своего отчаяния. К тому пункту, который стал для Сабрины Бальдини причиной ее вечной усталости. Что, возможно, также было причиной и распада ее брака, и того, что она была замешана во всю эту историю вместе с Кемпером.

Дело Мариуса Петерса.

Полицейский должен был спросить об этом, ему не оставалось ничего другого. Он видел по сидящей перед ним женщине, что она и без того знала, что он это понимает.

— Сабрина, — осторожно произнес он, — если вам, по настоянию Кемпера, пришла наконец мысль о Мариусе Петерсе как о *"неприятном происшествии"*, то это означает, что после телефонных разговоров с тогда еще маленьким мальчиком вы не так уж сильно расслабились и не думали, что сделали все от вас зависящее. Это означает, что вы знали о том, что вам надо было действовать, но это могло повлечь за собой неудобства. А из этого следует, что вы осознанно закрыли на все глаза.

Бальдини, ничего не ответив, внезапно встала — сделавшись еще бледнее, чем была, — и прежде чем Кронборг смог отреагировать, беззвучно упала на пол. Скорчившись в позе эмбриона, она лежала на ковре в гостиной. И еще до того, как начать приводить ее в чувство, комиссар подумал, что эта красивая, уставшая женщина даже в бессознательном состоянии выглядит чрезвычайно грациозной.

Он любил ее. Он безумно любил ее. И если она сейчас и утверждала, что не понимала и не замечала этого, то она лгала. Точнее, полностью она

не отрицала, что заметила нечто такое в его чувствах. Только глубину этих чувств она якобы не осознавала. Не понимала, что он думал о ней: "Или она будет моей — или смерть!" Но, конечно же, ей теперь надо было спасти себя. Теперь она тщательно взвешивала, с чем согласиться, а с чем нет.

Оба они были молодыми, беззаботными студентами, у которых вся жизнь впереди. Она сидела в аудитории перед ним, и он все время видел перед собой ее черные длинные волосы, которые окутывали ее, словно мантия. Однако его притягивал не только ее внешний вид. Она была привлекательной, но он знал девушек, которые были более красивыми, более сияющими. Ребекка не была скучной, но была более серьезной, чем другие, и часто углубленной в свои мысли. С ней можно было беседовать о мировых проблемах, а порой она подходила ко всем с листом бумаги, собирая подписи против каких-нибудь беспорядков или для какого-нибудь благотворительного проекта. Ему это казалось восхитительным. Но он сам не верил в то, что мир можно хоть как-то изменить, — те, кто пытался это сделать, шли против ветра и напрасно растрчивали свои силы; он считал таких людей глупыми и иррациональными. Однако к Ребекке это странным образом не относилось.

Что-то в ней заставляло его чувствовать и думать иначе, чем обычно. В ней была некая сила, которой он безгранично восхищался. Порой он думал, что именно эта сила была причиной тому, что он обязательно хотел быть частью Ребекки. Чтобы получить частицу от этой силы, от этой непоколебимости. Он видел в ней возлюбленную, жену, мать. Может быть, это было слишком много. Может быть, из-за этого он и терял дар речи. А ведь обычно не лез за словом в карман... Будучи симпатичным интеллигентным молодым человеком, он никогда не имел проблем с девушками. Никогда не начинал заикаться и не краснел, когда разговаривал с ними, никогда не чувствовал, что не находит нужных слов. Еще ни с кем у него этого не случалось — только с Ребеккой. Ее присутствие парализовывало его, вселяло в него неуверенность. Если она заговаривала с ним, его бросало в жар, и он давал ей совершенно идиотские ответы, из-за которых впоследствии готов был отхлестать себя по щекам. Он городил в ее присутствии всякую чушь, а затем, задним числом анализируя свое поведение, приходил к выводу, что он лузер. Она ничего не могла найти в нем. Потеющий юнец с влажными от волнения ладонями, несущий всякий вздор. Что же ее должно было взволновать в нем?

Да ее ничто и не волновало. Она влюбилась в его друга — Феликса, и если поначалу еще можно было надеяться, что эта любовная связь окажется преходящим заблуждением, то очень скоро стало ясно, что это была самая большая любовь. Феликс называл это так: две души, что нашли друг друга. Боже мой, он даже не знал, что Феликс мог быть таким пафосным! Две души, блуждавшие по миру, наконец нашли друг друга в какой-то проклятой аудитории в Мюнхенском университете... Какая ересь! Никчемная белиберда. Но такие фразы, конечно же, нравятся женщинам. Ясно, что Ребекка на них клюнула. Больше, чем на нервный лепет юноши, который сидел позади нее и попеременно то краснел, то бледнел, стоило ей только обернуться.

"Я ничего не знала о твоих чувствах. Тогда не знала".

Теперь у него имелось оружие, и она была в его власти — как и эта лишняя Инга, от которой тоже придется избавиться... Его забавляло то, что она на самом деле не имела ни малейшего понятия о его игре. Это доказывало, что Мариус не проболтался даже своей жене. Как они и договаривались. Молодец.

Позже Ребекка все же что-то заметила. Она сама в этом призналась — несколько дней назад, когда он говорил с ней в ее кухне. После его развода, когда он стал постоянным гостем в доме Брандтов, Ребекка почувствовала, что была для него больше, чем женой его лучшего друга. Он предполагал, что она говорила об этом с Феликсом, и тот факт, что они продолжали нормально с ним общаться, порой приводил его в неистовство. Потому что это означало не что иное, как то, что они нисколечко не воспринимали его всерьез. Он почти до безумия доходил от чувств к жене своего друга, а того это нисколько не волновало, потому что Феликс считал его совершенно неопасным. А может быть, они с Ребеккой даже посмеивались над ним... Когда он думал об этом, то понимал, что с удовольствием немедленно вогнал бы этой дряни пулю в голову... Как она теперь сидит там и испуганно смотрит на него! Он бы тоже боялся на ее месте. Ребекка должна умереть, это ясно, но она должна знать, из-за чего. Она должна знать, что разрушила его жизнь, и должна знать, какой гениальный план он задумал, чтобы отомстить ей. К сожалению, он все еще не совсем избавился от желания понравиться ей. Она должна узнать, прежде чем умрет, какой он хитрый и умелый...

Но было совершенно ясно, что ему надо поторопиться. Уже рассвело,

начался день, а он все стоял тут и говорил — и совершенно не заметил, как пролетели часы. Проблема заключалась вот в чем: все его намерения базировались на том, чтобы Мариуса в итоге приняли за преступника. Но Мариус лежал наверху, в спальне Ребекки, и подышал, а может быть, уже сдох, и если Инга и Ребекка протянут слишком долго, прежде чем отправиться в свой последний путь, судебный медэксперт установит, что Мариус уже не мог быть ответственным за это.

* * *

Он так долго ждал этого момента! Стоять перед ней, когда она находится в его власти и должна выслушивать его. Слушать обо всем плохом, что она ему причинила. О том, какую боль он испытывал, как эта боль чуть не разорвала его сердце, когда он должен был разыгрывать свидетеля Феликса на свадьбе. А затем случился его собственный, наскоро заключенный брак, с помощью которого он хотел отвлечь себя от своих чувств, хотя уже в тот момент, когда он говорил: "Да", ему было ясно, что этот брак распадется. Эта стерва позже еще и основательно обобрала его, и он потерял так много денег, что пришлось продать свой дом у озера Штарнбергер.

Его выходные у Брандтов, которые были мучительны, потому что ему постоянно приходилось видеть поцелуйчики и пожимание рук этих вечно влюбленных. И ночи в их гостевой, где он часами лежал, бодрствуя и сгорая от ревности, потому что представлял себе, чем они занимались там, в своей спальне, потому что все время видел их перед собой в страстных объятиях.

Черт побери, у него и сейчас еще выступал пот на лбу, когда он думал об этом. Эти двое, наверное, и половину того времени не трахались, что он рисовал себе в своем воображении; но это, по сути, было теперь не важно. Даже один-единственный раз был бы уже слишком, потому что Ребекка должна была быть его женой, и только его. Естественно, порой он думал, что лучше не ходить в их дом, не доставлять себе всю эту боль. Но ему никогда не удавалось выдержать это. Отказаться от близости Ребекки было еще хуже — он казался себе наркоманом, пребывающем в стадии ломки, не способным ни работать, ни вообще на чем-либо сконцентрироваться, больным от тоски и желания. Он снова и снова впадал обратно в свою зависимость и ходил за Ребеккой, как собака, чтобы получить от нее хоть улыбку, хоть слово, хоть взгляд. Могла она себе хоть представить, каким

униженным он себя чувствовал?

Да, могла. Ему говорил об этом страх в ее глазах. Она поняла, что ему пришлось пережить, и могла себе представить, насколько велика была его ненависть.

Чего стоила уже одна только необходимость поддерживать дружбу с Феликсом! Ни одного человека на всем белом свете ему так искренне не хотелось послать ко всем чертям, как ее мужа, но порвать с ним отношения означало вылететь из окружения Ребекки, так что ему приходилось и дальше разыгрывать "*добрую, старую, проверенную временем мужскую дружбу*". Порой ему казалось, что его вырвет от всего этого.

Ребекка много не говорила, но когда он сказал о своем желании отправить Феликса на Луну, ее глаза вдруг расширились.

— Ты как-нибудь связан с его несчастным случаем?

Максимилиан небрежно покручивал пистолет на согнутом указательном пальце. Он бы с удовольствием взял на свой счет несчастный случай с Феликсом, чтобы показать ей, что был в состоянии разыгрывать Господа Бога в борьбе за нее. Но то, что касалось Феликса... Тут он действительно был ни при чем. Феликс любезным образом сам по себе столкнулся лоб в лоб с чокнутым водителем, ехавшим по встречной полосе, с водителем, который в тот туманный октябрьский день, год назад, летел по автостраде с намерением покончить с собой.

Похороны. Многие пришли отдать Феликсу последнюю дань уважения, кладбище стало аж черным от количества народа. Пациенты, коллеги, друзья... Феликса любили, и его неожиданная, преждевременная смерть вызвала ошеломление. Впереди, у самой могилы вдова, его Ребекка — конечно же, вся в черном, — поддерживаемая какой-то подругой, бывшей сотрудницей из ее дурацкой организации по спасению детей. Он предложил в этот день находиться рядом с ней, да так оно и должно было быть, потому что он являлся лучшим другом Феликса и выполнял эту роль на протяжении многих лет. Но она отказала.

Многие говорили ему, что он выглядит очень бледным и несчастным, и, конечно же, объясняли это его потрясением в связи со смертью друга. Однако на самом деле все было гораздо хуже. Известие о смерти Феликса в первый момент показалось ему ответом на все его молитвы, но очень скоро он понял, что его ситуация только ухудшилась. Ребекка впадет в бесконечный траур и ни за что в жизни не вступит в отношения с другим мужчиной, тем более с ним, а он отныне не сможет быть завсегдаем в ее доме, потому что она посчитает это предосудительным и недопустимым. Контакт сократится до минимума — открытка к Рождеству и к дню

рождения, и, может быть, она когда-нибудь позволит уговорить себя сходить с ним на чашечку кофе, но и это, ввиду ее скорби, казалось ему невозможным. Во всяком случае, в обозримом будущем это было совершенно исключено.

Он потеряет ее. Она стоила ему всего: брака, дома, должности главврача... И все это ни за что. Совершенно ни за что.

Должность главврача. Он был так близок к ней... Он был знатоком своего дела, у него имелись хорошие связи, он обладал харизмой. У него было буквально все, что требовалось для этой должности. Но, к сожалению, была и маленькая проблема с алкоголем. Потому что порой он просто не выдерживал одиночества, потому что ему было невыносимо видеть Ребекку с Феликсом, потому что он не мог смириться с тем, что ему пришлось продать свой великолепный дом, дабы выплатить деньги этой дряни, на которой он по глупости женился... Он вовсе не был постоянно выпившим, у него не заплетался язык, от него не пахло сивухой, он не шатался по улицам небритым; боже мой, да он не был каким-то проклятым пьянчугой! Только один раз была эта история с водительскими правами: его тормознули, когда он вечером разъезжал по округе, будучи не в силах больше выдерживать пустоту и тишину своей квартиры, разрываемый тоской по Ребекке. У него было очень высокое содержание алкоголя в крови, что показалось ему странным — видимо, он выпил больше, чем думал. Но как бы там ни было, он лишился прав на девять месяцев. Ему казалось, что он довольно удачно все скрыл, но слухи, видимо, все же появились, а потом и сплетники еще, наверное, раздули их... Во всяком случае, он навел справки после того, как должность главврача отдали другому, и узнал, что о нем утверждали, будто он *"не совсем не предрасположен к употреблению алкоголя"*. Сложно было придумать более первоклассное убийство карьеры с помощью такой характеристики для мужчины, стремящегося к должности главврача. Фантастика. Этому делу был конец, и Ребекка могла теперь прикрепить на свой лацкан еще и его профессиональные перспективы.

Если как следует подумать, то это произошло на похоронах: именно тогда у него впервые появилась мысль о том, что Ребекка должна умереть, чтобы у него появился шанс вернуться к жизни.

Может быть, поэтому он и был таким бледным. Он принял это решение вовсе не с легким сердцем. Решение, что надо убить женщину, которую любишь, вполне могло согнать всю краску с лица. В конце концов, он не был преступником. Наоборот. Он, как врач, посвятил себя цели спасать человеческую жизнь, лечить людей. Но с каждой минутой каждого

проходящего дня ему становилось все яснее, что в этом мире было место только для него *или* Ребекки, а поскольку именно Ребекка обращалась с ним бесцеремонно и презрительно, он понял, кто из них двоих должен уйти. А еще понял, что подойдет к этому делу по-умному. Изощренно. Он не будет спешить. Он не был спившимся болваном, страдающим от любви! Она должна будет в конце узнать, кем пренебрегла. Чью жизнь почти разрушила.

Почти. Потому что, когда она будет мертва — он чувствовал это, преисполненный блаженной уверенности, — тогда он сможет начать жить сначала. Тогда он будет свободен. Сможет освободиться от своего невыносимого одиночества, сможет наконец начать взаимоотношения с другой женщиной. Он не станет пить ни капли алкоголя и еще раз попытается добиться должности главврача. Он купит красивый дом с большим садом. И он еще не стар, чтобы стать отцом. Дети, радостно резвящиеся в саду. Собака, играющая с ними. Жена, с распростертыми объятиями встречающая его вечером после работы.

Жить. Просто жить.

Картины, которые пробегали перед его мысленным взором, были такими прекрасными, такими теплыми, что от них хотелось плакать.

Потом он вдруг обнаружил в толпе Сабрину Бальдини. Она пришла со своим мужем и явно старалась не встретиться со своим любовником. Неприятная ситуация для нее. Она плохо выглядела — ведь *он* по крайней мере недели две у нее не объявлялся. А в присутствии мужа она не могла устроить ему из-за этого одну из своих слезливых сцен. Бедное, измученное тревогой существо... Если б она только знала, что он сыт ею по горло! Однако Сабрина имела для него неоценимое значение. Он выспросил у нее все, что ему нужно было знать о Ребекке. Сначала у него формировались лишь неопределенные намерения — просто иметь в руках что-то против нее на тот случай, если это в какой-то момент придвинет его к исполнению его желания. Но теперь у него был план, великолепная идея, и он неожиданно понял, как все пойдет дальше. В голове у него вспыхнули мысли, которые дополнялись все новыми идеями и гениальными шаховыми ходами, так что ему приходилось по-настоящему следить за тем, чтобы его мимика не выдала его, так как у него наверняка начинали гореть глаза, и по нему было видно, как быстро и радостно носились его мысли.

Быстро и радостно, быстро и радостно, быстро и радостно...

Он только что повторил эти слова стаккато?^[8] Или только подумал? Кемпер вытер ладонью свой лоб. Эти светлые полосы позади закрытых оконных ставней — день вступал в свои права.

Ему следует поторопиться. Он посмотрел на Ребекку: у нее были растрепанные волосы и потрескавшиеся губы, она выглядела бледной и невыспавшейся, но была такой красивой, прямо-таки неземной красоты... Ему надо будет рассказать ей о Мариусе, перед тем как он убьет ее. Надо будет рассказать о том, что они с Мариусом сделали с его приемными родителями. Он просто должен ей все рассказать. Это важно. Но у него оставалось не так уж много времени. И это оставшееся время он хотел провести с ней наедине. Чтобы были только он и она.

Как это всегда, с самого начала, и должно было быть.

Он уставился на Ингу. Она мешала. Она определенно мешала. Почему эта глупая телка не осталась в машине?

— Обременительна, — произнес он. — Ты так обременительна.

Потом он встал. Инга уставилась на него широко открытыми от страха глазами.

6

Инга знала, что должна умереть в конце этого действия — они обе, она и Ребекка, должны умереть. Максимилиан достаточно часто упоминал об этом на протяжении своих долгих, запутанных речей, в которых говорил о его безответной любви и об ошибках в его жизни, в которых он обвинял только и исключительно Ребекку. Им оставалось ровно столько времени, сколько ему понадобится, чтобы излить перед ними свою больную душу. А затем наступит конец.

Когда Кемпер внезапно уставился на нее своими холодными, неподвижными глазами, Инга была уверена, что уж теперь-то ее время точно вышло.

— Я хочу остаться с Ребеккой наедине, — произнес он. — Тебя все это, в общем-то, совершенно не касается.

Почему он сразу не пристрелил ее, она не знала. Зачем он прикладывал старания, чтобы связать Ребекку бельевой веревкой, из которой Инга освободилась несколько часов назад, а затем, грубо схватив руку Инги, заставил ее встать и, словно на буксире, потянул из комнаты, она не могла понять. Сначала женщина подумала, что он потащит ее в сад, чтобы там застрелить, но он торопливо направился с ней по лестнице вверх и потащил ее за собой по коридору к спальне Ребекки, где на полу лежал тяжело раненный Мариус. На протяжении всего этого времени Инга думала только об одном: "О господи, хоть бы он не обнаружил мобильник!

Только бы телефон не выпал! Если он меня сразу не убьет, это наш единственный шанс".

В дверях комнаты Кемпер сильно толкнул ее. Она, пошатнувшись, стукнулась о туалетный столик Ребекки, больно ударившись бедром о его край, и вскрикнула от боли. К счастью, мобильник был закреплен на другом бедре. Женщина как раз успела прижать его рукой, иначе он упал бы на пол.

— О вас двоих я позабочусь позже, — сказал Максимилиан.

Он громко захлопнул дверь и дважды повернул ключ в замке.

Инге понадобилось несколько секунд, прежде чем она смогла двигаться. Она все еще была жива, что казалось ей чудом, и Кемпер не обнаружил драгоценный мобильник, что, возможно, было еще более невероятным чудом. Ей стоило некоторых усилий, чтобы посмотреть вниз, на свою пораненную ногу. По дороге вверх она где-то потеряла пропитанную кровью импровизированную повязку, но, похоже, рана перестала наконец кровоточить. По крайней мере, от этого она не умрет.

Инга вытащила мобильник из-под своей ночной рубашки и сунула его под комод — так, чтобы Максимилиан не увидел его, если внезапно зайдет. Затем повернулась к Мариусу.

Он еще дышал, и ей даже показалось, что его состояние немного улучшилось. Пульс и сердцебиение стали стабильнее, дыхание — более равномерным. "Он может выкарабкаться, — подумала женщина с внезапным облегчением. — Если сейчас быстро придет помощь, то он выкарабкается!"

Она подползла на животе к комоду, достала мобильник и снова проползла обратно к своему тяжело раненному мужу.

— Мариус, — прошептала она, — я позову помощь.

Мужчина открыл глаза. Его веки затрепетали, а взгляд в первый момент был расплывчатым, но затем стал яснее.

— Инга... — произнес он с глубоким удивлением.

Он узнал ее. На глазах у нее выступили слезы от облегчения и умиления.

— Мариус, — заговорила она медленно, стараясь, чтобы он ее понял, — ты знаешь номер французской полиции?

Ее муж, казалось, напряженно задумался.

— Я... я не уверен, — пробормотал он наконец и попытался приподняться, но его голова тут же упала обратно на пол. — Что произошло? Где... Максимилиан?

— Он стрелял в тебя, Мариус. Сейчас он внизу, в доме, с Ребеккой.

Мариус, он нас всех убьет. Нам надо позвонить и вызвать помощь. У меня его мобильник. Мобильник Максимилиана!

Во взгляде раненого снова появилось то напряженное выражение.

— Я... просто не знаю этот номер. Я вообще уже ничего не знаю. Я... хотел уйти отсюда с Ребеккой. Как вдруг пришел он. Максимилиан. Я... Он выстрелил. Да, он выстрелил в меня еще прежде, чем я что-то мог сказать... или сделать...

— Я знаю. Он сумасшедший. Он убьет Ребекку, поскольку считает, что она разрушила его жизнь, а нас — за то, что мы об этом знаем.

"И у нас чертовски мало времени", — подумала Инга с отчаянием.

Она понятия не имела, в какой полицейский участок попадет, если из-за границы наберет экстренный номер германской полиции. Поверят ли ее запутанной истории и поднимут ли тревогу в Лё-Брюске?

— Я позвоню маме, — решительно сказала женщина, — пусть она свяжется с полицией.

Почему же ей раньше не пришла в голову эта мысль? До этого, в машине? Она молниеносно набрала номер своих родителей. Ей пришлось дважды повторить попытку, потому что ее руки так сильно тряслись, что она постоянно нажимала не на те цифры. "Пожалуйста, окажитесь дома!" — молча молилась она.

Ее мать подняла трубку при первом же гудке, словно сидела рядом с телефоном.

— Да? — спросила она; ее голос был хриплым и заплаканным.

— Мама?

— Инга? Инга, боже мой, это ты?! Как у тебя дела? Ты где? Инга, послушай, ты должна...

Молодая женщина поспешно перебила свою мать:

— Мама, мне нужна помощь. Тебе надо позвонить в полицию. Мариус и я...

— Тебе надо остерегаться Мариуса! Инга, полиция в Германии разыскивает его. Со мной говорил комиссар полиции. Мариус убил двух человек. Он опасен. Он...

— Мама, это ошибка, но это сейчас не важно. У нас мало времени. Нас держат взаперти, и мы в опасности. Пожалуйста, позвони этому комиссару, который с тобой беседовал. Пусть он немедленно свяжется с французской полицией. Он знает, что надо делать. Делать прямо сейчас, очень быстро.

— Где вы?

Инга назвала адрес Ребекки. Она слышала, как ее мать, царапая ручкой, поспешно записывала ее слова.

- Инга... пожалуйста, будь осторожна!
- Мама, пожалуйста, поторопись!

* * *

Ей оставалось только ждать. Как быстро дадут ход этому делу? Ее мать будет действовать стремительно, это понятно, и если понадобится, поднимет на ноги полицию всей Европы. Она уже осознала, что ее дочь в опасности, и полиция, очевидно, уже давно шла по следам Мариуса. Тут следователи ошибались, но с этим можно будет разобраться и позже. На данный момент важно только одно: чтобы никто не задавал кучу вопросов и не сомневался в необходимости срочной помощи. Сейчас все должны действовать как можно быстрее.

Ожидание было мучительным. Едва закончив разговор с матерью, Инга выглянула в окно, прикидывая возможность побега таким путем, но ей тут же стало ясно, что эту мысль можно сразу отбросить. Для прыжка они находились слишком высоко, спуститься по чему-нибудь вниз тоже невозможно: не было ни сточной трубы, ни шпалеры — ничего. На мгновение Инга подумала о том, чтобы связать узлом простыни, образовав таким образом веревку для спуска, но она сомневалась в надежности такой конструкции. Кроме того, это означало бы оставить здесь Мариуса, а это показалось ей невыносимым.

— Полиция приедет, — прошептала она ему, — и тогда мы будем в безопасности.

Он попытался улыбнуться.

— Конечно. Тогда будем.

— Мариус, почему ты мне никогда ничего не рассказывал? — Еще задавая этот вопрос, Инга подумала, так ли важно выяснять это сейчас. И вообще что-либо выяснять. Но альтернатива была только одна: молчать и слушать стук своего сердца. Это было сложнее.

— Не рассказывал? — переспросил Мариус.

— О твоём детстве. О твоих родителях. О том, что ты жил у приемных родителей. Почему я ничего об этом не знала?

Он не ответил.

"А могу ли я, собственно, быть уверенной в том, что это не он убил тех двух пожилых людей? Ему нужна помощь — это ясно. Но является ли он жестоким преступником? Как все это взаимосвязано? Когда я смогу узнать, кто он есть?"

Инга уже подумала, что ее муж заснул, когда он вдруг открыл глаза и произнес:

— Максимилиан.

Женщина кивнула.

— Он болен. Я могу лишь молиться, чтобы полиция приехала до того, как он совсем потеряет разум.

— Он хотел завершить мой кошмарный сон.

— Максимилиан? Что он хотел?

Мариусу тяжело было говорить, и его голос зазвучал нетерпеливо:

— Он знал... об этом. Он меня понял. Все... эти муки... он понял...

— Ты имеешь в виду муки твоего детства?

— Они... не прекращались. Никогда.

— Я понимаю. А Максимилиан хотел тебе помочь?

Слабый кивок.

— Да.

— Это было запланировано, чтобы мы оказались здесь, не так ли? У Ребекки?

— Он... считал, что я должен с ней поговорить. Рассказать ей, как меня бросили в беде. Он сказал, что только так я смогу справиться со всем. Если... я обращусь к тем людям, которые... тогда были ответственны. — Мариус закашлял. Ему было очень трудно говорить. — Я... мне показалось это правильным. Я подумал, что в этом действительно могло быть мое спасение. Хотя... мне больше хотелось поговорить с той женщиной из учреждения по делам детей и подростков. Но Максимилиан сказал, что... настоящая виновница всему — Ребекка. А женщина из учреждения по делам детей и подростков только боялась за свое место работы. Но для... для Ребекки нет прощения.

Инга лишь частично знала эту историю и могла только догадываться, что Мариус имел в виду.

— Ты просил ее о помощи? — спросила она. — Когда был ребенком? Но она даже твоего имени не знает.

Мужчина снова с трудом кивнул.

— Она... ни о чем не знала. Максимилиан же утверждал... что она знала все. Что она якобы... ему рассказала. Но на самом деле... я... говорил с ее сотрудницей. Все это дело... никогда не докладывалось Ребекке.

Ну вот пазл и сложился.

— Не было никакой случайности, — произнесла Инга, — когда Максимилиан подобрал нас в той деревушке, так?

— Нет. Я... позвонил ему и сказал, где мы находимся. Это была договоренность. Он должен был забрать нас на последнем отрезке и высадить на участке рядом с домом Ребекки. От него, кстати, я и получил кемпинговое снаряжение.

— Ага. А машина, о которой ты поначалу говорил, что ее хотел одолжить нам твой друг...

Мариус слабо улыбнулся.

— Прости. Это... я выдумал. Чтобы... уговорить тебя... на мой план...

— И ты захотел вступить с Ребеккой в разговор. Но почему же ты тогда пытался скрыться на яхте?

— Я испугался.

— Испугался? Чего?

— ...Себя. Прежде всего. Побоялся снова раскручивать всю эту историю. Мне хотелось только одного — уйти. У меня... появилось такое ощущение, что... я не справлюсь с тем, что собирался сделать. Слишком много картин... понимаешь? Слишком много всего, что вновь... всплыло...

Его речь становилась все более тягучей. У Инги вертелось на языке множество вопросов, но она поняла, что слишком сильно напрягала своего мужа. Может быть, они смогут пережить эту драму, и тогда у них будет бесконечно много времени, чтобы обо всем поговорить. Но не сейчас. Мариус тяжело ранен. Ему нужна вся его сила, чтобы остаться в живых.

— Попробуй заснуть, — попросила она, — ты мне позже все объяснишь.

— Я... очень устал.

— Я знаю. Просто закрой глаза. Сейчас важно только то, чтобы ты снова был здоров.

"Это действительно важно для меня, несмотря на все, что произошло. Я хочу, чтобы у него был второй шанс".

Инга рассматривала его лицо. Мариус закрыл глаза, веки его подергивались. Она знала каждую линию в его чертах; ее заполнило теплое чувство. Выражение этого лица вначале восхищало ее, позже раздражало, а потом, еще позже, вызывало у нее страх: это была юношеская, радостная беззаботность, которая с первого взгляда бросалась в глаза, но затем становилось ясно, что под этим кроются старая боль и глубокая ранимость. Мариус всегда носил маску. Он слишком много перенес, чтобы суметь выжить без маски.

Женщина нежно погладила прядку волос, свисавшую ему на лоб завитком. Мариус открыл глаза и взглянул на нее. Затем с большим трудом поднял руку и осторожно прикоснулся к опухшей коже вокруг глаза Инги.

Она вздрогнула от боли при его прикосновении.

— Я сожалею об этом, — произнес ее муж. — Я очень сожалею...

— Не переживай из-за этого. Давай поспи. — Инга улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

И именно в этот момент они услышали выстрел. Он громко и жестоко прорезал тишину жаркого прованского дня.

Оба с ужасом вздрогнули. Мариус попытался сесть, но тут же свалился обратно на пол.

— Черт побери, — хрипло прошептал он, — Кемпер застрелил Ребекку!

Инга дрожала всем телом.

— А сейчас он придет к нам? — Она сглотнула; ее рот, казалось, был заполнен огромным горячим комом ваты.

"Слишком поздно. Когда бы ни приехала полиция, будет уже поздно. Будет слишком поздно".

Женщина уставилась на дверь в ожидании шагов, которые в любой момент могли послышаться на лестнице.

Она ожидала момента, когда предстанет перед своим убийцей.

Но в доме царила тишина.

Понедельник, 2 августа

Теплый ветер веял с моря на скалы, которые были еще горячими от дневного солнца; его дуновения напоминали ласковые поглаживания. Красное зарево осветило горизонт на западе, но сумерки августовского вечера уже опустились на землю, а волны, шумевшие далеко внизу, в бухте, выглядели черными и загадочными. В траве и в листве деревьев перешептывались голоса. Скоро начнутся первые звездопады...

Ребекка Брандт сидела на плоском камне и казалась полностью погруженной в мысли. Но вот она услышала приближавшиеся легкие шаги и подняла голову. Подошла, прихрамывая, Инга — она немного волочила за собой пораненную ногу с толстой повязкой. Ее глаз все еще был припухшим, но она подкрасилась, и ей удалось хотя бы немного затушевать яркие синяки сине-зеленого цвета. Она снова походила на человека и больше не казалась истощенным призраком, как еще два дня назад.

"Да и я, — подумала Ребекка, — тогда больше походила на мертвеца, чем на живого человека".

— Присядь ко мне, — сказала она. — Как чувствует себя Мариус?

— Лучше. Я говорила с врачом; тот считает, что Мариус в конце недели сможет поехать домой. Пуля не задела жизненно важные органы, но он потерял очень много крови и чрезвычайно слаб. Он ведь еще и до этого был в плохом физическом состоянии.

— Но он все переживет. И это самое главное.

— Да. То, что он выживет, — это вне сомнений, — подтвердила Инга. Она села рядом с Ребеккой на камень и глубоко вдохнула соленый воздух. — Какой чудесный вечер... И какое чудо, что мы можем его видеть!

— Да. Это верно. — Ребекка прикоснулась ладонью к теплomu камню. Все, что она ни делала, в том числе и это, несло в себе особенное очарование после тех ночей. Когда-нибудь это ощущение утратится, но в данный момент уже ничто не было само собой разумеющимся. И сама жизнь тоже.

— Что будет с Мариусом? — спросила она.

Инга помедлила с ответом.

— Это во многом зависит от нас. Заявим ли мы на него. Он незаконно забрался в дом. Он против воли держал нас в плену, он хотел насильно увезти тебя... тут много чего наберется.

"Как мало меня это волнует! — подумала Ребекка. — Нет ни

ненависти, ни злобы — ничего. Собственно, только сочувствие к человеку, который очень много пережил и крики которого о помощи никто не услышал".

— Что касается меня, — произнесла она, — то я вообще не заинтересована в уголовном преследовании. Мариусу нужна помощь, а не судебное обвинение. Он не преступник.

Инга искоса взглянула на нее.

— Спасибо, — ответила она.

— Это именно то, что я чувствую, — добавила Ребекка.

Некоторое время обе женщины молчали. Красная полоса на небе сузилась — скоро она совсем погаснет, и наступит ночь. За их спиной, на другом конце сада, тепло светили огни дома. Того дома, в котором Ребекка уже вряд ли сможет когда-нибудь ощущать себя в безопасности — она, во всяком случае, была в этом совсем не уверена. Она никогда не забудет картину, что предстала перед ней, когда Максимилиан поднял свое оружие, сунул дуло себе в рот и выстрелил. Его голову разнесло, тело с громким стуком упало на пол и осталось лежать на ковре в скрюченной, вывернутой позе.

Ребекка кричала — ей казалось, что это был долгий, полный ужаса и муки крик. Но Инга потом сказала ей, что был слышен только выстрел, а затем полная тишина, так что крик мог звучать только в ее голове, он не вырвался наружу. После всех этих бесконечных речей и тирад, полных ненависти, сознание Максимилиана, видимо, в какой-то момент прояснилось, и он понял свою абсолютно гиблую ситуацию, всю безысходность своего положения, масштабы своих ошибок и заблуждений в жизни. Тогда он увидел только один выход: освободить себя. И последним, драматическим жестом сам казнил себя перед глазами той женщины, которую фанатично любил и ненавидел.

Немного позже появилась полиция, от которой Ребекка потом узнала, что это Инга вызвала по телефону помощь. В доме ходили чужие люди, "Скорая помощь" увезла Мариуса, еще один врач занимался Ингой и Ребеккой, труп Максимилиана забрали... Разные мужчины снова и снова опрашивали обеих женщин о произошедшем, а Инга практически на любой вопрос отвечала только одно: что Мариус ничего не сделал. Что он невиновен. Что все было совсем иначе, чем кажется.

— Странно, — сказала теперь Ребекка, — у меня по-настоящему никогда не было доброго чувства к Максимилиану. Он был лучшим другом Феликса, и поэтому я никогда не желала признаться себе, что чувствовала себя некомфортно в его присутствии. Мы однажды говорили с Феликсом о

том, что Максимилиан немного влюблен в меня, но муж не воспринимал это трагично, а я показалась бы себе смешной, если б устроила из-за этого сцену. Но я чувствовала, что на самом деле было нечто большее, чем небольшая влюбленность. Я не могла сказать, что именно это было, и часто не была уверена в том, что вообще что-то было, но теперь знаю, что мой инстинкт меня не обманул. Мои чувства били тревогу, и мне нужно было принять их всерьез. Я имела дело с душевнобольным преступником и находилась во всевозрастающей опасности.

— Мариус сказал, что Максимилиан однажды разыскал его. Он рассказал моему мужу о вещах, которые узнал от бывшей сотрудницы "Детского крика", о том, что тогда произошло, — рассказала Инга. — Когда проигнорировали крик о помощи маленького мальчика. Кемпер, конечно же, все преподнес так, что главной виновницей этого была ты. Что ты активно действовала на стороне тех, кто всячески пытался замять скандал. А потом он сказал, что мог бы вас свести. Что это очень важно, чтобы Мариус все тебе высказал; чтобы он разобрался со своим прошлым, обличил виновных... и так далее. А Мариус, который на самом деле все еще бесконечно страдал из-за своего прошлого, согласился...

— Максимилиан поступил довольно рискованно, — сказала Ребекка, — ведь Мариус мог довериться тебе.

— Я думаю, он быстро понял, что этого, скорее всего, не произойдет. Ведь вплоть до этого момента Мариус не нашел в себе ни мужества, ни силы хоть что-то рассказать мне о своем прошлом, и он говорил об этом Максимилиану. Почему он вдруг решился бы на это? Кроме этого... в план Максимилиана входило убить тебя и спихнуть преступление на Мариуса. И это удалось бы сделать, даже если б я знала, каким образом была подстроена ваша встреча вдвоем. Максимилиан, который, в конце концов, был уважаемым врачом, всегда смог бы сказать, что руководствовался лишь самыми лучшими намерениями и действительно хотел помочь Мариусу. А что у того в конце совсем сдадут нервы... откуда он мог знать об этом наперед?

— Он совершил ужасные вещи, чтобы перевести подозрения на Мариуса, — сказала Ребекка, и ее передернуло. — Он все рассказал мне, когда мы были одни. Он так гордился собой! Считал себя таким невероятно хитрым и изощренным... Он убил приемных родителей Мариуса. Позвонил им в дверь среди ночи, выдав себя за Мариуса, и напал на них, когда ему открыли. Он не просто убил их, что уже было бы достаточно ужасно, а заставил их мучительно умирать — чтобы представить преступление в виде акта мести, мотив для чего был бы только у Мариуса.

Он писал письма с угрозами людям, которые были причастны к той давней истории, а содержание этих писем, вероятно, было таким, что подозрение тут же падало на Мариуса. Позже никто не засомневался бы, что тот в своем безрассудном акте возмездия убил и меня. Максимилиан хладнокровно и тщательно подготовился к исполнению своего плана. Все могло бы получиться. Вполне возможно, что на него не упало бы даже тени подозрения. Это было ужасно — видеть его стоящим здесь и слушать его хвастовство. Все это время у меня было такое впечатление, что он прямо-таки ждет от меня похвалы.

— И надо же, я сразу не заметила, что с ним что-то не в порядке! — воскликнула Инга. — Его отказ немедленно обратиться в полицию. Его якобы разряженный мобильник. Даже когда я держала телефон в руках и обнаружила, что он полностью заряжен, у меня не возникло подозрений. И я знаю теперь: он обманул меня, сказав, что прочитал о том, что Мариуса разыскивают: к тому моменту об этом не упоминалось еще ни в одной газете.

— Но этого ты и в самом деле еще не могла знать.

— Нет, — согласилась Инга. И хотя было очень тепло, втянула голову в плечи. — Ему не оставалось ничего другого, как убить и меня, и Мариуса, — добавила она без всякого перехода. — Если б он оставил нас в живых, это принесло бы ему массу проблем.

— Конечно, он хотел вас убить. Твое убийство тоже пошло бы на счет Мариуса, а смерть Мариуса ему пришлось бы представить как самоубийство. И в этом пункте у него кое-что пошло наперекосяк. Он слишком рано выстрелил в Мариуса. Обстоятельства времени уже не совпадали, а судмедэксперт наверняка очень быстро установил бы, что Мариус никак не мог выстрелить в себя. Но Максимилиан, по-видимому, намеревался застать его здесь, в доме, врасплох. А вместо этого мы вышли ему навстречу, потому что Мариус решил сбежать вместе со мной. Максимилиан стоял перед нами, когда мы как раз спускались из моей комнаты. Он толкнул нас обратно, схватил подушку, приложил ее к дулу своего оружия и выстрелил. С одной стороны, он действовал вполне обдуманно, но в то же время был не в состоянии по-настоящему хладнокровно справиться с неожиданной ситуацией. Судя по всему, у него сдали нервы. Все должно было протекать иначе.

— Может быть, ему вдруг стало ясно... — произнесла Инга. — Я имею в виду, что события начали выходить из-под его контроля. Может быть, поэтому он себя...

— ...застрелил, — закончила Ребекка. — Да, это может быть. Но,

возможно... — Она запнулась.

Собеседница взглянула на нее.

— Что?

— Мне показалось, ему стало ясно, что он не сможет убить меня. Он любил меня более двадцати лет. Безответно, ревностно, болезненно. Ненависть, которую он испытывал ко мне в конце, слишком сильно была связана с его любовью. Я... я думаю, что он убил себя, чтобы не убивать меня.

Ребекка была убеждена, что так оно и было. Она прочла это в глазах Максимилиана незадолго до того, как тот умер. Он любил ее в этот момент патологически, безумно, не меньше, чем в тот день, когда впервые увидел ее, и в доли секунды принял решение, что при данных обстоятельствах не она, а он покинет этот мир.

Обе женщины молчали какое-то время, прислушиваясь к шуму волн далеко под ними. Уже совсем стемнело, но ночь была очень теплой, а воздух — мягким и ласкающим.

— Он все это время был здесь, — наконец произнесла Инга, — всегда. Он всегда был рядом с нами.

— Да, он устроил мне здесь сцену и с шумом умчался — и я ни минуты не сомневалась в том, что он уехал в Германию. Вместо этого Максимилиан под чужим именем остановился в пансионе неподалеку. И тут впервые у него что-то сорвалось: Мариус не вернулся после вашего похода на яхте. Ты вернулась одна, и все свидетельствовало о том, что Мариус утонул в эту непогоду. Максимилиан был в порту и все видел. Это, скорее всего, привело его в полнейшее отчаяние. Если б он свалил убийство на пропавшего Мариуса, это могло потянуть за собой массу проблем. К тому же он не мог быть уверенным, что Мариус действительно мертв. Твой муж мог снова объявиться, и если он за время своего отсутствия, к примеру, был в больнице или в безопасности у рыбаков, то появились бы еще и свидетели, что он не мог быть в то же самое время в Лё-Брюске. Максимилиану пришлось ждать и надеяться, что Мариус все же еще объявится.

— Он знал, что Мариус великолепен как яхтсмен и что он достаточно опытен для того, чтобы никогда не отправиться на паруснике без спасательного жилета. Так что поводов для надежды, что он еще жив, было достаточно.

— Однако я думаю, что эта история с яхтой послужила толчком к нервозности Максимилиана, и поэтому позже он совершил ошибку — совершенно необдуманно выстрелил в Мариуса, — сказала Ребекка. — И,

кстати, еще одну ошибку — то, что он оставил с тобой в машине свой мобильник. Он сидел здесь целую неделю как прикованный и не мог завершить свой план. И это после всех усилий! Он пошел на мучительную для него связь с моей бывшей сотрудницей, только чтобы получить подходящую информацию обо мне. Должно быть, ему было нелегко выйти на след Мариуса, который после вашей свадьбы носил другую фамилию. А потом он должен был добиться его доверия, чтобы заманить его на встречу со мной, и устроить эту историю с автостопом. Он написал десятки писем с угрозами, убил эту пожилую супружескую пару в Германии. Он проделал бесконечно большую подготовительную работу, старательно и терпеливо, а потом завис в этом курортном местечке на юге Франции и ничего не мог сделать, чтобы осуществить свой план, который и был его целью с самого начала: не мог убить меня. Он не имел понятия, объявится ли когда-нибудь Мариус. Я могу себе представить, как он ходил взад и вперед по своей комнате в пансионате, как загнанный тигр. Он абсолютно точно становился с каждым днем все более уязвимым и нервным.

— Узнал ли он в конце концов, что Мариус опять появился? — спросила Инга. — Или в ту ночь поехал к тебе, полагаясь на волю случая?

Ребекка пожала плечами:

— Понятия не имею. Об этом Максимилиан ничего не сказал. Может быть, он просто не смог ждать дальше и хотел так или иначе завершить это дело... Но помнишь, вечером у Мариуса зазвонил мобильник? Мариус тогда сказал, что никто не ответил. Был ли это контрольный звонок Максимилиана, которому нужен был хоть какой-то признак жизни Мариуса? Он отправился сюда, но тут ему повстречалась ты. А может быть, он уже до этого наблюдал за Мариусом... Тот ведь тоже довольно долго бродил незамеченным вокруг нас. Может быть, Максимилиан видел его. Любопытно, тебе не кажется? На протяжении нескольких дней за нами следили двое мужчин, а мы вообще ничего не заметили...

— Мы были слишком сконцентрированы друг на друге, — сказала Инга.

— Да, — тихо ответила Ребекка, — именно так.

Все эти дни после задуманного ею самоубийства... Расскажет ли она когда-нибудь об этом Инге? Может быть, позже. Намного позже. Какая ирония, что именно Максимилиан помешал ей осуществить это намерение! Случайность или же совершенно сумасшедший шахматный ход судьбы? Если б не Максимилиан, если б не этот мужчина, который больше года планировал ее убийство и закрутил все таким коварным образом, то она бы уже давно была мертва...

Ребекка поднялась.

— Я пойду спать. Я страшно устала. У меня такое ощущение, что я могла бы проспать несколько лет и все равно не восстановить силы.

— Я еще немного побуду здесь, на улице, — ответила Инга.

После всех тех ужасных событий она неохотно находилась в доме Ребекки. Ее мучили кошмары, когда она спала, и неуютное чувство, когда она просто пребывала в четырех стенах. Женщина тосковала по дому, но ей нужно было дожидаться, пока Мариус сможет покинуть больницу. Она с удовольствием переехала бы в отель, но ей не хотелось оставлять Ребекку одну.

— Ты останешься здесь жить? — спросила Инга. — После всего, что произошло?

Ее собеседница ответила не сразу.

— Я не знаю. — Она повернулась, чтобы уйти, но остановилась. — А ты останешься с Мариусом? После всего, что произошло?

— Я не знаю, — ответила Инга.

Пятница, 6 августа

— Ну, так что? Ты не передумаешь? — спросил Вольф уже в третий раз за это утро. — Ты действительно не хочешь отправиться с нами?

Они стояли в аэропорту в зоне отлета. Багаж уже сдали, и Вольф держал в руках посадочные талоны. Дети гонялись друг за другом вокруг газетного киоска. Они спокойно отреагировали на ту новость, что мать не поедет с ними в Турцию. Их единственной заботой было, чтобы отец тоже не отказался от отпуска — тогда прощай каникулы с купанием на Средиземном море! Но как только дети оказались в безнадежно переполненном аэропорту, где царил хаос и все просто кишело немецкими туристами в радостном предвкушении отпуска, они отбросили свои тревоги и пришли в наилучшее настроение.

"Надеюсь, мне удастся не допустить, чтобы они когда-нибудь стали такими же бесчувственными, как их отец", — подумала Карен.

Она держала свою карточку на парковку машины так же крепко, как и Вольф — посадочные талоны. Его билет на самолет надежно обеспечивал ей возможность забрать машину и как можно скорее покинуть жуткую толкотню в аэропорту. В этот момент это было ее символом освобождения от мужа.

— Но у меня ведь даже чемодана с собой нет, Вольф, — сказала она несколько раздраженно. Зачем он спрашивал ее все снова и снова? — Да и Кенцо ждет дома. Мы никому не поручали присмотреть за домом и садом...

— Я знаю, — ответил Вольф.

— Зачем же тогда спрашиваешь?

— Потому что... — Мужчина замялся. — Не знаю, — наконец произнес он, — может быть, потому, что я просто считаю неправильным то, что ты делаешь. Что ты неожиданно отстраняешься от нас. Переезжаешь в отдельную комнату, отправляешь нас одних на каникулы... Это не совсем по-семейному — то, как ты себя ведешь.

"Всегда остается вопрос, — подумала Карен, — что дают разговоры. Раньше я была уверена, что они являются ключом. Для доброго партнерства, для хороших отношений. Что они помогают избежать недоразумений, выяснить чувства, внести ясность в, казалось бы, запутанные ситуации. Может быть, так оно и есть. Но иногда наступает момент, когда от них нет больше пользы. И тогда нужно бросить

заниматься этим".

Еще несколько недель назад она ответила бы мужу: "А разве то, как ты себя ведешь, — это по-семейному?" И тогда Вольф начал бы обмен ударами, в котором разыграл бы возмущение, а она разрыдалась бы и в конце почувствовала себя жалкой и маленькой, а он себя — большим и сильным. Так, как это всегда и бывало.

Но сейчас Карен не отреагировала на его утверждение.

— Пора, — сказала она, — вам пора на посадку. А я хочу домой.

Вольф еще раз попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Может быть, в силу его гордости, а возможно, ему стало ясно, что это не то место и не тот момент, чтобы что-то выяснять.

— Ну, тогда, — беспомощно произнес он, — через две недели мы вернемся.

— Я встречу вас, — пообещала Карен, уклонилась от его нерешительной попытки обнять ее и отправилась к газетному киоску, чтобы попрощаться с детьми.

Дома Кенцо опять вел себя так, словно его хозяйка отсутствовала как минимум год.

"Почему мужчины не могут быть такими? — подумала она, поглаживая его. — Или на самом деле могут, только мне попался не тот экземпляр?"

Карен открыла калитку в сад, чтобы выпустить Кенцо. Она попыталась не обращать внимания на пустующий соседский дом, но ей это, конечно, не удалось. Ее взгляд, словно намагниченный, скользнул к балкону, и у нее снова всплыла перед глазами картина, как они с Питом поднимались там по лестнице. Вспомнилось, как она тогда предчувствовала предстоящий ужас, как она догадывалась, что ей предстоит увидеть что-то страшное. Сейчас в доме не было мертвецов, но от него все равно исходили угроза и страх. Найдутся ли когда-нибудь люди, которые захотят там жить?

Женщина хотела, как обычно, быстро отвернуться и скрыться в доме, но услышала, что кто-то окликнул ее по имени. Это была старушка-соседка, жившая по другую сторону от ее дома. Она стояла у ограды и помахивала рукой, приглашая Карен подойти.

— Новости, — сказала старушка, когда та несколько неохотно подошла ближе. — У меня была полиция.

Карен, которая была уже сыта по горло всем этим, с облегчением подумала, как хорошо все сложилось, что она повезла свою семью в аэропорт и поэтому ее не оказалось дома. Иначе ей, по-видимому, тоже

пришлось бы вынести долгий разговор.

— Вот как? — отозвалась она.

Соседка подалась вперед и понизила голос:

— Похоже, что преступником оказался все же не приемный сын!

— В самом деле?

— Да. Следователь показал мне фотографию мужчины и хотел знать, видела ли я его когда-нибудь в последние недели. Но я не видела. Он показался мне слишком старым, чтобы быть приемным сыном Леновски, о чем я и сказала. Тогда следователь сообщил, что приемный сын вне подозрения. Тут уж я удивилась. После всего, что писали в газетах... плохие взаимоотношения и так далее... Да и вообще это было странным, что Леновски никогда не упоминали о приемном сыне. Ни один человек здесь понятия не имел о его существовании. Я хочу сказать, как это два человека вырастили ребенка, а потом делают вид, словно этого ребенка вообще нет? Да тут уже все колокола забьют тревогу! Ведь каждому становится ясно, что в этих отношениях что-то не так!

Соседка перевела дух, и Карен воспользовалась моментом, чтобы тоже что-то сказать.

— Но это, очевидно, еще не значит, что бывший приемный ребенок станет преступником.

Старуха недовольно посмотрела на нее. По какой-то причине версия с приемным ребенком нравилась ей больше.

— М-да, этот мир, так или иначе, все равно плох, — произнесла она. Видимо, считала, что банальности помогут этому миру не стать еще хуже.

— Да, — не стала спорить Карен.

— Странно, что никто не видел, как этот мужик здесь ошивается, — продолжила ее собеседница. — Он якобы напал на Леновски в ночь с воскресенья на понедельник. Торчал потом у них в доме и устроил основательный разгром. Оставил этих двух пожилых людей связанными и ушел — это же надо себе представить! А в понедельник вполне нормально отправился в больницу, где он работает! Слово ничего и не произошло! Дело в том, что он врач! Врач! Врач! И такой еще людей оперирует!

Карен не стала на это отвечать. Насколько она знала эту старуху, та не желала никого слушать.

— А во вторник он еще раз пришел к ним в дом, — добавила пожилая соседка. — На этот раз он еще и пиццу себе заказал. В пиццерии. Он хотел, чтобы подумали, будто приемный сын — преступник, и... ну, в общем... молодые люди ведь часто заказывают себе пиццу, не так ли? Потом он ударил ножом бедную госпожу Леновски. И удары нанес таким образом,

что она очень долго умирала. Как врач, он, конечно же, знал, как это делается. Какой хладнокровный, не правда ли? Ведь она могла еще позвать на помощь. А он потом смотался на юг Франции. Понятия не имею, зачем!

"Как это ужасно! — подумала Карен. — Бедные люди... Одни в течение многих часов, с надеждой, что смогут как-нибудь освободиться... Но потом он снова приходит. Он, конечно же, брал с собой ключ и давным-давно отключил сигнализацию. Уходил из дома и снова приходил, как гость. Только они его не приглашали. Этого незваного гостя, который расположился у них как у себя дома и убил их..."

— Темно-синяя "БМВ". На ней он ездил, — продолжала тем временем ее соседка. — Но я его здесь, на улице, нигде не видела. Ну да он, наверное, не настолько глуп, чтобы припарковаться перед домом Леновски. Наверное, оставлял машину как минимум на пять улиц дальше, и каждый раз в другом месте. Те, кто совершает такое, очень хитрые. Они не делают ошибок.

— Очевидно, делают, — сказала Карен, — иначе полиция сейчас не знала бы, что это был он.

— Все когда-нибудь выходит на свет божий, — неопределенно произнесла старуха и вдруг без всякого перехода спросила: — А разве вы не собирались сегодня поехать в отпуск? Разве мы не говорили с вами недавно насчет цветов и почты?

— Все уже разрешилось, — ответила ее собеседница. — Но все равно, это было мило с вашей стороны — предложить свои услуги.

С этими словами она повернулась, чтобы уйти. У нее не было желания отвечать на новые вопросы.

— Мне нужно еще срочно сделать один звонок, — добавила Карен. — Желаю вам приятного дня.

Она отвернулась и быстрым шагом пошла обратно к дому. По пути женщина снова невольно взглянула на соседний дом. Полиция закрыла все оконные ставни, и на том окне, через которое влезли они с Питом, тоже. Карен представила себе темень, которая господствовала там во всех комнатах, и спертый воздух. У нее тут же встали дыбом волоски на руках, и ей пришлось несколько раз глубоко вздохнуть. Она посмотрела на Кенцо, который мирно обнюхивал росшие рядом с забором цветы. Пес был совершенно спокоен. Опасность больше никому не угрожала.

Но тем не менее, какими бы ужасными ни были эти оставшиеся позади события, началось все с дома. То обстоятельство, что Карен не могла поговорить с Леновски, только обострило уже давно назревший кризис между ней и ее мужем. Ее инстинкт, который с каждым днем все

настойчивее подсказывал ей, что что-то неладно, Вольф посчитал истерикой. И все же она была права и поняла, что может положиться на свои чувства. Впервые за много лет супружества Карен не послушала Вольфа и поступила по-своему. Это укрепило ее чувство собственного достоинства. К тому же то презрение, с которым он к ней относился, уже перешло все допустимые границы ее страданий. Вместе с робко просыпающейся верой в себя она найдет в себе силы сделать те шаги, которые, как ей стало ясно, необходимо будет предпринять.

Кенцо поднял лапу у шпорника цвета голубого сапфира, который он в последнее время частенько использовал для этой цели и который уже имел жалкий вид, и Карен внезапно вспомнила то раннее утро три недели назад. Улицы их района в первых лучах солнца, они с Кенцо гуляют, боксер в радостном расположении духа, а она, Карен, напротив, опять спасается от бессонницы и депрессии...

"Как минимум улиц пять отсюда", — только что сказала соседка. Карен не помнила, сколько улиц они тогда прошли, но это случилось на приличном расстоянии от ее дома: Кенцо поднял лапу у заднего колеса припаркованной машины. Темно-синей "БМВ". Женщина вспомнила, как она испугалась, когда внезапно открылась водительская дверца, потому что она не ожидала, что кто-то будет сидеть в машине в пять часов утра. И этот высокий симпатичный мужчина, который страшно рассердился и так обругал ее, что она в конце концов расплакалась и почувствовала себя еще более жалкой и униженной...

Был ли это он? Стояла ли она перед убийцей ее соседей? Был ли он тем страшным гостем, которого старой супружеской паре пришлось против воли принять у себя?

Многое свидетельствовало в пользу этого. Комиссар Кронборг просил Карен попытаться вспомнить все — даже кажущиеся незначительными мелочи. Тогда этот эпизод не пришел ей на память. Она никак не связывала его с преступлением в доме соседей. Это событие относилось лишь к ее частной коллекции поражений и унижений. *"Со мной так поступают. На меня орут, а я даже не могу ничего ответить. Я начинаю реветь, как школьница. Я не способна защищаться. Я провоцирую людей к тому, чтобы они мучили меня"*.

Насколько же она была закомплексована и зациклена на своих личных проблемах! На любую другую женщину накричали бы так же, если б ее собака обмочила чужую машину. Другая женщина возразила бы что-нибудь, может быть, извинилась бы, но не заплакала бы и не выбилась из колеи на весь остаток дня. И, в конце концов, такое спокойное отношение

даже позволило бы ей неделями позже вспомнить случившееся в связи с просьбой Кронборга. Потому что это было все же странным, что в такой ранний час, когда весь город еще спит, какой-то мужчина сидел в припаркованной машине. Станным, по крайней мере, потому, что всего через несколько улиц от этого места произошло такое чудовищное преступление...

Все равно. Так или иначе, этого мужика поймали. Однако Карен все же позвонит Кронборгу и расскажет о своих наблюдениях. Но попозже. Сначала ей надо сделать другой звонок.

Она прошла в гостиную к телефону, сняла трубку и набрала номер адвокатской конторы, который отыскала два дня назад в телефонном справочнике. Время было почти обеденное, но ей все же повезло: на другом конце ответили. Это была секретарша.

Карен попросила назначить ей встречу на следующей неделе.

— По какому вопросу? — спросила секретарша.

И тогда она торжественно заявила:

— Я хотела бы подать на развод с моим мужем.

У нее немного закружилась голова от этих слов. Но это были правильные слова. В этом у нее не было ни малейших сомнений.

Письмо Сабрины Бальдини Кларе Вейлер

Мюнхен, сентябрь

Дорогая Клара!

Я пишу вам это короткое письмо, чтобы вы знали, как у меня сложились дальнейшие дела. Я надеюсь, что вы в полном здравии и более или менее выстояли после всех этих ужасных событий.

У меня все в целом хорошо — потихоньку прихожу в спокойное состояние. Мне очень приятно знать, что больше не будет писем с угрозами и что где-то рядом не бродит кто-то, посягающий на мою жизнь. Но больше всего меня радует, что это не Мариус; что не он совершил то отвратительное преступление, ту расправу над его приемными родителями. Он, возможно, и делал что-то не то, но никого не убил и никогда не собирался убивать. Это не умаляет нашей вины в отношении его, но я чувствую большое облегчение, что мы, по крайней мере, не стали причиной появления в мире преступника — из-за нашего невежества и стремления к сглаживанию углов. Вся эта цепочка ужасов

произошла не полностью по нашей вине, и я, несмотря ни на что, этому рада.

Я опять смотрю вперед и надеюсь, что и вы тоже, Клара. В моей жизни произошли неожиданные изменения. Угадайте, кто мне позвонил: Ребекка Брандт. Она покидает юг Франции и возвращается в Германию. Хочет возродить "Детский крик" и спросила меня, не желаю ли я принять в этом участие. Я даже не могла в это поверить — ведь у нее были все основания навсегда обидеться на меня! Вместо этого она отнеслась ко всему с пониманием и считает, что самый лучший способ исправить наши ошибки — это еще лучше заботиться о детях и об их защите. Я, конечно, с радостью приняла ее предложение. Наконец-то снова появилась задача, да еще такая правильная и абсолютно моя! Нет ничего хуже, чем сидеть целый день в одиночестве в пустой квартире и размышлять над совершенными ошибками. На следующей неделе, кстати, у меня начинается бракоразводный процесс. Поскольку мы с мужем оба желаем этого развода, мы указали, что уже год живем отдельно — в каком-то смысле так и есть. Поэтому все пройдет быстро. Я страшусь этого дня, но думаю, что почувствую облегчение, когда все закончится. Тогда прошлое окончательно останется позади. Порой только после проведения жирной черты удается начать сначала.

Кстати, Ребекка рассказала, что Мариус отправится в клинику, где он надеется справиться со своими проблемами и научится легче относиться к ним. Жена не останется с ним, но этого и не следовало ожидать после всего случившегося. Между ними двумя, видимо, произошло много неприглядного, и доверие друг к другу полностью подорвано. Мариус никогда ничего не рассказывал жене о своей юности, и она наверняка часто оказывалась беспомощной перед его невзрачными выходками. Инга — так ее зовут — собирается полностью порвать с Мюнхеном. Она отправится в Гамбург, где завершит учебу в университете. Она родом с севера и хочет попытаться начать там новую жизнь.

Я молюсь, чтобы этот разрыв не выбил Мариуса окончательно из нормальной жизни, чтобы и он смог увидеть шанс пойти по совершенно новому пути. Может быть, когда-нибудь я смогу найти в себе мужество навестить его. Если он согласится. Я хотела бы извиниться перед ним и объяснить ему тогдашнюю ситуацию. Ребекка тоже считает, что это может пойти ему на пользу.

Ну вот, собственно, и все. Было бы хорошо, если б мы как-нибудь встретились! Наверняка нашлось бы много такого, о чем мы могли бы поговорить и чем обменяться.

Я обнимаю вас, Клара. Не думайте много о том, что было. Смотрите вперед.

Ваша Сабрина

notes

Примечания

1

"Оропакс" — тампоны для затыкания ушей от шума.

Кустарник, растение-лиана с цветками яркой окраски: красный, оранжевый, розовый, фиолетовый, пурпурный, персиковый, снежно-белый и кремовый.

Киш — открытый слоеный пирог, как правило, с грудинкой в составе начинки.

4

Анисовая настойка.

Немецко-австрийское направление в искусстве первой половины XIX в., разновидность романтизма, обыгрывавшее идею наслаждения простыми человеческими радостями и уютной частной жизнью.

"Уолтоны" (*англ.* "The Waltons") — популярный американский телесериал 1970–80-х гг. о семье, живущем в 1930–40-е гг.

"Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" (1886) — повесть Р. Л. Стивенсона, поднимающая тему двойственности человеческой природы.

8

Музыкальный термин, означающий "отрывисто, с паузами, не плавно"
(*um.*).